

**НЕКРАСОВСКИЙ
СБОРНИК**

X

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК

X

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Редакционная коллегия:

*О. Б. АЛЕКСЕЕВА, Ф. Я. ПРИЙМА (ответственный редактор),
Т. С. ЦАРЬКОВА*

Рецензенты:

М. В. ОТРАДИН, Е. В. СВЯСОВ

Серия основана в 1951 г.

Научное издание

НЕКРАСОВСКИЙ СБОРНИК, Т. X

Утверждено к печати

Институтом русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом)

Редактор издательства *Т. А. Лапцкая*. Технический редактор *Н. А. Круликова*
Корректоры *Г. А. Александрова, С. В. Добрянская* и *К. С. Фридлянд*

ИБ № 33373

Сдано в набор 07.04.88. Подписано к печати 17.11.88. М-42137. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага книжно-
журнальная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 19.60. Усл. кр.-от. 21.
Уч.-изд. л. 20.59. Тираж 1500. Тип. зак. 298. Цена 3 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука». Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

I. СТАТЬИ

В. Г. Базанов

НЕКРАСОВ И РУССКОЕ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ¹

Пятнадцатая Некрасовская конференция проходит в знаменательный год, когда вся наша страна, весь советский народ готовятся достойно встретить пятидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Советские ученые, каждый в своей области, тоже подводят итоги, оглядываются на пройденный путь и намечают программу дальнейших действий.

Одним из самых значительных завоеваний советского литературоведения за 50 лет является исключительно плодотворное изучение идейного, литературно-критического и художественного наследия революционных демократов. Ленинское учение о классическом наследии, о роли революционных демократов в становлении и развитии передовой русской культуры, русской общественной мысли и литературы определило основное направление наших многочисленных трудов, обогативших литературоведческую науку и новыми методологическими построениями, и огромным фактическим материалом.

Роль Некрасова в истории освободительного движения и гражданской поэзии особенно велика. Не случайно на нашей конференции многие доклады посвящены соотношению творчества Некрасова и важнейших идеологических проблем его времени. До сих пор еще имеются трудные и просто спорные вопросы, которые ждут своего решения, хотя в целом наследие революционных демократов и в исторической науке, и в литературоведении изучено довольно тщательно.

Несколько лет тому назад состоялась оживленная дискуссия о революционной организации в России, возглавляемой Чернышевским. Остроумно толкуя некоторые выражения прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» («Ведь у нас по всем местам свои люди есть...»), некоторые историки склонны возникновение конспиративной революционной организации во главе с Чернышевским датировать маем 1859 г. Бесспорно, что Чернышевский в 1859 г., как и ранее, проводил огромную работу по созданию революционной партии. Но это еще не значит, что до «Земли и воли» революционная организация, имеющая свою программу и определившийся состав членов, в Петербурге существовала. Конечно, были отдельные революционные кружки и в Петербурге, и в Харькове, и в Москве (например, «вертепники»), но об оформившейся организации, видимо, следует говорить более осторожно.

Тем не менее революционный центр в конце 1850-х гг. существовал, и он был именно в Петербурге. Таким центром был «Современник» Некрасова и Чернышевского. Именно «Современник» объединял сплоченную группу политических единомышленников и устанавливал многооб-

¹ Вступительное слово на открытии Пятнадцатой Некрасовской конференции в январе 1967 г. Публикуется по авторизованному машинописному тексту, хранящемуся в фонде В. Г. Базанова (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР).

разные связи с передовой Россией и ее революционным подпольем. Перед «Современником» стояла главная задача: теоретически и идейно возглавить революционное движение и направить стихийные крестьянские восстания в русло сознательной борьбы. О роли «Современника» правильно говорил академик Н. М. Дружинин в дискуссии 1958 г.: «Главный вопрос — это вопрос о роли „Современника“ Чернышевского как организующего центра революционного движения в России. Исследуя эту проблему, можно было выяснить, как „Современник“ Чернышевского собирал силы, как он воздействовал на организацию революционных кружков на территории всей нашей страны, независимо от того, была или не была конспиративная организация».²

Связи «Современника» с русской провинцией, с периферийными разпочинскими кружками, с политической ссылкой, с отдельными представителями освободительного движения должны интересовать и историков литературы, в частности тех, кто изучает Некрасова. Здесь важен каждый новый факт, каждая деталь, проливающая свет на связи поэта с революционной Россией. Конечно, в любом научном исследовании необходима критическая проверка источников. Особенно такой проверки требуют слухи и жандармские донесения. История со студентом Технологического института Волгиным показательна. Он был начинающим журналистом, умел писать и фантазировать, и его до сих пор не опубликованные полностью записки в III Отделение о революционном Петербурге 1860-х гг., основанные на слухах и случайных сведениях, могут служить образцом охранительной легенды, в которой есть что-то от правды, но эта правда утопает в вымыслах и преувеличениях незадачливого политического информатора.³ Сошлюсь на другой, более ранний документ. В записке «Извлечения из слухов», предназначавшейся в 1847 г. для Дубельта, о Некрасове, недавно приехавшем в Петербург, говорилось дословно следующее: «Что в С.-Петербурге какой-то Некрасов, участвующий в журнале „Современник“, есть бездельник, бывший в числе бродяг, даже воров, писал фальшивые паспорта, одним словом, будто отъявленный мошенник. Что отец его в Ярославской богатый дворянин и отдалил его».⁴ Задача исследователя состоит в том, чтобы разыскать в архивах новые данные, новые сведения, уточняющие политические биографии великих деятелей отечественной культуры, и, проверив их, смело вводить в литературу, не страшась разумного эмпиризма.

Нет сомнений в том, что в налаживании революционных связей и в пропаганде освободительных идей выдающуюся роль играли программные статьи Чернышевского и Добролюбова и — вместе с ними — поэзия Некрасова. Только совместное изучение революционной периодики и подпольной литературы, «Современника» и революционной практики может привести исследователей к новым выводам и характеристикам, расширить наши представления о Некрасове и русском освободительном движении. Это же можно сказать и об «Отечественных записках» Некрасова и Салтыкова-Щедрина, об эпохе революционного народничества.

Но это один из возможных аспектов. Главное заключено в самой поэзии Некрасова. Путь Некрасова в революцию, в народ был тернистым, его не пужно упрощать и выпрямлять. Он был изрыт ураганом личных сомнений, сложных переживаний, вспахан бурями событий, прежде всего событий народной жизни. Будучи иногда по-человечески слабым, порой ошибаясь в тактике борьбы с самодержавием и либералами, Некрасов — поэт исключительно искренний и в высшей степени строгий к самому себе. Он не скрывает тех искусов и горестных раздумий, которые выпали на долю поэта и гражданина, идущего из дворянской усадьбы в народ,

² Вопр. истории. 1958. № 7. С. 171.

³ См.: ЦГАОР, ф. 109, эксп. I, д. 95.

⁴ ЦГАОР, ф. 109, эксп. I, д. 18, ч. 18, л. 165 об.—166.

на деревенскую площадь. Сам уход от «праздно болтающих, обагряющих руки в крови» «в стан погибающих за великое дело любви» есть большая общественная психологическая дилемма в поэзии Некрасова и истории передовой русской интеллигенции вообще. Жертвенность, самоопализ, постоянные муки совести делают поэзию Некрасова по-особому взволнованной и, если угодно, драматической. В поэзию «переселяется» драматизм положения самого народа, прежде всего русского крестьянина, пуждающегося в помощи, темного и забитого, еще верящего в царя, и драматизм судьбы русского революционера, который идет на верную гибель. Понять диалектику души лирического героя Некрасова — это значит погрузиться в мир сложных переживаний, в поэзию, где героическое, гражданское, волевое начало осложнено скорбными переживаниями и горестной рефлексией.

Но и там, где на первый взгляд речь идет о личных, интимных чувствах, где нет и, казалось бы, не может быть общественно значительных фабул, поэзия Некрасова имеет прямое отношение к судьбам народной России, к сознанию психологии борца, готового принять на себя все испытания.

Среди гражданских поэтов России Некрасов был самым народным, преодолевшим фатальный разрыв между поэтом-борцом и народом в поэзии, не только в идеологии, во взглядах на действительность. Отсюда удивительное единство формы и содержания, истинной народности и высокой, принципиальной гражданственности.

Через поэзию Некрасов становится учителем молодого поколения, его наставником и нравственным руководителем. Если проблема «Некрасов и революционные демократы» сравнительно хорошо и полно изучена, некрасовская поэзия соотнесена с теорией крестьянской революции и практикой крестьянских восстаний, то этого нельзя сказать о Некрасове и народниках. Советские литературоведы в последние годы проявляют повышенный интерес к народничеству Некрасова. Уже создан в этом направлении ряд заметных работ, интересных и по постановке самого вопроса, и по забытым материалам, вводимым в научный оборот. Суть дела не в том, чтобы привести Некрасова в то или иное конспиративное общество, большое или малое, превратить его в практика-революционера. У него свои заслуги перед революционным народничеством. Можно сказать, что самое героическое, бесстрашное и вдумчивое «хождение в народ» в поэзии совершил именно Некрасов. Некрасов очень чутко улавливал то новое, что вносила в революционное движение сама жизнь. В 1870-е гг. он безусловно являлся выдающимся певцом революционного народничества. Его поэзия этой поры полна героического содержания и трагических предчувствий.

Мы еще недостаточно знаем народническую поэзию, особенно раннюю, сложившуюся в годы «хождения в народ» и за глухой стеной Петропавловской крепости. Чем больше мы узнаем ее по опубликованным и неопубликованным материалам, тем все яснее становится значение Некрасова в истории русской гражданской поэзии, включая ее постоянную подпольную струю. Революционные народники не мыслили свою поэзию, свою пропаганду без Некрасова, они считали его своим и самым крупным поэтом, ему подражали и его стихотворения распространяли в народе. Если говорить о «некрасовской школе» в более узком смысле, нежели принято обычно говорить в общих трудах по истории русской поэзии от Пушкина до Блока, то в начальных классах этой «школы», когда слово учителя воспринимается с особым трепетом и вниманием, поэты-народники получают свое идейное и, главное, эстетическое воспитание, стремятся во всем быть похожими на своего учителя.

Я сошлюсь на наиболее близкий мне пример. Среди стихотворений С. С. Синегуба, написанных до 1874 г., до разгрома «хождения в народ», есть и такие, как «Нива», «Отрывок». Достаточно привести две-три строки,

чтобы услышать прямые отзвуки музыки «мести и печали», поэзии революционного бдения. Из «Нивы»:

Нива ты, нива! горюшком взрытая,
Потом, слезами, страдаю полита!..
Что не шумишь ты широкими волнами,
Что так бедна ты колосьями полными?!..

Из «Отрывка»:

Мрак на Руси непроглядно глубок,
Край наш — бездонное море страданья!
Пусть же проникнет луч светлого знания
В каждый забытый, глухой уголок!
< >
В воздухе, кровью напоенном, стоны,
Жалобы всюду, — кого ни спроси!
Наглухо, крепко окована, спутана,
Словно как саваном смерти окутана
Жизнь гражданина Руси!..⁵

Русская гражданская поэзия всегда стояла на страже народных интересов. Скромные стихи поэтов-народников не блещут отделкой художественной формы, но они поражают своей искренностью, гражданской взволнованностью, своим социальным пафосом. Революционные поэты-народники внесли свой вклад в историю политической поэзии. И это они сделали с помощью прежде всего Некрасова.

Не случайно тот же Синегуб в 1877 г. во время «процесса 193-х», томясь в Петропавловской крепости, пишет стихотворение «Памяти Некрасова»:

Пусть лагерь довольных и сытых,
В утеху и радость себе,
В речах своих зло-ядовитых
Пророчит забвенье тебе!
Но славы твоей он не сгубит:
Народ охраняет ее!
Народ и лелеет и любит
Великое имя твое!..
В часы и труда и досуга,
В час радости редкой народ
Родного поэта и друга
Сердечные песни поет!
Поет, проклиная неволю,
Судьбы своей каторжный кнут,
И рвется он к свету на волю,
Куда твои песни зовут!..⁶

⁵ Рус. лит. 1967. № 1. С. 72—73.

⁶ Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968. С. 151 (Б-ка поэта. Большая сер.).

В. А. Кошелев

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ ПЕРВЫХ СТАТЕЙ НЕКРАСОВСКОГО «СОВРЕМЕННОКА»

История издания некрасовского «Современника» — покупка «захи-
ренного» журнала у П. А. Плетнева и перемена его направления и об-
лика — уже давно и глубоко изучена.¹ Любопытно, однако, взглянуть на
эту историю с позиций литературного «быта» и литературной полемики,
борьбы внутривидовых и околовидовых «партий».

1

Полемика вокруг некрасовского «Современника» началась еще до
выхода в свет его первого номера.

В последнем, 44-м томе «старого» «Современника», вышедшем в свет
в ноябре 1846 г., один за другим были помещены два интересных доку-
мента: известное некрасовское объявление о «совершенном преобразо-
вании» журнала и менее известное обращение «К читателю „Современ-
ника“» П. А. Плетнева, под редакцией которого журнал издавался
в течение девяти предыдущих лет. Два обращения «к читателю» поле-
мически противопоставлены.

Внешняя «благопристойность» передачи журнала другой «партии»
вполне соблюдена: некрасовское объявление начинается тем, что редак-
ция будущего журнала переходит к профессору А. В. Никитенко; плет-
невское обращение кончается пожеланием успеха своему собрату по
С.-Петербургскому университету.² Однако ни Плетнев, ни Некрасов не
пытаются скрыть того, что «экстраординарный профессор русской сло-
весности» Никитенко в данном случае оказывается подставным лицом,
редактором «пзвне»: далее у того и у другого речь идет об иных лицах
и иных сюжетах.

Объявление Некрасова полемически направлено против характера
прежнего «Современника». Новые издатели отказались от принятого
Пушкиным журнала «наподобие английских трехмесячных Reviews»³ и
предложили ежемесячный выпуск толстых («от 20 до 25 печатных ли-
стов в большую осьмушку»⁴) книжек. Специально подчеркивалось:
«Книжки будут выходить *аккуратно 1-го числа каждого месяца...*»
(Н I, 12, 109) — намек на недостаточную аккуратность прежнего изда-

¹ См.: *Ершов А.* К истории русской журналистики: «Современник» (1836—1866) // *Образование*. 1903. № 10. Отд. 2. С. 100—132; № 11. Отд. 2. С. 72—104; *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50 гг.: От Белинского до Чернышевского. Л., 1934.

² Ректор университета Плетнев читал лекции по истории русской словесности, Никитенко — общую теорию словесности.

³ *Пушкин*. Полн. собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 16. С. 69.

⁴ *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1953. Т. 12. С. 109. Далее на протяжении всего сборника ссылки на это издание (М., 1948—1953. Т. 1—12) даются в тексте сокращенно: Н I, том и страница (арабскими цифрами).

теля. Если Пушкин в 1836 г. отказался от обозначения журнальных «разделов», традиционного еще с карамзинских времен, то новые издатели вернулись к этой практике, обозначив пять обычных для тогдашней журналистики разделов: «Словесность», «Науки и художества», «Критика и библиография», «Смесь», «Моды».

Но это были лишь внешние признаки «совершенного преобразования»; главное заключалось в том, что Некрасовское объявление шло вразрез с основной идеей плетневского издания. Отталкиваясь от мысли Белинского о повышении роли «текущей беллетристики», объявление декларирует: «Лучшие писатели наши кроме приготовления творений обширных, которых общество вправе ожидать от их дарований, чувствуют в настоящее время необходимость постоянного соприкосновения с умственными стремлениями публики — необходимость сообщать ей немедленно плоды своей мысли, своих изысканий и вдохновений» (там же, 111). Журнал, таким образом, призван воплотить современные, «сиюминутные» чаяния текущей литературы, тесно связанные с «умственными стремлениями публики» (т. е. общественными интересами эпохи). В этом отношении обновленному «Современнику» предстоит особая задача, призванная выделить его из круга современных журналов вообще: «Нет сомнения, что, независимо от того справедливого участия, с каким публика принимает некоторые из нынешних наших литературных журналов, в ней довольно найдется сочувствия *еще* к журналу, которого редакция, не давая никаких пышных обещаний, употребит все зависящие от нее меры, чтобы он оправдывал свое заглавие и представлял верную и, по возможности, полную картину *современного* состояния науки, искусства и литературы, как отечественной, так и вообще европейской» (там же). В этих словах, бесспорно, ощутим выпад против «несовременного», не оправдывающего своего названия журнала Плетнева.

Чуть ниже в объявлении этот выпад повторен и усилен: «Главная заботливость редакции обращена будет на то, чтобы журнал наполнялся произведениями преимущественно русских ученых и литераторов, — произведениями, достоинством и направлением своим вполне соответствующими успехам и потребностям *современного* образования» (там же). Декларируемая задача требовала изменения внешнего и внутреннего облика журнала: из «тонкого» он становился «толстым», из собрания «случайных» произведений превращался в целенаправленное издание, руководствовавшееся главными идеями современности; вместо роли «обозревателя» словесности брал на себя роль «действующего лица» в литературе.

Объявление о «перемене» «Современника» было прежде всего коммерческим предприятием. «Некрасов, — вспоминала А. Я. Папаева, — велел печатать объявления об издании „Современника“ в громадном числе; они помещались почти во всех тогдашних журналах и газетах». ⁵ Одно из таких объявлений, «где буквы в аршии на зеленом огромном листе», Плетнев язвительно упоминал (в письме к Я. К. Гроту от 26 октября 1846 г. ⁶) еще за месяц до выхода последнего тома «Современника». У нас нет сведений о том, по чьей инициативе это объявление было перепечатано в «Современнике», — во всяком случае, мы не исключаем здесь инициативы Плетнева. В своем ответном обращении «К читателю „Современника“», датированном 30 ноября 1846 г., ⁷ прежний издатель оставил «последнее слово» за собой. Плетнев применил здесь «запретный» удар. В некрасовском объявлении ни слова не было сказано о принадлежности редакции журнала к какой-либо литературной «партии».

⁵ Папаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1956. С. 158.

⁶ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 845.

⁷ Современник. 1846. Т. 44, № 4. С. 243—250.

Плетнев декларирует свое отделение от «партии» будущих издателей: «По моему мнению, защищение какой-нибудь литературной партии, пристрастие к некоторым писателям выражает собой сферу ума и степень духа. Большое надобно самоотвержение, большое презрение собственного достоинства и чести, чтобы гласно защищать без убеждения неправое дело, дурное сочинение называть хорошим. Выбор партии определяет уж меня самого. Что ни произнес я в „Современнике“, все остается моим убеждением и зависело от начал моего суждения и вкуса».⁸ Это как бы объяснение, почему сам Плетнев отходит от издания журнала, не желая, например, выступить в той роли, в какой выступил Никитенко. «Совершенное преобразование» журнала — дело «неправое» и выпужденное, и Плетнев отказывается принимать в нем участие.

Причины такой позиции Плетнева весьма основательны.

Он не принимает самого понятия «современная литература» (литература в контакте *со временем*), для него бессмысленно разделение литературы на «старую» и «новую»: «Старое не потому часто хорошо, что за ним право давности; равно и новое не оттого иногда худо, что непохоже на старое. <...> Художник есть воспроизводитель того, чем поражает его природа. И из старых, и из новых писателей много было лжецов и клеветников на природу. Не сливаясь своею бесчувственной или холодной душою с гармонией мира, они прикидывались вдохновенными, а между тем в ледяном бесчеловечии только выдумывали, *сочиняли* характеры, страсти и положения, которые внезапным явлением своим могут подействовать разве на человека, полусонного физически или нравственно».⁹ Здесь и неприятие «текущей беллетристики» вообще, и современной «натуральной» беллетристики в частности.

Плетнев прямо заявляет о своем нежелании быть «современником в характере, в духе, в формах, в тоне и выражениях пышнейшей критики», т. е. критики «Отечественных записок» и прежде всего Белинского, которая характеризуется им следующим образом: «Набор восклицаний, одобрительных или уничижающих произведение, язвительное преследование ошибок, неистовый гнев на неудачное оправдание, самолюбивое торжество победы, залп насмешек на противника — эти современные черты журнальной критики я почитаю недостойными литератора, унижающими его как человека и как представителя образованной части в гражданском обществе».¹⁰

Писатель, следующий «потребностям *современного* образования» (там же), — фигура, не приемлемая для Плетнева. Критик язвительно замечает: «Он (писатель. — *В. К.*) не должен подслуживать, чего требуют, а наклонять умы к стороне добра и чистоты».¹¹ По его мнению, текущая беллетристика, пропагандистом которой собирается стать обновленный «Современник», как раз «подслуживается» к требованиям публики. Публике нравятся «французская манера» — и «множество появляющихся ныне романов русских»¹² реализует потребность в этой временной «моде», недостойной ни серьезной литературы, ни журналистики.

В обращении Плетнева содержались (в «свернутом» еще виде) основные мотивы будущих обвинений некрасовского «Современника»: неприятие той «партии», которую представляет журнал; характеристика писателей «натуральной школы» как «лжецов и клеветников на природу»; полемика с «французским» направлением современной беллетристики; неприятие основной тенденции критики Белинского и его последователей; выступление против литературы, создающейся «по заказу» чита-

⁸ Там же. С. 244.

⁹ Там же. С. 244—245.

¹⁰ Там же. С. 245—246.

¹¹ Там же. С. 246—247.

¹² Там же. С. 248.

теля-потребителя; разоблачение фигуры литератора-«натуралиста», пишущего «с голосу». Обращение Плетнева звучало как приговор еще не начавшемуся обновленному журналу, причем приговор этот произносил не только сам Плетнев, — он выступал от имени старого «пушкинского» «Современника». Не случайно обращению Плетнева был предпослан эпиграф из «Евгения Опегина»:

Кто б ни был ты, о мой читатель,
Друг, недруг, я хочу с тобой
Расстаться нынче как приятель.
Прости...¹³

В сознании читателей 1840-х гг. плетневский «Современник» был органом писателей «пушкинского периода», «вместилищем самых знаменитых имен нашей словесности». И. В. Киреевский в статье 2 цикла «Обзорение современного состояния литературы», появившейся в книжке 3 «Москвитянина» за 1845 г. (за полтора года до цитированного обращения Плетнева), указывал на особенное место «Современника» в русской журналистике. «Современник», писал Киреевский, «имеет цель совершенно отличную от других изданий и особенно не смешивается с ними тоном и способом своего литературного действия. Сохраняя постоянно достоинство своей спокойной независимости, „Современник“ не вступает в запальчивые полемики, не позволяет себе заманивать читателей преувеличенными обещаниями, не забавляет их праздною своею шутильностью, не ищет блеснуть мишурою чужих, непонятных систем, не гоняется тревожно за повостию мнений и не основывает своих убеждений на авторитете моды, но свободно и твердо идет своей дорогой, не сгибаясь перед наружным успехом».¹⁴ Поэтому отличительными и весьма симпатичными для критика (и для искушенного русского читателя) оказываются даже такие качества журнала, как то, что «образ его воззрения на вещи находится в некотором противоречии с его названием» и «сила его нравственной чистоты истощается в заботах его литературной чистоплотности».¹⁵

И вот этот символ литературной независимости постигает «коренная перемена»: он выпущден «прощаться» с истинными любителями литературы. В петербургской журналистике не останется уже органа «объективного», нравственно чистого и литературно «чистоплотного». Такова тональность обращения Плетнева: он «моделирует» будущие нападки на чуждый ему журнал и предупреждает читателя — своего и будущего.

2

Некрасовское объявление не ограничивалось «коммерческой» целью. В нем была заявлена программа задуманного журнала, однако, осуществляясь, эта программа значительно изменялась.

Так, согласно объявлению, в списке материалов, «заготовленных для „Современника“», почетное место занимала статья К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт России» (Н I, 12, 112; журнальное название — «Взгляд на юридический быт древней России»). Уже название работы и имя автора позволяли предположить, что журнал собирается занять активную позицию в общественно-литературной полемике эпохи на стороне западников. Тут же названы имена будущих сотрудников, в большинстве своем московских западников, профессоров Московского университета: М. А. Гамазов, Т. Н. Грановский, Искандер, К. Д. Кавелин,

¹³ Пушкин. Полн. собр. соч. М.; Л., 1937. Т. 6. С. 139.

¹⁴ Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 199.

¹⁵ Там же. С. 200.

Е. Ф. Корш, А. И. Кронеберг, Н. Х. Кетчер, Г. П. Небольсин, Нестроев (П. Н. Кудрявцев), Н. П. Огарев, Д. М. Перевощиков, П. Г. Редкин.

Однако реализация этой «западнической» программы с самого начала осложняется: в первом номере «Современника» рядом с указанной статьей Кавелина помещается обзор Белинского за 1846 г. Заявленное в нем «сочувствие к той части славянофильских воззрений на народ, которая может быть принята каждым размышляющим человеком, к какой бы партии он ни принадлежал», по свидетельству П. В. Анненкова, произвело «странное впечатление <...> на ближайших его сотрудников по журналу».¹⁶ Действительно, Белинский заявил о своей (следовательно, о журнальной) попытке найти общий язык со славянофилами, назвал славянофильство «весьма важным явлением», которое «касается самых жизненных, самых важных вопросов нашей общечеловечности», убеждением, имеющим право на уважение «даже и в таком случае, если вы с ним вовсе не согласны».¹⁷ Как увидим далее, эта «осложненная» позиция журнала почти не изменилась и после антиславянофильского выступления Белинского «Ответ „Москвитянину“».

Другой пример. В списке приведенных в объявлении имен беллетристов — участников «Современника» находим имена будущих классиков русской литературы: Гончарова, Достоевского, Герцена, Некрасова, Тургенева, составляющих, что называется, первый ряд сотрудников журнала, усиленный рекламируемый: в объявлении указаны «заготовленные для „Современника“ произведения А. И. Герцена «Сорока-воробья», «Записки доктора Крупова», «Кто виноват?», «„Обыкновенная история“, роман в двух частях И. А. Гончарова», «„Родственники“, нравственная повесть И. И. Панаева», не дошедший до нас «„Маскарад“, рассказ в стихах И. С. Тургенева» (там же). Но здесь же названы принадлежащие ко второму беллетристическому ряду Э. И. Губер, В. И. Даль, Д. А. Засядко, А. С. Комаров, Ф. Ф. Корф, Н. А. Мельгунов, А. Н. Струговщиков и др. (см. там же, 110). Их произведения не рекламируются; к тому же некоторые из этих авторов либо не приняли активного участия в журнале, либо были вскоре устранены из него из-за недостаточной компетентности, как например Комаров (см. там же, 412).

Характерно, что в восприятии современной критики эти два ряда беллетристов «Современника» практически не разделялись. Примечательно в этом отношении рассуждение К. С. Аксакова, относящееся к 1849 г.: «... в Петербурге открылась новая фабрика повестей и романов под названием натуральной школы. При такой производительности надо было прежде всего победить одно затруднение, а именно надо было победить стыд писать такие сочинения, и потом писать их уже ничего не стоило. И вот высыпала целая толпа: Сто один, Дружинин, Корф, Гончаров, Некрасов, Станицкий и пр.¹⁸ Стапки литературной фабрики пришли в движение. Точь-в-точь как фабрика совершенствуется, поставляет более тонкие и приятные ткани, так совершенствовалась и новая литературная школа, т. е. она набивала руку. Иногда о произведении ее можно сказать: хорошая работа! недурная отделка! Но такое достоинство изделия в произведенном литературном наводит тоску невообразимую...».¹⁹

¹⁶ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 346.

¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 17. Далее (в наст. статье, а также в статьях В. Б. Смирнова — с. 75—84, Н. Н. Мостовской — с. 101—107, В. А. Громова — с. 109—118) ссылки на это издание (М.; Л., 1953—1959. Т. 1—13) даются в тексте сокращенно: Б, том и страница (арабскими цифрами).

¹⁸ «Сто один» — псевдоним А. Д. Галахова; «Станицкий» — псевдоним А. Я. Панаевой. Характерно, что все перечисленные авторы — из круга некрасовского «Современника».

¹⁹ Аксаков К. С. О современном состоянии литературы: Письмо первое / Публ. В. А. Кошелева // Проблемы реализма. Вологда, 1978. Вып. 5. С. 182.

Издатели «Современника» понимали, конечно, что, например, барон Ф. Ф. Корф — посредственный литератор. И тем не менее в двух номерах журнала за 1847 г. (№ 8, 9) помещается его огромная повесть «Как люди богатеют». Из-за недостатка журнального материала? Не только. Большинство подобных «посредственностей» в объявлении Некрасова не заявлено поименно — но уже с первых номеров журнала печатаются пространные произведения П. Н. Кудрявцева (повесть «Без рассвета» — № 2; под псевдонимом «Нестроев»), Н. А. Мельгунова («Силуэты провинциальной жизни» — № 2; с подписью: «Л.»), П. Н. Меншикова («Шутка» — № 5; анонимно), А. Д. Галахова («Преобразование» — № 7; с подписью: «Сто один») и многих других авторов, причем имена их иногда вовсе не обозначаются (физиологический очерк «Петербургское купечество» — № 6). Эти образцы текущей беллетристики формируют «лицо» обновленного «Современника», а произведения неординарные — Гончарова или Дружинина — в читательском восприятии как бы подверстываются под уровень барона Корфа (что и отразил Аксаков).

Однако список имен в объявлении Некрасовым тщательно продуман. Посылая экземпляры объявлений в Воронеж находившемуся там М. С. Щепкину, он замечает: «Русь-матушка велика: скоро ли дойдет до нее, что „Отечественные записки“ переменили квартиру и, приодевшись и приумывшись, хотят явиться к ней под именем „Современника“» (Н I, 10, 56). Подавляющее количество имен в некрасовском объявлении — от начинающего список Белинского до венчающего его Тургенева — бывшие сотрудники «Отечественных записок». «Направление» журнала, таким образом, должно было стать аналогичным направлению «Отечественных записок» лучших лет издания: не случайно издатель называет обновляющийся «Современник» журналом, «усиливающим свои средства» (Н I, 12, 111). В замысле «Современник», с точки зрения беллетристики, — это «усиленные» «Отечественные записки» (с учетом лучших сторон альманахов 1845—1846 гг., подготовивших журнальную деятельность Некрасова).

Подобная установка делала необходимой реализацию «временных» беллетристических потребностей современного читателя, и «уровень» барона Корфа оказывался так же естествен для журнала, как и уровень высший.

В этом отношении некрасовский замысел опять-таки противостоял старому «Современнику», который в середине 1840-х гг. представлял очень ограниченный круг писателей старшего поколения (Жуковский, Языков, Гоголь, Ф. Глинка и некоторые другие) и ученых и литераторов нового поколения (И. С. Аксаков, Н. В. Берг, К. К. Герц, М. С. Грабовский, П. А. Кулиш, Д. Н. Коптев, К. А. Коссович, Ф. В. Чижов и др.). Прежде всего это были авторы, близкие славянофильскому кругу, противники «натуральной школы», представители тех художественных групп, которые критически относились к «дурной современности» (слова Плетнева). Поэтому на фоне «совершенного преобразования» журнала оказалась необходимой и перемена акцентов в литературной ориентации. Для прежнего «Современника» как бы не существовал общий «беллетристический» уровень литературы; он оставался журналом для «избранных» и «истинных» ценителей изящного и прекрасного. Некрасовский журнал должен был стать «толстым» именно потому, что старый «Современник» был «тонким»; место старых «знаменитостей» должны были занять новые.²⁰

Некрасовскому журналу требовалось с самого начала определить свое общественное и литературное «лицо», выделиться из сформировавшихся литературных и журнальных «партий» — и тут нельзя было обойтись

²⁰ См. об этом в письмах И. И. Панаева к В. Г. Белинскому (Письма Белинского / Под ред. Е. А. Лядского. СПб., 1914. Т. 3. С. 361, 364).

без опыта «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника», без выработки иной общественной ориентации, не совпадавшей с либеральным западничеством. С этой точки зрения очень важным был именно 1847 г. — первый год «обновленного» «Современника». И особенно его первый номер, который, как свидетельствуют многочисленные источники, очень долго собирался и утверждался.

3

Как нам представляется, основой замысла некрасовского «Современника» стало утверждение особенной *широты* литературно-общественной позиции. Литературная обстановка требовала, чтобы это был журнал *свободный* — и от «торговой» стороны литературы (отделение от «Отечественных записок» и «делячества» Краевского),²¹ и от узости идейно-политической ориентации (не случайно именно в 1846 г. бескомпромиссный Белинский единственный раз задумался о возможности установления литературных контактов со славянофилами, а в обзоре за 1846 г. печатно протянул руку двум его представителям — Ю. Ф. Самарину и И. С. Аксакову), и от партийно-литературной ограниченности (поэтому участниками будущего журнала должны были стать и писатели круга Белинского, и литераторы, так или иначе отдаленные от него; и авторы выдающихся произведений, и рядовые беллетристы). П. В. Анненков замечал, что значительная часть материалов, составивших «Современник» 1847 г., была собрана еще Белинским для его несостоявшегося альманаха «Левифаан». Основой замысла альманаха Белинского была также широта позиции: «Со всех сторон знаменитые и незнаменитые писатели наши поспешили препроводить к нему все, что имели у себя наготове, и уже к началу 1846 года в руках Белинского образовалась значительная масса рукописного и частью очень ценного материала, как показало позднейшее его опубликование».²² Особенно важно, что журнальный материал приходил «со всех сторон» — как от «знаменитых», так и от «незнаменитых».

Именно в соответствии с этим принципом построен первый номер «Современника» за 1847 г. В отделе «Словесность» помещены материалы, принадлежащие пяти авторам. Открывает его «образцовая» для уровня текущей беллетристики (но и не выходящая из этого уровня) повесть И. И. Панаева «Родственники»; далее — стихотворный цикл И. С. Тургенева «Деревия»; тут же — мемуары: вторая главка будущих записок М. С. Щелкина; еще далее — стихи Н. П. Огарева («Бываю часто я смущен внутри души...») и Некрасова («Тройка»). Все произведения относятся к разным жанрам; собранные вместе, они создают впечатление намеренной пестроты. Такой подбор материала — как бы приглашение печататься в журнале самым разным писателям.

Отделы «Науки и искусства» и «Критика» противопоставлены по основным идеям и также создают впечатление преднамеренной нецельности. Идея статьи К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» (о том, что в России родовые и вотчинные отношения постепенно и мирно перерождались в отношения государственные) подвергается сомнению в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Не вступая в прямую полемику с Кавелиным, Белинский обширно и сочувственно излагает противоположную — славянофильскую — точку зрения на этот предмет, замечая, что «славянофилы правы во многих отношениях», и — ниже — дает своеобразную отповедь запад-

²¹ Подробное см. об этом: Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850-х гг. М.; Л., 1951. С. 243—255 (гл. «Преобразование „Современника“»).

²² Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 296.

ническому космополитизму: «Что *личность* в отношении к *идее* человека, то *народность* в отношении к *идее* человечества. Другими словами: народности суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому что если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики. . .» (Б, 10, 17, 28—29). Белинский писал свой обзор уже в последний момент (см.: Н I, 10, 57), будучи безусловно знаком со статьей Кавелина, — и счел нужным не согласиться с нею.

Утверждениям А. В. Никитенко в статье «О современном направлении русской литературы» о неприемлемости для российской словесности идей современной французской литературы противостоит пафос статьи А. И. Кронеберга «Последние романы Жорж Санд», где подробно разбираются «соответственные современности» черты нового романа Ж. Санд «Чертовое болото». Вряд ли, кстати, следует принимать старое и ничем не доказанное утверждение о том, что статья Никитенко была напечатана «вынужденно»;²³ она несколько не противоречит контексту содержания первого номера вообще и вполне соответствует принципу широты журнальной платформы «Современника».

Отдел «Смесь» оказался еще более пестрым по содержанию. Тут и заметки об экономических успехах России («Кропштадтская железная дорога», «Русское гуано», «Движение судоходства в Рыбинске в 1846 г. и важность новооткрытого Белозерского канала» и т. п.), и хозяйственные советы провинциальным помещикам («Примесь соли в корм домашнего скота»), и естественнонаучные сообщения («Отделение простого тела — фтора»), и политико-экономические обзоры («О преобразовании хлебного закона в Великобритании и о видах на сбыт хлеба в это государство» Г. П. Небольсина), и путевые заметки («Письмо из Парижа» П. В. Анненкова, «Письма из Китая»), и «Современные заметки», и, наконец, художественные произведения («Роман в девяти письмах» Ф. М. Достоевского, «Хорь и Калиныч (Из записок охотника)» И. С. Тургенева). Заметим, что этот «дополнительный» отдел тогдашней журналистики в первом номере «Современника» получился не только очень большим по объему (больше каждого из трех предшествующих отделов), но и весьма значимым по содержанию: не случайно же «затерянный» в этом отделе знаменитый очерк Тургенева был сразу замечен и читателями, и критикой.

Как видим, первый номер «Современника» был своеобразным манифестом новой литературы, знаменовавшим новый этап ее, и призывом к объединению разобщенных творческих сил. Это понял, например, чуткий критик Валериан Майков (статья «Нечто о русской литературе в 1846 году»), назвав «в литературном отношении 1846 год <...> как бы приступом к 1847-му», годом «переходным»: «Во все это время происходило в русском литературном мире какое-то не совсем обыкновенное брожение; расклеивалось множество плотных масс, распадалось и формировалось вновь множество групп; раздавались свежие звуки новых надежд и хриплые стоны давно подавленного отчаяния. И все это разрешилось программами и объявлениями об изданиях, имеющих печататься в 1847 году».²⁴ В последней фразе имеется в виду именно реорганизация «Современника».

²³ См., например: Дементьев А. Г. Очерки по истории русской журналистики 1840—1850-х гг. С. 253.

²⁴ Цит. по: Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. М., 1982. С. 82.

«С первого же года „Современнику“ повезло», — отмечает А. Я. Панаева в своих мемуарах, перечисляя тот ряд ярких произведений, которые были напечатаны в журнале.²⁵ Из критических работ о «Современнике» отметим статью Ю. Ф. Самарина (М...З...К...) «О мнениях „Современника“, исторических и литературных», напечатанную в номере 2 «Москвитянина» за 1847 г., — единственную статью, так или иначе задевшую журнал. Она была написана в марте, но номер «Москвитянина» запоздал появлением на семь месяцев, что дало право Белинскому проинизировать: «Г-н Самарин в два года высидел две статьи. Первая книжка „Современника“ вышла первого января, а статья на нее явилась в сентябре» (Б, 12, 455). В ноябрьском номере «Современника» появился «Ответ „Москвитянину“» Белинского, а в декабрьском — «Ответ „Москвитянину“» Кавелина.

Эта полемика достаточно подробно изучена.²⁶ Обратим внимание лишь на одну сторону вопроса, имеющую отношение к проблеме литературного быта, здесь рассматриваемой. Статья Самарина объективна по содержанию, написана в спокойно-вежливом, сдержанном тоне. Белинский даже вынужден был согласиться с некоторыми существенными положениями своего оппонента («о различии натуральной школы от Гоголя, например»). Между тем именно эта статья заставила критика «пламенеть гневом», вынудила к пересмотру некоторых «примирительных» высказываний обзора за 1846 г., заставила его в «Ответе „Москвитянину“» многое изложить «в таком виде, который мало имсет общего с моими убеждениями касательно этого предмета». Именно статья Самарина оказалась Белинскому особенно вредной в данной литературной ситуации: 22 ноября 1847 г. он писал по этому поводу К. Д. Кавелину: «... г. Самарин не лучше г. Булгарина по его отношению к натуральной школе» (Б, 12, 432—433).

Чем объяснить этот неожиданный «неистовый гнев» критика, заставивший его в запале единым духом в шесть дней написать страстную ответную статью? Дело здесь заключалось не только в стремлении ответить по существу обвинениям Самарина, но прежде всего в необходимости отстоять своеобразие программы «Современника», столь ярко заявленное в первом номере журнала.

«Скажем откровенно, — пишет Самарин в начале своей статьи, — первый номер „Современника“ не оправдал нашего ожидания. Может быть, мы ошибаемся; но, по нашему мнению, новый журнал подлежит трем важным обвинениям: во-первых, в отсутствии единства направления и согласия с самим собою; во-вторых, в односторонности и тесноте своего образа мыслей; в-третьих, в искажении образа мыслей противников».²⁷ Эти обвинения доказываются в критике Самарина «разбором трех капитальных статей, которые, по собственному признанию „Современника“, должны ознакомить читателей с его духом и направлением», — статей Кавелина, Никитенко и Белинского.

Сами по себе эти «важные обвинения» противоречивы: отсутствие «единства направления» (т. е. широта и разносторонность журнальной платформы) — и одновременно некая «односторонность и теснота образа мыслей» журнала. Но Самарина интересуют как раз «противоречия»: па

²⁵ Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 168.

²⁶ См.: Панаева В. С. В. Г. Белинский: Жизнь и творчество. 1842—1848. М., 1967. С. 403—417; Кошелев В. А. Принципы натуральной школы 40-х годов XIX века в истолковании славянофильской критики // Проблемы реализма. Вологда, 1975. Вып. 2; Яковлев Ю. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981. С. 301—308; Пирожкова Т. Ф. Революционеры-демократы о славянофильстве и славянофильской журналистике. М., 1984. С. 46—65.

²⁷ Цит. по: Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. С. 152.

них-то он и концентрирует основное внимание. Противоречивость мыслей Кавелина и Белинского, Никитенко и Белинского, искажение Белинским основных положений славянофильской программы — именно на этом построены обвинения Самарина-полемиста повому журналу.²⁸ Между тем противоречивость программировалась издателями «Современника»; они видели в ней важную особенность и *достоинство* журнала.

В первом номере «Современника» была заявлена и его «беллетристическая» программа исходя из уровня «текущей словесности». Это опять-таки вызвало ряд упреков Самарина, считавшего, что издержки «литературной современности» стали «главными элементами произведений натуральной школы».²⁹ Статья Самарина пронизана намеками, к которым автор прибегает, чтобы сделать убедительными свои основные тезисы. Писатели «натуральной школы», замечает оппонент, «заглавия обыкновенно берут самые простые, но как можно общее, например: помещик, помещица, село, родственники и в этом роде».³⁰ Понятно, что он имеет в виду «Родственников» Панаева, «Деревню» Тургенева и его же «Помещика», появившегося годом ранее в «Петербургском сборнике». В «Современнике» сочувственно разбирается новый роман Ж. Санд «Чертова лужа». Самарин дает более точный перевод названия («Чертова лужа») и тут же приводит для характеристики «ничтожества» современной беллетристики обширную цитату из предисловия к роману Ж. Санд, подчеркивая, что это «красноречивый голос писателя, в искренности которого вы не будете сомневаться».³¹ Открытой издевкой в таком контексте становится и заявленное Самариним противопоставление «Современника» «Отечественным запискам». Столь же не случайно он напоминает, что Белинский в обзоре за 1846 г. из всех современных критиков выделил М... З... К... (т. е. Самарина), отметив, что его статья о «Тарантасе» В. А. Соллогуба «особенно замечательна умным содержанием и мастерским изложением» (Б, 10, 50). Теперь же негативная оценка «Современника» дается от лица того же М... З... К...!

Критика Самарина ставила под удар саму репутацию нового журнала. Под угрозой оказалось то, что издатели «Современника» почитали достоинством своего издания. Вот почему потребовалось, по выражению Белинского, «отводить» волков от овчарни (Б, 12, 432), вот почему его ответная статья стала такой яркой и гневной.

5

Замысел «Современника», с самого начала противостоявший существующим традициям литературной и журнальной борьбы, был настолько необычным, новаторским, что попросту не был понят, — и не только Плетневым, не только Самариним, но даже многими из ближайших сотрудников журнала. Вот характерные рассуждения П. В. Анненкова: «Без популярного имени Белинского действительно трудно было обойтись предприятию, но к этому примешивалась еще и надежда, разделяемая и Белинским, что все лучшие деятели Москвы последуют за ним в новое издание и разорвут связи с „Отечественными записками“». Надежде этой, однако же, не суждено было исполниться. Московские литераторы, да и некоторые из литераторов в Петербурге, желая полного успеха „Современнику“, находили, что два либеральных органа в России лучше одного, что раздвоение направления на два представителя еще более гарантирует участь и свободу журнальных тружеников и что, на-

²⁸ См. об этом: Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е годы). Л., 1984. С. 150—163.

²⁹ Цит. по: Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. С. 168.

³⁰ Там же. С. 172.

³¹ Там же. С. 177.

конец, по коммерческому характеру всякого журнального предприятия вряд ли и новое будет в состоянии идти по какой-либо иной дороге в своих расчетах с людьми, как не по той же самой, по которой шло и старое».³²

Анненков почти дословно приводит здесь доводы Грановского, Кетчера, Кавелина и других сотрудников «Современника», не желавших порывать с «Отечественными записками» (Б, 10, 405—421, 431). Но дело здесь не только в двойственности позиции «московских литераторов», — дело прежде всего в том, что даже в окружении Некрасова и Белинского не была понята и принята новая журнальная политика, предпринятая «Современником» на первых порах. Даже ближайшие его сотрудники не представляли себе каких-то иных принципов издания, отличных от принципов Краевского.

Отсюда проистекало и недовольство, возникшее в редакции журнала в связи с неожиданной «терпимостью» Белинского и «утратой всех старых антипатий, за которые еще крепко держались его последователи. . .». Анненков называл две причины этого недовольства: «Во-первых, никто не был приготовлен к подобному нарушению всех традиций либеральной журналистики < . . . > а во-вторых, можно было думать, что Белинский не остановится на первом шаге в деле упразднения либеральных традиций своей партии, что грозило оставить в будущем саму партию без дела. . .».³³

Этой же причиной объясняется и известная нетерпимость к Некрасову со стороны «ближайших сотрудников»: обвинения его в литературном «торгашестве» и журналистской «нечистоплотности», неудовлетворенность содержанием выходящих книжек «Современника» и даже некоторое злорадство, о котором глухо упоминает А. Я. Панаева.³⁴

Самарин же своей статьей подлил масла в огонь.

Если мы обратимся к содержанию «Современника» первых лет издания,³⁵ то обнаружим наличие двух противоборствующих тенденций. Первая, заявленная изначально, заключалась в широком привлечении в журнал новых авторов, в увеличении их числа, в стремлении к гибкой журнальной политике. Вторая состояла в тщательном отборе сотрудников, в создании постоянного круга «своих» авторов, в утверждении журнала как трибуны определенной литературной «партии». Первая тенденция означала широту позиции и терпимость; вторая — желание оградить цельность и «чистоту» издания.

Среди авторов, чьи произведения печатались в отделе «Словесность», постоянные сотрудники «Современника» определились довольно скоро. Назовем (помимо двух издателей) двенадцать имен: М. В. Авдеев, П. В. Анненков, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин, А. И. Кронеберг, А. Н. Майков, Н. П. Огарев, А. Я. Панаева, Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур) и И. С. Тургенев. В «Современнике» (в отделе «Словесность») в 1847 г. было напечатано 27 публикаций писателей этого круга и 8 — прочих; в 1848 г. соответственно — 31 и 3; в 1849 г. — 23 и 2. С начала 1850-х гг. круг «обязательных сотрудников» журнала несколько изменяется, но общая установка на преимущественное использование их материалов остается прежней.

Подобную тенденцию к отбору сотрудников можно обнаружить и в других отделах «Современника». Так, отдел «Науки и искусства» в 1847 г. поражает тематическим и идейным разнообразием публикуемого материала, множественностью авторов. Здесь и «Исследование об элевсинских таинствах» С. С. Уварова (№ 2) — и «Новые вариации на

³² Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 297.

³³ Там же. С. 345—346.

³⁴ См.: Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. С. 162—165, 175—177 и др.

³⁵ См.: Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866: Указ. содержания. М.; Л., 1959.

старые темы» А. И. Герцена (№ 3), «Опыт общепонятного исторического рассказа о том, как открыта новая планета Нептун» А. Н. Савича (№ 3) — и «Несколько слов о Москве и Петербурге» Н. А. Мельгунова (№ 4), «Шарлотта Корде» А. Ламартина (№ 5) — и «Государственное хозяйство при Петре Великом» А. Н. Афанасьева (№ 6, 7), «Мальтус и его противники» В. А. Милютина (№ 8, 9) — и «Годичная выставка в императорской Академии художеств» А. Н. Майкова (№ 11) и т. д. и т. п. В 1848—1849 гг. и этот отдел журнала стабилизируется в составе авторов. Чуть ли не в каждом номере печатается (по главам) «Обзор событий русской истории от кончины царя Федора Иоанновича до вступления на престол дома Романовых» С. М. Соловьева, последовательно публикуются «Отрывки из физической географии» Д. М. Перевощикова, «Письма об Испании» В. П. Боткина, «Растение и его жизнь» М. Я. Шлейдена, «Взгляд на торговлю древнейшей Руси» А. Н. Егунова и некоторые другие работы. Публикации становятся более «капитальными», более устойчивыми, но бывшее разнообразие этого отдела утрачивается.

Статья Самарина и литературная ситуация, с нею связанная, заставили, таким образом, издателей «Современника» в какой-то мере изменить первоначальную ориентацию журнала. «Современник» как бы предупреждает возможные обвинения «в отсутствии единства направления и согласия с самим собою», подобные тем, которые были высказаны в самаринской статье, — и одновременно формирует достаточно узкую и достаточно цельную журнальную платформу, которая в дальнейшем станет основой для превращения журнала в орган русской революционной демократии.

Н. П. Генералова

ИЗ ИСТОРИИ «СОВРЕМЕННОКА» 1859—1863 гг.

(«СВИСТОК» В БОРЬБЕ С ЦАРСКОЙ ЦЕНЗУРОЙ)

В последнем (9-м) номере «Свистка» (Современник. 1863. № 4) среди «посмертных произведений» Козьмы Петровича Пруткова под скромным названием «Проект» было напечатано произведение, творческая история которого имеет особый интерес для исследователей русской демократической журналистики конца 1850—начала 1860-х гг. и значение которого представляется не вполне оцененным до настоящего времени.

В истории русской литературы это сочинение Козьмы Пруткова больше известно под названием «Проект: „О введении единомыслия в России“», хотя полное его заглавие было обнаружено лишь в 1884 г. в статье В. М. Жемчужникова «Биографические сведения о Козьме Пруткове», которая была предпослана первому собранию сочинений знаменитого автора поэтических «Досугов». Правда, сам «Проект...» в собрание сочинений не вошел, поскольку, как объяснял редактор В. М. Жемчужников, составлял «служебное, а не литературное произведение К. Пруткова». За этим разъяснением скрывались, конечно, более серьезные причины. Они-то и отодвинули включение «Проекта: „О введении единомыслия в России“» в собрание сочинений Козьмы Пруткова на несколько десятилетий.¹

Некоторые обнаруженные нами документы, хранящиеся в архиве А. В. Никитенко, позволяют не только уточнить время создания «Проекта...», конкретный адресат пародии и историю ее опубликования, но и более масштабно представить себе роль и значение этой публикации «Современника».

Долгое время считалось, что, несмотря на дату «1859 г.», проставленную в первой публикации, на самом деле «Проект...» был написан в 1862 г. в связи с выходом в свет официального правительственного органа — газеты «Северная почта», а фиктивная дата была обусловлена цензурными соображениями. Это предположение, высказанное в 1933 г. П. Н. Берковым, оказалось, однако, ошибочным. Как справедливо пишут современные комментаторы «Проекта...», дата в публикации «точна и сатирически значима, так как „Проект“ подразумевает два крупных общественно-литературных события, объединенных фигурой одного „героя“: академика, профессора словесности С.-Петербургского университета, видного деятеля цензурного ведомства и Министерства просвещения А. В. Никитенко. Первое: создание в январе 1859 г. верховного органа обуздания литературы — „Комитета по делам книгопечатания“ в составе А. В. Адлерберга, Н. А. Муханова, А. Е. Тимашева, делопроизводителем которого стал А. В. Никитенко. Второе: организация „правительственной

¹ Впервые текст «Проекта...» был включен в «Полное собрание сочинений» Козьмы Пруткова П. Н. Берковым в 1933 г., причем наряду с журнальной редакцией была напечатана и редакция, подготовленная в 1883 г. В. М. Жемчужниковым для первого собрания сочинений Пруткова (первоначально опубликована: Лит. наследство. М., 1932. Т. 3. С. 202—206).

газеты“ — план, осуществленный позже при участии того же Никитенко, но родившийся именно в недрах этого комитета». ²

Имеющиеся документы, о которых пойдет речь далее, позволяют утверждать, что «Проект...» был остролюбодневным и имел ярко выраженную антиправительственную направленность, ибо не только «подразумевал» созданный в 1859 г. Комитет по делам книгопечатания, но и откровенно пародировал законодательные документы, связанные с его организацией. ³

Вторым общественно-литературным событием, отразившимся в «Проекте...», был, как верно отмечено в комментарии, выход правительственной газеты «Северная почта», которая действительно была задумана в недрах комитета. Однако некоторые детали заставляют предположить, что в «Проекте...», а точнее в его журнальном варианте, отразился не только план задуманного комитетом издания, но и некоторые связанные с этим событием постановления, относящиеся непосредственно уже к году выхода газеты — 1862-му. ⁴ Это небольшое уточнение дает возможность видеть в журнальном варианте «Проекта...» не первую его редакцию, а по крайней мере вторую. ⁵ Соответственно редакцию 1883 г., о которой уже шла речь, можно считать условно третьей.

Предположение о наличии первой редакции 1859 г. и второй редакции 1859—1863 гг. позволяет устранить противоречие, содержащееся в комментариях к «Свистку» в издании 1981 г. Одна из маргиналий Козьмы Пруткова, а именно № 1, которая гласит: «Сделать подписку на сие издание («Северную почту»). — *Н. Г.*) обязательной для всех присутственных мест» (Свисток, 315), совершенно справедливо поясняется в них ссылкой на запись в «Дневнике» А. В. Никитенко от 5 февраля 1862 г., где читаем: «Министр внутренних дел (П. А. Валуев. — *Н. Г.*) издал циркуляр губернаторам, чтобы те посредством полиции заставляли подписываться на „Северную почту“, так как эта газета правительственная и должна противодействовать русской прессе! Так сказано в циркуляре». ⁶ При этом авторы комментария не замечают, что эта ссылка явно

² Свисток. Собрание литературных, журнальных и других заметок: Сатир. прил. к журн. «Современник». 1859—1863 // Изд. подгот. А. А. Жук и А. А. Демченко. М., 1981. С. 549—550. Далее в наст. статье ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Свисток, страница (арабской цифрой).

³ Нельзя не согласиться с авторами комментариев к «Свистку» в том, что опубликование «Проекта: „О введении единомыслия в России“» в 1863 г. на страницах сатирического приложения к «Современнику» оказалось «единственным в подцензурной печати и исключительно смелым разоблачением „Комитета“» (Свисток, 550). Стоит, может быть, упомянуть только, что «выпады» против Комитета, слухи о котором начали распространяться задолго до его официального учреждения, появились уже в № 1 «Свистка» — в статье Н. Г. Чернышевского «Вредная добродетель» (Свисток, 8, а также 440, примеч. 4), и в № 6 «Искры» за 1859 г., где была напечатана принадлежащая, как теперь установлено, Н. А. Добролюбову статья, сопровождавшаяся пометой «Сообщено». Эта, как писал М. К. Лемке, «очень ядовитая подпись» на самом деле была «иронией по адресу только что образованного „комитета по делам книгопечатания“» (24 января 1859 г.), в обязанность которого ставилась рассылка благонамеренных статей, подписанных словом „сообщено“» (Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. СПб., 1904. С. 43; далее в наст. статье ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Лемке, страница (арабской цифрой)).

⁴ К тому же журнальную публикацию заключало «Примечание», содержащее перечень набросанных Козьмой Прутковым на полях своего «проекта» заметок, в которых можно услышать отголоски событий 1862, а не 1859 г. «Примечание», написанное в 1862—1863 гг., было помещено после основного текста «Проекта...», датированного 1859 г.; в несколько измененном виде оно вошло и в окончательную редакцию 1883 г. Все это, однако, не означает, что мы не можем рассматривать текст журнальной публикации как единый.

⁵ В этой второй редакции текст 1859 г. подвергся, по-видимому, некоторой правке (как, впрочем, и в 1883 г.).

⁶ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 257. Далее в наст. статье ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Никитенко, том и страница (арабскими цифрами).

не соотносится с высказанным ранее утверждением о том, что дата написания «Проекта...», указанная в публикации, «точна и сатирически значима» (Свисток, 549, примеч. 96).

Три редакции «Проекта: „О введении единомыслия в России“» безусловно заслуживают специального анализа и сопоставления, что не входило в задачу нашей статьи. Остановимся только на одном дополнении, которое внес В. М. Жемчужников в третью редакцию «Проекта...».

В заключительной части «Проекта...», после обоснования Козьмой Прутковым необходимости учреждения официального печатного органа в видах правительства для «установления одного *господствующего* мнения по всем событиям и вопросам», в редакции 1883 г. следует такая вставка: «Можно бы даже противодействовать развивающейся склонности возбуждать „*вопросы*“ по делам общей и государственной жизни, ибо: к чему они ведут? Истинный патриот должен быть враг всех так называемых „*вопросов*“!».⁷

Эта фраза прямо отсылает нас к № 4 «Свистка» (приложение к «Современнику» за 1860 г., № 3), где после долгого перерыва были напечатаны новые произведения Козьмы Пруткова. Здесь, в «Предупреждении», под которым стоит дата «24 октября 1859 г.», Козьма Петрович писал: «В обществе заговорили о каких-то новых потребностях, о каких-то новых *вопросах*... Я — враг всех так называемых вопросов! Я негодовал в душе и готовился!.. я готовился поразить современное общество ударом...» (Свисток, 112).

Что же за удар приготовил обществу автор «Предупреждения»? К сожалению, это место осталось непрокомментированным в издании «Свистка», на которое мы ссылаемся. Попытаемся восполнить этот пробел.

Исследователями установлено, что первоначально в разделе «Новые творения Козьмы Пруткова» предполагалось опубликовать не 7, а 18 его произведений (Свисток, 475), при этом судьба произведений, не вошедших в № 4 «Свистка», в основном прояснена, за исключением, как пишут авторы комментария, двух (там же, 476). Авторы считают, что это могли быть две басни из трех предполагаемых — «Червяк и попадь», «Звезда и брюхо» и «Родное». Как нам кажется, одним из произведений, исключенных из № 4 «Свистка», был «Проект: „О введении единомыслия в России“», который, очевидно после вмешательства цензуры, был заменен на «Предупреждение», — не случайно новые творения Пруткова оказались напечатанными с двумя предисловиями — от редакции и от автора.

Напомним, что писал об этом периоде жизни Козьмы Пруткова спустя более чем 20 лет В. М. Жемчужников: «Только в период приготовления реформ прошлого царствования он как бы растерялся. Сначала ему казалось, что из-под него уходит почва, и он стал роптать, повсюду крича о рановременности всяческих реформ и о том, что он „враг всех так называемых вопросов!“ Однако потом, когда неизбежность реформ сделалась несомненною, он сам старался отличиться преобразовательными проектами и сильно негодовал, когда эти проекты его браковали по их очевидной несостоятельности. <...> Вскоре, однако, он успокоился, почувствовал вокруг себя прежнюю атмосферу, а под собой — прежнюю почву. Он снова стал писать проекты, но уже стеснительного направления, и они принимались с одобрением».⁸

Далее в своей биографической справке В. М. Жемчужников еще раз возвращается к этому периоду деятельности Пруткова, определяя «промежуточные шесть лет между двумя появлениями Козьмы Пруткова

⁷ Прутков Козьма. Полн. собр. соч. М.; Л., 1933. С. 276.

⁸ Там же. С. 9—10.

в печати» (в 1853—1854 гг. и 1860—1864 гг.) как «годы томительного смущения и отчаяния».⁹

В «Предупреждении», правда, сам Козьма Петрович сокращал этот срок до трех с лишним лет: «Я решился идти за обществом. Сознаюсь, читатель: я даже повторял чужие слова против убеждения!.. Так прошло более трех лет.¹⁰ Время показало мне, что я боялся напрасно. Общество наше оклеветано; оно изменилось только по наружности... Мудрый смотрит в корень: я посмотрел в корень... Там все по-прежнему: там много неоконченного (d'inachevé)!.. Это успокоило меня. Я благословил судьбу и вновь взялся за лиру!.. Читатель, ты понял меня! До свидания!» (Свисток, 112).

Под «Предупреждением» в публикации проставлена точная дата: «24 октября 1859 г. (annus, i)» (ср. с датой под «Проектом...»: «1859 года (annus, i)» — Свисток, 315).

Итак, совпадение года написания «Предупреждения» и «Проекта: „О введении единомыслия в России“», «цитата» из «Предупреждения» в третьей редакции «Проекта...» 1883 г., а также пояснения, касающиеся этого периода творчества Козьмы Пруткова, которые были сделаны В. М. Жемчужниковым в «Биографических сведениях о Козьме Пруткове», позволяют, с нашей точки зрения, утверждать, что первоначально «Проект: „О введении единомыслия в России“» должен был появиться в № 4 «Свистка» за 1860 г. Если учесть, что речь идет о номере «Свистка», в котором большая часть публикаций принадлежала Добролюбову; что им написана заметка «От редакции» ко второму разделу «Свистка», озаглавленному «Новые творения Козьмы Пруткова»; что название серии этих новых произведений «Пух и перья» («Daunen und Federn») написано на корректурных листах рукой Добролюбова, можно сделать вывод: Добролюбов не только читал это произведение, но и, возможно, принимал какое-то участие в его замысле или создании. Цензура, как известно, основательно потрудились именно над этим разделом «Свистка». Не потому ли Добролюбов дал ему столь выразительный подзаголовок: «Пух и перья»?

Мы попытаемся показать далее, что по своему социально-политическому звучанию «Проект...» выходил далеко за рамки пародируемого материала (деятельность Комитета по делам книгопечатания и издание «Северной почты»), превращаясь в острую сатиру на так называемые либеральные преобразования Александра II в области цензуры; более того, острое прутковской сатиры было направлено не только против российского самодержавия, но и против основ абсолютной монархии вообще. Это главным образом и дает нам основание называть «Проект...» «ударом», которым Козьма Прутков хотел поразить современное общество.

Для того чтобы стало очевидным столь важное значение «Проекта...» Козьмы Пруткова, обратимся к истории так называемого Комитета по делам книгопечатания, просуществовавшего всего год и, на первый взгляд, оставившего в памяти современников лишь впечатление некоего казуса, о котором вскоре полностью забыли. История эта изучена довольно обстоятельно в упомянутой выше работе М. К. Лемке, однако некоторые ее эпизоды напомнить необходимо.

После закрытия в конце 1855 г. так называемого бутурлинского комитета («Комитет 2 апреля 1848 г.»), годы деятельности которого обозначили эпоху цензурного террора, правительство Александра II оказалось перед необходимостью упорядочить законодательство по печати и провести давно назревшие преобразования в цензуре. Общество, в осо-

⁹ Там же. С. 11.

¹⁰ Эти слова современные исследователи почему-то не комментируют. Между тем они прямо указывают на царствование Александра II и те либеральные иллюзии, которые связывались с началом его правления.

бенности литераторы, ожидало от царя расширения гласности при обсуждении различных общественных вопросов и в первую очередь вопроса об освобождении крестьян. Время показало, сколь напрасными были эти ожидания, но в первые годы царствования сторонники либеральных преобразований не сомневались в возможности влияния на Александра II.

В ноябре 1857 г. кн. А. М. Горчакову была подана записка «О цензуре в России», автором которой был Ф. И. Тютчев. В этой записке высказывалась мысль о необходимости создания правительственного печатного органа, однако цель его была настолько же противоположна той, которая была поставлена позднее перед «Северной почтой»,¹¹ насколько план реорганизации русской цензуры, предложенный Тютчевым, был противоположен тем цензурным реформам, которые были проведены впоследствии на деле.¹²

Как считает М. К. Лемке, инициатором этого плана цензурной реформы был сам Горчаков, который в качестве образца имел в виду прежде всего положение печати во Франции, где Наполеон III после переворота 2 декабря 1851 г. создал совершенную в своем роде систему подавления свободного общественного мнения, подчинив своему влиянию почти все печатные органы.

«Нам было жестоко доказано, — писал Ф. И. Тютчев в своей записке, — что нельзя налагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего организма. <...> Даже сама власть с течением времени не может уклониться от неудобств подобной системы» (цит. по: Лемке, 353). В этом Тютчева убеждает и недавнее царствование Николая I, и режим военной диктатуры во Франции, который он в одном из писем называл «строим, ставшим, так сказать, примитивным вследствие своей испорченности».¹³ «И когда подумаешь, — писал Тютчев в июле 1859 г., — что такая подавляющая материальная сила находится в распоряжении всей этой нравственной и умственной развращенности, всей этой грубо-циничной лжи, тогда, право, есть от чего содрогнуться за будущность мира».¹⁴ Таким образом, говоря о преобразованиях в области цензуры, Тютчев ни в коей мере не имел в виду французскую систему. Он предлагает Горчакову, а следовательно и царю, в целях освобождения русского общества от тяжелого наследия предыдущего царствования прежде всего ввести свободу слова. «В сотый раз» повторяет он, «что в наше время везде, где свобода прений не существует в довольно обширных размерах, ничто невозможно, решительно ничто в нравственном и умственном смысле». И через два года мнение Тютчева не изменится. В письме к А. М. Горчакову от 21 апреля 1859 г. он напишет: «Для вас, так же как и для самого государя, нет против среды, осаждающей и более или менее угнетающей вас обоих, нет, говорю я, другой точки опоры, другого

¹¹ Когда заходит речь об издании «Северной почты», обычно говорят, что она была создана по инициативе министра внутренних дел П. А. Валуева, а ее редактором стал Никитенко (см., например: Свисток, 550). Надо, однако, отметить, что намерение издавать правительственный орган в целях воздействия на общественное мнение возникло еще в царствование Александра I (см.: Лемке, 353).

¹² Попутно хотелось бы отметить, что М. К. Лемке, очевидно, ошибочно связывает записку Тютчева со статьями Герцена в «Колоколе» как ответами на ноябрьские рескрипты правительства. Тютчев, хорошо осведомленный о ходе подготовки крестьянской реформы, уже 28 сентября 1857 г. в письме к А. Д. Блудовой писал о том, что «истинное значение задуманной реформы сведется к тому, что произвол в действительности более деспотический, ибо он будет облечен во внешние формы законности, заменит собою произвол отвратительный, конечно, но гораздо более простодушный и, в конце концов, может быть, менее растлевающий...» (Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1984. С. 251). В замысел Тютчева входило, по-видимому, воздействие на правительство, а не только сохранение за ним «права руководить умами» (см.: Лемке, 355).

¹³ Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 264.

¹⁴ Там же.

средства противодействия, как во мнении извне, в великом мнении — в выражении общественного сознания.<...> Но для этого нужно разрешить ему высказаться и даже вызвать его на это.<...>

Система, которую представляете вы, всегда будет иметь врагами тех, кто является врагами печати. Как же печати не стать вашей союзницей? ..».¹⁵ Следует подчеркнуть, что это письмо писано уже после того, как был организован (по образцу французского Bureau de la presse) Комитет по делам книгопечатания, состав которого именно Тютчев метко окрестил «троемужием». Разумеется, от Тютчева не могло укрыться истинное намерение царя добиться, вопреки общественному мнению и либеральным чаяниям, значительного ужесточения цензурного гнета, поставив комитет не только над министерствами, но и над самой цензурой.

Любопытно отметить, что написанная по-французски записка о русской цензуре Тютчева 1857 г. была опубликована незадолго до смерти поэта в русском переводе с воспроизведением подлинника по-французски,¹⁶ и Тютчев успел откликнуться на эту публикацию. «Перечитывая свою записку, — писал он дочери А. Ф. Аксаковой, — которая и сейчас еще полна злободневности, я убедился, что самое бесполезное в этом мире — это иметь на своей стороне разум. Через 30 лет все, несомненно, будут думать об этих вопросах то же, что я думаю сейчас, но тем временем зло будет сделано — и, вероятно, зло непоправимое. Мне любопытно будет посмотреть, какое впечатление произведет эта статья здесь, в правительственных кругах. Это как бы манифест, обнародованный задним числом, который окажется неудобным для тех, кто спешит стереть последние следы прошлого».¹⁷ «Эта статья, — продолжает Тютчев, — явилась как раз вовремя, чтобы наглядно показать тот путь вспять, который мы проделали с 1857 года. Я узнал вчера, что готовится новый закон о печати, который <...> оставит за администрацией право определять те вопросы, коих не будет дозволено касаться в печати».¹⁸

Так в 1873 г. явственно отозвались идеи, высказанные Козьмой Прутковым еще в 1863 г., когда он «сбоку трактата о невозможности правильно судить правительственные мероприятия без наставнического указания верховного начальства» надписал: «Подобно сему, неопытный ребенок, будучи временно оставлен без руководителя и увлекаемый между тем прохладной тенью близлежащего леса, опрометчиво устремляется в оный от дому, не рассудив — о, несчастный! — что у него не достанет ни ума, ни соображения для отыскания *обратной дороги*» (Свисток, 315). Преждевременная кончина не позволила ему «развить это прекрасное сравнение», как он того хотел, но «*обратная дорога*», о которой он так беспокоился, была найдена, а среди тех, кто выдумывал новые «фантастические» (по выражению Тютчева) законодательства, знаменующие «путь вспять», был и старый знакомый Козьмы Пруткова А. Е. Тимашев, занявший к тому времени пост министра внутренних дел.

Напомним, что у многих литераторов сам замысел нового комитета вызвал резкое неприятие, — в нем не без основания подозревали новый бутурлинский негласный комитет, учитывая его состав, определенный Александром II (Н. А. Муханов, А. В. Адлерберг, А. Е. Тимашев).

Вот что писал об образовании комитета И. С. Тургенев Полине Виардо 30 декабря 1858 г. (11 января 1859 г.): «Среди важнейших здешних политических новостей <...> назову: согласие правительства на необходимость выкупа принадлежащих крестьянам земель и учреждение комитета для руководства литературой, что-то вроде bureau de la presse,

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ Рус. арх. 1873. Кн. 1, № 4.

¹⁷ Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 359—360.

¹⁸ Там же. С. 359. Курсив мой. — Н. Г.

одним из членов этого комитета состоит шеф тайной полиции».¹⁹ Под шефом тайной полиции Тургенев имел в виду А. Е. Тимашева, который с 1856 г. был начальником штаба корпуса жандармов и управляющим III Отделением.

Поначалу предполагалось, что в комитет войдут известные литераторы, среди которых называли Ф. И. Тютчева, П. А. Вяземского, И. С. Тургенева и других, однако царь, как свидетельствуют современники, отверг эти предложения и назначил в комитет людей по своему усмотрению, — «тройку из царских конюшен», как выразился в «Колоколе» Герцен.

«Ковалевский, — писал, например, 21 декабря 1858 г. В. А. Долгоруков Н. В. Путяте, — просил назначить иных лиц, а именно литераторов, называя Тютчева, И. С. Тургенева и др.; государь рассердился и сказал ему: „Что твои литераторы! Ни на одного из них нельзя положить!“».²⁰ Кончилось дело тем, что Совет министров решил вопрос о составе комитета в отсутствие министра просвещения Евгр. П. Ковалевского, уехавшего на несколько дней в Москву. Ковалевский, как свидетельствует Никитенко, намерен был даже из-за этого подать в отставку, но передумал (см.: Никитенко, 2, 50—51).

Естественно, что с первых своих шагов «троеюзники» столкнулось с бойкотом со стороны даже тех литераторов, кто был сначала настроен помочь правительству в проведении различных преобразований.

Среди бумаг Комитета по делам книгопечатания находится один любопытный документ, в котором четко сформулированы задачи нового учреждения. В нем говорится: «...при современном состоянии умов, в особенности юного, легко привлекаемого поколения, при сознании у нас потребности в разных государственных преобразованиях и при очевидности к распространению многими из наших писателей ошибочных и несбыточных теорий, нельзя не чувствовать необходимости в принятии мер к более правильному и сообразному с видами правительства направлению нашей литературы».²¹ Цели создаваемого правительством для «направления» литературы учреждения сформулированы здесь так: «1. Служить орудием правительства для подговления умов, посредством журналов, к предпринимаемым им мерам. 2. Направлять, по возможности, главные периодические издания к общей государственной цели, поддерживая обсуждения общественных вопросов в видах правительства».²² Говорилось в этом документе и о том, что государь не желает, чтобы новое учреждение имело вид цензурного, ибо «цензура дозволяет или запрещает <...> но она не может указать, каким предметом следует заняться предпочтительно».²³

Словом, сложилась именно та ситуация, которая была пародийно воссоздана в сочинении Козьмы Прутковка: «Наставить публику... Запаслась... Молодость, науки, незрелость... Вздор!.. Убеждения, безначалие, неуважение к старшим, собственное мнение!.. *Собственное мнение!!!* Да разве может быть собственное мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?! Откуда оно возьмется и на чем основано?! Если бы писатели знали что-либо, их призвали бы к службе: но кто не служит, тот, значит, недостоин, стало быть, и слушать его нечего!

¹⁹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 353 (подлинник по-французски).

²⁰ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1984. С. 262. В том же письме Долгоруков продолжал: «Таким образом, литература поступила под ведомство III Отделения. <...> Вероятно, последствием этого комитета будет значительное усиление печати русской литературы за границею и рукописной литературы в России» (там же).

²¹ ИРЛИ, арх. А. В. Никитенко, № 19281, л. 1.

²² Там же, л. 1 об.—2.

²³ Там же.

С этой стороны еще никто не колебал авторитет нынешних писателей, — я первый. . .» (Свисток, 313).

Стоит ли удивляться, что комитет, созданный на таких основаниях и в таком составе, с трудом просуществовал всего несколько месяцев? Уже в октябре того же 1859 г. А. В. Никитенко, который был фактически вынужден войти в состав комитета как делопроизводитель по воле Александра II,²⁴ подал царю записку, в которой говорилось: «Поставленный неофициальным своим положением в общей системе правовых учреждений и в то же время обязанный участвовать в решении важнейших вопросов общественных, именно вопросов умственных и нравственных, он <комитет> должен был затрагивать самые щекотливые стороны администрации, общественного мнения и печати, что дало ему вид какого-то чрезвычайного, контролирующего и, по его уединенности, вид устрашающего установления, несмотря на употребленные им всевозможные способы к отстранению всяких поводов к подобному взгляду». «Литераторы, — говорилось в этом документе, — кроме влияния обыкновенной цензуры, опасаясь от нового учреждения <стороннего> стеснительного (для себя стороннего) вмешательства <как бы в самые процессы своей умственной деятельности и видя в нем новое опасное ограничение умственных успехов>, уклонились от всяких с ним сношений».²⁵

«Странное положение» нового учреждения, по мнению автора записки, заключалось прежде всего в том, что в цензуре образовалось как бы двоевластие: наряду с обычной предварительной или предупредительной цензурой комитет должен был, по образцу французского Bureau de la presse, стать цензурой карательной. Выход из этого ложного положения Никитенко видел в том, чтобы, слив комитет с Главным управлением цензуры, вернуть его в привычное лоно цензуры предварительной, а функцию «исправления злоупотреблений» передать правительственной газете, которая осуществляла бы «влияние на общественное мнение». Ссылаясь на уже разработанный план газеты, Никитенко одновременно предлагал и основные направления цензурной реформы, очевидно согласованные им предварительно с Ковалевским.

Проект устава о цензуре еще 8 мая 1859 г. был подан Ковалевским на рассмотрение в Государственный совет, но «неожиданно», как пишет М. К. Лемке, для самого Ковалевского был отклонен (Лемке, 360—362).

Здесь уместно обратиться еще к одному интересному документу, который находится среди бумаг Комитета по делам книгопечатания в архиве Никитенко.²⁶ Этот документ проливает свет на вопрос о том, по образцу какого учреждения был создан комитет, и проясняет некоторые особенности заключительного этапа его существования.

Речь идет о небольшой сброшюрованной тетради, содержащей текст на французском языке. Текст не датирован и не подписан, однако помета в левом верхнем углу на первой странице свидетельствует о том, что тетрадь попала в архив Никитенко не случайно.

²⁴ Роль, которую сыграл Никитенко в истории Комитета по делам книгопечатания, может стать предметом специального исследования, однако в целом можно сказать, что, не одобряя учреждения нового органа в составе знаменитого «троемужия» («Если бы нарочно постарались отыскать самых неспособных для этой роли людей, то лучше не нашли бы. <...> Смех и горе!» — Никитенко, 2, 50), он сделал все, чтобы комитет был закрыт как можно скорее.

²⁵ ИРЛИ, ф. А. В. Никитенко, № 19277, л. 3—4. Записка Никитенко была известна М. К. Лемке в отредактированном виде. Мы приводим ее по черновому списку, указывая в ломаных скобках слова, зачеркнутые Никитенко, а в круглых — вписанные. Далее в наст. статье ссылки на этот документ даются в тексте сокращенно: Записка, номер листа.

²⁶ Там же, л. 64—85. Далее листы этого архивного дела указываются в тексте наст. статьи.

Это помета «Communiqué», означающая буквально «Сообщено». Напомним, что по уставу комитета этим паролем должны были сопровождаться статьи, написанные по заказу комитета, — это обеспечивало им беспрепятственную публикацию в любом периодическом издании как исходящим от правительства и одобренным самим государем.²⁷

В описи, приложенной к папке с этим документом, указанная тетрадь никак не обозначена. Содержание тетради составляет краткая характеристика положения французской прессы после декабрьского переворота, причем автор обнаруживает большую осведомленность в делах периодики и законодательства по печати. Он приводит основные параграфы законодательства, а в конце излагает свое мнение о возможности применения французской системы в стране «более молодой», «которая принуждена сочетать новые устремления со старыми обычаями» (л. 84). Автор записки склоняется к мнению, что «умное» применение этой системы могло бы подойти и «молодой стране», однако указывает, что во Франции эта система не принесла ощутимых результатов, создав правительству большие затруднения и расходы. Будучи, очевидно, вполне осведомленным в делах печати и цензуры во Франции, автор берет на себя смелость утверждать, что эта система «отжила свое и, похоже, что новая организация, находящаяся в большей гармонии с потребностями общественного сознания, сменит ту, что имела право на существование в 1852 г.» (л. 84 об.—85).

Он не только дает «информацию» о положении печати во Франции, но и собственную оценку нововведений, осуществленных в этой области после переворота 1851 г.²⁸ С его точки зрения, положение прессы «странным образом» модифицировано. Произведена полная реорганизация (как по сути, так и по форме) законодательства, выражающаяся в том, что пресса одновременно управляется так называемым органическим законом, который воплощает как бы «букву» правительственной политики, и специальным бюро (комитетом), которое как бы выражает ее «дух». Другими словами, существуют две власти: писаная и неписаная; власть, на которую можно сослаться при свете дня, и власть, которая управляет в тени. Далее автор, прибегая к новой строке, акцентирует внимание читающего: «Цензура отсутствует». И поясняет: «Каждый волен писать и печатать все, что ему захочется, но действие правительства дает о себе знать, как только совершается проступок, и тогда именно Bureau de la presse решает вопрос о своевременности наказания» (л. 65). Красными чернилами выделена статья закона № 1, в которой содержится положение об обязательном предварительном разрешении правительства на издание периодического органа и о неукоснительном

²⁷ Этот параграф был заимствован из французского закона о печати от 17 февраля 1852 г.

²⁸ Есть веские основания полагать, что автором этого сообщения или «донесения» был русский осведомитель в Париже Я. Толстой, регулярно снабжавший правительство информацией, причем его донесения, как правило, не были датированы и не имели подписи. В обязанности Толстого прежде всего входила постоянная информация о положении французской прессы. Известно, что часть «донесений» Толстого представлялась в распоряжение Министерства народного просвещения, откуда документ, о котором идет речь, мог попасть в руки Никитенко. О деятельности Толстого в Париже см.: *Тарле Е.* Донесения Якова Толстого из Парижа в III Отделение // Лит. наследство. М., 1937. Т. 31—32. С. 563—662, где, в частности, сказано, что отчеты Толстого шефу жандармов сохранились «лишь по 1855 г. включительно. Судьба остальных неизвестна, и не исключена возможность, что они просто еще не разысканы в архивах» (с. 645). «Помимо III Отделения, — писал Е. В. Тарле, — Толстой посылал корреспонденции в Министерство народного просвещения, корреспондентом которого он официально числился одновременно со службой в III Отделении. Эта переписка осталась нам неизвестной» (с. 646). Цитируемый нами документ, скорее всего отправленный в Министерство народного просвещения в период между 1856 и 1858 гг., возможно и является одной из таких неразысканных корреспонденций. (Предположение об авторстве Я. Толстого высказано Е. В. Свиясовым.)

оповещении правительства относительно изменений в составе редакции и т. д.

Пропуская не очень важные с его точки зрения параграфы, автор останавливает внимание на статье XXXII, которая содержит право запрещения того или иного издания после двух предупреждений либо по приговору, либо без него, либо просто «ввиду общественной безопасности и когда это сочтет необходимым правительство» (л. 67 об.). Автор записки о французской прессе совершенно справедливо замечает, что суть дела состоит в сочетании этих двух параграфов нового законодательства. Оно является «самым мощным оружием у правительства против прессы и обеспечивает ему полное над нею господство» (л. 68).

Вскрывая подлинный смысл «органического закона о прессе», введенного правительством Наполеона III, автор записки отмечает, что цель его состояла в том, чтобы полностью подчинить всю периодическую печать воле правительства, но сделано это было весьма оригинально. Закон, означавший на деле полную отмену свободы слова и печати, внешне выглядел вполне либерально: цензура отменялась. Оставалось только обязательное условие предварительного согласования с правительством состава редакции нового печатного органа, получения разрешения на его открытие, и можно было печатать все что угодно, правда, как отмечается в записке, «на свой страх и риск» (л. 71 об.).

Таким образом правительство Второй империи лишило министерство внутренних дел его законного права контроля над цензурой, сохранив его целиком за собой.

Преобразованное из Министерства полиции Bureau de la presse должно было выполнять незавидную функцию карательного учреждения, подменившего собой привычную предварительную цензуру. Как видим, чиновники Наполеона III имели полное право именовать этот закон «органическим», ибо он полностью соответствовал духу и букве режима военной диктатуры.

Эти-то «нововведения», имевшие, по выражению автора записки, «лишь видимость свободы» (л. 74 об.), и было задумано перенести на русскую почву. Но чиновники Александра II в отличие от своих французских собратьев решили не соблюдать и видимость свободы, т. е. не отменять предварительную цензуру, подключив к ней цензуру карательную в виде Комитета по делам книгопечатания.

Такое «разумное применение» французской системы не могло не привести к «какому-то странному положению комитета в среде, где ему надлежало действовать». Незавидное положение Комитета по делам книгопечатания усугублялось еще и тем, что он не был учрежден официально. В свете вышесказанного становится понятным, что имелось в виду в разговоре между Ф. И. Тютчевым и А. В. Никитенко, который записал в своем дневнике 5 октября 1858 г.: «Федор Иванович рассказал мне <...> о проекте, присланном сюда из Берлина нашим посланником, бароном <А. Ф.> Будбергом, который предлагает, по примеру Франции, учредить наблюдательно-последовательную цензуру. „Хорошо! А нынешняя предупредительная остается?“ — спросил я. „В том-то и дело!“ — отвечал Тютчев» (Никитенко, 2, 37). Оба собеседника хорошо понимали невозможность сочетания русской и французской систем при решении вопроса о цензуре. Никитенко пишет, что Тютчев «сильно протестовал против этой двойственной цензуры — предупредительной и последовательной» (там же).

Русский Комитет по делам книгопечатания оказался больше похожим на пародию. Его секретные документы полны столь явных несообразностей и нелепостей, что подчас невольно напоминают стиль Козьмы Пруткова, который, по странному совпадению, с 1859 г. начал писать проекты, имеющие государственные цели.

«По мере того как этот тип выяснялся, — писал Алексей Жемчужников брату Владимиру 1 (13) февраля 1883 г., — казенный характер его стал подчеркиваться. Так в своих „проектах“ он является *сознательно* казенным человеком. Выставляя публицистическую и иную деятельность Пруткова в таком виде, его „присные“ или „клевреты“ (так ты называешь Толстого, себя и меня) тем самым заявили свое собственное отношение „к эпохе борьбы с превратными идеями, к деятельности негласного комитета“ и т. д.»²⁹ Под негласным комитетом здесь несомненно имеется в виду Комитет по делам книгопечатания.

«Проект: „О введении единомыслия в России“ — единственный из дошедших до нас многочисленных, по утверждению В. М. Жемчужникова, государственных проектов Козьмы Пруткова. Как говорилось выше, «Предупреждение», заменившее, очевидно по цензурным причинам, «Проект...» в № 4 «Свистка», было датировано 24 октября 1859 г. Эта точная дата является исключением для произведений Козьмы Пруткова. Напомним о сообщаемой В. М. Жемчужниковым в предисловии к первому собранию сочинений Козьмы Пруткова одной особенности датировки его произведений: известно, что все свои печатные прозаические статьи Козьма Прутков помечал 11 апреля или этим числом иного месяца, вовсе не желая намекнуть на дату своего рождения (такая версия была высказана в некрологе Козьмы Пруткова, опубликованном в 1863 г.³⁰), а имея в виду сон, который приснился ему в ночь с 10 на 11 апреля 1823 г.³¹ Все это заставляет думать, что В. М. Жемчужников не случайно привлекал внимание «будущих библиографов» Козьмы Пруткова к проблеме датировки его произведений.

И действительно, дату 24 октября 1859 г. можно считать весьма немаловажной в истории событий, связанных с Комитетом по делам книгопечатания. Как известно, 23 октября 1859 г. состоялось заключительное обсуждение давно лелеемого Никитенко проекта об изменении устройства цензуры и слиянии Комитета по делам книгопечатания с Главным управлением цензуры. В обсуждении проекта приняли участие Евгр. П. Ковалевский, Адлерберг, Тимашев и сам автор. Решено было представить доклад Никитенко на рассмотрение царю. 5 ноября на заседании Совета министров под председательством Александра II были, как отмечал в своем дневнике Никитенко, «сильные прения». «Государь совершенно согласен с нашим проектом о слиянии Комитета с Главным управлением цензуры» (Никитенко, 2, 101).

Черновая рукопись проекта Никитенко, которую нам уже приходилось цитировать, помечена датой «Октября дня 1859 г.». Можно предположить с большой долей уверенности, что именно эта рукопись обсуждалась 23 октября, а правка рукой Никитенко, которая в ней содержится, по-видимому, была внесена сразу после обсуждения, 24 октября. О том, что эта правка была учтена в окончательной редакции, представленной в Совет министров, можно судить по тому варианту документа, которым пользовался Лемке (Лемке, 364—366).

Неопровержимым свидетельством сатирической значимости даты под «Предупреждением» (24 октября 1859 г.) является сопоставление проекта Никитенко с «Проектом...» Козьмы Пруткова.

²⁹ Цит. по: Берков П. Н. Козьма Прутков — директор Пробирной палатки и поэт: К истории русской пародии. Л., 1933. С. 192—193. А. М. Жемчужников приводит цитату из письма А. Н. Пыпина, интересовавшегося историей Козьмы Пруткова.

³⁰ В этом некрологе, подписанном племянником Козьмы Пруткова Калистратом Ивановичем Шерстобитовым, говорилось: «Твердо веря, подобно прочим великим людям, в свою звезду, достопочтеннейший мой дядинька никогда не заканчивал своих рукописей в другое число, как в 11-е. Исключения из этого весьма редки, и покойный не хотел даже признавать их» (см.: Прутков Козьма. Полн. собр. соч. С. 419).

³¹ См.: Там же. С. 500—501. Вещий смысл этого сна не был разгадан Жемчужниковым, загадочным он остается и до сих пор.

«Проект: „О введении единомыслия в России“», опубликованный в 1863 г., состоит из четырех частей. Это «Приступ», в котором очень точно воспроизводится общественно-литературная ситуация, породившая Комитет по делам книгопечатания. Далее следует «Трактат», который, как будет показано далее, в большей своей части пародирует проект о реорганизации цензуры и слиянии Комитета по делам книгопечатания с Главным управлением цензуры. Затем идет «Заключение», где, как и у Никитенко, обосновывается необходимость создания правительственной газеты. Затем, наконец, помещено «Примечание», написанное, как уже говорилось, несколько позже «Трактата», после выхода в свет первых номеров «Северной почты».

К чему же в общих чертах сводилось содержание записки Никитенко, которую он в качестве доклада от имени Комитета по делам книгопечатания представил в октябре 1859 г. на высочайшее рассмотрение?

Прежде всего отметим, что вопрос о комитете не был в ней главным. По сути Никитенко представил доклад о необходимости цензурной реформы и высказался о предполагаемых путях ее осуществления. Никитенко писал, что, по «окончательному заключению» потерпевшего фиаско комитета, «способами, предупреждающими и исправляющими злоупотребления и ошибки печати, могут быть только благоустроенная цензура и влияние на общественное мнение посредством особенного печатного органа — газеты» (Записка, л. 5 и об.).

Поясняя это рассуждение Никитенко, следует подчеркнуть, что таким образом он хотел вернуть цензуре ее привычные, «законные» права, на которые безуспешно пытался посягнуть комитет, а если учесть, что комитет был учрежден Александром II в качестве органа, контролирующего и саму цензуру, то приходится признать, что предложения Никитенко, отнюдь не задевавшие «основ», тем не менее объективно входили в противоречие с замыслами правительства.

Не случайно и Ф. И. Тютчев в 1873 г. напишет по поводу предстоящих цензурных преобразований (разработанных под руководством А. Е. Тимашева), по которым за администрацией будет оставлено право определять «те вопросы, коих не будет дозволено касаться в печати»: «В нынешних условиях смелее и честнее открыто восстановить цензуру, которая, заменив собою все это фантастическое законодательство чем-то ясным и положительным, была бы принята печатью как настоящее благодеяние».³²

Называя причины, по которым цензура в настоящем своем виде «не в состоянии удовлетворять своему назначению», Никитенко писал: «1. Она не имеет определенных правил для своих действий. Конечно, строго определенных правил в таком кругу администрации, как надзор за действиями человеческой мысли, бесконечно разнообразной, неуловимой и изменчивой, нельзя и требовать. Однако главные, основные начала правительства и здесь, как и во всем прочем (здесь и далее курсив мой. — Н. Г.), могут и должны быть по возможности, хотя и не без больших трудностей и соображений, изъяснены в органическом постановлении» («Записка, л. 6»).³³

Говоря о тяжелом положении цензоров, которые вынуждены довольствоваться «одними частными предписаниями начальства, возникающими по разным текущим отдельным случаям и, следовательно, не дающими <...> общего систематического направления...», Никитенко пытается объяснить, что цензоры «часто впадают в ошибки, единственно по неясному пониманию намерений правительства и по невозможности выразить с достаточной точностью ему свои недоумения и поверить свои взгляды» (Записка, л. 7 и об.).

³² Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 359.

³³ Стоит обратить внимание на термин «органическое постановление», явно заимствованный из французского законодательства о печати (см. с. 27—28 наст. статьи).

Напомним теперь вкратце «Трактат» Козьмы Пруткова: «Вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия с властью во мнениях. <...> Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться. Для осуществления этого желания необходимо держаться мнения начальства; ибо — в противном случае, где ручательство, что составленное мнение безошибочно? <...> Где подданному разуместь все эти причины, поводы, соображения, разные виды, с одной стороны, и усмотрения — с другой, на основании коих принимаются правительственные меры? Не понять и не уразуметь ему их, если они не будут указаны самим благодетельным правительством! Этому мы видим доказательства ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно!! Вот причина, с одной стороны, почему иные *даже самые благонамеренные люди нередко сбиваются с толку злонамеренными толкованиями*; и почему, с другой стороны, многие из верноподданных недостаточно противодействуют распространяющимся лжеумудрствованиям, не имея от правительства указания, какого мнения следует держаться?.. Положение их самое тягостное и, даже смело скажу, вполне невыносимое!» (Свисток, 313. Курсив мой. — Н. Г.).

Не приходится сомневаться в том, что при некоторой степени обобщения выдержки из записки Никитенко, с одной стороны, и при некоторой конкретизации текста «Трактата» («самые благонамеренные люди» — цензоры), с другой стороны, очевиден «плагиат», допущенный Козьмой Петровичем Прутковым при составлении своего «Проекта...».

Для исправления положения дел в цензуре Никитенко предлагал в своей записке дальнейшую централизацию в этой области с целью более «непосредственного соприкосновения исполнителей с руководящей централизованной властью» (Записка, л. 7 об.—8). Что касается Комитета по делам книгопечатания, то, как говорилось, Никитенко предлагал слить его с Главным управлением цензуры, сохраняя за комитетом право вносить свои соображения «относительно направления идей в государстве», в том числе в области печати, цензуры и руководства печатным правительственным органом (Записка, л. 11 об).

При очевидной благонамеренности цитируемых отрывков, нельзя не заметить, что Никитенко не оставляет надежды на возможность коллегиального решения «всех высших вопросов относительно направления идей». В этом записка Никитенко несомненно перекликается с запиской Тютчева 1857 г. Дальнейший ход событий, который Тютчев определил как движение «вспять», последовательно разрушал либеральные надежды как Никитенко, так и Тютчева.

Надо признать, что в отличие от «прогрессивно» настроенного Никитенко Козьма Петрович Прутков показал себя гораздо более дальновидным мыслителем.

Его «Заключение» гласит: «На основании всех вышеизложенных соображений и принимая во внимание, с одной стороны, явную необходимость установления однообразной точки зрения в пространном нашем отечестве, с другой же стороны, усматривая невозможность достижения этой благой цели без учреждения официального печатного органа, нельзя вместе с тем не признать справедливым, что в этом именно заключается настоятельная потребность общества и существеннейшее условие его преуспеяния и развития...» (Свисток, 313—314).

Проект правительственного органа, предложенный Козьмой Прутковым, оказался гораздо более реалистичным, чем тот, который был задуман Тютчевым: «Будучи поддержан достаточным содействием полпцейской и административной властей, такой правительственный орган служил бы надежной звездой; скажу: маяком или вехою для общественного мнения» (Свисток, 314).

Не углубляясь в дальнейшее сопоставление двух проектов, отметим еще один момент, в котором ярчайшим образом проявилась сатирическая направленность «Проекта...» Козьмы Пруткова.

Речь идет о предполагаемом редакторе будущего правительственного органа. Козьма Петрович, по свойственной ему скромности, не мыслил себя в этом качестве, но высказывал полную «готовность жертвовать до последнего издыхания» своими познаниями и способностями, «если это будет согласно с предначертаниями начальства, для бескорыстной службы престолу отечества» (Свисток, 314).

Авторы комментария к «Свистку» совершенно справедливо сопоставляют это место в «Проекте...» с назначением Никитенко на должность главного редактора «Северной почты». Это подтверждается и разговором Никитенко лично с Александром II о плане будущей газеты (Лемке, 559), да и в самой записке Никитенко фактически называет себя в качестве претендента на должность редактора газеты.

В этой связи заслуживает внимания то место в «Проекте...» Козьмы Пруткова, где он предлагает в состав редакции «заслуженного нашего литератора и академика Бориса Федорова <...> всегда достойно пользовавшегося милостями и доверием правительства». Называя имя литератора, прославившегося пасквильными антигерценовскими статьями (его, кстати, упоминал Добролюбов уже в № 1 «Свистка»), Козьма Прутков имел в виду не только названного писателя, но и многих других, готовых принести все жертвы на алтарь «престол-отечества».

Оценивая в целом «Проект: „О введении единомыслия в России“», его непосредственную соотнесенность с конкретными событиями из истории русской цензуры и журналистики и в то же время высокую степень обобщений, в нем заключающихся, следует отметить, что творческая история этого произведения нуждается в дальнейшем изучении.

Немалое значение имеют датировка первой редакции «Проекта...» и предположение о его публикации в добролюбовском номере «Свистка», что позволяет внести дополнительные коррективы в такой важный для истории русской демократической журналистики эпизод, как столкновение Герцена с «Современником» в 1859 г., когда над редакцией журнала нависло обвинение в желании сотрудничать с Комитетом по делам книгопечатания.³⁴

Остается выяснить, каким образом удалось В. М. Жемчужникову получить сведения о записке Никитенко и мог ли он вообще ознакомиться с теми материалами, которые ныне хранятся в Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР? Отвечая на эти вопросы, необходимо учитывать высокое служебное положение Жемчужниковых (отец Жемчужниковых был сенатором, тайным советником, А. М. Жемчужников служил в Сенате) и А. К. Толстого, который в 1850-х гг. занимал должность «церемониймейстера двора его величества». Будущие исследования, очевидно, прояснят эти и другие еще не решенные вопросы, связанные с историей Комитета по делам книгопечатания и творческой историей «Проекта: „О введении единомыслия в России“».

³⁴ См.: Козьмин Б. П. 1) Выступление Герцена против «Современника» в 1859 г. // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 606—637; 2) Поездка Н. Г. Чернышевского в Лондон в 1859 г. и его переговоры с А. И. Герценом // Козьмин Б. П. Литература и история. М., 1982. С. 38—73.

Б. Л. Бессонов

НЕКРАСОВ И Г. Ф. БЕНЕЦКИЙ

(ПРЕДАНИЕ И ФАКТЫ)

Принято думать, что юный Некрасов, бедствовавший в столице, избавился от крайней нужды, найдя себе место в пансионе Г. Ф. Бенецкого.¹ Биографы Некрасова сообщают: «... небольшой заработок заметно облегчил — на несколько месяцев — его существование»;² «на его жизненном горизонте начали появляться какие-то просветы».³ Исследователи основываются на автобиографических заметках и устных рассказах Некрасова, сохранившихся в записях современников. История, рассказанная Некрасовым, настолько обыкновенна, что, по первому впечатлению, в ней невозможно предположить ни забвения каких-либо обстоятельств, ни преднамеренного отступления от действительности. Тем не менее она требует разностороннего критического анализа, ибо основывается лишь на воспоминаниях — источнике субъективном, не исключающем ошибок памяти и работы воображения.

Заметки Некрасова о репетиторстве в пансионе, как и другие его автобиографические заметки, углубленно не изучались. Их творческая история практически не прослежена, и комментариев к ним не написан. Трудности разыскательского характера составляют одну из причин этого упущения. Другая причина — текстологическая. Заметки Некрасова сохранились лишь в копиях (в большинстве случаев неавторизованных), а записи современников представляют собой, как правило, конспективное переложение (обычно от третьего лица) слышанного. Для того чтобы в каждом случае по возможности уяснить меру точности в передаче некрасовского рассказа, нужно располагать достоверным текстом.

Предметом исследования в настоящей статье, таким образом, выступают, во-первых, биографические реалии, относящиеся к знакомству с Бенецким, и, во-вторых, точность записи в документах, запечатлевших эти реалии.

1

Заметки Некрасова с воспоминаниями о Бенецком известны в двух вариантах, написанных с промежутком в пять лет.

Первая из заметок помечена 1872 г. Некрасов рассказывал: «Перебиваясь изо дня в день, я насилу добыл себе место гувернера у офицера Бенецкого, содержателя пансиона для поступления в Инженерное училище. За 100 р. ассигнациями в месяц я обучал его десяток мальчиков с утра до позднего вечера» (Н I, 12, 11).

¹ См., например: *Скабичевский А. М.* Николай Алексеевич Некрасов (его жизнь и поэзия) // Отеч. зап. 1878. № 5. С. 114; *Ашукин Н. С.* Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935. С. 31.

² *Жданов В.* Жизнь Некрасова. М., 1971. С. 15.

³ *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 177.

В 1877 г., на последнем году жизни, Некрасов вновь вспомнил о пансионе Бенецкого: «Я готовился в университет, голодал, приготавливал в военно-учебные заведения девять мальчиков по всем русским предметам. Это место доставил мне Григорий Францевич Бенецкий. Он был тогда наставник и наблюдатель в Пажемском корпусе и чем-то в Дворянском полку. Это был отличный человек» (там же, 22).

Совпадая по содержанию в основном (упоминание о знакомстве с Бенецким и репетиторстве в его пансионе), заметки не идентичны в подробностях.

В предсмертной заметке, в отличие от предшествующей, упомянуто об университете, указаны имя, отчество и место службы Бенецкого, определеннее сказано о воспитанниках — девять, а не «десяток» — и о занятиях с ними: «по всем русским предметам» (так назывались, по тогдашней терминологии, русский язык, история и география). Но только в предшествующей заметке указана цифра заработка. В сведениях о назначении пансиона заметки также не вполне совпадают: в более ранней названо Инженерное училище, в позднейшей неопределенно сказано о военно-учебных заведениях.

Варианты указывают на то, что активность некрасовской памяти не понизилась от болезни: в предсмертной заметке значительно больше сведений. Поэтому ранним авторским сообщениям не обязательно отдавать предпочтение.

Скупой рассказ о репетиторстве в пансионе ставит перед биографом-комментатором непростые задачи, первая из которых заключается в том, чтобы уяснить, какой год имеет в виду Некрасов, вспоминая о своей встрече с Бенецким.

Не называя даты встречи, Некрасов соотносит ее со временем подготовки к поступлению в университет и одновременно с периодом крайней нужды. Эта соотнесенность, однако, не проясняет, в каком году Некрасов был репетитором. Некрасов дважды сдавал экзамены — в 1839 и 1840 гг. Если его репетиторская деятельность предшествовала первому экзамену, т. е. приходилась на зиму 1838—1839 гг., первую по прибытии в Петербург, то в эту зиму Некрасов, вопреки его утверждению, не должен был голодать, ибо указанная им плата за репетиторство — 100 р. ассигнациями в месяц — избавляла в те годы от голода; к тому же, по его собственным словам, сказанным по другому поводу, первое время он жил на деньги, отпущенные ему отцом (там же, 11). Если же предположить, что Некрасов имел в виду зиму 1839—1840 гг., то трудно представить себе, каким образом репетиторская работа «с утра до позднего вечера» совмещалась с одновременным посещением университетских лекций в качестве вольнослушателя и с подготовкой к повторным университетским экзаменам.

Эпизод с репетиторством в пансионе не вписывается в картину известных событий некрасовской жизни 1838—1840 гг. Исследователи тем не менее попытались согласовать несовместимое в сообщении Некрасова, указав, вопреки очевидности, что заработок его был «небольшим», а репетиторство непродолжительным («на несколько месяцев»), хотя о продолжительности занятий документированных сведений не имеется. К этому домысливанию событий их «обязывала» заметка Некрасова.

К настоящему времени установлено, что «приблизительно в 1838—1840 гг.». Бенецкий имел чин штабс-капитана и был учителем в петербургских военно-учебных заведениях — Дворянском полку и Павловском кадетском корпусе,⁴ и что в 1843 г. он проживал по Троицкой улице, 39.⁵ Другими сведениями о Бенецком исследовательская литература не располагает. Но даже и эта кратчайшая справка, извлеченная из адрес-

⁴ См.: Лит. наследство. М., 1949. Т. 49—50. С. 152.

⁵ См.: Рейсер С. А. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957. С. 48, 143.

календаря на 1840 г. и не содержащая данных о пансионе, дает существенный материал для суждений о рассматриваемой заметке. Подтверждается, что Бенецкий преподавал в Дворянском полку. Но по совместительству он служил не в Пажеском корпусе — привилегированном учебном заведении, куда в то время зачисляли детей высокопоставленных лиц, имевших чин не ниже третьего класса по табели о рангах, а в Павловском кадетском корпусе — сиротском училище для офицерских детей. Между этими учебными заведениями была слишком большая разница, чтобы Некрасов мог их отождествить по забывчивости. Это было не запаматование факта, а его переосмысление. Кроме того, и в Павловском корпусе, и в Дворянском полку (где воспитывались, как правило, дети из малообеспеченных дворянских семей) Бенецкий значился как учитель. Некрасов же помещает его на значительно более высокую ступень преподавательской иерархии: наставник-наблюдатель («деканская» должность). Становится очевидным, что заметка Некрасова не может считаться вполне достоверной.

2

Рассказы Некрасова о встрече с Бенецким, сохранившиеся в записях современников, относятся, как и автобиографические заметки, к 1870-м гг.

Известны записи двух рассказов.

В воспоминаниях С. Н. Кривенко, написанных в начале 1878 г., приблизительно через год после бесед с Некрасовым,⁶ история знакомства с Бенецким излагается так: «Через несколько времени (по приезде в Петербург. — Б. Б.) встретился он с одним полковником (фамилии не помню, что-то вроде Квитницкого), у которого был пансион и который предложил ему занять место наблюдателя и репетировать учеников по русскому языку и арифметике. С этого времени Некрасов стал поправляться (т. е. избавляться от крайней нужды. — Б. Б.)».⁷

Можно отметить несколько расхождений с рассмотренным выше рассказом Некрасова, но они непроизвольны и незначительны. Так, слова «место наблюдателя» появились, по-видимому, по запаматованию, ибо название «наблюдатель» применительно к должности репетитора в пансионе не употреблялось, а сам Некрасов в своей заметке относит его к должности в военном училище, которую занимал Бенецкий. В заметке говорится о «русских предметах», в записи Кривенко — о русском языке и об арифметике: Кривенко, по-видимому, отождествил «русские предметы» (термин, вышедший к тому времени из употребления) с основными предметами первоначального обучения и ввел их в воспоминания «от себя».

В некоторых деталях запись Кривенко дополняет заметки Некрасова. В беседе с Кривенко Некрасов упомянул не только фамилию содержания пансиона, но и его чин — полковник. Кривенко не запомнил фамилии и особо это оговорил, но о чине он пишет без оговорок, видимо следуя здесь за Некрасовым, и если ошибся, то разве лишь в том, что назвал полковником подполковника. На рубеже 1830—1840-х гг. Бенецкий, как отмечалось выше, был штабс-капитаном. Эта неточность некрасовского рассказа подобна другой, уже нам знакомой, — когда Некрасов назвал Бенецкого, преподававшего в Павловском корпусе, наставником-наблюдателем в привилегированном Пажеском.

Запись Кривенко позволяет судить о том, какую дату имел в виду Некрасов в этой версии своего знакомства с Бенецким. Здесь важна та

⁶ См.: *Заурядный читатель. <Скабичевский А. М.>* Мысли по поводу текущей литературы // Биржевые вед. 1878. 2 июня. № 151.

⁷ *Кривенко С. Н.* Из рассказов Некрасова // Лпт. наследство. Т. 49—50. С. 208.

часть беседы, в которой рассказывалось о событиях, одновременных с репетиторством в пансионе. «Скопив деньжонок, — пишет Кривенко, передавая рассказ Некрасова в третьем лице, — он задумал издать свои стихотворения, которые писал между работою и которые были изданы особою книжкой под заглавием „Мечты и звуки“».⁸ Об издании своей первой книги — в год репетиторства у Бенецкого — Некрасов писал и в приводившейся выше предсмертной автобиографической заметке: «Я стал печатать книгу „Мечты и звуки“. Тут меня взяло раздумье, я хотел ее изорвать, но Бенецкий уже продал до сотни билетов кадетам, и деньги я прожил» (Н I, 12, 22); см. также в заметке 1872 г.: «Не печатать было нельзя — около сотни экземпляров Бенецким было запрошено, и деньги я получил вперед» (там же, 12). Исходя из этих упоминаний репетиторскую работу в пансионе Бенецкого следовало бы отнести к зиме 1839—1840 гг., ибо книга «Мечты и звуки», издание которой соотносится здесь по времени с этой работой, была сдана в цензуру в июле 1839 г., а увидела свет в феврале следующего года. Но в той же беседе с Кривенко Некрасов, сам того не замечая, дает иной ориентир для датировки своего репетиторства: «Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным».⁹ Если Некрасов, по его неоднократным утверждениям, остался без средств к существованию к концу 1838 г. и если его репетиторская работа положила конец трехгодичному голоданию, то, выходит, Некрасов преподавал в пансионе зимой 1841—1842 г., т. е. двумя годами позднее, чем это явствует из другого цитированного фрагмента той же записи.

Время репетиторства в пансионе не имеет, таким образом, точных хронологических координат. Датировка является зыбкой, изменяясь в зависимости от того, с каким эпизодом она соотносится, — с годами лишений или с годом издания книги «Мечты и звуки». Хронология здесь полностью подчиняется тематическому заданию, опирающемуся в рассказе не столько на факты, сколько на воображение.

В конце 1830-х гг. Некрасов временами сильно нуждался и иногда голодал. Но в воспоминаниях об этом времени он прибегнул к поэтическому преувеличению. Повествуя о юном поэте, добывавшем себе хлеб насущный каждодневным репетиторством в пансионе, он отвлёкся от того обстоятельства, что уже с 1840 г. (если не с 1839-го) зарабатывал литературным трудом в изданиях Н. А. Полевого и Ф. А. Кони. По сообщению А. Ф. Кони, располагавшего архивом отца, Некрасову в «Пантеоне» был обеспечен «хороший по тогдашним временам заработок».¹⁰ О довольно значительном жалованье, назначенном ему за сотрудничество в этом журнале, известно и из источников, восходящих к самому Некрасову: «За этот труд Некрасов получал от 2 до 3 тысяч рублей ассигнациями в год».¹¹

Если даже и было бы установлено, что в начале 1840-х гг. Бенецкий содержал пансион, трудно было бы объяснить, каким образом мог Некрасов уделять сколько-нибудь значительное время занятиям с воспитанниками, — не только потому, что он уже в эти годы был занят профессиональной литературной работой, но еще и потому, что тогда же надолго, с июля по декабрь 1841 г. включительно (а может быть, и несколько долее), т. е. до середины 1841—1842 учебного года, отлучался

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Кони А. Ф. Николай Алексеевич Некрасов // Избр. соч. М., 1968. Т. 6. С. 258.

¹¹ Новое время. 1878. 5 (17) мая. № 783. Ср.: «В 1841 г. Некрасов продолжал деятельно сотрудничать в „Пантеоне“, с издателями которого он даже сделал контракт, обязавшись за 1000 рублей ассигнациями в год доставлять в журнал значительное число стихотворений, делать переводы и писать рассказы, повести, театральные рецензии и т. п.» (Быков П. В. Н. А. Некрасов // Живописное обозрение. 1876. № 13. С. 195).

из Петербурга, — еще одно обстоятельство, усиливающее сомнение в фактической достоверности воспоминаний о репетиторстве, а следовательно и в принадлежности этих воспоминаний к жанру документальной прозы в полном значении этого термина.

Вариант некрасовского рассказа о репетиторстве в пансионе запечатлелся в заметке А. С. Суворина, опубликованной в начале 1878 г. по дневниковой записи от 16 января 1875 г. «Спискивал он себе хлеб, — рассказывает в заметке, — не одною литературой, но также и уроками. Некоторое время он жил учителем у одного из воспитателей Пажеского корпуса и готовил мальчиков во все учебные заведения по русскому языку».¹²

В дневниковой записи этот же эпизод излагается несколько обстоятельнее: «Был учителем у одного воспитателя Пажеского корпуса и готовил детей по русским предметам. <...> Получал за это квартиру и 100 р. ассигнациями» в месяц».¹³

Речь идет, разумеется, о Бенецком.

Дневниковая запись и точнее, и полнее ее последующего переложения. Уже знакомое нам определение «русские предметы», употребленное в дневнике в соответствии с выражением Некрасова, в пересказе, по введению терминологии (как и в записи Кривенко), искажается: «по русскому языку».

Случай неточного воспроизведения слышанного обнаруживается, впрочем, и в дневнике, где записано, что в пансионе готовили к поступлению «во все учебные заведения». Таких пансионеров не существовало: видимо, в дневнике небрежная запись слова «военно-учебные» (ср. в автобиографической заметке 1877 г.: «в военно-учебные заведения»).

Других очевидных небрежностей и ошибок в суворинской записи не наблюдается. В важнейших слагаемых она повторяет содержание автобиографических заметок Некрасова и может рассматриваться как их иновыражение.

Некоторые подробности воспоминаний о репетиторстве встречаются только в суворинской записи. К их числу относится, например, такая: «Между учениками его находился и М. Т. Лорис-Меликов»¹⁴ (ср. в дневнике: «Лорис-Меликов, тифлисский» губернатор», его ученик»)¹⁵. Факты не подтверждают этого сообщения. О будущем военачальнике и администраторе Лорисе-Меликове известно, что в 1838 г., в год прибытия Некрасова в Петербург, он поступил в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, где пробыл до середины 1843 г.¹⁶ В пансионе он не воспитывался, и Некрасов, естественно, не мог быть его репетитором, хотя их знакомство не вызывает сомнений (см. об этом подробнее ниже). Некрасовское упоминание о Лорисе-Меликове носит печатьвольной импровизации. При этом фактазия Некрасова (знаменитый Лорис-Меликов — его бывший ученик) устремляется в том же направлении, что и в отмеченных выше случаях, когда разряд учебного заведения, в котором, как сообщалось, преподавал Бенецкий, и чин самого Бенецкого были сильно «завышены».

В некрологической заметке Суворина не содержится ни прямых, ни косвенных указаний на время работы Некрасова в пансионе. Однако в другом его сообщении, излагающем беседу с Некрасовым в начале 1877 г. и опубликованном при жизни Некрасова, упоминается эпизод, соотносимый с рассказом о репетиторстве. Некрасов рассказывал, что

¹² Незнакомец. <Суворин А. С.> Заметка // Новое время. 1878. 8 (20) янв. № 669.

¹³ Краснов Г. В. Из записей А. С. Суворина о Некрасове // Прометей. М., 1969. Т. 7. С. 228.

¹⁴ Новое время. 1878. 8 (20) янв. № 669.

¹⁵ Краснов Г. В. Из записей А. С. Суворина о Некрасове. С. 228.

¹⁶ См.: Потто В. Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. СПб., 1873. С. 81 (Прил.).

в первые годы своего проживания в столице он снял комнату на Разъезжей улице и, тяжело заболев, задолжал домовладельцу, оставшемуся солдату, квартирную плату — 45 р. Хозяин, опасаясь смерти жильца, обманом присвоил себе его вещи и отказал ему от квартиры. Поздней осенью Некрасов остался на улице. Повстречавшийся ему на Невском проспекте старик проводил его в пристанище нищих на 17-й линии Васильевского острова.¹⁷

Ту же историю с выселением из квартиры Некрасов рассказывал и Кривенко. Запись последнего незначительно отличается от суворинской (домовладелец назван не солдатом, а унтер-офицером, пристанище нищих отнесено не к 17-й, а к 15-й линии и т. п.)¹⁸ — еще одно подтверждение тому, что записи и того, и другого мемуариста могут рассматриваться как авторитетные варианты некрасовских сообщений.

Эпизод с изгнанием из квартиры в рассказах Некрасова Суворину и Кривенко не датирован, но отчетливо отнесен ко времени, предшествовавшему репетиторству в пансионе. Если его датировать по приметам, проступающим из этих же рассказов, — по времени года и по названию улицы, то получается, что Некрасов устроился в пансионе Бенецкого зимой 1842—1843 гг., ибо известно, что на Разъезжей улице он поселился не ранее чем в самом конце 1841 г., по возвращении из Ярославля, а скорее всего в начале следующего года. И вообще ни один из достоверно установленных «осенних» адресов молодого Некрасова не связан ни с тяжелой болезнью, ни с насильственным выселением из квартиры. Зима 1842—1843 гг. была бы уже третьей датой репетиторства в пансионе, порознь допускаемой сообщениями Некрасова.

Образ голодного и бездомного литератора оказал воздействие и на рассказ об относительном житейском благополучии, наступившем после того, как нашлась репетиторская работа. Бесплатная квартира и 100 р. ежемесячного заработка — сведения, создающие сильный контраст истории предшествующих несчастий. Весьма вероятно, что некоторое время Некрасов действительно проживал у Бенецкого: он вел скитальческий образ жизни и не отказывался от предложений знакомых, предоставивших ему свой кров. В числе предлагавших приют мог быть или, пожалуй, не мог не быть и Бенецкий. При этом, судя по некрасовскому свидетельству о знакомстве с Лорисом-Меликовым, возможный факт проживания у Бенецкого имел место не ранее чем во второй половине 1842 г., когда Некрасов настолько был перегружен разнообразной литературной работой, что не мог ее совмещать с преподавательской нагрузкой в размерах, соответствовавших указанной им оплате, и поэтому цифру заработка за репетиторство, неоднократно называвшуюся Некрасовым, мы вправе воспринимать как художественную условность — своего рода автобиографическую гиперболу, оттеняющую рассказ о полосе неустроенности и голода.

3

Кроме рассмотренных выше рассказов, записанных современниками, сохранилось несколько сообщений о репетиторстве Некрасова в пансионе, также принадлежащих некрасовским современникам, но дошедших до нас через третьих лиц.

В. П. Буренин ссылается на рассказ, слышанный в начале 1860-х гг.: «Лет пятнадцать тому назад мне случилось слышать от одного из бывших воспитанников пансиона Бенецкого, как познакомился Некрасов с этим добрым человеком. <...> Бенецкий однажды — так рассказывал

¹⁷ См.: *Незнакомец. <Суворин А. С> Недельные очерки и картинки* // Новое время. 1877. 3 (15) марта. № 380, а также: Лит. наследство. Т. 49—50. С. 200—202.

¹⁸ См.: Лит. наследство. Т. 49—50. С. 208.

мне его бывший воспитанник — зашел в мелочную лавочку что-то купить, и его внимание привлекла следующая сцена: бледный, болезненный и худой, одетый, несмотря на холодное время, в легкое поношенное пальто юноша со слезами просил лавочника отпустить ему в долг хлеба или вообще чего-то съестного. Лавочник, несмотря на все просьбы юноши, отказал ему, и тот вышел из лавки в совершенном отчаянии. <...> Венецкий так был поражен несчастным видом юноши, что спросил у лавочника, не знает ли он фамилии и адреса своего должника. Лавочник сказал ему фамилию — это был Некрасов — и сказал, где он живет. Венецкий отправился по указанному адресу и нашел Некрасова в какой-то трущобе больным и чуть ли не умирающим от голода. Тронутый несчастным положением Некрасова и рассказом о его бедствиях, Венецкий помог ему и даже предложил переселиться к нему, Венецкому. Некрасов принял это предложение и некоторое время жил в семье доброго человека, быть может спасшего будущего поэта от голодной смерти».¹⁹

Буренин не называет своего собеседника, и это затрудняет исследование. Тем не менее в тексте истории можно заметить нечто идущее собственно от Буренина. Если Буренин действительно излагал рассказ пятнадцатилетней давности, то он вряд ли мог запомнить ничем особенно не примечательную фамилию «Венецкий» (как не запомнил ее и Кривенко через год после беседы с Некрасовым). Скорее всего он ее заимствовал из только что напечатанной в «Отечественных записках» биографии Некрасова.²⁰ К этому же источнику, возможно, относится и само упоминание о пансионе, воспитанником которого назван рассказчик. «Чувствительные» изобразительные характеристики («бледный, болезненный и худой», «со слезами») бесспорно принадлежат творчеству самого Буренина.

Конечно же, воспитанник пансиона не мог быть свидетелем ни разговора с лавочником, ни визита на некрасовскую квартиру: Венецкий, разумеется, не водил его за собой, а сам он, за исключением праздничных дней, обязан был безотлучно находиться в стенах пансиона. Так что если собеседник Буренина и был в свое время воспитанником Венецкого, то он рассказывал не о виденном, а о слышанном.

Фигура рассказчика, по-видимому, не вымыслена — для вымысла не было объяснимой причины, — поэтому допустимо считать, что Буренин пересказал, а не сочинил обнародованную им историю, воспользовавшись отчасти и очерком Скабичевского.

Свидетелями изложенной выше истории могли быть только ее участники — в первую очередь Венецкий и сам Некрасов. Рассказы первого о знакомстве с Некрасовым нам неизвестны. Некрасов же, как мы знаем, охотно вспоминал об этом знакомстве. К нему скорее всего и восходит предание, пересказанное Бурениным. Это тем более вероятно, что в кругу знакомых Некрасов не однажды упоминал о лавочнике, отпускавшем ему продукты в кредит,²¹ и — безотносительно к этим упоминаниям — рассказывал, как уже отмечалось выше, о выселении из квартиры, за которую ему нечем было платить. В художественной форме последний сюжет развернут в романе «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»²² и затронут в «Трех странах света» (Н II, 91, 111; 92, 346). Эпизод

¹⁹ Буренин В. Литературные очерки // Новое время. 1878. 26 мая (7 июня). № 804.

²⁰ См.: «Скабичевский А. М.» Николай Алексеевич Некрасов (его жизнь и поэзия). С. 114.

²¹ См.: Краснов Г. В. Из записей А. С. Суворина о Некрасове. С. 287; Успенский Н. Воспоминания о Некрасове: (Письмо в редакцию) // Иллюстрир. газ. 1878. № 6, а также: Успенский Н. В. Из прошлого // Развлеченье. 1878. № 20—21. С. 6.

²² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Художественные произведения. Т. 1—10. Л., 1984. Т. 8. С. 248—249. Далее на протяжении всего сборника

зод, пересказанный Бурениным, служит как бы продолжением этого сюжета: к юноше, изгоняемому из убогой квартиры, является добрый и участливый человек и поселяет его в своем доме. Эта история в духе «рождественского рассказа» представляет собой наглядный пример того, как со временем личность Некрасова приобретает апокрифические черты, определяемые литературной традицией и закрепляемые позднейшим преданием.

В. П. Горленко в отличие от Буренина называет своего собеседника — Ф. А. Кони, чьими «разъяснениями и указаниями» он воспользовался в своей статье, написанной вскоре после смерти Некрасова. Интересующий нас эпизод излагается в этой статье следующим образом. «В 1840 году Некрасов — вольнослушатель университета, состоит репетитором в приготовительном пансионе при Дворянском полку, содержащемся преподавателем этого заведения Венецким. В числе товарищей Венецкого по Дворянскому полку был Ф. А. Кони, также преподаватель и в то время уже издатель „Пантеона“. Услышав от Венецкого отзывы о Некрасове как о юноше очень даровитом и начинающем поэте, он просил Венецкого познакомить его с ним, что тот и исполнил. Знакомство это имело некоторое влияние на дела Некрасова. Он оставляет вскоре после этого пансион Венецкого. . .».²³

К ссылке Горленко на свидетельство очевидца нужно отнестись с осторожностью. Все, что касается сотрудничества Некрасова в «Пантеоне», в том числе и указание на то, что с 1840 г. ему выплачивалось «определенное небольшое жалованье»,²⁴ бесспорно рассказано Ф. А. Коши. Но сообщение о том, что Некрасов стал сотрудником «Пантеона», уйдя от Венецкого, т. е. был репетитором в пансионе зимой 1839—1840 гг., восходит, вероятно, не к свидетельству Ф. А. Кони, а к очерку Скабичевского, где упомянута эта дата.²⁵ Горленко обратился за «разъяснениями и указаниями» к бывшему редактору «Пантеона» не ради уточнения даты, в достоверности которой у него не было повода сомневаться, а за справкой о работе Некрасова в этом журнале. Ф. А. Кони был точен, когда сообщал, что Некрасов был приглашен в «Пантеон» в 1840 г., но едва ли он мог утверждать, что это произошло «вскоре после» того, как Венецкий представил ему Некрасова, ибо с Некрасовым он познакомился значительно раньше. Об этом говорит запись в дневнике Н. А. Полевого от 6 декабря 1838 г.: «Я именинник. <...> Посетители <...> — Коши <...> Некрасов».²⁶ В беседе с Горленко Ф. А. Кони, видимо, подчеркнул, что именно Венецкий познакомил его с Некрасовым; Горленко же (может быть, не без участия Ф. А. Кони) объединил это сведение с данными из очерка Скабичевского о Некрасове — репетиторе у Венецкого.

В воспоминаниях Н. А. Белоголового, написанных не позднее чем в начале 1890-х гг., пересказывается беседа с Лорисом-Меликовым, состоявшаяся в 1887 г.

Знакомство Лориса-Меликова с Некрасовым, пишет Белоголовый, «относится к 1841 или, еще вернее, к 1842 году. <...> Крайне нуждавшийся Некрасов приютился тогда у некоего профессора Венецкого, имевшего у себя несколько воспитанников для приготовления в разные петербургские школы. Юнкер Лорис, посещая одного из этих пансионеров, познакомился тут же с Некрасовым». Некрасов в это время «состоял коррек-

ссылки на это издание (Л., 1981—1985. Т. 1—10) даются в тексте сокращенно: Н II, том, страница (арабскими цифрами).

²³ Горленко В. Литературные дебюты Некрасова: (Библиогр. материалы) // Отеч. зап. 1878. № 12. С. 142.

²⁴ Там же. С. 149.

²⁵ См.: <Скабичевский А. М.> Николай Алексеевич Некрасов (его жизнь и поэзия). С. 114.

²⁶ Ист. вестн. 1888. № 3. С. 669, 670.

тором в „Репертуаре и Пантеоне“ Ф. Кони». Выпускники Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров Лорис-Меликов и его товарищ А. П. Нарышкин наняли себе «квартирку где-то около Николаевской, в то время Грязной, в доме Шаумана». Квартира служила для них приютом в дни, свободные от посещения школы. Некрасов «тотчас же предложил, чтобы и его приняли в компанию».²⁷

Допустимо предположить, что рассказ Лориса-Меликова вызван встречным вопросом Белоголового, которому доводилось часто общаться с Некрасовым, когда тот в последний год жизни был его пациентом и собеседником.²⁸

Рассказ Лориса-Меликова был записан Белоголовым в дневник. В приведенном тексте использована дневниковая запись. Дневник до нас не дошел, но сохранилась выписка из него, сделанная в позднейшее время. Между нею и текстом воспоминаний имеются расхождения, указывающие на то, что автор воспоминаний не полностью полагался на свой дневник и вносил в текст уточнения, исходя из собственных соображений.

В выписке из дневника ежемесячные доходы Некрасова обозначены цифрой 35 р. серебром.²⁹ В печатном тексте эта цифра уменьшена — 25 р.,³⁰ вероятно как более подходящая к тезису о крайней нужде (хотя по тогдашним ценам и этот доход не был ничтожным; выражение «крайне нуждающийся», не соответствующее содержанию воспоминаний Лориса-Меликова, либо употреблено Белоголовым под впечатлением от устных рассказов Некрасова, либо заимствовано из очерка Скабичевского). В той же выписке отмечается, что встреча Некрасова с Лорисом-Меликовым состоялась в 1839 г.,³¹ — дата, которую в окончательном тексте Белоголовый значительно передвинул («к 1841 или, еще вернее, к 1842 году»), сообразуясь, по-видимому, со временем обучения Лориса-Меликова в последнем классе кавалерийской школы.

Самый текст выписки из дневника также частично исправлен. Правка относится к написанию фамилии содержателя пансиона. Изначально в выписке было, — видимо, в соответствии с дневником — «Белецкий». Затем поверх текста появилось: «Венецкий».³² Исправление сделано скорее всего по очерку Скабичевского, хотя в печатном тексте воспоминаний иная транскрипция: «Беницкий» (вероятно, это опечатка).

Дата знакомства Лориса-Меликова с Некрасовым, значившаяся в выписке из дневника — 1839 год — и исправленная в печатном тексте на значительно более позднюю, по-видимому, не лишена оснований. Ее косвенно подтверждает упоминание о том, что в период знакомства с Лорисом-Меликовым Некрасов состоял корректором в «Репертуаре и Пантеоне». Эту должность в журнале Ф. А. Кони Некрасов, как уже отмечалось выше, занимал с 1840 г. Кроме того, в 1838—1839 гг. он уже знал И. И. Панаева и М. А. Гамазова,³³ т. е. соприкасался с петербургско-армянской средой. Возможно, в это время и состоялось знакомство Лориса-Меликова с Некрасовым; Белоголовый же, не знавший об этом, усомнился в точности своей записи и исправил дату на более «правдоподобную».

²⁷ Белоголовый Н. А. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1878—1888) // Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 206—208.

²⁸ См.: Белоголовый Н. Николай Алексеевич Некрасов // Отеч. зап. 1878. № 10, а также: Новое время. 1878. 1 (13) янв. № 661.

²⁹ ГБЛ, ф. 22, п. 2, № 6, л. 23—23 об. (запись от 13 июня 1887 г.).

³⁰ См.: Белоголовый Н. А. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1878—1888). С. 207.

³¹ ГБЛ, ф. 22, п. 2, № 6, л. 23—23 об.

³² Там же.

³³ Гамазов М. К воспоминаниям А. Я. Головачевой // Ист. вестн. 1889. № 4. С. 255—256.

В записи Белоголового Венецкий назван «профессором». О его пансионе сказано, что в нем готовили к поступлению в «разные петербургские школы». Из этого сообщения невозможно понять, где была у профессора кафедра и в какие учебные заведения готовил воспитанников его пансион. Крайняя неопределенность выражений в записи Белоголового объясняется, по-видимому, пробелами в рассказе Лориса-Меликова, что вынуждало мемуариста возмещать этот недостаток своими представлениями о должности и занятиях Венецкого. В этой связи уместно напомнить, что выражение «профессор» употреблялось Некрасовым и в его автобиографических заметках, частично введенных в очерк Скабичевского, и в его устных рассказах и относилось к лицу, предоставившему ему квартиру и помогавшему готовиться в университет. Белоголовый, по-видимому, отождествил это лицо с Венецким, хотя во всех этих сообщениях под «профессором» подразумевался учитель С.-Петербургской духовной семинарии Д. И. Успенский (Н I, 12, 12, 23).³⁴

Поскольку сведения о Венецком, приведенные Белоголовым, едва ли заимствованы из рассказа Лориса-Меликова, не обязательно возводить к последнему и указание на то, что Некрасов «приютился» при пансионе. Но если даже Белоголовый здесь опирался на сообщение Лориса-Меликова, то в его статье не говорится о том, что Некрасов был репетитором в пансионе. Называются другие источники доходов, описывается квартира, снимавшаяся для развлечения (при этом адрес указан точно: дом майора П. И. Шаумана действительно находился возле Грязной, на углу Стремянной и Поварского переуллка),³⁵ но на репетиторство нет и намека.

4

Сопоставление мемуарных источников, включая сюда и автобиографические заметки Некрасова, и записи его устных рассказов, и свидетельства современников, не позволяет ни принять, ни отвергнуть версию о репетиторстве в пансионе. Главное затруднение составляет недостаток сведений о Венецком.

Биография Венецкого неизвестна не потому, что она неустановима, а потому, что ею не занимались, не придавая ей существенного значения. Поскольку, однако, с нею сопряжено важное обстоятельство некрасовской биографии, она наряду с биографиями других малоприметных лиц из ближайшего окружения Некрасова должна стать предметом внимательного исследования безотносительно к ее собственной исторической значимости.

Прежде всего необходимо установить, был ли Венецкий содержателем пансиона, и если был, то в какие годы. Это позволило бы «расшифровать» самое важное из непроясненных мест некрасовского рассказа о репетиторстве.

В газетах и справочниках 1830—1840 гг., равно как и в мемуарной литературе, пансион Венецкого не отмечен. Необходимо архивное разыскание. Но для скорейшего архивного поиска нужно знать, в каких заведениях преподавал Венецкий. Это возвращает нас к печатным источникам.

³⁴ См. также записи и переложения рассказов Некрасова о Д. И. Успенском: *Гербель Н В* Хрестоматия для всех: Русские поэты в биографиях и образцах. СПб., 1873. С. 536; *Быков П. В.* Н. А. Некрасов // Живописное обозрение. 1876. № 13. С. 194; *Стасюлевич М. М.* Николай Алексеевич Некрасов. СПб., 1877. С. 111 (Сер. «Рус. б-ка»); *Скабичевский А. М.* Николай Алексеевич Некрасов (его жизнь и поэзия). С. 110; *Кривенко С Н* Из рассказов Некрасова. С. 207; *Панаев В. А.* Воспоминания // Рус. старина. 1901. Септ. С. 494.

³⁵ См.: *Рейсер С. А.* Революционные демократы в Петербурге. С. 162—163; ЛГНА. ф. 841, оп. 1, № 109, л. 78.

Сплошной просмотр адрес-календарей в обе стороны от 1838 г. — даты прибытия Некрасова в Петербург — позволил определить места службы Венецкого и хронологические пределы его педагогической деятельности. Служба Венецкого-педагога началась в 1836—1837 учебном году, когда Венецкий в чине поручика был прикомандирован к кондукторской (учебно-инженерной) роте Главного инженерного училища. В дальнейшем Венецкий — учитель математики (а не «разных наук») ³⁶ в том же училище (1840—1844), в Дворянском полку (1839—1842), во Втором кадетском корпусе (1849—1852) и в Павловском кадетском корпусе (1840—1852). С 1854 г. в адрес-календарях (где обычно приводятся данные на осень предыдущего года) подполковник Венецкий не значится.³⁷

Примечательно, что с 1839 по 1842 г. Венецкий преподавал одновременно в трех училищах. Мог ли он при такой занятости одновременно содержать пансион?

Еще важнее то обстоятельство, что биография Венецкого связана с Главным инженерным училищем — факт, особенно существенный для изучения биографии Некрасова по его заметкам, в одной из которых Венецкий назван «содержателем пансиона для поступления в Инженерное училище» (см. выше).

Установив, где преподавал Венецкий, естественно обратиться прежде всего к специальной литературе. Инженер по образованию и учитель, Венецкий не остался незамеченным в исторических очерках, посвященных двум из названных выше училищ. К сведениям, полученным из адрес-календарей, прибавляются некоторые факты. В 1831 г. Венецкий окончил Главное инженерное училище и затем был определен в петербургскую инженерную команду.³⁸ С Павловским кадетским корпусом был связан не с 1840 г., как значится в адрес-календаре, а с 1837 г.³⁹ В 1851—1852 учебном году, будучи преподавателем Второго кадетского корпуса, ходатайствовал перед начальством о переводе в следующий класс нескольких слабо успевавших воспитанников с поручительством за их будущие успехи.⁴⁰

Дальнейшие разыскания приводят в архивы — и прежде всего в Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) СССР. Здесь, в фондах Павловского кадетского корпуса и Главного управления военно-учебных заведений, а также в коллекции формулярных списков, обнаружались документы, существенно дополняющие и иногда исправляющие сведения, вошедшие в адрес-календари и специальную литературу.

Выходец из иностранцев и дворянин по происхождению, православный по вероисповеданию, Венецкий родился в 1810 г. Ни родовым, ни благоприобретенным имениями не владел. В 1832 г. был определен на службу в петербургскую инженерную команду, затем был переведен в севастопольскую команду, был окружным адъютантом в херсонском инженерном округе, укреплял в Севастополе бастионы. В 1835 г. в чине

³⁶ Рубрика «учители разных наук», встречающаяся иногда в адрес-календарях, относится не к отдельным учителям, а к педагогическому персоналу учебного заведения в целом (ср.: Лит. наследство. Т. 49—50. С. 152).

³⁷ Григорий Францевич Венецкий, — казалось бы, редкое сочетание собственных имен. Между тем в адрес-календарях за 1844—1850 гг. оно встречается применительно к разным лицам дважды (второе лицо — уездный судья в Клину) — случай, призывающий к осторожности в разысканиях по данным антропонимики.

³⁸ См.: Максимовский М. Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819—1869. СПб., 1869. С. 81 (Прил.).

³⁹ См.: Петров А. Н. Исторический очерк Павловского военного училища. СПб., 1898. С. 495. Это не единственный пропуск. В адрес-календаре на 1838 г. о Венецком не сообщается.

⁴⁰ См.: Жерве Н. П., Строев В. И. Исторический очерк 2-го Кадетского корпуса. 1712—1912. СПб., 1912. Т. 1. С. 444.

поручика был возвращен в петербургскую инженерную команду. Во Втором кадетском корпусе Бенецкий преподавал не с 1849, а с 1840 г. В 1838 и 1846 гг. его педагогические успехи были отмечены «благоволением» императора. В 1842 г. «за отлично-усердную службу» он был пожалован годовым окладом. Тогда же был награжден орденом Станислава 3-й степени, в 1848 г. — орденом Анны той же степени.⁴¹

Жизнь Бенецкого пресекла холера. Он умер 5 июня 1853 г. На следующий день после его смерти, еще не ставшей известной начальству, был подписан приказ о его утверждении в должности наставника-наблюдателя Второго кадетского корпуса. Узнав о происшедшем, начальство распорядилось выдать денежное пособие тридцатидвухлетней вдове, оставшейся с тринадцатилетней дочерью «в крайне бедном положении».⁴²

Видимо, не совсем случайно Некрасов называл Бенецкого «наставником и наблюдателем» и полковником. Вероятно, ему были известны последнее служебное назначение Бенецкого и его последний воинский чин, близкий к полковничьему, т. е. его общение с Бенецким не прекращалось до смерти последнего.

Главная цель наших разысканий достигается при обращении к бумагам Главного управления военно-учебных заведений, где сохранились рапорты содержателей пансионов. В рапортах, постулавших из Главного инженерного училища, сообщается и о пансионе Бенецкого.⁴³

Первый из двух представленных рапортов относится к 1842—1843 учебному году. В этом году в пансионе Бенецкого воспитывались семнадцатилетний сын умершего почетного гражданина Василия Икорникова Иван, сын отставного гвардии штаб-ротмистра Александра Добrorольского Константин, четырнадцати лет, и его ровесник сын умершего отставного юнкера Николая Владыкина Михаил.⁴⁴ В пансионе, таким образом, состояло не «десяток», не «девять», как отмечалось Некрасовым, а три воспитанника (при максимально допустимой норме — десять, которую, впрочем, иногда превышали).

Отпадает высказывавшееся исследователями предположение о том, что детские водевили Некрасова «Великодушный поступок» и «Федя и Володя», а также его «драматическая фантазия» «Юность Ломоносова» предназначались для пансиона Бенецкого (Н I, 4, 631, а также: Н II, 6, 652): малое число воспитанников не позволяло разыгрывать пьесы.

Среди пансионеров нужно выделить Михаила Владыкина — будущего актера и писателя. Не с его ли слов позднее Буренин рассказывал о знакомстве Некрасова с Бенецким?

Обучали воспитанников преподаватели Главного инженерного училища: сам Бенецкий (геометрия, алгебра, арифметика — 9 часов в неделю, география — 3 часа), Н. Я. Прокопович (русский язык — 3 часа), А. К. Хитров (история — 3 часа), П. Ф. Фермор (ситуация и архитектура — 6 часов), Н. И. Фавр (французский язык — 3 часа), Л. А. Нувель (немецкий язык — 1.5 часа) и Г. И. Розов (закон божий — 1.5 часа). Для совмещения с некрасовской биографией важен тот факт, что русский язык преподавал Прокопович, с которым Некрасов в 1846 г. издал «Стихотворения» А. В. Кольцова.

Репетиторов в пансионе не значилось. Если Некрасов, как он пишет и занимался с пансионерами повторением «русских предметов», то не

⁴¹ ЦГВИА, ф. 315, оп. 1, № 7563; ф. 409, 1839 г., № 366, 833; ф. 725, оп. 56, № 5274, 5275.

⁴² ЦГВИА, ф. 315, оп. 1, № 7875.

⁴³ ЦГВИА, ф. 725, оп. 56, № 2268, л. 5 об.; ф. 351, оп. 1, № 648, л. 7, 60, 61, 112, 115, 135а.

⁴⁴ Воспоминания Лориса-Меликова о том, что он посещал в пансионе одного из воспитанников, трудно соотнести с каким-либо из названных выше лиц. По возрасту Лориса-Меликова и коммерческим связям его родственников это мог быть купеческий сын Икорников, по кругу школьных знакомств — сын гвардии штаб-ротмистра Добrorольского.

официально (что было строжайше запрещено), ибо на эту должность он не имел формального права — как не окончивший полного гимназического курса и не сдавший дополнительного экзамена.⁴⁵ При этом в расписании пансиона на русский язык, историю и географию («русские предметы») было отведено 9 часов в неделю. На репетиторство полагалось, естественно, значительно меньше, и, конечно же, не было, вопреки воспоминаниям Некрасова, ежедневного многочасового повторения этих предметов.

Для пансионеров был установлен следующий режим: подъем — 6.30; классы — до 11-ти; приготовление уроков — 12.30—2.30; классы — 3.30—6.30; приготовление уроков — до 8-ми; сон — с 10-ти. В свободное от занятий время за воспитанниками наблюдал кто-либо из членов семьи — жена Бенецкого, тесть, теща или шурин (проживавшие в это время, по-видимому, на квартире Бенецкого — Троицкая, 39). Плата за воспитание варьировалась в зависимости от обеспеченности родителей или содержателей — от 2400 (Икорников) до 1400 (Владыкин) р. ассигнациями в год. Нетрудно вычислить, что средний ежемесячный заработок учителей был намного меньше той цифры — 100 р. ассигнациями, — которую называет Некрасов, говоря о своем жалованье в пансионе в должности репетитора. На приготовление уроков воспитанникам полагалось в среднем по 1.5 часа на предмет в неделю. Значит, на «русские предметы» приходилось не более 4.5 часов в неделю, или — соответственно — 18 часов в месяц. Если бы даже и оказалось, что вся эта нагрузка падала на Некрасова, то за нее полагалось бы более чем скромное жалованье.

Бенецкий, как явствует из его второго рапорта в Главное управление военно-учебных заведений, содержал пансион и в 1843—1844 гг. (при этом число воспитанников сократилось до двух; ими были брат Михаила Владыкина Николай и сын инженер-штабс-капитана Василий Дорофеев). О других годах сведений не имеется, но, судя по тому, что преподавательская деятельность Бенецкого началась в 1836—1837 учебном году, он не мог быть содержателем пансиона в ближайшие к этому времени годы, ибо для разрешения на открытие пансиона и для содержания этого заведения нужны были и преподавательский стаж, и знание программ, и знакомство с педагогическим миром, и устоявшаяся репутация у начальства, в том числе семейная, и средства для платы учителям, и некоторый запас свободного времени. Все это у Бенецкого появилось лишь к началу 1840-х гг. Особенно благоприятствовал открытию пансиона 1842 г., когда Бенецкий был награжден годовым окладом и после этого сократил совместительскую работу.

В автобиографических сообщениях Некрасова о репетиторстве в пансионе Бенецкого, таким образом, лишь одно подтвердилось документально: существование этого пансиона (хотя и в более поздние годы, чем это следует из некрасовской версии). Окончательно уяснилось, что история, рассказанная Некрасовым, относится к жанру мемуарного творчества. Переосмыслив свои впечатления от полуголодной и бесприютной юности, от изнурительной борьбы за существование, Некрасов представил свою встречу с Бенецким как спасение от крайней нужды.

5

Особого рода соотношение между вымыслом и действительностью, когда действительность не копируется, а пробуждает работу воображения, роднит автобиографические сообщения Некрасова с его беллетристикой. С этой стороны показателен эпизод из романа «Жизнь и похо-

⁴⁵ См.: Свод постановлений о домашних наставниках, учителях и учительницах. М., 1843. С. 59—60.

ждения Тихона Тростникова»: «...попал я к одному инженерному офицеру, занимавшемуся приготовлением юношей в военно-учебные заведения. Офицер был благородный и очень умный человек, который предложил мне у себя за мои труды квартиру, стол и прислугу и, кроме того, небольшую ежемесячную плату, которой мне было достаточно на одежду и небольшие прихоти» (Н II, 8, 148).

Переключка с автобиографической заметкой Некрасова 1877 г. не вызывает сомнений, и это неоднократно отмечалось исследователями (см., например: там же, 736). Однако не обращалось внимания на то, что Некрасов в заметке воспринимал события своей молодости как бы сквозь призму неопубликованного романа, т. е. в границах художественного вымысла. Показательно, что в тех же границах приведенный эпизод из романа по сравнению с заметкой полнее в подробностях и ближе к действительности. В заметке Бенецкий — «наставник и наблюдатель в Пажеском корпусе и что-то в Дворянском полку»; в романе — «инженерный офицер». В заметке — «это был отличный человек»; в романе — «благородный и очень умный человек». В заметке 1872 г. нереальная цифра заработка — «за 100 р. ассигнациями в месяц»; в романе цифра заработка не указана, но упомянуто о бесплатной «квартире, столе и прислуге».

Роман, создававшийся в середине 1840-х гг., вскоре после отразившихся в нем событий, «реалистичнее» позднейших воспоминаний. Это обстоятельство не только предостерегает от безусловного доверия к воспоминаниям, но и указывает на беллетристику Некрасова как на потенциальный источник биографических сведений.

Продолжая рассказ о жизни в квартире «инженерного офицера», Некрасов пишет: «...к достижению цели моей (поступить в университет), от которой я еще не отказался, здесь я имел все удобства, ибо по необходимости повторял с моими учениками все, что мне нужно было самому, и, кроме того, вместе с ними учился у офицера математике и физике...» (там же).

Если отвлечься от элементов вымысла, содержащихся в этом рассказе и повторенных в автобиографических сообщениях позднейшего времени (репетиторство в пансионе в канун повторного экзамена в университет), то его можно воспринимать как заслуживающее внимания свидетельство о том, что Некрасов, готовясь в университет, брал у Бенецкого уроки по математике и физике. Об этом же Некрасов (не называя фамилии учителя) сообщал и своему биографу Н. В. Гербелю.⁴⁶ Особенно важно упоминание о физике — предмете, не входившем в обязательную программу ярославской гимназии, где учился Некрасов, и не преподававшегося, как мы видели, в пансионе Бенецкого. Если Бенецкий действительно давал уроки Некрасову, то по физике он делал это не «заодно» с ее преподаванием в пансионе, а специально для Некрасова и, как и по математике, не добился успеха: в 1840 г. Некрасов по математике получил единицу, а по физике экзамена не держал.⁴⁷ Но главное не в этом, а в том, что роман подкрепляет ряд косвенных указаний, рассмотренных нами выше, согласно которым Некрасов познакомился с Бенецким не

⁴⁶ См.: *Гербель Н. В.* Хрестоматия для всех: Русские поэты в биографиях и образцах. С. 536. В другой автобиографической заметке, относящейся приблизительно к тому же времени, Некрасов, рассказывая о предстоящем экзамене по физике, говорил об отсутствии репетитора: «...приготовиться не у кого, заплатить нечем» (Н I, 12, 12) — еще одно указание на то, что версии автобиографических эпизодов были у него непостоянны и испытывали воздействие изменявшегося авторского задания.

⁴⁷ См.: *Евгеньев-Максимов В.* Николай Алексеевич Некрасов: Биогр. очерк // Некрасов Н. А. Стихотворения. СПб., 1920. С. XXII—XXIII; см. также: ЛГИА, ф. 14, оп. 1, № 4414, л. 18.

позднее чем в 1839—1840 учебном году, когда он готовился к повторным экзаменам в университет (годом ранее на экзамены по математике и по физике он не явился).

«... В числе учеников, — пишет в романе Некрасов, — был осмнадцатилетний долговязый детина армянского происхождения...» (там же). Еще одна переключка с автобиографическими сообщениями, относящимися к пансиону Бенецкого, — на этот раз по линии Лориса-Меликова (ср.: «Между учениками его находился и М. Т. Лорис-Меликов»). Как и в отмеченных выше случаях, роман и устный рассказ, совпадая в области вымысла, вместе с тем как бы поясняют или дополняют друг друга и там, где они восходят к действительности. Мы знаем, что среди воспитанников пансиона не было не только Лориса-Меликова, но и вообще пансионеров-армян. Но Некрасов часто общался с Лорисом-Меликовым именно в том году, когда Бенецкий содержал пансион, т. е. в 1842—1843 учебном году. Его приятелю было восемнадцать лет — столько же, сколько и действующему лицу романа Курыханову (которому его репетитор пишет стихи для предмета его любви). По этим аналогиям с большой долей вероятности можно заключить, что и в устном рассказе, и в романе отразились события 1842—1843 гг. Это был хронологический центр, к которому при воспоминаниях о Бенецком тяготело в разные годы авторское воображение.

Образ влюбленного юноши-армянина, как это свойственно литературному персонажу, не сводится к одному прототипу. Он лишь отчасти ассоциируется с юнкером Лорисом-Меликовым, товарищем Некрасова по развлечениям, но в первую очередь вбирает в себя черты купеческого сына, позднее купца, Г. М. Адельханова, некрасовского знакомого в 1839 г. (там же; Н II, 9₂, 151, 350), а по другой линии, — возможно, еще одного купеческого сына, знакомого нам Икорникова, который, как и герой романа, был пансионером. В романе — зримый художественный образ. В устном рассказе — лишь имя собственное, но фамилия известного человека как бы замещает отсутствующий портрет и вызывает (у подготовленного читателя) исторический интерес, сопоставимый по наглядности образа с колоритной живописной характеристикой «осмнадцатилетнего долговязого детины армянского происхождения».

Одна из страниц рассматриваемого романа позволяет предположить, что было время, когда Некрасов эпизодически запимался с детьми. Герой романа, прежде чем получает место у «инженерного офицера», учит детей своих квартирных хозяев. Труд репетитора, по его признанию, не отвечает его характеру (Н II, 8, 147). Упоминание о частных уроках не поддается документальной проверке. Но в другом романе — «Три страны света», написанном через несколько лет после рассматриваемого, Некрасов снова пишет о том же, и притом с особенным чувством, что косвенно указывает на лично испытанное. Возможно, это явилось импульсом и к созданию позднейшей вымышленной истории об изнурительной каждодневной работе в пансионе Бенецкого. Герою романа пришлось убедиться «собственным опытом, как труден и подчас горек хлеб, добываемый продажей своего времени в том периоде жизни, который нужен человеку на собственное образование» (Н II, 9₂, 7). В том же романе излагаются близко к тексту отрывки из учебников по географии и русскому языку (там же). По-видимому, Некрасов познакомился с ними как репетитор. Особенно примечательно то обстоятельство, что один из этих учебников — «Руководство к всеобщей географии для второклассных учебных заведений» И. Шульгина — увидел свет в 1842 г. (там же, 370, 371), т. е. в том же году, когда был открыт пансион Бенецкого. Географию в пансионе преподавал сам Бенецкий. Можно предположить, что, не будучи репетитором, Некрасов все-таки иногда ему помогал, и именно это могло лечь в основу версии, развитой и в «Жизни и похождениях Тихона Тростникова», и в устных рассказах.

Описание условий жизни в доме «инженерного офицера» содержит и такую подробность: «...я попал в общество порядочных людей...» (Н II, 8, 148). Что представляло собой это общество, в романе не обрисовано, но в действительности оно не могло не включать домочадцев Бенецкого, родственников его жены, упомянутых в приводившемся выше рапорте в Главное управление военно-учебных заведений. Для наших последующих разысканий этот факт приобретает особенный интерес.

6

Формулярный список Бенецкого и справка о его пансионе упоминают и о его жене, и о его свойственниках, ему помогавших. Разыскания об этих лицах оставляют нам единственную возможность установить, где и когда познакомились поэт и учитель и что их соединило.

В формулярном списке Бенецкого отмечено, что его жена, Мария Федоровна, была урожденной Фермор. Этот факт подключает к исследованию целый пласт биографических материалов, давно известных в некрасововедении, но рассматривавшихся разрозненно и без достаточного внимания.

Известно, что, уезжая из Ярославля, Некрасов получил рекомендательное письмо к бывшему смотрителю лейб-гвардии гренадерских казарм отставному подполковнику Ф. Ф. Фермору.⁴⁸ Его дочь, как мы теперь знаем, была замужем за Бенецким. Некрасов явился с письмом к Ф. Ф. Фермору сразу же по прибытии в Петербург, летом 1838 г. Тогда же он должен был познакомиться и с Бенецким, проживавшим в то время на квартире у тестя по адресу: Итальянская, 38⁴⁹ (косвенные указания на этот адрес см. в романе «Три страны света» — Н II, 9₁, 34; 9₂, 342—343).

Некрасов, значит, был близок к действительности, относя свою встречу с Бенецким к одному из первых годов своего пребывания в Петербурге. Рассказ Лориса-Меликова, в первоначальной записи Белоголова, о его знакомстве с Некрасовым на квартире Бенецкого в 1839 г. также оказывается правдоподобным. В то же время окончательно уясняется литературная природа предания, пересказанного Бурениным, о нечаянной встрече Бенецкого с больным и голодным Некрасовым в мелочной лавочке.

В годы знакомства с семейством Ферморов Некрасов — вчерашний провинциал, журнальный поденщик, представитель богемы. Но для Ферморов он прежде всего поэт, талантливый, начинающий, нуждающийся в поддержке. В этой семье ценили литературу.

Старший из братьев, Павел Федорович, с середины 1830-х гг., как и Бенецкий, преподавал в Главном инженерном училище. Его фамилия нам встречалась в списке учителей и среди наблюдателей в пансионе Бенецкого. Он, а не его брат Николай, как это обычно считается, распространял среди воспитанников училища первую книгу стихотворений Некрасова «Мечты и звуки»⁵⁰ (Н. Ф. Фермор в этом училище не слу-

⁴⁸ См.: *Гаматов М.* К воспоминаниям А. Я. Головачевой. С. 255—256. Ф. Ф. Фермор, англичанин по происхождению, был в прошлом офицером-кавалеристом, знавшим и инженерное дело, участником многих военных кампаний (в том числе Швейцарского похода 1799—1800 гг., сражений под Аустерлицем, Смоленском, Дрезденом), в которых он получил больше ран, чем наград, и широко образованным человеком, владевшим кроме родного английского французским и немецким языками (ЦГВИА, ф. 395, оп. 28, № 422).

⁴⁹ См.: *Нистрем К. М.* Книга адресов С.-Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 1175.

⁵⁰ О П. Ф. Ферморе, без указания инициалов, в этой связи вспоминал Д. В. Григорович (см.: *Григорович Д. В.* Литературные воспоминания. М., 1961. С. 49). В некрасововедческой литературе инициалы раскрыты неверно. Пользуюсь случаем исправить ошибочную ссылку на мое устное сообщение о том, что «Мечты и звуки»

жил). П. Ф. Фермор и сам не был лишен литературных способностей. Рукопись его воспоминаний о брате Николае была использована Н. С. Лесковым в очерках «Инженеры-бессеребренники».⁵¹

Николай Федорович по окончании Главного инженерного училища в 1832 г. служил в петербургской инженерной команде, куда он был переведен из Варшавы и где приблизительно в то же время, до перехода в это училище, служил и Венецкий. Как и его старший брат, он жил в доме отца, и именно здесь состоялось его знакомство с Некрасовым.⁵² Определенно к Н. Ф. Фермору относятся записи в дневнике Н. А. Полевого: «Вечером был Фермор и юноша Некрасов» и «Вечером Филимонов и поэт Некрасов с Фермором» (от 3 и 30 октября 1838 г.).⁵³ Н. Ф. Фермор увлекался литературой, писал стихи и прозу.⁵⁴ Несколько его стихотворений было опубликовано в 1839—1840 гг. в журналах Полевого и Ф. А. Кони — тогда же, когда в них сотрудничал и Некрасов.⁵⁵ Н. Ф. Фермору посвящено некрасовское стихотворение «Изгнанник» (Сын отечества. 1839. № 6. С. 55), вошедшее в книгу «Мечты и звуки».

Отношения между Некрасовым и Н. Ф. Фермором основывались не только и даже не столько на литературном сотрудничестве, сколько на личной приязни (Н I, 12, 22). В своем понимании гражданского долга приятель Некрасова был рыцарем чести и личностью легендарной.⁵⁶ Его самоубийство летом 1843 г. осталось незабываемым для Некрасова (там же, 277).

Некрасову принадлежит стихотворение «На скользком море жизни бурной...», публикуемое под условным названием ««В альбом Марии Фермор»». Альбом сохранился. При ближайшем знакомстве с его содержанием возникает сомнение в его принадлежности Марии Федоровне. Все записи, за исключением одной, которую можно воспринимать как мадригал, обращены к лицам мужского пола, взрослым и детям. Адресатом стихотворения была не Мария Федоровна, а скорее всего ее брат — Н. Ф. Фермор. Судя по месту в альбоме, послание относится к 1839 г.⁵⁷ Мария Федоровна к этому времени была уже замужем, и к ней едва ли могло быть обращено пожелание: «Пусть роскошные мечты Вас подарят годами счастья...» (Н I, 1, 273). Трудно себе представить, что, обращаясь к жене своего старшего друга, Некрасов на страницах семейного альбома желал бы ей счастья в небесной мечте. Что касается предположения о другом адресате послания, то оно основывается на том, что послание полемически перекликается с «Черноморской ночью» Н. Ф. Фермора, развивающей традиционную тему пловца и бури: ветер внезапно настигает челнок, плывущий по тихому вечернему морю («Но, как крылья чайки белой, Парус в воздух полетел — За кормою вал дебелий Гнаться, робкий, не посмел»). Некрасов-

распространились в Главном инженерном училище будто бы Ф. Ф. Фермором (см. редакционное примечание к статье: *Гаркави А. М.* Малоизвестная эстетическая декларация Некрасова // Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 120).

⁵¹ *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. М.; Л., 1958. Т. 8. С. 284; см. также: ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, № 357.

⁵² Ср.: «Едва появившись в столице. Некрасов где-то случайно познакомился с преподавателем инженерного училища офицером Николаем Федоровичем Фермором. Это был добрый и благородный человек. Он привел юного провинциала в свой дом, познакомил с семьей» (*Жданов В.* Жизнь Некрасова. С. 12).

⁵³ Ист. вестн. 1838. № 3. С. 669, 670.

⁵⁴ См.: *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 8. С. 251, 252, 271; ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, № 357.

⁵⁵ См.: Сын отечества. 1839. № 2 («Черноморская ночь»); Пантеон русского и всех европейских театров. 1840. № 5. С. 63 («Я бы хотел!») (здесь же, на с. 62, опубликовано стихотворение Некрасова «Офелия»); № 7. С. 48 («Рыцарь») (здесь же, на с. 40—50, за подписью «Феоклист Онуфрич Боб» опубликована некрасовская пьеса «Провинциальный подьячий опять в Петербурге. Беда пеминучая и радость могучая»).

⁵⁶ См.: *Лесков Н. С.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 8. С. 260—261, 272.

⁵⁷ ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, № 61, л. 16.

ское стихотворение посвящено той же теме, но оно поэтизирует тишину: «На скользком море жизни бурной Пусть ваша скромная ладья Плывет по гладкости лазурной До темной цели бытия Без бурь, без горя, без ненастья...». Н. Ф. Фермор был подвержен приступам меланхолии (один из которых позднее стал причиной его самоубийства), и именно в обращении к нему (но не к жене Бенецкого) объяснимы и приведенные выше строки, и концовка стихотворения: «Пускай убийственная скука От вас далеко улетит И никогда печалей мука Младого сердца не смутит».

Младшему из Ферморов, Владимиру, посвящен упоминавшийся выше детский водевиль Некрасова «Великодушный поступок». Датой его создания обычно считают 1840 г. — на основании авторской пометы на рукописи другого детского водевиля «Федя и Володя», написанного, как полагают, одновременно (Н II, 6, 653, 654). Но текст посвящения — «Десятилетнему мальчику Владимиру Федоровичу Фермору» — позволяет датировать этот водевиль 1841 г., ибо В. Ф. Фермор родился 18 февраля 1831 г.⁵⁸ Судя по содержанию пьесы, Некрасову приходилось соприкасаться с жизнью пансионеров, но где и когда (до 1841 г.), остается невыясненным.

Бенецкий входил в семейство Ферморов, и неудивительно, что в семейном альбоме обнаружили и его строки. Но неожиданно это оказались стихи. Их адресатом был также Володя Фермор. Обращаясь, как и Некрасов, к мальчику, Бенецкий писал:

Еще ты роком не замечен,
Тебе прекрасен белый свет.
Не зная мук, не зная бед,
Ты всем доволен и беспечен.
Твои безоблачные дни,
Как милый сон, мелькают живо.
Да не закатятся они
С порою младости счастливой.
Она пройдет, но пусть она
Не мрачный путь тебе укажет,
Пробудит силы ото сна
И ум для доблести развяжет,
Научит родину любить,
Добро и честь любить душою,
За них беду переносить
И не бледнеть перед судьбою.⁵⁹

Стихи, конечно, были знакомы Некрасову, писавшему в альбом приблизительно в это же время. Встреча на страницах альбома обнаружила принадлежность к разным типам художественной культуры. В художественно-наивном послании Бенецкого открыто выразилась личность писавшего. Стихотворение Некрасова носит отпечаток литературной школы. Бенецкий учит служению родине, Некрасов призывает к философскому уединению. Но несмотря на эти различия, Некрасову оказался памятен человек, в чьем облике столь естественно сочетались доброта, гражданственность и учительство, — то, что исподволь уже в ранние годы формировало некрасовский идеал. И если с годами воспоминания о Бенецком у Некрасова не тускнели и с особенной яркостью засветились на исходе жизненного пути, то это доказывает, что изначальные впечатления, произведенные встречами у Ферморов, были глубокими и непреходящими.

* * *

Если реальная история отношений между Некрасовым и Бенецким в значительной степени прояснилась, то этот результат оказался воз-

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 400, оп. 9, № 3110.

⁵⁹ ЦГАЛИ, ф. 1336, оп. 1, № 61, л. 53.

можным прежде всего благодаря информации, содержащейся в сообщениях Некрасова. Только они сохранили нам данные, сделавшие возможным поиск: фамилию, имя и отчество офицера, содержавшего пансион, и назначение этого пансиона. По этим указаниям были собраны сведения из адрес-календарей и других справочников, давшие нить для архивного разыскания, успех которого обусловлен был тем, что в обнаруженных документах — формулярном списке Венецкого и рапортах о содержателях пансионеров — оказались реалии, позволившие разобраться в противоречиях автобиографических сообщений Некрасова и найти «ключ» к их прочтению. При этом особенно важную роль сыграл, казалось бы, «посторонний» и «случайно» установленный факт (девичья фамилия жены Венецкого); он позволил определить место и дату знакомства Некрасова с Венецким и привел к архивному документу, характеризующему личность Венецкого. Исползованные источники лежат за пределами собственно некрасовской биографии, но имеют решающее значение для ее постижения. В принципе это означает, что любой документ, не обладающий самоценной значимостью, может содержать незаменимую информацию об историческом деятеле и должен быть сохранен.

В результате сопоставления с документами, относящимися к пансиону Венецкого, «истаяли» одна за другой, несмотря на их казавшуюся достоверность, почти все подробности некрасовского рассказа. Но не менее важно и то, что они в той или иной плоскости всегда проецируются на действительные события. Некрасов, вопреки его собственным сообщениям, не был «штатным» репетитором в пансионе, но он знал репетиторский труд и наблюдал его в пансионе Венецкого. Он не получал у Венецкого жалованья и стал «поправляться» благодаря литературным заработкам, но Венецкий его поддерживал, помогая ему поступить в университет. У Венецкого было не десять, а всего несколько воспитанников, но все-таки они были. Среди них не было Лориса-Меликова, но Некрасов встречался с ним в ту зиму, когда Венецкий содержал пансион, а, возможно, также и ранее, как об этом рассказывал сам Лорис-Меликов. Венецкий не был наставником-наблюдателем в Пажеском корпусе, но в последний год жизни он был назначен на эту должность во Второй кадетский корпус. Он был не полковником, а штабс-капитаном в годы, когда содержал пансион, но позднее дослужился до подполковника. Все это — крупницы реальности, без которых была немыслима творческая работа Некрасова, требовавшая ощущения подлинности излагаемого и в вымышленном повествовании.

В отличие от художественного произведения автобиографического характера, дающего право на вымысел, аналогичный устный рассказ предполагает верность действительности, и это определяет особенность его восприятия. Но отступление от этой «договоренности» не нарушает контакта с читателем, если известно, что мотивы этого отступления родственны художественному заданию. Рассмотренный под соответствующим углом зрения такого рода устный рассказ приобретает особенное значение как материал для суждений о творчестве, проявившемся в необычной области.

Реальный комментарий к воспоминаниям Некрасова о Венецком, включая сюда и наброски заметок, и пересказы бесед, и эпизоды из «Жизни и походов Тихона Тростникова», обнаруживает, что в автобиографических сообщениях во множестве допускаются элементы вымысла, а в романе многое соответствует тому, что имело место в действительности. Жанровое различие между первыми и вторым предстает как относительное, и это является основанием для того, чтобы рассматривать их во взаимосвязи.

В автобиографических сообщениях, включающих эпизод с пансионом Венецкого, Некрасов рассказывает историю своей жизни, какую она ему представляется как поэту. Образ автора, возникающий из воспоми-

наний, объединяет в себе черты реальной личности и литературного персонажа. В ретроспективе далекой юности Некрасов видит себя надорванным тружеником, заплатившим ценою своего здоровья за стремление к знаниям и поэтической деятельности. Биографическая хроника «идеологизируется», насыщается мыслью об испытаниях, формировавших характер поэта, и прежде всего об испытаниях голодом. Подчиняясь ведущей мысли, некрасовская фантазия возбуждается тем сильнее, чем большее сопротивление ей оказывает инертный жизненный материал. Творческое начало, обнаруживающееся в перестановке и в замещении биографических эпизодов, в гиперболе, вырастающей из потребностей претворения нейтрального в «говорящее», тусклого в выразительное, последовательно организует повествование, жанровая форма которого поддерживает при этом иллюзию жизненной достоверности. Взгляд на мемуарные сообщения этого рода как на свидетельства, не требующие проверки и не подлежащие литературоведческому анализу, приводит к канонизации недостоверного, порождает различные домыслы, вызванные необходимостью снять разноречия автобиографического рассказа, и, подавляя стимул к исследованию, приводит к подмене фактов преданием.

А. А. Горелов

НЕКРАСОВ И Н. С. ЛЕСКОВ

Заглавие настоящей статьи обращает внимание на проблему, которая в качестве самостоятельной литературоведением не разрабатывалась. По существу все, чем мы на сегодня располагаем, — лаконичные комментирующие справки в одиннадцатитомном «Собрании сочинений» Н. С. Лескова¹ с упоминаниями некоторых эпизодов-откликов писателя-прозаика на сочинения поэта, отсылками к источникам ряда некрасовских цитат и репликами по поводу высказываний Лескова о Некрасове. Критические и исследовательские суждения о сходстве мотивов, образов Лескова и Некрасова не шли далее самых общих и беглых констатаций.² Единственным специальным экскурсом в тему остается небольшая газетная заметка, пунктирно обозначившая некоторые аспекты проблемы.³

Нет сомнений, что затронутый вопрос еще не раз привлечет к себе исследователей, тем более что он многосторонен, требует пристального внимания и разыскания новых материалов.

* * *

Всякий читатель сочинений Лескова не может не увидеть, что среди упоминаемых писателем русских поэтов всех времен Некрасов стоит в ряду любимейших, а среди современников выделен как *первый* поэт эпохи. Несмотря на всю лесковскую любовь к произведениям А. К. Толстого, не они, а именно стихи Некрасова дали Лескову возможность назвать искомые им литературные образцы для нравственного вдохновения общества.

Лесков цитирует, упоминает или интерпретирует стихи Некрасова в литературно-критических и театральных статьях и рецензиях, в публицистике («О литераторах белой кости», 1862;⁴ «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе «Что делать?» (Письмо к издателю «Северной пчелы)»), 1863; «Русский драматический театр в Петербурге», 1867; «Специалисты по женской части», 1867; «Русские общественные заметки», 1869; «Карикатурный идеал. Утопия из церковно-бытовой жизни. Критический этюд», 1877; «Академический магистр», 1881; «Вычегодская Диана», 1883; «Потревоженные тени С. Терпигорева (Атавы), т. II. СПб., 1890», 1890), в путевых очерках («Из одного дорожного дневника», 1862), очерковых памфлетах («Русское общество в Париже (1863 г.)», 1863, 1867; «Загадочный человек», 1870), в романах («Некуда», 1864—1865; «Обойденные», 1865; «На пожарах», 1871; «Соборяне»,

¹ Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. М., 1956—1958. Далее в наст. статье ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Л, том и страница (арабскими цифрами).

² См., например, редкие для лесковианы «скользящие» упоминания Некрасова в монографии В. Ю. Троицкого «Лесков-художник» (М., 1974. С. 43, 178).

³ См.: Громов В. Верность интересам народа // Орлов. правда. 1982. 14 янв.

⁴ При отсылках к сочинениям Лескова указана дата их публикации.

1872), в пьесе («Расточитель», 1867), в повестях и рассказах («Овцебык», редакция 1867; «Смех и Горе», 1871; «Однодум» и «Шерамур», 1879; «Штопальщик», 1882; «Театральный характер», 1884; «Старинные психопаты», 1885; «Колыванский муж», 1888; «Зимний день», 1894), в письмах (1885).⁵ Известно, что Лесков охотно цитировал меткие характеристики из стихов Некрасова «к случаю» и в устных беседах.⁶

Некрасовская поэзия была частью духовного мира Лескова, постоянно присутствовала в его сознании и, как увидим, играла немалую роль в восприятии и оценках действительности, в формировании лесковского эстетического «кодекса». Общение Лескова с поэзией Некрасова документируется временем с января 1862 по сентябрь 1894 г. Оно старше, нежели собственно художественное творчество Лескова, начатое публикацией рассказа «Погасшее дело» в марте 1862 г. Некоторые высокие, если не высшие, точки развития прозы Лескова, несмотря на все общественные и художественные разногласия двух мастеров, как бы озарены вспышками яркого некрасовского слова в лесковских текстах, глубоко демократически трактованными у Лескова формулами стихов поэта.

Что же некрасовское зримо преломлялось в творчестве Лескова?

Лирика, поэмы.

Перечень цитатно вкрапливаемых и литературно обыгрываемых сочинений Некрасова насчитывает двенадцать стихотворений («Истинная мудрость», «Он у нас осьмое чудо...» (эпиграмма на Ф. В. Булгарина), «Тройка», «Родина», «Еду ли ночью по улице темной...», «Влас», «В больнице», «Поэт и гражданин», «Внимая ужасам войны...», «Школьник», «Зеленый шум», «Балет») и две поэмы («Коробейники», «Мороз, Красный нос»). Лесков также пародийно использовал название стихотворения «Филантроп» и упоминает стихотворение Некрасова, обращенное к М. Н. Муравьеву.⁷

Из названных произведений некоторые цитировались неоднократно: «Мороз, Красный нос» (5 раз), «Родина» (4 раза), «В больнице» (3 раза), «Коробейники» (2 раза).

Соотнесение цитаций Лескова с книжными публикациями произведений Некрасова (указаний на использование журнальных публикаций стихов обнаружить не удалось) позволяет с большой долей вероятности считать, что Лесков располагал следующими изданиями сочинений поэта: Мечты и звуки. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1840;⁸ Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856;⁹ Стихотворения Н. Некрасова. 1-е изд.

⁵ Перечень заведомо не полный, так как мы не имеем полного собрания сочинений Лескова, а значит, наши наблюдения, не опирающиеся на исчерпанность материала, уже по одной этой причине не претендуют на окончательность.

⁶ Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 66.

⁷ Ода в честь Муравьева в полемических целях была упомянута трижды (в «Загадочном человеке», «Соборных», «Колыванском муже»), с вариацией в двух случаях устно донесенной некрасовской фразы (Л, 3, 364; 8, 410).

⁸ Лесков в «Загадочном человеке» (за этот памфлет А. В. Амфитеатров именовал автора в своей книге «Курганы» (СПб., 1906. С. 86) «двуликим Янусом») цитировал «Истинную мудрость», язвительно говоря «о тщательно изъятый Некрасовым из продажи книжечке, носящей заглавие „Мечты и звуки“, которую он, Лесков, «уберег у себя» как «редкость нынешнего времени» (Л, 3, 363).

⁹ В Доме-музее Н. С. Лескова в г. Орле среди остатков личной библиотеки писателя хранится это издание со штампом владельца. В числе карандашных помет «на многих <...> страницах» есть, в частности, пометы к стихотворениям «Поэт и гражданин», «В больнице», а также к «Секрету» и «Сознанию» («Праздник жизни — молодости годы...»), не фигурирующим в нашем реестре цитаций (Афонин Л. Н. Книги из библиотеки Н. С. Лескова в Государственном музее И. С. Тургенева // Лит. наследство. М., 1977. Т. 87. С. 139 (прочие пометы не оговорены автором публикации)). Штамп с указанием адреса: «Сергиевская 56, кв. 14» (см.: Там же. С. 141) — относится к периоду: июнь 1880—конец мая 1885 г., когда Лесков жил в Петербурге на Сергиевской улице (см.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова... Т. 2. С. 134, 229). Но возможно, что штамп был оттиснут на книге, купленной прежде.

СПб., 1864. Ч. 3;¹⁰ Стихотворения Н. Некрасова. [1-е изд.]. СПб., 1869. Ч. 4,¹¹ — а также одним из изданий «Коробейников» или сборником стихотворений поэта, включавшим поэму и вышедшим не позднее декабря 1879 г. (дата публикации лесковского рассказа «Шерамур» с цитацией некрасовской «Песни убогого странника» из поэмы «Коробейники»). Кроме того, писатель слышал и запомнил эпиграмму на Булгарина или заполучил ее список.

Лесков знал и хотел знать разного Некрасова — гражданского лирика и сатирика, поэта крестьянства и образителя столичных нравов, быта. Писатель с жадностью ловил слово самого Некрасова и молву о нем, впитывал его стихи и добрые и недобрые слухи о поэте.

Все контакты Лескова с миром некрасовской поэзии, с некрасовскими журналами и изданиями, с кругом друзей и соратников поэта обуславливались и корректировались общественной ситуацией, что с начала 1860-х гг. властно потребовала от каждого литератора политического самоопределения (первые лесковские выступления в печати датированы июнем 1860 г.), а затем развела и записала убежденного демократа (но и убежденного же «постепеновца») Лескова и поэтического вождя революционно-демократических сил Некрасова в противоборствовавшие литературные станы. И при всем том, однако же, и первого и второго объединяли стремление к народному благу, способность искать пути его достижения с опорой на самобытную народность и ее историю, неприятие отживших российских социальных структур, политического режима.

С некоторой благостностью во взоре, обращенном в прошлое, Лесков начала 1880-х гг. напишет, что двадцатилетием ранее «в литературе последовал великий раскол», а выразился он в том, что «из одного лагеря, с одним общим направлением к добру, — образовались две партии: „постепеновцев“ и „нетерпеливцев“» (Л, 11, 74).¹² На исходе 1880-х гг. в очерке о писательнице Т. П. Пассек ее устами Лесков назовет поляризовавшиеся силы с осудительной резкостью: «попятники» и «нетерпеливцы».¹³ К этой поре он уже не принимал программ ни тех, ни других, давно преодолел былой реформизм и отстаивал христианско-нравственную утопию. В начале же 1860-х гг. ни примирительной благостности, ни, напротив, резкой двухадресной осудительности у молодого журналиста Лескова не было. Тогда он только что встал под постепеновское знамя, уверовав в реформистский прогресс под эгидой самодержавного правительства, освобождавшего крестьян от крепостной зависимости, и в голосе его со страниц московской «Русской речи» и петербургских изданий зазвучал металл: так он надеялся воздействовать на сторонников крестьянской революции. Вот тогда-то Лесков и оказался впервые противником Некрасова, а точнее — некрасовского «Современника» и сподвижников поэта. Выбраться из этой колеи писателю было не суж-

¹⁰ Приводимые Лесковым строки из части IV поэмы «Мороз, Красный нос» появились впервые в «Современнике» (1864, № 1), но Лесков обычно покупал и держал у себя поэтические сборники, а не журналы. Вот почему логичнее предположить, что он прикупил дополнение к ранее приобретенным изданиям Некрасова. Первые цитаты из поэмы писатель ввел в сочинения 1867 г. («Овцебык», новая редакция (дата завершения неизвестна); «Расточитель», май (см.: *Богаевская К. П.* Хронологическая канва жизни и деятельности Н. С. Лескова. — Л, 11, 809); «Специалисты по женской части», сентябрь), а следующее издание поэмы появилось лишь в 1869 г. (см. комментарий в изд.: Н 11, 4, 556—557).

¹¹ Стихотворение «Балет» цитировано в декабрьских «Русских общественных заметках» Лескова за 1869 г. (Л, 10, 94). В том же году оно впервые вошло в ч. 4 сочинений Некрасова, хотя увидело свет еще в № 2 «Современника» за 1866 г.

¹² Впервые у Лескова эти термины мелькают в очерках «Из одного дорожничного дневника» под 8 сентября 1862 г. где виленские поляки пазваны людьми, не разумеющими, «чего хотят наши „нетерпеливцы“ и на что надеются наши „постепеновцы“» (Сев. пчела. 1862. 11 дек. № 335); затем — в «Загадочном человеке» (1870) (Л, 3, 339).

¹³ Н. С. Лесков о литературе и искусстве. Л., 1984 С. 216.

дено, хотя лесковские высказывания о журнале, о Чернышевском, суждения по проблемам социальной жизни России и европейских народов были на редкость неслаженными и их противоречивость вообще вызывала у литературных оппонентов Лескова сомнения в органичности его «постепеновства».

По-своему парадоксальное звучание имела в лесковской публицистике первая примененная как боевое оружие цитата из Некрасова.

Это произошло в январе 1862 г., когда Лесков, уже приступивший к писанию передовиц для «Северной пчелы», опубликовал статью «О литераторах белой кости».¹⁴ Обнаружив известную переменчивость суждений,¹⁵ автор-постепеновец защищал петербургскую журналистику в целом от «разнуздавшихся желчевиков московского журнального мира» (имелся в виду недавно приветствовавшийся Лесковым «Русский вестник», ныне порицавшийся также и за стремление к «англизированию русской земли», за попытки на английский манер «пересоздать нашу коренастую Русь»)¹⁶ Лесков усматривал в критической позиции М. Н. Каткова «крайний консерватизм, не соображающий своих положений с движением человеческой мысли и состоянием среды». Говоря, что «правильное, постепенное разрушение и создание нового на месте старого составляют элемент самой жизни общества», что «для истинных друзей разумного поступательного движения слово „разрушение“ не имеет никакого ужасающего значения», Лесков упоминал в качестве образца «великого патриота» Токвиля, «который в самые роковые минуты, стоя между двух огней, не уставал своим пророческим голосом утверждать, что *единственный способ отворотить предвиденную им катастрофу состоит в отмене или в существенном изменении органических законов государства...*».

А далее Лесков, сформулировавший приведенными словами Токвиля дорожку ему в тот час охранительную общественную концепцию, упрекает Каткова в отсутствии «солидарности» с «толпою», катковскую «пухлую среду» — в рудинстве. Воитель против «литераторов белой кости» осудит «Гизо и Полиньяков», которых обладатели его проницательно-трезвого взгляда способны распознавать даже «по самым маленьким приметочкам, по шерсточке, по родимым пятнышкам».

Лесковым будет провозглашено «наиглубочайшее презрение к людям, „Чье назначенье разговоры“», а популярнейшие некрасовские стихи из диалога между поэтом и гражданином с бичующей силой ударят по тем, «которые

Свою особу огради,
Бездействуют, твердя:

¹⁴ Рус. инвалид, 1862. 20 янв. № 15.

¹⁵ В статье «О замечательном, но неблагоприятном направлении некоторых современных писателей» (Рус. речь и Моск. вестн. 1861. 27 июля. № 60), где осуждалось «всеотрицающее направление», тон которому задавал «один петербургский *толстый журнал*» (подразумевался некрасовский «Современник»), Лесков брал под защиту «Русский вестник», думавший, в частности, как «пособить» «беспомощности русского народа в болезнях» и заботившийся «о благоустройстве народного быта», тогда как «*народники*» отвергали «науки, дающие способ изыскивать средства к удовлетворению народных нужд» (науки были «ими „переварены и выкинуты“»), «*народникам*»-де милее была «эпоха драк и насилий», нежели опыты кроткой филантропии или же мирного социального целительства по рецептам Елизаветы Фрей, Оуэна, Астлея, хотя то были уроки «гражданской мудрости». (Менее чем через месяц, в августе 1861 г., Н. А. Добролюбов высмеял в «Современнике» издания основательницы «Русской речи» Евгении Тур и ее брошюру о Елизавете Фрей (см.: *Добролюбов Н. А. Собр. соч.*: в 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 635—638)). В 1880-е гг., изжив иллюзии 1860-х гг., Лесков напишет: «Я не филантроп <...> и не верю в пользу филантропических затей...» (*Лесков Н. С. Рассказы кстати; Пагубники // Новь. 1885. № 1. С. 124*).

¹⁶ Рикшотом Лесков попадал и в «Русскую речь» — «девственное издание», что «по крайней своей скромности и целомудрию никогда никого не огорчает и никого, кроме своих издателей, не радуется».

«Неисправимо наше племя:
Мы даром гибнуть не хотим.
Мы ждем: пускай поможет время,
И горды тем, что не вредим!».

Публицист, вводя строки Некрасова, подхватывает и перефразирует слова последнего о «логике презренной», типичной для «мудрецов», носителей «себялюбивых» мечтаний, скрываемых «умом надменным». ¹⁷ Он не из их числа. Стало быть, ради гражданского действия можно или нужно и «гибнуть». Но, как видим, в стихи вливается сугубо охранительная мораль прогрессиста-постепеновца, стихотворение переосмысливается. Гражданский долг, вопреки оригиналу — источнику поэтической цитаты, введен в рамки обороны режима. ¹⁸ Первый опыт обращения Лескова с бунтарским текстом Некрасова был полемичен по отношению к революционно-демократическим кругам, а что касается спора с «Русским вестником», то он ушел в песок и сменился альянсом уже через два месяца. ¹⁹

Анализ печатных выступлений Лескова в 1861—1862 гг. показывает, что молодой писатель испытывал колебания во взглядах; в частности, он обнаруживал известную симпатию к Чернышевскому, заверял в питаемом к «талантливым сотрудникам» «Современника» уважении. ²⁰ Но его высказывания по главному вопросу момента были стойко однозначны. Соглашаясь с выражением революционно-демократического журнала, что «у нас в литературе все хотя бы счастья русскому народу», ²¹ публицист, на которого обратили не лишние назидательного сочувствия взгляды Г. З. Елисеев и Н. Г. Чернышевский, ²² отстаивал несогласие с «Современником» «в средствах, которыми <...> может быть достигнуто общественное благосостояние». ²³ С позиций практициста, знатока народа, он варьировал мысль о неготовности русского общества к «форсированным движениям», к тому, чтобы «кое-что делать». ²⁴ Тот весенний резонанс «пожарной» статьи Лескова в «Северной пчеле» от 30 мая 1862 г., который потряс молодого публициста и вызвал его осеннее «бегство» в Европу, ²⁵ был в существе своем неизбежен вследствие идейного размежевания Лескова с революционно-демократической журналистикой и, в частности, его затяжного диспута с редакцией некрасовского журнала, стоявшего, по его словам, во главе «самого распространенного направления русской литературы». ²⁶

¹⁷ Ср.: Н II, 2, 8—9. Лесков устраняет для естественности движения фразы «они» перед «бездействуют» и вместо «авось» пишет «пускай», как обычно цитируя стихи по памяти.

¹⁸ Своего рода «всплеск» охранительного настроения Лескова был зарегистрирован 13 мая 1862 г. в дневнике В. Ф. Одоевского: «У меня Лесков — толковали о глупых прокламациях («Молодая Россия». — А. Г.) и о нелепости нашего социализма. „Уж если будет резня, — сказал Лесков, — то надобно резаться за Александра Николаевича“» (Лит. наследство. М., 1935. Т. 22—24. С. 149).

¹⁹ В передовице «Северной пчелы» от 18 марта 1862 г. (№ 75), полемически характеризуя достоинства журналов, Лесков скажет, что «„Русский вестник“ <...> создал едва ли не самую сильную и не самую честную и разумную партию, представителей которой можно в наши дни встретить во всех тех слоях русского общества, которые не сидят на кованых сундуках и не живут для одного благоутробия».

²⁰ Сев. пчела. 1862. 20 мая. № 134 (передовица).

²¹ Там же.

²² См.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова... М., 1984. Т. 1. С. 206—208, 452—454; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М., 1950. Т. 7. С. 1074.

²³ Сев. пчела. 1862. 29 мая. № 142 (передовица). Здесь опять говорилось о «талантливой редакции» «Современника», о ее «честности и благонамеренности».

²⁴ Сев. пчела. 1862. 20 мая. № 134 (передовица).

²⁵ См. об этом, в частности, в кн.: Лесков А. Жизнь Николая Лескова... Т. 1. С. 12—13, 209—218, 453—457.

²⁶ Сев. пчела. 1862. 20 мая. № 134 (передовица).

Полемика затрагивала коренной вопрос социального бытия, поэтому она была продолжена Лесковым уже в дорожных тетрадах журналиста,²⁷ а затем многократно возрождалась в новых формах в лесковской художественной прозе, когда отступили вдаль самые 1860-е гг., сошли со сцены десятки виднейших оппонентов Лескова, но еще острее стал вопрос о том, быть или не быть русской революции. Позднейшие годы показали, что эволюция российского общества и общественной борьбы вызвала эволюцию Лескова и в этом вопросе. Известная статья писателя «На смерть М. Н. Каткова» (1887) содержит примечательнейшие слова об ушедшем «львояростном кормчем „Московских ведомостей“»: «Он будто не видел, как много дров кладет на костер неизбежности в первую голову из-за его же работы русской революции...» (Л, 11, 159, 161). Сознания неизбежности русской революции у Лескова 1860-х гг. не было. Но была редкостная по объективности оценка целого ряда русских революционеров, было восхищение некоторыми деятелями русского революционного освободительного движения, давшее героев-двойников в его произведениях, в том числе героев «Овцебыка», «Некуда» и «На пожарах» (Богословского, Райнера, Елизавету Бахареву и Анну Скокову (Ванскок)).²⁸ Была в той же «Северной пчеле» статья «Николай Гаврилович Чернышевский в его романе „Что делать?“», написанная о книге узника Петропавловской крепости и приветствовавшая деятельность ведущих персонажей романа — нигилистов.²⁹ Были позднейшие направленные против охраны рассказы «Путешествие с нигилистом» (1882), «Административная грация» (1893), повесть «Заячий ремиз» (1894). Была вся огромная, калейдоскопически богатая сага Лескова о России и ее народе.

Наконец, были составляющие предмет нашего рассмотрения сложные, но неизменно исполненные восхищения перед талантом поэта, красноречивейшие высказывания о Некрасове, и они начинались в злополучный год «пожарной» истории и представляются тем более знаменательными на общем фоне нарастающего лесковского антагонизма в отношении концепций революционных демократов.

* * *

15 октября 1862 г. Лесков посетил во Львове, что находился в ту пору в пределах габсбургской монархии, русское казино в «Народном русском доме» — один из центров культурной жизни местного русинского населения. Лесков, любивший личность и стихи Тараса Шевченко, обратил внимание на царивший здесь культ великого украинского поэта: «В главной комнате, на самом парадном месте, где в некоторых странах вешаются портреты Наполеонов да Фердинандов, висит в вызолоченной рамке портрет Тараса Григорьевича Шевченки.

²⁷ Среди записей «Из одного дорожного дневника» Лесков отметит «наибольший почет», которым пользовался в виленских польских кругах «Современник» среди всех «русских периодических изданий». Он скажет и о «сочувствии к приостановленному» в 1862 г. журналу, — сочувствии «людей самых различных общественных положений». Однако Лесков не преминет продолжить это свое наблюдение сатирическим пассажем: «Здесь любят этот журнал так же, как любят его помещики Орловской, Курской, Пензенской, Саратовской и многих других губерний. А там его любят ужасно. Афанасий Васильевич, обыватель <...> ханька, ревнивец и крепостничок, получив известие о приостановлении „Современника“ по распоряжению правительства, целый месяц сидел, списывая в особую тетрадь некоторые статьи из вышедших книжек „Современника“» (Сев. пчела. 1862. 11 дек. № 335).

²⁸ «Лесков окружил Райнера сиянием благородства и почти святости...» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 230).

²⁹ Не исключено, разумеется, что Лесков в 1863 г. принял роман Чернышевского в связи с тем, что усмотрел в нем смену революционной программы на постепенную.

„Любей кобзарь Украины“ здесь еще в большем, кажется, почете, чем у нас в Малороссии и Украине. Любовь к нему лично так велика, что <...> отрицается возможность критического разбора его сочинений. Молодежь самым серьезным образом утверждает, что „Шевченко выше всех поэтов“».

Лесков, в прошлом близкий поэт, дружески расположенный к нему и защищавший его память от псевдомемуарного литературного сочинительства,³⁰ увидел в этом превознесении Шевченко и «пламенную любовь к родине», и незнание поэтов, с которыми Шевченко сравнивался. И в возникшем споре он сразу же припомнил других крупнейших поэтов славянства, среди которых в числе семи имен первым возникло у него (хотя и с сознанием высшего авторитета покойных русских и польских гениев) имя Некрасова: «Едва-едва уступили имя Гомера, но лучших из славянских поэтов так и оставили позади Шевченка. Покойник рассердился бы, если бы ему в глаза сказать, что он не только безгранично выше Некрасова, Сырокомли, Гавличка и Кольцова, но что и Пушкин, и Мицкевич, и Лермонтов при нем отодвигаются на второй план».³¹

А между тем имя Некрасова не могло не вспомниться Лескову уже потому, что петербургский поэт-современник присутствовал в его сознании десятками запавших в душу стихов, и на дороге между Пинском и Домбровицей, где путь был особенно тяжок и печален, он повторял пейзажные строки некрасовского «Школьника».³² Это были обиходные летучие слова, цитировавшиеся автоматически. Так же легко цитировался и Шевченко. Превознесение одного поэтического имени над другим не удивило Лескова, но вызвало целый его монолог о национальном чувстве и его нормальных и ненормальных проявлениях у представителей хорошо известных поэту национальностей — украинцев, русских, поляков. Авторитет Некрасова, равно как и апелляция к человеческой скромности и эстетической объективности Шевченко, как бы обязывали при этом к соблюдению национального паритета и подлинного такта не только при подобных сопоставлениях поэтов, но и вообще в межнациональных контактах, где Лескову дороже всего была объединяющая человечество «мировая идея», что опрокидывает самовеличающуюся народную гордыню с ее оскорбительным и провинциальным «квасным патриотизмом» и «утушает» «народные усобицы».

Важный эпизод для оценки отношения Лескова к Некрасову дает год 1863-й. До Лескова, считавшего, что в полемике хороши почти все средства, конечно, доходили и ранее слухи о виновности Некрасова в деле с огаревским наследством. Подлинная роль поэта, принявшего на себя вину А. Я. Панаевой, при этом оставалась глубоко замурованной молчанием Некрасова.³³ Ее писатель не знал. Превратная версия происшедшего липко обволакивала имя поэта, а потому полемический «регулятор» публицистики Лескова сработал против Некрасова с безотказной незамедлительностью: в очерках «Русское общество в Париже» автор провалился целым язвительным каскадом по поводу этики «пунсового филантропа» (Некрасова), которого «даже на порог к себе не допустил» лондонский изгнанник Герцен.³⁴

Лесковым и далее будут инкриминироваться Некрасову нравственные промахи: такова была логика литературно-общественной борьбы, в кото-

³⁰ Н-в Нечто вроде комментарий к сказаниям г. Аскоченского о Т. Г. Шевченке // Рус. инвалид. 1861. 2 дек. № 268.

³¹ Из одного дорожного дневника // Сев. пчела. 1862. 29 дек. № 351.

³² Там же // Сев. пчела. 1862. 28 дек. № 350.

³³ См. хотя бы изд.: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена: 1851—1858 / Сост. Л. Р. Ланский, И. Г. Птушкина. М., 1976. Т. 2. С. 347, 353, 359, 370 и др.

³⁴ Русское общество в Париже: (Письмо третье) // Лесков-Стеблицкий Н. С. Сборник мелких беллетристических произведений. СПб., 1873. С. 518 (впервые опубликовано: Б-ка для чтения 1863 № 9).

рой и к Лескову не раз применялись средства беспощадные. В обоюдострых полемиках второй половины XIX в. можно неоднократно засвидетельствовать действия согласно суровому древнейшему повелению «воздать каждому по пути его» (Иеремия, гл. XVII, ст. 10).³⁵ Через год П. И. Якушкин, со свойственным ему примиряющим даром, пытается выступить ходатаем за Лескова перед Некрасовым.³⁶ Возмутившись тем, что «Современник» в одной из статей ругает Лескова, собиратель народных песен заявляет:

«— Знаешь, я сейчас пойду к Некрасову и скажу, что это свинство. Он говорит о тебе хорошо, а позволяет писать совсем скверно. Я их за тебя сам обругаю» (Л, 11, 76).³⁷

Примечательный этот штрих относится к моменту, когда появляется «Некуда» (1864—1865), но Лесков уже был к этому времени достаточно известен как автор по крайней мере двух произведений 1863—1864 гг. из народной жизни, признанных позднее классическими («Овцебык», «Житие одной бабы»). Демократическая проза Лескова позволяла Некрасову совершенно объективно, по реальному достоинству оценивать незаурядное лесковское искусство.

В 1865 г. выходит из печати роман Лескова «Обойденные», где одна из деталей служит поэтической характеристике внутреннего мира героини Доры: она любит драматические стихотворения Некрасова и сильно волнуется при их чтении.³⁸

Позитивная оценка поэзии Некрасова положительными героями Лескова — крепнущий мотив в отношении прозаика к поэту. Это подтверждает новая редакция повести «Овцебык» (1867) — одного из значительнейших в лесковском творчестве произведений как по объективному его звучанию, так и по субъективным намерениям автора. Писатель говорил в ней о ближайших перспективах развития России, о взаимоотношениях демократической интеллигенции и народа. Специальная полемическая направленность повести явственна: хождение главного героя в народ завершалось трагично, повесть идейно перекликалась с романом «Некуда» («Некуда идти», — категорически подводит итог своих путешествий по Руси и вместе итог духовных скитаний разночинец Васильев Богословский — Л, 1, 85). Однако Лескова воодушевлял не только пафос сомнения и отрицания, но и пафос утверждения, выражавшийся в неизбежных моментах общедемократической солидарности с тем лагерем, с которым он столь часто спорил. А в этой связи писатель не мог не высказаться по волновавшему его женскому вопросу, трактовка которого уже прежде доказывала и общую прогрессивность собственного взгляда Лескова, и его изначальный адогматизм — готовность к приятию некото-

³⁵ Одно из «инициативных» проявлений борьбы со стороны Лескова начала 1860-х гг. — его статья «Литературно-полемический вопрос. (К издателю «Северной пчелы)», где автор резко выступил за ужесточение полемики с социалистами и материалистами («...пора окончить к...» ни к чему не ведущее деликатничанье с «гаерами») и солидаризовался с Катковым (последний, по тогдашнему суждению Лескова, «ясно» доказывал «отсутствие в народе русском социалистических понятий») (Сев. пчела. 1863. 24 июня. № 166).

³⁶ Время «ходатайства» П. И. Якушкина, его попытка литературно сблизить Лескова с Некрасовым должны были относиться (судя по тому, что действие происходит в Петербурге начала 1860-х гг., но после «пожарной» истории, притом летом) к 1864 г. Именно в это время Якушкина видят в Петербурге (см.: *Баландин А. П.* П. И. Якушкин: Из истории фольклористики. М., 1969. С. 242, 268; ср.: Л, 11, 78). Осенью 1864 г. Якушкин был болен (см.: *Якушкин П. И.* Соч. М., 1986. С. 572, примеч.).

³⁷ Ср. далее: Л, 11, 77. Подразумевалось «Внутреннее обозрение» Г. З. Елисеева, автор которого с памфлетной резкостью отзывался о «Некуда», включая книгу Лескова вместе с романами «Отцы и дети», «Взбаламученное море», «Марево» в число походов «против русского либерализма» (Современник. 1864. № 7. «Современное обозрение». С. 116—119).

³⁸ *Лесков Н. С.* Полн. собр. соч. 2-е изд. СПб., 1897. Т. 3. С. 132—133.

рых взглядов в этой области поэта и публициста революционера М. Л. Михайлова, автора «гуманных статей» о жепщине.³⁹

Лесков, боровшийся против общественно-безнравственной и ретроградной традиции восприятия русской женщины исключительно как «плутовки с русой головкой», коснеющей «в милом и простодушном неведении», считал самый этот образ продуктом предрассудков «отчасти не нашей литературы», в том числе «некоторых писателей прудоновского направления». Лесков отвергал сей «идеал женского совершенства» и искал идеала иного, выработанного средой сторонников «равноправия женщин».⁴⁰ Вторая редакция «Овцебыка» свидетельствует о том, что писателя удовлетворял как искомое решение женского вопроса лишь одухотворенный синтез национального темперамента, энергии и высокой образованности. И вот здесь происходила новая знаменательная встреча Лескова с Некрасовым.

Рисуя жену новейшего российского буржуа Александра Свиридова красавицу Настасью Петровну, бывшую крепостную, которая является не только «правой рукой» мужа, но и всем своим обликом воплощает то, что отсутствует в ее супруге, — чуткость сердца, страдающего человека, и стихийную тягу к гуманитарному знанию, Лесков изображал желанный тип русской женщины новой эпохи.

С одной стороны, героиня была плотью от плоти народной, и оттого в ее характеристике просвечивает народный идеал женской красоты и использованы, — впрочем, без навязчивости, в сочетании с иными, — краски народной палитры (фольклорно-просторечная фразеология либо синонимичные ей стилистические замечы): «Люди говорили, что у них <Свиридовых> „совет да любовь“. <...> Настасья Петровна, что говорят, „раздобрела“. Она всегда была писаная красавица, но замужем расцвела, как пышная роза. Высокая, белая, немножко полная, но стройная, румянец во всю щеку и большие ласковые голубые глаза. Хозяйка Настасья Петровна была очень хорошая. Муж, бывало <...> все в разъездах по работам, а она и хозяйство по хутору ведет, и приказчиков отсчитывает, и лес или хлеб, если нужно куда на заводы, покупает. Во всем она была Александрю Ивановичу правая рука...» (Л, 1, 81; курсив мой. — А. Г.).⁴¹ С другой стороны, эта женщина, которая «читать сама выучи-

³⁹ Лесков-просветитель уже в 1861 г. отстаивает необходимость эмансипации женщин в обществе, имея в виду преодоление женской неполноправности в сферах наемного труда и образования, а значит и в семье (см. статьи «О наемной зависимости» (Рус. речь. 1861. 7 мая. № 37. С. 543, 544); «Русские женщины и эмансипация» (Рус. речь и Моск. вестн. 1861. 1 июня. № 44. С. 655—658; 8 июня. № 46, С. 688—690)). И в последующие годы у него стойко сохраняются присущие просветительскому разночинному мышлению эпохи феминистские убеждения, естественно не приобретающие нигде революционной последовательности и решимости.

⁴⁰ Здесь и выше цитирована первая часть упомянутой статьи «Русские женщины и эмансипация».

⁴¹ Здесь сконцентрировались раздумья Лескова о типе достойной славянки-жены, о котором он много думал в год своего первого зарубежного вояжа. Встретив в Пинске руководительницу детского приюта и дома призрения Целину Людкевич, Лесков с восторгом писал о ее «энергическом лице», об отпечатке в нем «силы воли и решимости». Глядя на женщину, «окруженную детьми, воспитанию которых она посвятила свою жизнь», публицист восклицал: «После лимфатических нимф, корчащих Офелий, и после эмансипированных башибузук в юбках необыкновенно приятно встретить женское существо, не принадлежащее к разряду слабых млекопитающих, о которых сказано, что

Ни полюбить они не смеют,
ни вовсе бросить не умеют.

<...> Еще не выродилась славянская женщина, не вся ушла в кринолин да в гшплую французскую эмансипацию» (Из одного дорожнго дневника // Сев. пчела. 1862. 12 дек. № 348). Наряду с псевдоэмансипацией Лесковым отвергалась косная сила старозаветного обычая, «отческого предания», создававшая семьи с твердой основой, но лишнные и «капли поэзии, без которой семья есть бремя», и где

ласть» и «шутя называла себя „дурой безграмотной“ <...> знала едва ли менее многих иных так называемых воспитанных дам. По-французски она не разумела, но русские книги просто пожирала. <...> Карамзинскую историю, бывало, чуть не наизусть рассказывает.⁴² А стихов на память знала без счета. Особенно она любила Лермонтова и Некрасова. Последний был особенно понятен и сочувствен ее много перестрадавшему в былое время крепостному сердцу» (Л, 1, 82). Своеобразным синтезом оказывалось и слово Настасьи Петровны Свиридовой: «В разговоре у нее еще часто прорывались крестьянские выражения, особенно когда она говорила с воодушевлением, но эта народная речь даже необыкновенно шла к ней. Бывало, если она станет рассказывать этой речью что-нибудь прочитанное, так такую силу придаст своему рассказу, что после уже и читать не хочется» (там же).

Лесков произносит в «Овцебыке» одну из важнейших своих оценок Некрасова как выразителя внутренней жизни народной, в особенности близкого крестьянству, а в нем — былым «крепостным сердцам». Тем самым практически писатель изъясняет и свои критерии восприятия современного литературного творчества, закрепляет эталон народности в поэзии за именем Некрасова, как вскоре (1869) закрепит таковой в прозе за именем автора «Войны и мира».

В пьесе «Расточитель» в том же году Лесков вернется в монологе трагического героя купца Ивана Молчанова к диспутам о русской женщине и процитирует некрасовские стихи из поэмы «Мороз, Красный нос», ощущая их высшую национальную эмблематичность: «Эх, помню я, как, бывало, в Петербурге белыми ночами слоняясь по островам, какие споры <...> вели мы про русскую женщину <...> „с которой никто не придет зубоскалить“, которая „в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу взойдет“...» (Л, 1, 412—413).

А в публицистической статье «Специалисты по женской части» (1867) он скажет от себя о крупнейшей роли Некрасова в русской поэзии XIX столетия, находя возможным сопоставить поэта-современника только с Пушкиным. И решающим доводом при этом будет очевидная для него «взаимодополнительность» образов Татьяны Лариной и Дарьи: «Одному из наших поэтов внушен его вдохновением тип женщины, с которой никто не придет зубоскалить, которая „в беде не сробеет, спасет, коня на скаку остановит, в горящую избу войдет“. Другой бессмертный, доколе звучит русское слово, написал Татьяну — это светлый облик женщины...», «в одном постижении <...> совершенств» которой «видел блаженство» «человек, полный огня и страстей».⁴³ Нравственная сила русских женщин, открытых Пушкиным и Некрасовым, окрылит Лескова. Он увидит в этом залого способности нации к вечному возрождению и очищению: «Нам ли падать духом оттого, что мы видим (в зеркале ли-

«все стремится врознь, где мать — не мать и не жена», где нет «ни доброго мужа, ни веселых детей». Он дорожит типом женщин, которые могут «понять и разделить благородные стремления их мужей», быть им товарищами, как это умела героиня польского прозаика Юзефа Кожежевского (Там же // Сев. пчела. 1862. 29 дек. № 351). Все эти соображения и доводы Лескова, видимо, вновь встали со дна его души, когда он прочел через несколько лет в поэме «Мороз, Красный нос»: «И все мы согласны, что тип измелечал Красивой и мощной славянки» (Н II, 4, 79).

⁴² Лескова восхищал патриотизм польских женщин, проявлявшийся, в частности, в знании родной истории, и Лесков, спрашивая себя о женщинах русских, как бы экзаменовал их Карамзиным: «Сумеют ли хоть о Марфе-посаднице рассказать» они «своим детям»? Он вспоминал утверждения некоторых русских дам, будто бы «из всех двенадцати томов отечественного историка Карамзина нельзя ничего вычитать, кроме повторяющихся сцен варварства и рабства». Лесков заключал свои слова вопросом: «А спроси их, читали ли они хоть один том своей истории? Знают ли хоть одну из ее драматических страниц?..» (Из одного дорожного дневника // Сев. пчела. 1862. 29 дек. № 351).

⁴³ Н. С. Лесков о литературе и искусстве. С. 47—48.

тературы. — А. Г.) горсть женщин, готовых на „содержание“, когда перед нами хоть бы только те два могучие типа, которые мы взяли у наших поэтов, — два типа — один твердый, как выносящая все непогоды бронза, другой нежный, но крепкий, как мрамор, от которого светлые рефлексy падают одинаково на мураву и на мусор, не отпывая свежести у муравы и не пачкаясь низменной перстью, ибо вся эта персть ниже лучезарного света души, произнесшей: я буду верна тому, в чем я поставлена».⁴⁴

Отделяя Некрасова от некоторых его литературных союзников, Лесков не остывал к полемике с ними. Он иронизировал над героинями В. А. Слепцова, высмеивал мнения Ю. Г. Жуковского, отказался писать для «Отечественных записок» продолжение печатавшегося там романа «Чающие движения воды»,⁴⁵ мотивируя отказ вставшей на повестку дня передачей журнала под редакцию Некрасова.⁴⁶ Но Лесков отделял Некрасова-поэта от Некрасова-журналиста и Некрасова-человека. Более того, в 1869 г., когда бывшие сотрудники «Современника» М. А. Антонович и Ю. Г. Жуковский займутся «литературными объяснениями» с Некрасовым, выпустив книгу «Материалы для характеристики современной литературы», Лесков примет сторону Некрасова-журналиста, назовет «Материалы» критического дуумвирата «книжонкой», «пасквилом», «проступком против нравственности», «недостойным делом» (Л, 10, 61), в чем окажется единодушен со «всей передовой печатью» (Л, 10, 496).⁴⁷ Лесков осудит при этом «журналистские приемы», доводящие литературную среду до «неистойвой полемики» (Л, 10, 60).

Последовавшие 1870—1872 гг., когда Лесков выпускает памфлетный очерк «Загадочный человек» с антинекрасовскими страницами о Герцене, Некрасове и огаревском наследстве (Л, 3, 324—325),⁴⁸ когда в «Соборях» нарочито сыплет соль прямо на некрасовскую рану, связанную с одой Муравьеву (Л, 4, 168), когда активно печатается у Каткова и считает себя своим в кругу «катковистов», казалось бы, исключают возможность теплого встречного движения со стороны поэта. И тем не менее оно было и, подобно отношению к самому Некрасову со стороны его оппонента, определялось художественными достижениями Лескова, его демократической ориентацией,⁴⁹ более глубокой, нежели формально-прописочное «катковство», и более важной для нового редактора «Отечественных записок», нежели пострелшвание в него с бруствера «Русского

⁴⁴ Там же. С. 48. Статья напечатана «Литературной библпотекой» в сентябре.

⁴⁵ См.: Отеч. зап. 1867. Март—май.

⁴⁶ Слухи об этом могли идти во всяком случае уже в июле 1867 г. (см.: Емельянов Н. П. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова (1868—1877). Л., 1977. С. 9). Освещающая историю неиздания романа впоследствии (см. письмо к И. С. Аксакову от 9 декабря 1881 г. — Л, 11, 256), Лесков не стремился к полной точности.

⁴⁷ Комментарий А. М. Бихтера и Н. И. Соколова.

⁴⁸ Ср.: Амфитеатров А. В. Курганы. С. 86.

⁴⁹ Фактически Лесков отвечал появившимся в 1860-х гг. «Житнем одной бабы» и «Леди Макбет Мценского уезда», творчеством начала 1870-х гг. на коренной запрос русских читателей, о котором М. Е. Салтыков писал в статье 1868 г. «Напрасные опасения (по поводу современной беллетристики)», опубликованной некрасовскими «Отечественными записками»: «Физиономия русского простолюдина не только не выяснилась, но еще более утонула в тумане благодаря балетно-идиллическим украшениям, с одной стороны, и поверхностно-карпкатурным облицециям, с другой. А вместе с тем осталась скрытою <...> и тайна русской жизни, та горькая тайна, которая до того спутывает все понятия, до того морочит глаза, что и впрямь дозволяет первому встречному наблюдателю утверждать, что русский крестьянский мир есть мир бессмысленных и ничем не объяснимых движений». На русского мужика после реформы 19 февраля 1861 г. «потребовалось взглянуть <...> пристальнее и притом признать предварительно, что та внутренняя его сущность, которая подлежит изучению, не есть какая-нибудь особенность исключительно из внешней обстановки <...> картина должна дать более полное и отчетливое понятие об искомом предмете, нежели даже мастерские типы Тургенева, при помощи которых перед нами раскрывалась только какая-то таинственная, недоступная глубь» (Салтыков-Щедрин М. Е. О литературе. М., 1952. С. 316—318).

вестника». Некрасов узнал цену Лескову-художнику и тоже отделял его от Лескова-журналиста и Лескова-человека.

У нас нет прямых отзывов Некрасова о Лескове, но есть сведения о лесковском отклике на действительно прозвучавшие после 1864 г. (ходатайство Якушкина) новые, принадлежащие 1874—1876 гг., высокие некрасовские оценки, дошедшие, впрочем, до Лескова через чье-то посредство.⁵⁰

1872—1873 гг. озаменованы в биографии прозаика публикацией «Соборян» и «Запечатленного ангела» (оба произведения вышли в «Русском вестнике»), «Очарованного странника» (в 1873 г. после отклонения повести Катковым за антидворянскую тенденцию она появилась в петербургской газете «Русский мир»; первое отдельное издание — 1874 г.). Затем публикуется в «Русском вестнике» (завершена печатанием в октябре 1874 г.) любимая Лесковым хроника «Захудалый род», в текст которой оскорбительно самоуправно вмешивался Катков,⁵¹ вследствие чего происходит разрыв между писателем и редакцией правого московского журнала. Лесков переживает душевный кризис и ищет служебного пристанища ради заработка, чтобы «стать вне зависимости от всеподавляющего журнализма», от «тиранства журналов» (Л, 10, 362).

Журналистский мир не мог этого не наблюдать. Безусловно с какими-то словами редактора «Отечественных записок» связаны фразы лесковского письма к И. С. Аксакову от 16 ноября 1874 г., где он называет и «кружок бывшего „Современника“», и Некрасова: «...никаких удач ниоткуда давно уже не ожидаю. Чтобы иметь в это время успех и не бояться голодной смерти, надо было идти не тем путем, каким шел я, служа мою посильную службу русской литературе и русской мысли. „Русский вестник“ был последний журнал, которого я мог еще как-нибудь держаться, терпя там значительное стеснение, — теперь и это кончено; а ни плодить материалистов других „Вестников“, ни лепить олигархов „Русского мира“ я не могу» (там же). Лесков и в критической ситуации, не без сгущения красок говоря о крайности своего положения, пытается заявить твердость своих убеждений: ему не по пути ни с «материалистами», ни с «олигархами»; он защищает право на независимые воззрения и надеется их проводить в литературе. И вот здесь он напоминает Аксакову, что его, Лескова, репутация теперь иная, нежели прежде, в непосредственно «посленекудовский» час, хотя некоторая

⁵⁰ В противоречие со словами о «комплиментах», говоримых «в глаза» (Л, 10, 362), Лесков напишет в «Товарищеских воспоминаниях о П. И. Якушкине», что он «с Николаем Алексеевичем Некрасовым лично знаком не был до весьма поздней встречи с ним в доме В. П. Гаевского» (Л, 11, 77). Впрочем, случайные — без специального представления другу другу — встречи в литературном мире неизбежно бывали по крайней мере с 1861 г.: Лесков участвовал 28 февраля 1861 г. в похоронах Шевченко (Л, 10, 10—12), за гробом которого шел и Некрасов (см.: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М., 1952. Т. 3. С. 176; Н II, 2, 377—378). Другая подобная встреча — именно в доме В. П. Гаевского — отмечена 19 декабря 1873 г. на втором заседании петербургских литераторов по поводу издания сборника «Складчина» в пользу голодающих самарцев. Однако присутствие еще не означало разрушения этикетной дистанции. Это подтверждают хотя бы записи в дневнике А. В. Никитенко, который, посетив Гаевского, засвидетельствовал избрание издательского комитета «Складчины» (А. А. Краевский, Н. А. Некрасов, И. А. Гончаров, А. В. Никитенко, ранее избранные В. П. Мецкерский и П. А. Ефремов), но лишь 3 марта 1874 г. отметил: «У Гончарова <...> познакомили меня с [Н. С.] Лесковым, автором известного и, как говорят, очень хорошего романа „Соборяне“» (*Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М.; Л., 1956. Т. 3. С. 303, 308). Лесков в сборнике не участвовал, — по-видимому, в связи с тем, что членами комитета были «красные», к каковым относили Некрасова и Краевского (Там же. С. 307). Скорее всего — исходя из характера упоминаний о Некрасове в письмах Лескова — формальное знакомство состоялось позже января 1876 г.

⁵¹ «... 2-я часть „Захудалого рода“, явившаяся бог весть в каком виде, исчерпала или, лучше сказать, истощила последние капли и моего терпения и всех моих сил душевных» (Л, 10, 362—363).

тень романа «Некуда», омрачающая для него литературный горизонт, пробегает и по строчкам цитируемого письма: «...представьте себе, что мне все говорят такие комплименты и в глаза и за глаза; а между тем <...> мне некуда (вот он -- грустный намек! — А. Г.) деться! И так идет не с одним Некрасовым, а так шло и с Юрьевым, которому первому были предложены и „Соборяне“, и „Запечатленный ангел“...» (там же).

Время после «Соборян» и «Запечатленного ангела», конечно, изменило многое, но с Некрасовым дело не идет, хотя некие некрасовские «комплименты», как подтверждается и иными показаниями, звучат. Лесков смутно заявляет Аксакову: «Я понимаю, за кого и за что может мстить мне кружок бывшего „Современника“ и вся беспочвенная (видимый крен в сторону «почвы», на которой всегда старался стоять обеими ногами И. С. Аксаков. — А. Г.) и безнатурная стая петербургских литературщиков...» (там же). Между некрасовцами и Лесковым — старые счеты, и их еще не настолько перевесили комплименты текущих дней, чтобы Лескову стало возможно сотрудничать с Некрасовым.

Разумеется, от бывшего виднейшего антинигилиста хотелось бы, наверное, ожидать и большей лояльности, большего созвучия не только его сочинений, но и высказываний в прессе суждениям лиц круга «Отечественных записок». Как же быть прочности сотрудничества без союза?..

Однако чаять этого от Лескова всерьез не приходилось. В письме к П. К. Щербальскому через полгода после откровений с И. С. Аксаковым Лесков сообщает: на попытки «ангажировать» его литераторами различной групповой масти он ответил отказом. Писатель саркастически бросает: «Эти бедные люди думают, что образ мыслей человека зависит от Каткова или от Некрасова, а не проистекает органически от своих чувств и понятий» (Л, 10, 400). Нет, на подстройку своего «образа мыслей» под некрасовский, как, впрочем, и всякий иной, Лесков не согласен. В посланном Аксакову двумя неделями ранее, чем Щербальскому, письме от 28 апреля 1875 г. Лесков восклицает, что он не хочет служить «партийной или, лучше сказать, направленной лжи» (Л, 10, 397).

Это письмо наконец-то конкретизирует некоторые солидарные высказывания Некрасова и Щедрина о Лескове: «В одном знакомом доме Некрасов сказал: „Да разве мы не ценим Лескова? Мы ему *только ходу не даем*“, а Салтыков пояснил: „А у тех на безлюдье он да еще кой-кто мотается, так они их сами *измором возьмут*“» (Л, 10, 397).

Некрасов, как можно понять, указывал на невозможность для себя открыть дорогу Лескову в свой журнал, несмотря на то что оценил его сочинения. Что же касается Салтыкова-Щедрина, то он видел инородность писателя стану «тех» (т. е. правых сил — катковцев прежде всего) и ждал существенных удостоверений полного разрыва «Русского вестника» с временным его попутчиком Лесковым или Лескова с «Русским вестником».

В январе 1876 г. Щербальскому вновь отправляется письмо Лескова, в котором речь идет о литературных невзгодах последнего. И в него снова проникают слова о редакции «Отечественных записок»: «Я не удивляюсь <...> когда считает меня чуждым себе Некрасов или Салтыков <...> им я досадила...» (Л, 10, 441). Но в середине фразы после фамилий Некрасова и Салтыкова вклинивается пояснение, которого автор письма не может не сделать: «хотя никто, как эти два, не выражаются обо мне с похвалою».

Примирения нет. Лесков строптиво дает понять, что его и не может быть. Во всяком случае с его стороны. Однако что-то даже в позиции Лескова позволяет редакции «Отечественных записок» считать его отнюдь не тем одноцветным «антинигилистом», каким его памфлетно представил Салтыков-Щедрин в рецензии 1869 г.,⁵² и провидеть откол от пар-

⁵² Салтыков-Щедрин М. Е. О литературе. С. 441—451.

тии «тех». Стороны суверенны. Разница в их убеждениях не обещает «утушения» идейной, а, возможно, и личной неприязни.

Но похвалы Некрасова (и Салтыкова) Лескову превосходят любые иные хвалы. И это было хвалимому тем дороже, что он с самого начала литературной деятельности творчески воспринял сатирические уроки Щедрина (1860) и от года к году выше оценивал поэзию Некрасова.

Пока что всего лишь одно-единственное свидетельство поясняет, что же именно из сочинений Лескова привлекло одобрительное внимание поэта.

В 1889 г., откликаясь на выход четырех томов сочинений Лескова, «Новое время» поместило признание В. П. Буренина: ⁵³ «Я помню, как покойный Некрасов, прочитав „Запечатленного ангела“, жалел о том, что автора этого рассказа по разным либеральным соображениям радикальная журналистика оттолкнула, *не дает ему хода* ⁵⁴ в литературе, старается дискредитировать его талант во мнении читателей» (Л, 11, 741).

Произведение названо одно, но это произведение — из наиболее изысканных и сложных по стилистической фактуре, поэтике, что было связано с задачей литературного «репродуцирования» самого акта изустного творчества народной патриотической легенды. Некрасов, стало быть, признавал важность запечатления повестью реальных форм народного сознания. Видимо, он оценил и «влечение» героев-простолудинов «во-едино одушевиться со всею Русью» (Л, 4, 383), и роль старoverческой среды в сохранении памятников древней отеческой культуры, и высоту нравственных побуждений простого народа. Во всяком случае в восприятии народной религиозности Лесковым начала, а затем середины 1870-х гг. и Некрасовым — автором «Власа» (1855), «Тишины» (1857), «Дедушки» (1870), «Кому на Руси жить хорошо» (1873—1877) — нельзя не усмотреть ряда существенных аналогий.

Меняла ли что-нибудь во взаимных оценках личная встреча двух русских писателей-современников, которую наиболее вероятно отнести к 1876 г.?

Едва ли. Каждый из них шел своей дорогой.

* * *

Признание некрасовского поэтического гения — лейтмотив позднейших высказываний Лескова о Некрасове.⁵⁵

В год смерти поэта Лесков напишет о нем как о выразителе национального начала, назовет человеком, «редким чутьем чуявшим русскую

⁵³ Комментарий И. Я. Айзеншток, охарактеризовав статью как «бесподписную», гадательно предположил авторство А. С. Суворина (Л, 11, 741). Между тем рецензия подписана: *Буренин В.* Критические очерки. Собрание сочинений Н. С. Лескова. Томы I—IV // Новое время. 1889. 2 (14) июня. № 4761. С. 2. Лесков назвал статью «несправедливой, хотя и ласковой» (Л, 11, 434). См. критические замечания о «технологии» комментирования материалов т. 11 «Собрания сочинений» Лескова в рецензии: *Богаевская К. П.* О собрании сочинений Н. С. Лескова // Рус. лит. 1959. № 3. С. 221.

⁵⁴ Этот штрих, совпадающий с текстуальной деталью письма Лескова к Аксакову от 23 апреля 1875 г. (Некрасов: «Мы ему только *ходу не даем*» — Л, 10, 397; курсив мой. — А. Г.), позволяет увидеть в тогдашнем нововременце В. П. Буренине вероятного передатчика вышеприведенных слов Некрасова о Лескове.

⁵⁵ Тем не менее Лесков не отказался и далее от некоторых укоров по адресу Некрасова (см., например, упоминание сплетен о семейной жизни втроем И. И. Панаева, А. Я. Панаевой и Некрасова в рассказе 1881—1883 гг. «Счастье в двух этажах», оставшемся неопубликованным при жизни Лескова: Лит. наследство. Т. 87. С. 113). Как своего рода курьез можно отметить, что после смерти «присяжного стряпчего» А. П. Соболева (1801—1883) среди купленных у букиниста его бумаг Лескову суждено было обнаружить черновики «множества доносов» Соболева — «особенно на Некрасова...» (Л, 11, 180 — «Пресыщение знатностью» (1888)).

жизнь», зная, как именно «по-русски» ведут себя в драматических и деликатных жизненных ситуациях русские крестьяне (Л, 10, 214).⁵⁶

Этапы последующего развития лесковского творчества отмечены, как веками, определенными ссылками писателя на своего рода верховный некрасовский авторитет. Внутреннее движение Лескова поставило его в конце 1870-х гг. перед необходимостью создания специального цикла произведений о русских положительных силах, без которых «несть граду стояния» (Л, 6, 642). И если картины, изображенные Писемским (его Лесков ценил особенно высоко), поляризовали тьму и беспросветность национальной жизни, то имя Некрасова и круг его героев символизировали в глазах Лескова надежду, в которой, по его мнению, особенно нуждался российский читатель.

Показательно с этой точки зрения, что уже в первом рассказе «праведнического» цикла герой его — простонародный писатель-философ, взявшийся превратить стоящий на «мзде» и «дарах» (взятках) Солигалич в город торжествующей совести и нравственного закона, — охарактеризован как отпрыск одной «из тех русских женщин, которая „в беде не сробеет, спасет; коня на скаку остановит, в горящую избу взойдет“», — «простой, здоровой, трезвомысленной русской женщины, с силою в теле, с отвагой в душе и с нежною способностью любить горячо и верно» (Л, 6, 212).

Но дабы не затерялась мысль о важности поворота и всего общества к самовоспитанию на образцах поведения, схваченных в типических фигурах Некрасова, Лесков предлагает свою особую на сей счет «декларацию» в очерке «Вычегодская Диана». Обрисовав простую сельскую попадью из Устьсысольского уезда, писатель подчеркнул: «Такие энергические и, так сказать, всепобеждающие характеры везде редки, и их, как зажженную свечу, нельзя оставлять под спудом, а надо утверждать на высоком свешнике — да светят людям. Бодрый, мужественный пример часто служит на пользу ослабевающим и изнемогающим в житейской борьбе. Это своего рода маяки. Воодушевить угнетенного человека, сообщив его душе бодрость, — почти во всех случаях жизни значит *спасти его*...». И рядом звучало: «Тип вычегодской попадьи — это тип из „некрасовских женщин“...» — и возникали крылатые некрасовские стихи о женщине, которая «в беде не сробеет, спасет...».⁵⁷

В русской литературе второй половины XIX столетия «праведники» Лескова, первые из которых являются еще вне цикла и задолго до мысли писателя о специальной идейно-тематической циклизации ряда рассказов, — одно из крупнейших явлений. Герои-исполины, в которых запечатлены лучшие порывы человека и, между прочим, порывы к социальной свободе, к духовному раскрепощению и этическому подвигу, находят себе ближайшую параллель в образах Некрасова. Не исключена возможность того, что некрасовские принципы изображения человека сыграли роль в формировании аналогичных художественных принципов у Лескова, хотя прямое утверждение необходимости ориентироваться на опыт Некрасова приходит с лесковскими высказываниями значительно более позднего времени.

Обращает на себя внимание тот факт, что Лесков в «Кадетском монастыре», а затем и в других сочинениях о «глухой» николаевской поре, особо отмечает стойческое сопротивление незаметных людей эпохи давящей силе общественного строя. В постскриптуме к рассказу писатель говорил: «Такие люди, стоя в стороне от главного исторического движе-

⁵⁶ В «критическом этюде» «Карикатурный идеал» Лесков к тому же защитил поэтический сюжет «Власа» от произвольной его перделки в книге Ф. В. Ливанова «Жизнь сельского священника. Бытовая хроника из жизни русского духовенства» (М., 1877) (Л, 10, 213—215).

⁵⁷ Лесков Н. Вычегодская Диана: (Попадьи-охотница) // Новости и Биржевая газета. 1883. 9 (21) июня. № 67.

ния, как правильно думал незабвенный Сергей Михайлович Соловьев, сильнее других делают историю» (Л, 6, 347). Но, солидаризируясь с историографом, Лесков не менее отчетливо вторил и Некрасову — автору poem о внешне незаметных народных богатырях.

Социально-исторические концепции Некрасова и Лескова при всей их несхожести обнаруживают моменты аналогии в одном из центральных вопросов — оптимистической трактовке перспектив русской истории XIX в.

Финал творческого пути Лескова обычно — и по справедливости — характеризуется как время бескомпромиссно острой борьбы писателя с существующим режимом, затормозившим развитие России и превратившим ее в «загон». Было бы ошибкой, однако, сводить многообразие мысли поздних лесковских сочинений к некоему слишком общему знаменателю. Рисуемый писателем мир сохраняет все черты многогранности, а на фоне тех народных множеств, которые живут в «юдоли плача» («Юдоль», 1892), в сфере сумеречных «импровизаций» и искаженности представлений о действительности («Импровизаторы», 1892), на фоне тех неотступных задач, которые не решило время Лескова, появляются сущностно новые герои, новое поколение с прямым порывом к общественному мятежу. Обновление реального мира порождает особенные явления в лесковской прозе, и в частности одно из самых замечательных созданий позднего Лескова — образ Лидии из рассказа «Зимний день» (1894). Лидия — это лесковские отрада и упование, это живой человек 1890-х гг., смело глядящий в будущее.

В высокой степени значительно, что героиня Лескова вызывает в памяти писателя мажорные строки Некрасова, а Лесков, аранжируя их иначе, нежели то позволял «праведнический» цикл, одухотворяется вместе с героиней устремленностью некрасовской поэзии к социальной борьбе и проникается вместе с Лидией некрасовским оптимизмом: «Характеры идут, характеры зреют, — они впереди, и мы им в подметки не годимся. И они придут, придут! „Придет весенний шум, веселый шум!“ Здоровый ум придет!.. Придет! Мы живы этой верой! Живите ею и вы, и... вам будет хорошо, всегда хорошо, что бы с вами ни делали!» (Л, 9, 418).

Поздний Лесков был обременен сомнениями и тяжкими раздумьями. Противоречия общественного движения подчас приводили его к осознанию необходимости писать новое «Некуда» (об этом достоверно свидетельствуют мемуаристы). Но измученную борениями душу омывала надежда, а ее питала поэзия «одного из преславнейших поэтов»⁵⁸ его века Некрасова, энергично участвовавшая в движении общественного протеста. К последнему движению оказывался постоянно причастен и Лесков, который шел особым путем. На своем пути он тоже приутоговил будущее. И он не мог не сознавать — с наибольшей прямоотой это выразилось в «Зимнем дне», — что подчас его голос звучал в унисон голосу Некрасова.

⁵⁸ Лит. наследство. Т. 87. С. 113.

Г. В. Краснов

НЕКРАСОВ И А. Л. БОРОВИКОВСКИЙ

(К ИЗУЧЕНИЮ «НЕКРАСОВСКОЙ ШКОЛЫ»)

Понятие «некрасовская школа» менялось в советском литературоведении от более узкого, чисто социологического к более широкому, охватывающему различные творческие принципы демократической поэзии 1850—1870-х гг.¹ Однако обычно речь шла либо о писателях, творчество которых связано с изображением народного быта, народной жизни, либо о писателях, которые усвоили сатирическую манеру Некрасова. Почти не исследована некрасовская традиция в других жанрах — лирических циклах, элегических стихах, в жанре притчи и др., хотя повод для таких исследований есть. Примером может служить творчество А. Л. Боровиковского — непрофессионального, но яркого, интересного поэта конца 1870—начала 1880-х гг.

Первые его литературные произведения были опубликованы в 1860-е гг.: очерк «Женская доля по малороссийским песням» (написан в 1864 г., напечатан в 1867 г.); стихотворение «Из украинских мотивов» (1867). И то и другое навеяно украинским фольклором, которым, кстати, живо интересовался отец Боровиковского — поэт, переводчик Жуковского, Пушкина, Мицкевича — Л. И. Боровиковский.

В середине 1870-х гг. А. Л. Боровиковский печатался под псевдонимом «А. Ферт» в «С.-Петербургских ведомостях», «Новом времени», сблизился с А. С. Сувориным и стал соавтором некоторых его литературных фельетонов, выдержанных в духе обличительной журналистики прошлых лет (Боровиковскому принадлежала их стихотворная часть). По поводу одного такого фельетонного стихотворения Боровиковского («Как-то раз в краю счастливом...» — Новое время. 1876. 29 февр.) Салтыков-Щедрин писал А. С. Суворину 6 (18) марта 1876 г.: «Фельетон — изрядный, хороши заключительные стихи...»² Большую известность Боровиковскому принесли стихи, написанные в защиту участников народнического движения. Известно, что Боровиковский как адвокат принял участие в крупных политических процессах — «процессе 50-ти» (1877) над членами «Всероссийской социально-революционной организации», «процессе 193-х» — над участниками «хождения в народ» (1877—1878). Процессы эти были вехой в его биографии. Непосредственное столкновение с новым поколением, убеждениями молодых людей, их решительностью и в то же время беззащитностью, их зачастую беспочвенными надеждами открыло Боровиковскому незнакомую еще сферу жизни, содействовало рождению новых взглядов известного уже юриста, его повороту к сложным социально-правственным проблемам. «Много

¹ См., например: Бессонов Б. Демократическая поэзия 1870—1880-х годов // Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968. С. 25—36 (Б-ка поэта. Большая сер.); Скагов Н. 1) Некрасов: Современники. Продолжатели. Л., 1973; 2) Поэты некрасовской школы // История русской литературы. Л., 1982. Т. 3.

² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1976. Т. 18, кн. 2. С. 271.

юношей приговорены к каторге; между ними несколько превосходных девушек, — пишет Боровиковский Ф. М. Достоевскому «ночью» 15 марта 1877 г. — Это „опасные“ люди, — страшнее целых армий, потому что мир будет побежден не войною, не насилием, а именно этими бледными девушками, кроткою, страдающею любовью; не сильные, а „кроткие наследят землю“.³ В унисон с этим письмом звучит стихотворение Боровиковского «Возлюбила ты брата убогого...», датированное «12 марта 1877, 2 часа ночи»:

Нет, судья! Эту девушку бледную
Беспощадным карай приговором:
Иль не чуешь ты силу победную
Под незлобивым, любящим взором?!

Нет! Не ратью, оружием сверкающей,
Не войною, не силою дикой,
А любовью горячей, страдающей
Побежден будет мир наш великий!

Симптоматично выделение образа подвижницы — женского образа, олицетворяющего молодое поколение той поры. В лирическом образе парадоксально сочетаются женственность и необычайная сила воли, убеждений. Образ навеян определенными историческими событиями. Начало этого исторического движения, его новой волны отразил Некрасов («Отрывок»):

... Я сбросила мертвящие оковы
Друзей, семьи, родного очага,
Ушла туда, где чтут пути Христовы,
Где стерегут оплошного врага.

(Н II, 3, 193)

В стихотворении Некрасова воссоздана общественная психология народнической молодежи той поры: решимость и усталость, надежда и трагическое разочарование.

Образ подвижницы с открытой душой контрастно противостоит мирской суете и напоминает о долге, зовет к подвигу, передает масштабный конфликт, касающийся всех участников общественного движения. Конец стихотворения («Иль нет людей, идущих дальше фразы? А я сюда всю душу принесла!...») многозначен: и психологическое потрясение, и вера героини в людей дела.

А. Боровиковский берет иную кульминацию — «последнее слово» обвиняемой, по существу ее обвинительную речь («К судьям»):

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, но проще, но скорей:
Без мишуры, без маски фарисейской...

Объяснение мотивов поведения героини Боровиковского близко к пафосу исповеди некрасовской героини:

Крестьянскую дерюгу вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд и бедняки.

Это тоже «пути Христовы», как и все «хождение в народ». Говоря о своих стихах, Боровиковский пояснял: «Я писал их, видя перед собою одну из „преступниц“ («Л.» Фигнер), у которой я с радостью поцеловал бы ноги, преступно ходившие босиком...».⁴

³ ГВЛ, ф. 93/II, карт. 1, № 110. Частично опубликовано И. Л. Волгиным (Вопр. лит. 1976. № 9).

⁴ ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 400, л. 6.

В известной поэтической символической, от которой не отказывается Боровиковский, проступает самое главное — демократическая натура героини, народная суть подвижничества:

Оставь, судья, ненужные вопросы...
Взгляни — я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на руках.

В детализации, эскизности изображения также видна переключка с некрасовской поэзией, хотя некрасовская предметность для Боровиковского прием скорее условный.

Но наиболее важна в стихах Боровиковского поэтизация «слова» обвиняемой. Последняя речь героини — ее вызов приверженцам официальной законности, морали. «Последнее слово» освещает пропасть, разделяющую людей разного мирозерцания, верований, поведения:

Тяжелою работой я разбита...
Но, знаешь ли, в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне.

Но знай и то, что, как я ни преступна,
Ты надо мной бессилен, мой судья...
Нет, я суровой каре недоступна,
И победишь не ты, а я.

В последней части «последнего слова» с особенной силой вновь возникает мотив противоборства. Судьба обвиняемой — не в руках судей. Сила погибающей и бессилие власть имущих — таков резонанс поэтического образа, несмотря на религиозную сентиментальность, которой окрашена концовка стихотворения: «И уронив тюремные ключи, С молитвою прикинут к изголовью И зарыдают палачи!..». Некрасов несколько раньше (Отеч. зап. 1877. № 1) в «Молебне» воспроизвел близкий мотив убедительнее, тоньше: «Внемли молению наше сердечное <...> Об осужденных в изгнание вечное, О заточенных в тюрьму...» (Н II, 3, 181).

И все же сближений с некрасовской музой 1870-х гг. у Боровиковского больше, нежели расхождений. В ряде стихотворений он ведет с Некрасовым прямой диалог, особенно в цикле стихов, созданном в 1877—начале 1878 гг. и обращенном к Некрасову и его «судьям». Первые публикации некрасовского цикла «Последние песни», «Вступление к песням 1876—77 годов» вызвали, как известно, множество сочувственных откликов в русской прессе.⁵ В ответ на них Боровиковский пишет стихотворение «Некрасову», объединяя в нем голоса многих читателей некрасовского таланта, их надежду и веру в силу поэта:

Поэт! Восстань с одра недуга —
Тебе велит твоя страна:
В тебе страдальцы ищут друга,
Твоя великая услуга
В народном бедствии нужна!..

Прямой отклик на салонные пересуды о «прегрешениях» Некрасова содержит стихотворение «Его судьям». Отповедь Боровиковского «непреклонному моралисту («И подведем, любезный друг, Сперва грехам его итоги, Затем итог твоих заслуг...») заставляет вспомнить некрасовское четверостишие «К портрету**» («Твои права на славу очень

⁵ См.: Краснов Г. В. Последние песни. М., 1981 (гл. «Вам, мой дар ценившим и любившим...»).

хрупки...»), являясь одновременно отзывом на другие некрасовские стихи («Приговор»):

Заступись, страна моя родная!
Дай отпор!.. Но родина молчит...

(Н II, 3, 195)

Мотивы некрасовских «Последних песен» в поэзии Боровиковского разнообразны, они оказались созвучными его исповедальной и обличительной лирике. Лирический герой Боровиковского прозревает в самоиспытаниях, в борьбе сомнений. Мотив нравственности суда как общественного института, тема совести, внутреннего суда создают оригинальную конфликтную лирическую ситуацию:

С тех пор как вечный судия
Вручил мне шпагу прокурора,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и позора.

Мне нет покоя днем. Мой сон
Смущают злые подозрения:
Уж не нарушен ли закон?
Уж не сокрыто ль преступленье?

Осужденные, но невинные произносят свой приговор:

Когда близ харьковской тюрьмы
Я пробираюсь торопливо,
Из окон этой мрачной тьмы
Вослед мне шепчут боязливо:

«Смотрите, братцы, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен,
Как он для пас, невинных, вреден
И как бояться все его».⁶

Драматизм лирической ситуации в этом стихотворении создается столкновением ложного и истинного. В других стихах («О, берегись — и жди обиды...») лирическое обобщение носит уже иной характер: возникает образ воспоминания, идет «чистка души»:

И, перерыв воспоминанья,
Ты сам сознаешь свой позор.
Искать ты станешь оправданья,
Как пред судьбою ловкий вор...

Судьбу людей ты проклинаешь:
На них — вина твоей вины,
Пожалуй, даже зарыдаешь...
И будут слезы те смешны!..

Как и в некрасовском «Унынии», лирический герой бескомпромиссен в отношении к себе, в оценке итогов своей жизни. Он предъявляет самый большой иск к своей жизни, к жизни других. Его побуждает к этому долг перед народом, перед своим и будущим поколением, «расчет меж мертвым и живым».

Выделенный мотив особенно ярко выражен в незримом внутреннем споре отца и сына, прошлого и будущего (стихотворение «В бессонницу»):

Как верный страж, я неотступным взором
Твой каждый шаг незримо прослежу.
И может быть, перед твоим укором
Не раз и я восплачу, задрожу...
Ужасный суд!.. Там места нет прощенью,
И мира нет между живым и тенью.

(«В бессонницу. Листок первый»)⁷

⁶ ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 400, л. 16—16 об. Стихотворение не датировано.

⁷ Отеч. зап. 1883. № 1. С. 248.

В образе воспоминания — не один «ошибок ряд». В нем — история страны, голос своего народа:

Любуйся же созданием мечты!
А между тем — не там ли «в годы оны» —
Еще дитя, впервые слышал ты
Родной земли задавленные стоны?
Над родиной тогда стояла тьма —
И плакал раб под тяжестью ярма.
Ты был дитя... Но помнишь эти слезы.
И может быть, запавшие тогда
Колчугие, жестокие занозы
В твоей душе остались навсегда...
И может быть, ты понял слишком рано
Родную связь надежды и обмана...
(«В бессонницу. Листок второй») ⁸

Тема внутреннего суда, нравственного воспитания граничит с темой общесоциальной, формирующей нравственное, общественное сознание героя.

В стихотворении «Царь природы» (1878) обыгрывается расхожее определение: «Человек есть царь природы». В журнальном тексте источником этого эпиграфа назван букварь, в автографе источник обозначен иначе: «Из учебника естественной истории».⁹ Любопытна своеобразная демократизация источника. Главное, однако, в другом — в образе-символе русского мужика:

Но среди природы жирной
Тош и скорбен, весь в пыли
Человек — «венец созданья».
Перл природы, царь земли...¹⁰

В образе есть явные некрасовские традиции («Железная дорога» и др.). Интересно, что к детализации портрета в последней строфе стихотворения («Шапку снял: „Не становой ли...“») Боровиковский пришел не сразу. В вариантах было: 1. «Засмеялся горьким смехом...» 2. «Задрожал: „Не становой ли...“».¹⁰ Народническое противопоставление мужицкого и барского есть и в цикле притч 1881—1882 гг. («Из прогулок с детьми младшего возраста» («О ишенице», «О пчелах»)).

Некрасовские напевы формировали философско-дидактическую поэзию Боровиковского. Одновременно личность Некрасова способствовала возникновению в его творчестве философско-библейского образа поэта-страдальца, защитника угнетенных, пророка. В стихотворном экспромте «К Поэту» Боровиковский намекнул на обычную участь поэта-обличителя, поэта — народного заступника в России:

За твои стихотворения
Ты куда же мнишь попасть:
В олимпийские ль селения?
В полицейскую ли часть?..¹¹

Это полусутопливый отклик на «злобу дня». Другие стихотворения Боровиковского связаны с культом поэта-борца. Одно из первых в этом ряду — «На смерть Некрасова», стихотворение-плач, стихотворный рекевием:

Смогли поэта уста благородные,
Но ты оставил нам песни свободные,
Ты научил нас не падать в борьбе,
Вечная память тебе!!

⁸ Там же. С. 249.

⁹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 400, л. 21.

¹⁰ ГБЛ, ф. 93/II, карт. 1, № 110.

¹¹ ИРЛИ, ф. 134, оп. 4, № 400, л. 20.

Некрасовский призыв слышен в стихотворении «Ессе homo!» («Се человек!»):

И сердце чистое храня в своей груди,
Весь пыл его отдай без разделенья
Несчастливым братьям на служенье:
Где слышишь стон — туда иди!

Или:

За подвиг твой святой тебя осудит свет,
Найдется ученик, тебя предать готовый,
Лукавый фарисей сплетет венок терновый...

В стихотворении, навеянном похоронами Ф. М. Достоевского («31 января 1881 года»), есть наставление, которое смело можно адресовать и биографу Некрасова:

Судом истории свергались алтари,
Судились гении... Ты будь правдив, историк:
Какой найдешь в нем грех, всю правду говори,
Хотя бы труд твой был и тягостен, и горек...
Но, совершая суд, напомни громко нам
Те вдохновенные, возвышенные строки,
Откуда черпали мы все — и ты, ты сам —
Любви, прощенья великие уроки!¹²

В последние годы вновь обострился научный и литературный интерес к проблеме литературного круга крупного писателя: поэты пушкинской поры, Гоголь и «натуральная школа», Чехов и его писательское окружение и др. У Некрасова — свои литературные спутники, прямо или косвенно связанные с журналами «Современник», «Отечественные записки», непосредственно — с его поэтическим творчеством. А. Л. Боровиковский — один из значительных представителей «некрасовской школы», оказавшей большое влияние на русскую поэзию 70—90-х гг. XIX в. Своими стихами он как бы подчеркнул важность некрасовских традиций в русской литературе, их богатство и разнообразие.

¹² Этот и другие отрывки из стихотворений Боровиковского, цитирование которых в тексте статьи не сопровождается сноской, приводятся по изданию: Поэты-демократы 1870—1880-х годов. С. 488—491, 493—495.

В. Б. Смирнов

ПРОБЛЕМА ИСКРЕННОСТИ И НАРОДНОСТИ НЕКРАСОВСКОЙ ПОЭЗИИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖУРНАЛА «ДЕЛО»

«Свидетельство современников, — говорил Белинский, — как всегда пристрастное, не может служить доказательством истины и последним ответом на вопрос; но оно всегда должно приниматься в соображение при суждении о писателях, ибо в нем всегда есть своя часть истины, часто невозможная для потомства» (Б, 7, 111). Еще большее значение для уяснения места и роли писателя в литературном процессе имеют не частные литературские отзывы, а оценка его органом определенного направления, журналом или газетой. В этом случае становятся показательными даже та пристрастность, та субъективность, с которыми оценивается писатель, ибо в основе их лежит социально-политическая, эстетическая, этическая убежденность целого коллектива единомышленников. Оценка писателя журналом является материалом и для оценки самого издания, помогает прояснить его общественно-литературный облик. К сожалению, этот аспект еще редко учитывается и историками критики, и историками журналистики.¹

Как справедливо отмечает С. И. Коршунова, автор диссертационного исследования об освещении творчества Некрасова в журнале «Дело», подобный подход имеет «глубоко принципиальный характер, так как открывает еще один путь к постижению тех теоретических споров о реализме и его судьбах, которые шли внутри демократического лагеря».² Однако, увлекшись установлением типологических черт литературной критики «Дела», С. И. Коршунова зачастую упускает из вида ту «подспудную» политическую основу, которая питала литературно-критические пристрастия, обуславливала подвижность оценок в зависимости от изменений политического «климата», что возможно уловить только при тщательном изучении всего журнального контекста. Имманентный анализ какого-то одного раздела журнала, даже содержащий верные наблюдения, но не подкрепленный всей совокупностью журнального материала, может привести к констатации факта (на определенной стадии изучения периодического издания и это бывает полезно), но не может объяснить общественно-литературной мотивированности его. А для методологии историко-литературного изучения журналистики именно это имеет принципиальное значение. Подобный подход остается зачастую непонятым теми, кто только начинает приобщаться к подобным принципам исследования и не осознает их отличия от принципов, которыми руководствуются историки критики.

¹ Подробнее об этом см.: *Смирнов В. Б.* Достоевский в оценке «Отечественных записок» // *Русская литература 1870—1890-х годов.* Свердловск, 1970. Сб. 3. С. 3—18.

² См.: *Коршунова С. И.* К проблеме реализма в русской критике 70-х годов XIX века: (Творчество Н. А. Некрасова в освещении журнала «Дело»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1981. С. 4, а также: *Коршунова С. И.* Журнал «Дело» о творчестве Н. А. Некрасова: (К проблеме развития реализма в литературной критике 1870-х годов) // *Радянське літературознавство.* 1980. № 2.

Отношение журнала «Дело» к личности и творчеству Некрасова было чрезвычайно сложным и противоречивым, порою даже логически трудно-объяснимым. Оно отражало и сложность некрасовской природы, не поддающейся одномерным определениям, и особенности психологического склада Г. Е. Благовестлова, редактора журнала «Дело», человека, как мы бы сейчас сказали, «малокоммуникабельного», и остроту журнальной и политической борьбы 1870-х гг., когда «братья по духу» — «Отечественные записки» и «Дело» — так, в сущности, и не смогли найти общего языка. Оно отражало и ортодоксальность этических позиций «Дела», его, если можно так выразиться, прямолинейный радикализм и нравственный максимализм, и путано противоречивое отношение к эстетическим проблемам современности, в частности к проблеме народности. Два последних момента, пожалуй, и повлияли более всего на оценку творчества и личности Некрасова в «Деле».

Журнал Благовестлова воздерживался от развернутой оценки творчества Некрасова. За всю историю существования «Дела» в нем так и не появилось ни единой статьи о поэте, если не считать некролога. Объяснение этому, видимо, следует искать в том, что позитивной оценки журнал давать не хотел; для негативной же, во-первых, не было повода, а во-вторых, она едва ли бы встретила понимание со стороны прогрессивной общественности. Это обусловило тактику «партизанских» наскоков, уколов, пародирования творчества и эпизодов биографии поэта.

«Муравьевская история», серьезно скомпрометировавшая Некрасова, постоянно напоминает ему сотрудниками «Дела». Они делят творчество Некрасова на два периода: «когда русский поэт еще изнывал у парадного подъезда и не распевал застольных од в залах Английского клуба»³ и когда он якобы стал в ряды ренегатствующей либеральной интеллигенции. Об этом же говорит и А. Михайлов (А. К. Шеллер) в эпилоге романа «Лес рубят — щепки летят» (Дело. 1871. № 12), появившемся через полгода после цитированной рецензии на произведения так называемых «народных» литераторов.

Характеризуя эпоху, наступившую после минутного российского «возрождения», А. Михайлов обращает внимание на идейную бесхребетность русского либерала, мечущегося между прогрессистами и консерваторами, намекая на то, что подобной участи не избежал и Некрасов: «... появилось много людей, которые помещали свои произведения то в консервативных, то в прогрессивных журнальных органах, и, по-видимому, ни они, ни журнальные редакции не удивлялись этой способности работать в пользу двух различных направлений, этому стремлению поддерживать своими трудами в одно и то же время и успех консерваторов, и успех прогрессистов. Это не были перебежчики — это были либералы. Либерализм сделался господствующим оттенком. Те безымянные личности, которые едко смеялись над прогрессом с плясками, пением и свистом, стали такими же безымянными защитниками либеральных идей <...> кто под влиянием минутного страха прочел оду в каком-нибудь клубе, тот, успокоившись за свою участь, стал писать сатиры на тот же клуб...»⁴ Строки эти в контексте общественно-литературной борьбы конца 1860—начала 1870-х гг. были далеко не безобидны. Их подтекст прочитывался довольно легко: угадывались и «безымянные лич-

³ См. анонимную рецензию на книгу «Живая струя» (СПб., 1874), «Стихотворения Ивана Григорьевича Воронина» (Казань, 1870) и «Стихотворения Н. А. Тенякова» (Дело. 1871. № 6. «Современное обозрение». С. 77). Навязчивая эксплуатация этого мотива была характерна для Благовестлова. Можно предположить постому что рецензия принадлежит ему.

⁴ Михайлов А. «Шеллер А. К.» Лес рубят — щепки летят // Дело. 1871. № 12. С. 7.

ности», смеявшиеся над «прогрессом с плясками, пением и свистом», и те, кто писал оды и сатиры на «какой-нибудь клуб».

Верно зафиксировав общественное явление, Шеллер, к сожалению, выбрал не те фигуры для обоснования своего тезиса о ренегатстве интеллигенции. Ими оказались руководители другого демократического журнала — «Отечественных записок». В первом случае речь идет о Салтыкове-Щедрине, в частности о его январской хронике 1864 г. «Наша общественная жизнь», в которой сатирик иронизировал по поводу отдельных мест в романе Чернышевского «Что делать?»: «Со временем, как известно, никакое человеческое действие без пения и пляски совершаться не будет». Эпизод этот в свое время не прошел незамеченным в журнальчике,⁵ а Шеллеру, видимо, запомнился еще и потому, что в мартовском номере «Современника», в котором «безымянному» Салтыкову пришлось давать ответ на обвинения в глумлении над романом Чернышевского, завершалась публикация его романа «Гнилые болота».⁶

Во втором случае намек был еще прозрачнее, поскольку муравьевская ода Некрасова была еще свежа в памяти многих, а в октябрьском номере «Отечественных записок» за 1871 г. появилась его сатирическая поэма «Недавнее время», поводом для создания которой послужило пышное празднование столетия Английского клуба 1 марта 1870 г. Беллетристу «Дела» было не до глубокого обличительного смысла некрасовской сатиры (он его просто-напросто игнорировал), ему важно было обвинить Некрасова в двойственности позиции, отсутствии твердых идейных и нравственных убеждений. «Подогреваемый», видимо, свежими впечатлениями от щедринского отзыва о его романе «Вразброд» (Отч. зап. 1870. № 2), Шеллер решил «впрямь» в одну упряжку с Некрасовым и Щедрина, сделал объектом нападок руководство «Отечественных записок», которое, по мнению сотрудников «Дела», — мысль эта будет в журнале Благодетель сквозить постоянно, — пошло на компромисс с Краевским, откровенно уступив либерализму⁷ и утратив цельность направления. Показательна в этом плане оценка некрасовского журнала в обозрении русской журналистики, опубликованном в декабрьском номере «Дела» за 1872 г.: «По своей бесцветности „Отечественные записки“ приближаются к тому времени, когда они находились под единовластием г. Краевского. Конечно, в них нет уже таких нелепых сочинителей, как Incognito, Щеглов, Крестовский, поэтому и дух не тот; но, во-первых, невозможно определить характер этого измененного духа, а во-вторых, значительная часть статей подходит ко всякому духу или не содержит в себе никакого духа».⁸

Упрекая «Отечественные записки» в отсутствии идейной твердости, «Дело», к сожалению, выразило расхожую точку зрения: даже в 1876 г., по верному наблюдению М. В. Теплинского, находились люди, убежденные «в порочности того пути, по которому шли „Отечественные записки“ (вступив в «союз» с Краевским. — В. С.), хотя с момента их организации под редакцией Некрасова прошло уже около десяти лет».⁹ Основную вину за альянс бывших сотрудников «Современника» с Краевским возла-

⁵ См. об этом: *Покусаев Е.* Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов. 1957.

⁶ Возможно, к этому добавились и впечатления от щедринского «Проекта современного балета» (Отч. зап. 1868. № 3), в котором сатирик заклеил призрачность российского прогресса.

⁷ «Дело» не заметило даже резкой критики ренегатства, созвучной настроениям благодетельского журнала, в поэмах Некрасова «Притча о Киселе» и «Суд», назвав последнюю «слабейшим из его стихотворений» (С. <Минаев Д. Д.> С неевского берега: Общественные и литературные заметки и размышления // Дело. 1868. № 5. «Современное обозрение». С. 145).

⁸ Дело. 1872. № 12. «Современное обозрение». С. 115.

⁹ *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868—1884): История журнала. Литературная критика. Южно-Сахалинск. 1966. С. 59.

гали на Некрасова, которого «Дело» постоянно обвиняло в двуличии, подчеркивая, что оно — «плод всей нашей общественной жизни, а не какое-нибудь выходящее из ряда вон исключение».¹⁰

Особенной резкостью в этом плане отличалась статья С. Ставрину (С. С. Шашков) «Гоголевский период...», опубликованная в февральской книжке «Дела» за 1875 г. Отмечая колебания некрасовских «симпатий из стороны в сторону», Шашков говорит, что эти колебания «переходят в такой хаос понятий и чувств, в такую двуличность, которую слишком деликатно было бы назвать скептицизмом».¹¹ Автор статьи обвиняет Некрасова в отсутствии искренности, в искусственности его лирического голоса, в неопределенности его идеалов как поэта-сатирика. И на основании всего сказанного в типичном для литературно-критических выступлений «Дела» духе называет Некрасова литературным «покойником» паравне с Толстым, Тургеневым и Достоевским: «Тургенев и Некрасов давно уже перестали затрагивать новые мотивы и типы; все, что ни пишут они в последнее время, все это перепевы и пересказы уже спетого и сказанного, новые варьяции на старую тему. Их роль, по-видимому, кончена, и они вполне счастливы, что прошли свой литературный путь без таких падений, как поэт „униженных и оскорбленных“, имеющий много общего с Некрасовым».¹²

Досталось в статье Шашкова — опять-таки «по совокупности» — и Щедрину, который — по уже сложившейся в «Деле» традиции — третируется за пещаность положительных идеалов.

Но самым обширным выступлением против личных качеств Некрасова и вообще редакции «Отечественных записок» стал «современный роман-фельетон с консерваторами, либералами, плутократами и т. д.» «Розы прогресса», принадлежавший, как удалось установить, перу В. П. Буренина (Дело. 1875. № 9, 10, 12).¹³ События, изображаемые в романе, происходят в редакции журнала «Либеральный комар» (само название весьма примечательно: кусается, но либерально!). Быт редакции выписан с хорошим знанием дела. Описание это, по-видимому, принадлежит человеку, который одно время был довольно близок к журналу «Отечественные записки». Редакционная комната, где сотрудники встречаются и обсуждают журнальные дела, украшена охотничьими трофеями, чучелами, поскольку редактор «Либерального комара» был охотником.

Особым ироническим смыслом наполнена двенадцатая глава, рисующая заседания редакции, чуждой подлинно литературных интересов и занимающейся переливанием из пустого в порожнее. В Пеготине легко угадывается Некрасов с характерными для него речевыми оборотами (словечко «отец», постоянно вставляемое им в разговор), с утрированными чертами его бытового поведения, даже со свойственным ему тембром голоса. Добродушный генерал — другой редактор «Отечественных записок», Салтыков. Хвостиков, сокрушающийся по поводу решения редакции воздерживаться от полемики, самовлюбленный и заносчивый, — Н. К. Михайловский, которому адресованы, пожалуй, самые ядовитые строки. Намекая на статью Михайловского «Дарвинизм и оперетки Оффенбаха» (Отеч. зап. 1871. № 10), Буренин делает Хво-

¹⁰ Н. Ч. Внутреннее обозрение // Дело. 1873. № 1. С. 142.

¹¹ Ставрину С. «Шашков С. С.» Гоголевский период: (Публичные лекции Ореста Миллера «Русская литература после Гоголя». СПб., 1874) // Дело. 1875. № 2. «Современное обозрение». С. 12.

¹² Там же. С. 14.

¹³ См.: Смирнов В. Б. Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса»: (К истории полемики некрасовских «Отечественных записок» с «Санкт-Петербургскими ведомостями») // Н. А. Некрасов и его время. Калининград, 1980. Вып. 5. К сожалению, ранее, некритически восприняв данные «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масаповз, я рассматривал это произведение как борбынское.

стикова автором статьи «Канкан и социология» и заставляет его исповедоваться перед друзьями, рассказывая о муках, в которых рождается его мысль. Хвостиков пережил «мучительные минуты сомнений» тогда, когда «в первый раз увидел какую-то канкирующую девицу и прочитал книгу Дарвина о происхождении человека».¹⁴

Выступление Буренина против редакции «Отечественных записок» вполне объяснимо. Оно явилось продолжением, а точнее итогом полемики между «Отечественными записками» и «С.-Петербургскими ведомостями» начала 1870-х гг., получившей широкий резонанс, и стало последним шагом на пути ренегатства Буренина: через год бывший сотрудник «Отечественных записок» превратится в ревностного сотрудника «Нового времени», не отличавшегося по своей идеологической направленности от катковских изданий. Не последнюю роль сыграло здесь и ущемленное авторское самолюбие Буренина, которому «Отечественные записки» вернули одну из рукописей.¹⁵

Но если мотивы буренинского злопыхательства можно понять, то объяснить, чем руководствовалась редакция «Дела», продолжая еще глубже вбивать клин во взаимоотношения между журналами, — трудно. Тем более в тот период, когда Благодетель обращается к Некрасову с предложением «обсудить наше положение сообща и сообща что-нибудь предпринимать, чтобы облегчить участь журналов, попавших так неожиданно под какое-то лошадиное копыто».¹⁶

Однако вряд ли «Дело» серьезно помышляло о создании единого антиправительственного, антибуржуазного и антидворянского журнального фронта. Смысл полемики, которую вело «Дело» против «Отечественных записок», определен русской поговоркой: «Ради красного словца не пожалеет ни мать, ни отца». Это демонстрирует, в частности, благодетельская пародия «Кому на Руси жить хорошо» (Дело. 1875. № 1), последовавшая вскоре после заверений редактора «Дела», что «человек, с которым работал Чернышевский <...> и которого он любил искренне, имеет право на признательность не меня одного».¹⁷ Пародия представляет собою главу с семизначным номером из тысяча пятой части поэмы Ложногласова (Некрасова): тенденция обличения некрасовского двуличия здесь продолжается. Глава эта не случайно называется «Барин». Самим названием автор хотел подчеркнуть неискренность барских песнопений Некрасова о народе, а затем и дискредитировать на этой основе издаваемый поэтом журнал.

В главе рассказывается о том, как барин-поэт приглашает к себе в Питер крестьянку, чтобы описать ее беды и несчастья. Поэт изображает Матрене Тимофеевне всевозможные «страсти», которые якобы ей довелось испытать. Замысел пародии становится особенно понятен, если учесть преамбулу к главе, в которой отмечается, что здесь Ложногласов «выставляет собственное свое лицо и объясняет, так сказать, отношение своей музыки к народу».¹⁸ Когда поэт узнает, что Матрена Тимофеевна

не бита и не сечена
Ни мужем, ни семейкою,
Ни немцем-управителем,

он разочарованно восклицает:

«На кой же черт ты мне?
Мне надобно описывать

Не этаких, как ты!
Пойми ты, баба глупая:

¹⁴ Дело. 1875. № 12. С. 427.

¹⁵ Подробнее см.: *Смирнов В. Б.* Об авторе романа-фельетона «Розы прогресса». . .

¹⁶ Письмо Г. Е. Благодетель к Некрасову от 20 мая 1874 г. // Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 128.

¹⁷ Письмо Г. Е. Благодетель к Некрасову, датированное маем 1872 г. // Там же. С. 127.

¹⁸ Дело. 1875. № 1. «Современное обозрение». С. 145.

С Михаилом Евграфычем, С Григорием Захарычем Я орган либеральнейший — «Записки» издаю. Михаил свет Евграфович В «Записках» книжку каждую Сатиру пишет легкую, Сатиру-фельетон. Григорий свет Захарович — Он тоже книжку каждую Молчит и сим молчанием Глубоко знаменательным Разит своих врагов. А я — я в книжку каждую Поэзию приятную, Чувствительно-гражданскую Обязан поставлять. В поэзии читателя	Теперешнего времени Чем я пронять могу? Я должен слезы горькие Над бедствиями всякими Народа, меньшей братии, Хоть тресни — проливать. Для этакой поэзии Мне нужно бабу жалкую, Мне нужно бабу битую, Мне нужно бабу драную, «Чтоб косточки неломаной, Чтоб жилочки нетяпунтой, Чтоб кровушки непорченой» * В той бабе исковерканной, Измученной, истрепанной По всем банальным правилам Новейшей пиитики Читатель не нашел! ¹⁹
--	---

«Дело» сознательно фальсифицирует и позицию «Отечественных записок», сосредоточенных якобы на выискивании мрачных сторон народной жизни, и творческую позицию Некрасова, которого благосветловский журнал тоже упрекает в предвзятости и фальши. Даже в некрасовском некрологе (Дело. 1878. № 1) журнал не удержался от упреков поэта в барско-помещичьем тоне по отношению к народу, в фальшивости основных мотивов его поэзии: «В стихотворениях Некрасова слишком уж много искусственного стона, словно и народ, и поэт только и делают, что стонут...».²⁰ Автор некролога Шашков видит фальшь и в поэме «Кому на Руси жить хорошо» в изображении «типа добродетельной губернаторши, добродетельного старосты Ермила Гирина и особенно богатяря Савелия, который восхваляет мужиков за то, что они были пастоящие герои терпения».²¹

Характеристика же личности Некрасова в некрологе, основанная на воспоминаниях Суворина, достоверность которых весьма сомнительна,²² и Достоевского, отнюдь не может быть названа образцом объективности. Правда, в июньском номере «Дела» за 1878 г. П. Н. Ткачев подверг резкой критике воспоминания Суворина и Достоевского, оценив все обвинения, адресуемые Некрасову, как «уголовно-полицейские». Впервые в благосветловском журнале напроць была отвергнута бытовавшая длительное время версия о «неискренности» Некрасова: «...если бы Некрасов действительно пел „о народе“ и его „горе“, нимало не сочувствуя народу, нимало не заботясь о его горе, то его произведения никогда бы не могли производить того потрясающего впечатления, которое они производили, никогда бы не могли пользоваться тем вполне заслуженным успехом, которым они пользовались...».²³

* Стихи г. Некрасова из «Отечественных записок» (Примеч. редакции «Дела»).

¹⁹ Дело. 1875. № 1. «Современное обозрение». С. 155. Здесь же, уловив новые — народнические — тенденции в направлении «Отечественных записок», «Дело», которому общинные иллюзии были чужды, высмеяло и их:

Мир — сила наша крепкая,
Исконная российская,
Пред нациями всякими
Гордимся сельской общиной,
Гордимся миром мы! . .

²⁰ С. Ш. <Шашков С. С.> Н. А. Некрасов: (Некролог) // Дело. 1878. № 1. «Современное обозрение». С. 59.

²¹ Там же.

²² См. их оценку в работе: Бушканец Е. Г. У истоков мемуарной литературы о Некрасове // Вопросы источниковедения русской литературы. Казань, 1973.

²³ Все тот же. Ткачев П. Н. Литературные «мелочи»: Философские размышления о нравственности, нравственных идеалах и о других мелочах. (Посвящается

Ткачев в равной мере отвергает как суворинские инсинуации, так и принадлежащую Достоевскому концепцию некрасовского народолюбия, которое якобы носило «искупительный», а значит и эгоистический, характер: в любви к народу, по мнению Достоевского, Некрасов «находил все свое очищение перед самим собою». «Некрасов-шулер, Некрасов — „ловкий практик“, Некрасов, не брезгающий никакими средствами для наживы денег, — заявляет Ткачев, — этот, одним словом, суворинский Некрасов все же лучше Некрасова, любящего народ не ради народа, а ради самого себя, Некрасова, видящего в этой любви какую-то „самоочистительную жертву“, Некрасова, как его изображает г. Достоевский».²⁴

2

Вопрос об отношении поэта к народу, о народности его творчества, о концепции народной жизни в русской литературе 1870—1880-х гг. (и на страницах «Отечественных записок» в частности) стал вторым основным пунктом полемики «Дела» с Некрасовым и его журналом. Детально обследовав литературно-критические материалы «Дела», С. И. Коршунова почему-то пришла к выводу, что «термином „народность“ критика журнала не оперировала. Она ввела в оборот комплексный термин „народный реализм“, включив в него понятие народности в общеэстетическом плане, конкретные, более узкие задачи изображения народа и народной среды, концепцию нового народного писателя».²⁵ Отнюдь нет! «Дело» оперировало и понятием «народный реализм», и понятием «народность», хотя второе не получило четкого теоретического наполнения, было весьма субъективным и отразило тот «палет» вульгарного социологизма, который был свойствен вообще теоретико-литературным построениям и литературно-критической практике благосветловского журнала.

Во-первых, «Дело» считало, что народным может быть только литератор, вышедший из народной среды, связанный с нею бытовым укладом, общностью судеб. Таким поэтом, по мнению «Дела», был Никитин. В рецензии на его «Сочинения» (Воронеж, 1869), принадлежавшей, по всей вероятности, Шашкову, читаем: «... народное горе было знакомо ему не по слухам, не потому, что оно составляло модную тему для песнопений, а он вырос в нем, пережил его на себе и чувствовал его в себе».²⁶ Антинекрасовский подтекст рецензии вполне откровенен: творчество поэта-воронежца противопоставлялось «рифмованной лжи человека, которому живется хорошо и привольно».²⁷ Последние слова содержали намек и на некрасовскую поэму «Кому на Руси жить хорошо». Эта мысль об истинно народном литераторе была особенно развернута — со всей свойственной Шашкову прямолинейностью — в некрасовском некрологе: «Некрасов, как и Тургенев, знает народ и любит его; но он не жил народной жизнью, он не мог всецело узнать и про-

гг. Суворину, Достоевскому и Елисееву) // Дело. 1878. № 6. «Современное обозрение». С. 17.

²⁴ Там же. С. 22. Подробнее анализ выступления Ткачева см.: Соколов П. И. Русская литература и народничество. Л., 1968. С. 174—177.

²⁵ Коршунова С. И. К проблеме реализма в русской критике 70-х годов XIX века... С. 7.

²⁶ Дело. 1869. № 7. «Современное обозрение». С. 47. «Отечественные записки» отнесли к поэзии Никитина весьма критически (Отеч. зап. 1868. № 8).

²⁷ Там же. Кстати, основные положения этой рецензии очень созвучны статье Шашкова «Кольцов и новый розыск о его поведении» (Дело. 1878. № 9). Видимо, Шашкову принадлежит и рецензия на «Сочинения И. С. Никитина» (М., 1878) (Дело. 1878. № 4), в которой главное внимание уделяется не анализу его произведений, так как «в свое время критика произнесла над ними свой приговор» (возможно, намек на собственную рецензию десятилетней давности), а формирование личности поэта.

чувствовать ее так, как, например, Шевченко. Тургенев наблюдал народ как помещик-охотник; народные стихотворения Некрасова — тоже — „записки охотника“ («Крестьянские дети», «Деревенские новости», «Коробейники» и т. д.). Народными поэтами могут быть только настоящие дети народа, как Борнс и Шевченко, а не помещики, как бы развиты и гуманны ни были они». ²⁸

Во-вторых, «Дело» отказывало Некрасову в праве называться народным поэтом на основании того, что его поэзия сосредоточена на мрачных сторонах народной жизни. Некрасов «не слышит в русской песне ничего, кроме стона», — заявил автор рецензии на «Древнюю русскую литературу» П. В. Ефстафиева (СПб., 1877), — в то время как «все истинно народные поэты» отлично понимали, что есть в жизни народа и светлые, радостные мотивы, и «никогда не делали стона и нытья своею специальностью, как Некрасов». ²⁹ Светлые стороны народной жизни и народного характера у Некрасова изображаются лишь эпизодически: «В „Зеленом шуме“ превосходно выражено смягчающее влияние весны на душу простолюдина; в „Крестьянских детях“ набросана картина сельской жизни, полной поэзии и труда. <...> „В больнице“ мы видим пробуждение самого светлого чувства в пьяном, избитом преступнике...». ³⁰ Но они не органичны для некрасовского творчества.

В-третьих, «Дело» считает, что народность есть непосредственное чувство и непосредственное знание, свойственное представителю народной среды и лишенное теоретичности, умозрительности. Некрасов же, напротив, любит народ теоретически, усвоив «народолюбивые увлечения» и руководствуясь программами вождей демократической литературы, в особенности, как кажется Шашкову, Добролюбова, автора статьи «Черты для характеристики русского простонародья»: «...народное направление Некрасова образовалось не непосредственно, вышло не из народной жизни, а развилось под влиянием литературы. Оттого-то у Некрасова и немало фальши, которой вы не встретите у настоящих народных поэтов». ³¹

Последнее качество, по мнению сотрудников «Дела», органически связано с четвертой чертой народной литературы — с простотой и ясностью формы произведения, рассчитанной на восприятие «простого читателя», столь же безыскусной и непосредственной, как его нравственное и эстетическое чувство. «Простой читатель, — отмечается, например, в рецензии на «Вечного труженика» Самуэля Смайльса (СПб., 1877), — требует простоты, ясности и определенности; чтение для него не есть праздное

²⁸ С. Ш. «Шашков С. С.» Н. А. Некрасов: (Некролог). С. 56.

²⁹ Дело. 1877. № 7. «Современное обозрение». С. 90. Судя по текстуальной переключке этой рецензии с некрасовским некрологом, она также принадлежала Шашкову, о чем в особенности свидетельствуют следующие строки из некролога: «...ни у одного из истинно народных поэтов вы не встретите такого почти непрерывного стона и плача, какой слышится у Некрасова: у всех у них очень много веселых, живых, бодрящих и утешающих мотивов; все они не только страдали с народом, но и вместе с ним забывались в его веселье, поддерживали его бодрость, старались доставить ему радость своими песнями. Так поступали и Борнс, и Кольцов. Так поступал и Шевченко» (С. Ш. «Шашков С. С.» Н. А. Некрасов: (Некролог). С. 60).

Развитие этих мыслей, текстуально близкое к некрасовскому некрологу, мы находим и в рецензии на книгу «На память о Н. А. Некрасове» (СПб., 1878) (Дело. 1878. № 4): «Народным поэтом он не может быть уже потому, что господствующий мотив его поэзии — эта вечная тоска, вечное нытье по безысходно-горькой доле русского человека. слишком сильно отзывается каким-то барским сердоболием, которому жутко становится при одном виде рваных крестьянских зипунов» (с. 43). И опять заходит речь о Борнсе, Кольцове, Беранже, которые «никогда не забывали так систематически, так умышленно светлых и отрадных сторон жизни, как это делает Некрасов» (с. 43). Это дает основание предполагать авторство Шашкова и для упомянутой рецензии.

³⁰ С. Ш. «Шашков С. С.» Н. А. Некрасов: (Некролог). С. 55.

³¹ Там же. С. 57.

щекотание нервов или материал для разрешения каких-либо спорных проблем; он ищет в книге удовлетворения своей любознательности, проверки преодолевающих его на каждом шагу вопросов и сомнений; он ищет в чтении правды и той нравственной чистоты, которую так редко встречает в самой жизни, и там, где оказывается его ум бессильным понимать, он старается угадать истину чувством и часто угадывает им лучше всякого критического анализа. Наконец, лучшие черты народного характера, возведенные в идеал, — это такое условие народной литературы, без которого она невозможна. Что же касается красоты вымысла и богатства фантазии — то это вещь второстепенная для трудовой и утомленной массы».³²

Окончательный вывод «Дела» категоричен: «У нас нет народных писателей в том смысле, в каком следует понимать такого писателя в развитой, зрелой и богатой литературе. Нельзя сомневаться, чтобы Тургенев, Некрасов, Гончаров, Толстой и другие не хотели посвятить часть своих трудов низшей братии; напротив, они не могли лишь найти предмета для беседы с народом и не чувствовали себя в силах приняться за это важное дело. Нет сомнения, что Некрасов считал бы высшим для себя удовлетворением, если бы мог быть народным поэтом; но известно, что народ его не читает: в произведениях его — смесь рефлексии с подделкой под народное чувство, народные интересы и народную речь».³³

Ранее «Дело» тоже отмечало, что Некрасову «стихотворения в народном духе никогда не удавались и вся их народность заключалась в том, что поэт вместо „голова“ говорил „головушка“, вместо „корова“ — „коровушка“, вместо „жалей“ — „жалючи“ и т. д.».³⁴ В рецензии на «Стихотворения и очерки И. Г. Воронина» (Дело. 1878. № 2) благосветловский журнал уточняет свои представления о народности («выйти из народа не значит еще быть народным поэтом»), подчеркивая, что в истинно народном произведении форму и тон определяет народное чувство, что произведение это должно отражать все многообразие настроений, свойственных народному характеру. В этом плане «Дело» противопоставляет Некрасову Беранже.³⁵

Нельзя не согласиться с С. И. Коршуновой, что среди оценок некрасовского творчества, принадлежавших сотрудникам «Дела», наибольшей диалектичностью отличались суждения Шелгунова, хотя и он «не смог отрешиться от журнальной интерпретации творчества Некрасова. Как и его соратники, он отказал поэту в художественности, в искренности, упрощенно осмыслил характер его гражданственности»,³⁶ обвинил Некрасова в «пеглубокости» и «однопредметности». Однако в то же время он высказал мысль о том, что Некрасов насытил поэзию «общественным

³² Дело. 1878. № 1. «Современное обозрение». С. 33—34. Можно предполагать, что цитируемая рецензия принадлежит Ткачеву, поскольку она и следующая за ней в журнале рецензия на «Зарницу» (СПб., 1877) явно написаны одним автором. В рецензии на роман Смайльса автор говорит о том, что в «Америке недавно начали делать из прессованной бумаги кирпичи для постройки домов» (с. 32). А рецензия на «Зарницу» кончается словами о том, что «дальнейшая судьба этой говести — идти на кирпичи, как только в России начнется постройка домов из макулатурной бумаги» (с. 41). Авторство Ткачева в отношении рецензии на «Зарницу» устанавливается без особого труда, судя по замечанию о «литературной бестолковости» Микешина (с. 40), которому Ткачев в 1877 г. посвятил изрядное количество страниц (см., например: *По поручению Все того же. Ткачев П. Н.*) Г. Микешин не в своих саях // Дело. 1877. № 12).

³³ Дело. 1878. № 1. «Современное обозрение». С. 34—35.

³⁴ Дело. 1871. № 6. «Современное обозрение». С. 82.

³⁵ Дело. 1878. № 2. С. 429. Эти положения развиваются и в статье Пашкова «Живописатели „новых людей“ и печальники народного горя» (Дело. 1878. № 3).

³⁶ Коршунова С. И. К проблеме реализма в русской критике 70-х годов XIX века... С. 13.

содержанием» и что он, если бы был «романистом», «мог бы создать так необходимый русской литературе общественный роман».³⁷

Шелгунов одним из первых в русской литературной критике поднял вопрос и о значении Некрасова как детского писателя, заявив о том, что после Пушкина, Лермонтова, Некрасова «детям читать нечего и цикл поэтов как бы прекращается».³⁸ А вскоре М. К. Цибрикова в статье «Народ в литературных эскизах» воздаст должное таланту Некрасова, поставив его на одно из первых мест в русской и европейской народной поэзии: «Скорбные песни о жизни народа — один из главных мотивов музыки мести и печали поэта, со смертью которого поэзия наших дней едва ли не перестала быть поэзией. Ни одна музыка мести и печали европейских поэтов, равных по силе таланта Некрасову, не пела так много и таких скорбных песен».³⁹ Эта высокая оценка некрасовской поэзии и ее общественной миссии будет закреплена вскоре и в анонимной рецензии на повесть Д. Мордовцева «Господин Великий Новгород» (М., 1882): «Живи Некрасов в наши дни, он <...> не стал бы воспевать доблести разных княгинь и графинь, а учил бы нас „сеять разумное, доброе, вечное“ за простое „спасибо сердечное“ русского народа».⁴⁰

Истина в журнале в конце концов восторжествовала. Но путь к ней был весьма извилистым и тернистым, свидетельствующим о чрезвычайной идеологической сложности демократической журналистики последней трети XIX в. и о том, в каких противоречиях и борьбе было выстрадано приобщение русской критики к передовой методологии.

³⁷ Языков Н. <Шелгунов Н. В.> Заметки о русских литературных идеалах // Дело. 1878. № 5. С. 324.

³⁸ Шелгунов Н. Что может дать детям наша литература? // Дело. 1880. № 3. «Современное обозрение». С. 92.

³⁹ Дело. 1882. № 1. «Современное обозрение». С. 2.

⁴⁰ Дело. 1882. № 5. «Современное обозрение». С. 82.

Е. Г. Бушканец

КАЗАНСКИЕ ЛИТЕРАТОРЫ-ДЕМОКРАТЫ 1870—1880-х гг. И НАСЛЕДИЕ НЕКРАСОВА

Связи Некрасова с казанскими литераторами установились очень рано. Как выяснил В. Э. Вацуро, упоминания о Некрасове в письмах его приятеля К. А. Данненберга в Казань появляются с октября 1839 г. Письма эти адресовались казанскому литератору-демократу Н. И. Второву, но фактически были обращены ко всему литературному кружку, в состав которого до отъезда в Петербург входил и Данненберг. 12 декабря 1839 г. Данненберг сообщил о подготавливаемом издании первого сборника стихотворений Некрасова и просил Второва организовать в Казани предварительную подписку на него. «хлопоты Второва, по-видимому, были успешны, — пишет Вацуро, — и у нас есть основания думать, что поддержка казанских друзей Данненберга в немалой степени подвинула издание сборника».¹

В первый и единственный раз Некрасов был в Казани весной 1846 г. вместе с П. И. Панаевым и А. Я. Панаевой. В «Казанских губернских ведомостях» был напечатан список лиц, прибывших в Казань и выехавших из нее с 27 мая по 5 июня. В нем указан коллежский секретарь Панаев, приехавший из Петербурга и остановившийся в доме Акчурина. В этом же списке он фигурирует в числе выбывших из Казани — в вотчину.² Заметим, что номера Акчурина находились на втором этаже хорошо сохранившегося на бывшей Воскресенской улице здания (сейчас улица Ленина, д. 15).

Как провели Некрасов и Панаевы несколько дней в Казани — неизвестно. Вероятно, с кем-то из казанских литераторов Некрасов тогда встречался, однако документальными материалами на этот счет мы не располагаем.

Некоторое время Некрасов и его спутники гостили в селе Новоспасском бывшего Лаишевского уезда Казанской губернии у помещика Григория Михайловича Толстого. Именно там было принято решение о приобретении одного из выходящих в столице журналов. Г. М. Толстой пообещал материальную поддержку этому начинанию, хотя потом и не сдержал своего слова. Обстоятельства переговоров в Новоспасском рассмотрены в работах В. Е. Евгеньева-Максимова и К. И. Чуковского. Известно, что Г. М. Толстой послужил прототипом образа Данкова в романе «Три страны света».³

Можно с уверенностью считать, что следствием посещения Казани Некрасовым было опубликование в начале декабря 1846 г. на страницах

¹ Вацуро В. Э. Некрасов и К. А. Данненберг // Рус. лит. 1976. № 1. С. 140—141.

² Казан. губ. вст. 1846. № 24. Часть неофиц. Стб. 245.

³ См.: Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50 гг.: От Беллинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 32—35; Чуковский К. Григорий Толстой и Некрасов // Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 365—396 (перепечатано: Чуковский К. Люди и книги. 3-е изд. М., 1959). См. также: Н II. 9₂, 321, 355—357 (комментарий В. Л. Бессонова к роману «Три страны света»).

«Казанских губернских ведомостей» полного текста объявления о преобразовании «Современника» и приеме подписки на журнал на 1847 г.⁴

До нас дошли многочисленные свидетельства об исключительной популярности поэзии Некрасова среди казанской молодежи.

Интересно сообщение П. П. Пекарского о кумире казанских студентов Д. И. Мейере, профессоре гражданского права Казанского университета, который преклонялся перед Белинским и «с большим увлечением» объяснял своим слушателям, «что за человек был Белинский». «Из современных русских поэтов, — продолжает Пекарский, — Мейеру более всех нравился***». Тремя звездочками здесь безусловно обозначен Некрасов. Увлечение Мейера Некрасовым относится к концу 1840—первой половине 1850-х гг. В декабре 1855 г. он был переведен из Казанского университета в Петербургский и 18 января 1856 г. скоропостижно умер в столице. В последние дни жизни он познакомился с Чернышевским, который очень высоко ценил его и как ученого, и как воспитателя молодежи. Пекарский рассказывает, что Мейер, чтобы дать представление о популярности своего любимого поэта в Казани, сравнивал его с Беранже.⁵

Огромным успехом пользовались в Казани сборники стихотворений поэта в годы нарастания общественного подъема в стране. Современник отмечал, что «с захватывающим интересом прочитывались прежде всего стихи, указывающие на произвол и позор крепостного права». Стихотворения «В дороге», «Огородник», «Забятая деревня», по его словам, «заучивались наизусть».⁶

Другое свидетельство относится к началу 1860-х гг. Оно принадлежит известному участнику русского освободительного движения, в то время ученику первой казанской гимназии, Д. А. Клеменцу. «Хотя мне было тогда не более одиннадцати лет, кое-что запало и мне в голову <...> — сообщает он. — Читал статьи Добролюбова в „Современнике“ о темном царстве, знал почти наизусть стихотворения Некрасова, заинтересовался романом „Что делать?“ и прислушивался к разговорам на текущие политические темы».⁷

Стихотворения Некрасова неизменно звучали на литературных вечерах. Пристального внимания в этом плане заслуживают вечера, прошедшие в Казани весной 1862 г. «Литературные вечера, начавшиеся 7-го числа прошлого марта месяца в зале университета, вызвали особенное сочувствие во всех слоях местной публики <...> — писал репортер местной газеты. — Первая мысль об устройстве литературных вечеров, сбор которых назначен на сооружение памятника Белинскому и Добролюбову и на благотворительные цели, принадлежит молодому поколению. Эта мысль нашла сочувствие в г. Ровинском, кандидате здешнего университета, недавно возвратившемся из-за границы. <...> Первый вечер открылся чтением г. Ровинского о Добролюбове (из «Современника». 1862 года, № 1). <...> После прочтения г. Верховским стихотворения Некрасова „В больнице“ перед публикой явился г. Иловайский, прочитавший „Добрый знакомый“ (из Беранже). <...> Вечер окончился чтением г. Ларионовым стихотворения Некрасова „Ночь“, удостоившегося громкого одобрения».⁸

Заметим, что П. А. Ровинский был видным деятелем «Земли и воли», а литературные вечера в Казани в марте 1862 г. (всего было проведено

⁴ Казан. губ. вед. 1846. № 46. Стб. 592—597.

⁵ Пекарский П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере // Братчина. СПб., 1859. С. 239.

⁶ Корсаков Д. А. Былое из казанской жизни // Литературный сборник «Волжского вестника». Казань, 1898. С. 264—265.

⁷ Клеменц Д. А. Из прошлого. Л., 1925. С. 94.

⁸ Казан. губ. вед. 1862. 16 апр. № 15. Часть неофиц. Стб. 174—175.

четыре вечера) были легальной акцией казанского комитета этой революционной нелегальной организации.⁹

Широко распространялись произведения Некрасова в списках. Один из учеников Мейера, по свидетельству П. П. Пекарского, составил сборник стихотворений поэта, которого так любил профессор: «...рукопись списывали наперерыв, и скоро сборник в копиях можно было найти в руках помещиков, писарей, почтальонов и пр.»¹⁰ До нас дошли сборники П. Заринского (с переписанными разными почерками стихотворениями «В дороге», «Тройка», «В деревне», «Школьник», «Дешевая покупка», «Рыцарь на час», «В полном разгаре страда деревенская...», «Что думает старуха, когда ей не спится», «Калистрат», «Надрывается сердце от муки...», «Орина, мать солдатская»), К. Богданова (с текстом «Пролога» из «Кому на Руси жить хорошо») и др.¹¹

Большой интерес представляет факт перепечатки стихотворений Некрасова в казанских альманахах.

В 1866 г. в Казани вышел «Сборник юмористических и сатирических современных стихотворений: Из сочинений Некрасова, Курочкина, Бенедиктова, Стародубского, Скорбного поэта, Обличительного поэта, Костомарова, Розенгейма и пр.». В сборник вошло два стихотворения Некрасова: «Размышления у парадного подъезда» и «Филантроп».

В 1868 г. казанский книгопродавец А. А. Дубровин издал книгу «Заря: Сборник для легкого чтения». Наряду со стихотворениями сборник включал и небольшие прозаические произведения современных авторов. Некрасов в этом сборнике был представлен отрывком «Бездежье» («В маскарадной и в оперной зале...» — из «Балета» (сатиры 9), входившего в незавершенный номерной цикл сатир) и стихотворениями «Забывтая деревня» и «Страда» («В полном разгаре страда деревенская...»). Год спустя, в 1869 г., тот же Дубровин выпустил литературный сборник «Новое время». В его составе было три стихотворения Некрасова: «Пропала книга!», «Сват и жених» и «Эй, Иваи! (Тип недавнего прошлого)».

Смерть Некрасова была воспринята в передовых кругах казанского общества как большое народное горе. 8 января 1878 г. в университетской церкви была отслужена панихида. Сообщая об этом, «Казанский биржевой листок» отмечал, что одновременно «послана была от студентов в редакцию „Отечественных записок“ телеграмма. Кроме того, от учащейся молодежи высылается на могилу покойного поэта большой венок из живых цветов с надписью на серебряной пластинке „Некрасову — студенты Казанского университета“».¹²

В корреспонденции, появившейся в столичной газете «Новое время», было сказано, что после панихиды молодежь собралась в одной из аудиторий и «чтением стихотворений и речей почтила память покойного».¹³ В мемуарной литературе речь идет о страстной студенческой сходке. «Казанские студенты на все политические и общественные события всегда живо и бурно реагировали <...> — утверждал Н. Ф. Флерин. — На сходке по случаю смерти Некрасова читались его неизданные запре-

⁹ См.: Вульфсон Г. Н. Соратник Н. Г. Чернышевского П. А. Ровинский и казанское отделение «Земли и воли» // Чернышевский и его эпоха: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1979. С. 134—147.

¹⁰ Пекарский П. Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере. С. 239.

¹¹ Науч. б-ка Казан. ун-та, Отд. рукописей и редких книг, № 1128, 2688.

¹² Казан. биржевой листок. 1878. 12 янв. № 4.

¹³ Новое время. 1878. 23 янв. (4 февр.). № 684. Газета приводила отрывок из одного из прочитанных стихотворений. Оно начиналось так:

Песен чудных стихи звуки,
Песен горя, песен муки...
Гордость Руси, Руси цвет,
Смолк навеки наш поэт...

щенные стихотворения, произносились речи, обсуждалась петиция о свободе печати».¹⁴

«Казанский биржевой листок» еще 5 января 1878 г. напечатал за подписью «N. N.» (под этой подписью, видимо, скрывался П. П. Васильев, который вел в газете литературный отдел) некрологическую статью «Н. А. Некрасов». «Певец народных нужд и народного горя, — говорилось в статье, — слишком хорошо известен нашей читающей публике, чтобы не заметить ей этой утраты даже в самых отдаленных уголках нашего отечества...». Автор подчеркивал огромное влияние музыки покойного поэта «на наше нравственное развитие, на установку наших взглядов на себя и на окружающий мир, на наши идеалы личной и общественной деятельности». Включаясь во вспыхнувшую на страницах петербургских газет полемику о месте Пушкина и Некрасова в истории русской поэзии, казанский литератор утверждал, что современное поколение ставит Некрасова «неизмеримо выше», чем русская публика в свое время поставила Пушкина.

Особо следует отметить внимание автора статьи к издательской и редакционной деятельности Некрасова. «Менее известна публике, — писал он, — чисто журнальная деятельность покойного поэта и степень его участия в редактировании в течение многих лет сначала вместе с Панаевым „Современника“, а потом в редакции обновленных с 1867 года „Отечественных записок“. Нет сомнения, что люди, близкие к покойному, вскоре познакомят публику и с этой стороной его общественной деятельности».¹⁵

Вскоре за этой же подписью в «Казанском биржевом листке» появилась рецензия на вышедший в Петербурге сборник материалов «На память о Николае Алексеевиче Некрасове». В статье отмечалось, что поклонникам некрасовской музыки был «особенно дорог» журнал «Современник», в продолжение двадцати лет связанный с именем поэта. «Даже до сих пор, — замечает автор, — эта часть читающей публики разыскивает и приобретает как драгоценность книжки названного журнала за эти годы». «Спустя два года по прекращении „Современника“, — продолжает он, — Некрасов с некоторыми из постоянных сотрудников этого журнала принял непосредственное участие в „Отечественных записках“ г. Краевского, и этого было совершенно достаточно, чтоб почитатели бывшего „Современника“ сразу обратились к журналу г. Краевского и совершенно обновили постоянный контингент его читателей. Хотя „Отечественные записки“ и не заменили вполне „Современника“, однако они унаследовали общий характер публицистики этого журнала и до сих пор пользуются в ряду наших ежемесячных изданий предпочтением со стороны его бывших читателей».

В сборник «На память о Николае Алексеевиче Некрасове» вошли первые отклики на смерть поэта из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского, «Нового времени», тифлисской газеты «Обзор» и одесской «Правды». Рецензент «Казанского биржевого листка» высказывал к некоторым из этих материалов сдержанное, а к отдельным — откровенно отрицательное отношение. Так, по его мнению, статья одесской газеты «очень напоминает статью „Гражданина“, слава богу, не попавшую в сборник». Оценка литературной деятельности Некрасова может быть дана, утверждает он, только «компетентными лицами» — «бывшими сотрудниками покойного по журналу».¹⁶

¹⁴ Флерин Н. Ф. Быт студентов Казанского университета в 70-х гг. // Учен. зап. / Казан. ун-т. 1930. Вып. 5. С. 897.

¹⁵ Казан. биржевой листок. 1878. 5 янв. № 2.

¹⁶ N. N. На память о Николае Алексеевиче Некрасове. СПб., 1878 // Казан. биржевой листок. 1878. 5 марта. № 19.

В сентябре 1878 г. в «Казанском биржевом листке» постоянные читатели «Отечественных записок» выражали свой оптимизм по поводу будничности этого журнала, продолжающего традиции «незабвенной журнальной литературы начала 60-х годов». Автор «Литературной заметки» (она была опубликована без подписи, но, видимо, принадлежала перу того же П. П. Васильева) писал, что журнал, «несмотря на некоторую превратность судеб, делавшую иной раз очень тощими и бессодержательными его книжки, не переставал в кругу „своих“ читателей пользоваться наибольшим сочувствием с 1868 года, когда вполне обновился состав его редакции, и до настоящего времени. В начале текущего года после кончины Н. А. Некрасова, стоявшего во главе его редакции, можно было, однако, и опасаться за участь этого журнала; но вскоре явилась на нем подпись нового редактора, М. Е. Салтыкова, рассеявшая подобные опасения».¹⁷

К некрасовской теме «Казанский биржевой листок» вернулся в начале 1879 г., поместив за подписью «П. В.» (т. е. «П. П. Васильев») заметку по поводу неточности в биографическом очерке о Некрасове А. М. Скабичевского (Отеч. зап. 1878. № 6). Скабичевский писал, что издание собрания стихотворений поэта в 1856 г. было запрещено цензурой. На самом деле оно вышло в свет. «Это по времени первое полное собрание стихотворений поэта, — писал Васильев, — стоившее 1 р. 50 к., разошлось так быстро, что через год уже не находилось в продаже, составляя чуть ли не библиографическую редкость, ценимую в 10—20 р. за экземпляр. Я помню, что в то время один мой знакомый, не добывший печатные экз. стихотворений Некрасова, принужден был списать их; покойный поэт был тогда кумиром молодежи». Васильев утверждал, что сборник этот был в 1858 г. переиздан в Лейпциге, а в 1859 г. — в Берлине.¹⁸

В 1880 г. Васильев откликнулся в «Казанском биржевом листке» на выход в свет отдельного издания поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Приветствуя это издание, Васильев замечал, что одна «часть этой поэмы, написанная Некрасовым за год до смерти, до сих пор остается еще не напечатанной, хотя и известна любителям отечественной словесности в рукописных экземплярах». Васильев высказывал также пожелание переиздать беллетристические произведения Некрасова и его критические статьи.¹⁹

Все эти суждения подтверждают точку зрения И. Е. Баренбаума и А. В. Мамонтова о том, что Васильев являлся ярким представителем демократического направления в русской библиографии и журналистике 1860—1870-х гг. (его отношение к творчеству великого русского поэта в их статье не рассматривается).²⁰

П. П. Васильев был первым казанским литератором, начавшим собирать материалы о Некрасове.

В 1941 г. было опубликовано несколько документов из архива литературного обозревателя «Казанского биржевого листка». Как видно из них, Васильевым были задуманы какие-то работы о Некрасове, для которых он начал активно собирать необходимые материалы. Он обратился к ряду лиц с вопросами о жизни и творчестве Некрасова и с просьбой сообщить некоторые сведения о нем. Их ответы сохранились.

¹⁷ Литературные заметки // Казан. биржевой листок. 1878. 7 сент. № 71.

¹⁸ П. В. Библиографическая заметка // Казан. биржевой листок. 1879. 21 янв. № 6. Известны вышедшие в дополненном виде перепечатки этого издания: Лейпциг, 1859 и Берлин, 1862 (см.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. М., 1982. Ч. 2. № 1181, 1182).

¹⁹ П. В. Библиографическая заметка: «Кому на Руси жить хорошо»: Поэма Н. А. Некрасова. СПб., 1880 // Казан. биржевой листок. 1880. 23 нояб. № 93.

²⁰ См.: Баренбаум И. Е., Мамонтов А. В. П. П. Васильев — казанский библиограф и книговед // Сов. библиография. 1973. № 1. С. 53—63.

Первый из них — письмо сестры поэта А. Буткевич от 7 октября 1878 г. По письму можно судить, что Васильев просил ее прислать перечень всех публикаций произведений Некрасова, включая, видимо, различные критические статьи, заметки и т. д. «Те сведения, которые вы бы желали получить от меня, — отвечала Анна Алексеевна, — я сама их не имею, но у меня есть некоторые указания, и с помощью их я надеюсь привести в ясность большую часть того, что было писано покойным братом в разных журналах и газетах. Я поручила это дело добросовестному и любившему брата человеку и имею основание думать, что он не сделает только невозможного. Он обещал окончить работу к Новому году — труд огромный, — придется перечитывать во многих журналах и газетах массу статей за известный период времени, входить в сношения с деятелями того времени, оставшимися еще в живых. Когда все материалы будут в моих руках, я охотно поделюсь ими с вами, если не будет уже поздно для вас».

Интересны ответы А. А. Буткевич на вопросы об участии Некрасова в составлении азбук и о зарубежных публикациях его произведений.

На первый вопрос она ответила так: «Относительно азбук, брат писал их вскоре по приезде в Петербург — чуть не мальчиком, ради насущного хлеба, и, по всей вероятности, не подписывал под ними своего имени — не придавая подобному труду никакого значения, едва ли бы он сам мог назвать их».

По поводу второго вопроса или, возможно, группы вопросов она отвечала: «Воспоминание о Белинском было напечатано в „Полярной звезде“ Герцена, стихотворение это не может войти в посмертное издание. Заглавия зарубежных изданий стихотворений брата не помню, я привезла их в Россию, но затеряла. Третья часть „Кому на Руси жить хорошо“ едва ли напечатана за границей — я бы об этом знала».²¹

Из ответа директора Ярославской гимназии И. Звонникова видно, что тот выслал Васильеву в октябре 1879 г. копии табеля об успехах и поведении Некрасова, прошения отца об отчислении будущего поэта из гимназии и выданного ему при этом свидетельства.

Ответ Л. Н. Трефолева от 3 декабря 1882 г. носил менее определенный характер: «О Некрасове имею кое-какие сведения. Лично я с ним знаком не был, а его письма ко мне для вас не могут быть интересны: они касаются стихотворений Вашего покорного слуги, напечатанных в некрасовских „Отечественных записках“. <...> Немало записал я анекдотов о Николае Алексеевиче со слов его товарищей-гимназистов и со слов его позднейших знакомых по Ярославлю; но все эти записки, думаю, пропали безвозвратно, доставшись одному господину, который взял их для проверки фактов, да вот так... и до сих пор проверяет. Бог ему судья! Фантазировать же относительно Некрасова не дерзаю».

Л. Н. Трефолев обещал просмотреть материалы архива Ярославской гимназии: «Он для меня всегда открыт, и с наступлением весны будущего года (если доживу до него) я намерен там кое над чем поработать. Авось попадутся неизвестные до сих пор сведения о Некрасове: тогда, при случае, напишу вам охотно».²²

Приступив к собиранию материалов о Некрасове, Васильев сразу же начал их публиковать. В 1879 г. в журнале «Мирской толк» он напечатал — с небольшой вводной заметкой — текст трех документов, полученных от директора Ярославской гимназии. В биографической литературе о поэте отмечается, указывая Васильев, что Некрасов был исключен из гимназии за «написанное им будто бы какое-то сатирическое стихотворение, дошедшее до гимназического начальства и ему не по-

²¹ Васильев М. А. Из переписки казанского литератора П. П. Васильева // Учен. зап. / Казан. пед. ин-т. Ист. фак. 1941. Вып. 4. С. 181—182.

²² Там же. С. 183.

нажившееся». Документы же свидетельствовали, подчеркивал он, что «покойный поэт только плохо учился, но не был исключаем», а из гимназии выбыл «по воле отца».²³ Васильев не учел, что увольнение сына по прошению отца могло быть замаскированной формой исключения.

Мы не знаем, какие еще документы о Некрасове были собраны Васильевым, не располагаем всеми собранными им библиографическими материалами. В июне 1883 г. П. П. Васильев исчез, и примерно через месяц труп его был найден в озере Кабан, в центре Казани. Основная часть архива Васильева, в котором были письма к нему И. С. Тургенева и других известных русских писателей, не сохранилась. Уже в 1950-х гг. пропали оригиналы и тех нескольких документов, которые были опубликованы в 1941 г.

Не исключено, что от Васильева казанский народовольческий кружок получил упомянутый им в 1880 г. в «Казанском биржевом листке» текст «одной части» поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Часть эта — «Пир на весь мир» — была в 1880 г. дважды отпечатана казанскими народовольцами на гектографе.²⁴

Другим казанским литератором, писавшим о Некрасове, был Н. Ф. Юшков.

В его тетради — своеобразном поэтическом дневнике — сохранилась запись «На 27 декабря 1877 г.»:

Горе тяжелое, горе глубокое
Русский постигло народ.
Русь потеряла поэта великого...

Стихотворение кончалось так:

И умирая, он пел о народе,
Думал о том, кому жить хорошо.
Песнь допевал он поэмы великой,
Да только ли можно закончить ее?
Есть ли на свете страна та чудесная,
Где бы жилось и легко и светло?
Горе повсюду тяжелое, страшное,
Горе запало нам в грудь глубоко...²⁵

Сразу после смерти Некрасова Юшков опубликовал статью, где привел свидетельства современников о двух эпизодах биографии великого поэта — его приятельских отношениях в ранней молодости с К. А. Данненбергом (Юшков отмечал, что слышал об этом от своей матушки и ее брата, а также от одного из лиц, близких Некрасову по изданию «Современника») и о поездке Некрасова вместе с И. И. Панаевым и А. Я. Панаевой в 1846 г. в Казанскую губернию и встречах с Г. М. Толстым (со слов своей матушки и на основании рассказов «других познакомившихся тогда с ними в Казани» лиц, а также рассказа самого Г. М. Толстого).²⁶

Случилось так, что статья Юшкова в 1889 г. была перепечатана в вышедшей отдельным изданием книге воспоминаний Н. В. Успенского. В октябре 1889 г., откликаясь на смерть Успенского, Юшков отметил, что его крайне удивило включение в эту книгу его собственного рассказа о Некрасове, напечатанного в журнале «Свет и тени»: «Кому принадлежащая мысль поместить в книжку Н. В. Успенского наш рассказ —

²³ П. В. Материалы для биографии Н. А. Некрасова // Мирской толк. 1879. 25 нояб. № 46. С. 340.

²⁴ См.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века: Книги и периодические издания. Ч. 2. № 1177, 1178.

²⁵ Науч. б-ка Казан. ун-та, Отд. рукописей и редких книг, № 3826, л. 53—55.

²⁶ См.: Катин Н. <Юшков Н. Ф.> Н. А. Некрасов // Свет и тени. 1878. № 5. С. 39—40.

самому ли почившему или издательской фирме — мы не знаем, и перепечатка нашей собственности была для нас сюрпризом». ²⁷

Помимо этой статьи Юшков опубликовал в «Волжском вестнике» две заметки — к десятилетию и к двадцатилетию со дня смерти поэта. В первой он просил встречавшихся с поэтом «поделиться с местными изданиями воспоминаниями о пребывании Н. А. Некрасова в Казанской губернии». ²⁸ К сожалению, на этот призыв никто не откликнулся.

Во второй заметке Юшков отмечал, что очень мало сделано для достойного увековечения памяти Некрасова за двадцать лет, прошедших со дня смерти поэта. «Мы до сих пор не имеем, — писал он, — полного собрания сочинений, мы не имеем полной его биографии, мы не озаботились даже изданием такого собрания его сочинений, которое бы проникло в народ». Юшков еще раз приводил фактические сведения о поездке Некрасова в 1846 г. в Казанскую губернию, о принятом в имении Г. М. Толстого решении приступить к изданию нового журнала. ²⁹

В 1898 г. Н. Ф. Юшков опубликовал в «Волжском вестнике» отрывок из поэмы Некрасова «В. Г. Белинский». Не зная, что текст поэмы в 1881 г. уже появился в журнале «Древняя и новая Россия», Юшков писал, что он позволяет себе «привести здесь впервые на Руси несколько строф из одного стихотворения Н. А. Некрасова, не появлявшегося еще в России в печати». Полный текст поэмы, замечал Юшков, он предоставил редакции подготавливаемого Пензенской общественной библиотекой юбилейного сборника. Однако в вышедшем в 1899 г. в Москве сборнике «Памяти В. Г. Белинского» (он был подготовлен Пензенской общественной библиотекой) поэма Некрасова не была напечатана. Текст поэмы по списку Юшкова появился в печати лишь в 1908 г. в Одессе. ³⁰

Из числа казанских литераторов-демократов, собиравших материалы о Некрасове, следует назвать и Н. Я. Агафонова. ³¹

Сохранилась сделанная Агафоновым запись беседы с бывшим петербургским цензором, доживавшим свой век в Казани, В. Н. Бекетовым: «Он порассказал мне много любопытного про свое цензорство, каким он был с 1856 по 1864 год. Жаль, что старику сильно изменяет память; он очень добросовестно относится к своим рассказам: чего не помнит или ксе-как помнит — говорит: „не знаю, забыл“. А что помнит ясно — смело утверждает. В изложении старика Бекетова события далекого прошлого выступают крайне упрощенно. «Ему очень много досталось, — записал Агафонов, — за пропуск „Поэта и гражданина“ Некрасова. Пьесу эту не пропускал ни один цензор (их было всего четверо в С.-Петербурге), да двоих дали им в приготовление). Он прочитал и пропустил». Далее рассказывалось о том, с каким гневом обрушился на Бекетова А. С. Норов.

Интересно и продолжение этой записи: «Чернышевский писал роман „Что делать?“, сидя в Петропавловской крепости, и посылал рукопись частями через 3-е отделение. Там просматривали ее односторонне, более с точки зрения своей специальности, а остальное предоставляли комитету

²⁷ Волжский вестн. 1889. 3 (15) нояб. № 270.

²⁸ Десятилетие кончины Н. А. Некрасова // Волжский вестн. 1887. 30 дек. № 338. Эта статья была тогда же вырезана из газеты Н. Г. Чернышевским; вырезка сохранилась в его архиве (см.: Н. Г. Чернышевский. 1828—1928. Саратов, 1928. С. 428). В комментариях к поэме «В. Г. Белинский» в «Полном собрании сочинений и писем» Некрасова, где упомянута эта заметка, газета ошибочно названа «Казанский вестник» (Н II, 4, 525).

²⁹ См.: Юшков Н. Ф. Н. А. Некрасов в Казанской губернии // Волжский вестн. 1897. 29 дек. (10 янв.). № 321.

³⁰ См.: Юшков Н. Ф. Несколько строк из неизданного в России стихотворения Н. А. Некрасова // Волжский вестн. 1898. 29 мая (10 июня). № 129, а также: Н II, 4, 525.

³¹ О Н. Я. Агафонове см.: Булацев Х. С. Пионеры провинциальной печати. Л., 1951. С. 37—50.

петербургских цензоров. Роман цензуровали Бекетов и Федор Ив. Рахманинов, которые, будучи покойны тем, что рукопись прошла через фильтр 3-го отделения, просмотрели ее поверхностно и смело подписали, не исключив ни слова. Но когда увидели, что нечто необычайное совершается между молодежью обоего пола под впечатлением этого произведения, то принялись отыскивать виноватых. Прежде всего притянули на цугундер Бекетова и Рахманинова.

— Помилуйте, — отвечают эти. — Мы читали и пропустили то, что дозволено 3 отделением.

А 3 отделение говорит:

— Нам нет дела до содержания романа: на это существует персонал цензоров. Мы только со своей стороны проверили, нет ли чего против верховной власти и в какой мере благонадежны умозаключения и убеждения автора.

С обеих сторон признали резон и вину взвалили на одного Чернышевского. Занялись энергичнее его судом и упекли на каторгу». ³²

Разумеется, свидетельство Бекетова, записанное Агафоновым, не разъясняет вопроса о том, каким образом удалось Некрасову провести роман Чернышевского через препоны цензуры. Но оно не может игнорироваться при изучении этого вопроса.

Казанские литераторы-демократы внесли свой вклад в собирание материалов о Некрасове и популяризацию его наследия. Имена П. П. Васильева, Н. Ф. Юшкова и Н. Я. Агафонова должны занять свое, пусть скромное, но заслуженное, место в истории науки о Некрасове.

³² Науч. б-ка Казан. ун-та, Отд. рукописей и редких книг, № 215, л. 470—472, 474.

II. СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Т. С. Царькова

НЕКРАСОВСКИЕ СТРОКИ В ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

В литературе одного периода и особенно у писателей так или иначе меж собою связанных — биографически, принадлежностью к одному литературному направлению, кружку — встречаются «общие места» — темы, образы, обороты, подсказанные одними и теми же фактами или осознанно (с полемическими целями), а чаще бессознательно заимствованные. Обычно это отмечается комментаторами. Б. Я. Бухштабом была написана статья о «чужих строках» в стихотворениях Некрасова.¹ Но таких «чужих» и «общих» мест, конечно, значительно больше, чем зафиксировано исследователями, они и впредь будут привлекать внимание литературоведов. Приведем некоторые наблюдения, не вошедшие в комментарий академического «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова, но заслуживающие того, чтобы быть отмеченными. Наблюдения эти касаются как поэтических, так и прозаических текстов Некрасова.

* * *

В литературоведении еще не исследована с должным вниманием тема связей и взаимовлияний Некрасова и Тургенева в 1840—1850-е гг. Анализировалась общность исходной ситуации в романе «Рудин» и поэме «Саша», отмечались тематическая близость стихотворений «Человек, каких много» и «Женщина, каких много», полемичность «Псовой охоты» Некрасова по отношению к стихотворению Тургенева «Перед охотой». Но точек соприкосновения гораздо больше: сопоставительного анализа заслуживают «Стено» Тургенева и повесть Некрасова «В Сардинии», «(Из поэмы, преданной сожжению)» Тургенева и «Начало поэмы» Некрасова, а также многие другие произведения. Писатели одновременно вошли в литературу, но Тургенев-поэт успешнее и увереннее Некрасова, он сразу был замечен критикой, признан друзьями-литераторами из кружка Белинского. Поэтому неудивительно, что в ранних стихах Некрасова слышны отголоски поэтических строк Тургенева. Отметим несколько фразовых, ритмико-синтаксических и образных совпадений:

ТУРГЕНЕВ

Пойдем, сестра души моей...
(К***, 1844)

...она вздыхает по часам
(«Параша», 1844)

Другую женщину я ждал...
(«Ж. А. С.», 1843)

НЕКРАСОВ

Тебя уж также нет, сестра души
моей...
(«Родина», 1846)

Торжественно вздыхала по часам
(«Женщина, каких много», 1846)

Другую женщину я знал...
(«Я посетил твою
кладбище...», 1856)

¹ Бухштаб Б. Я. Чужие строки в стихах Некрасова // Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 98—108.

В романе Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света», в главе «Деревенская скука», несомненно написанной Некрасовым, выведен помещик Ласуков — абсолютно здоровый человек, от безделья занимающийся самолечением и лечением своей дворни. Есть основания датировать первые наброски «Деревенской скуки» 1844 г.² В поэме Тургенева «Помещик» (1843) дается характеристика эпизодического персонажа, помещика, также живущего в своей деревне:

Чудак, для собственной охоты
Лечивший собственных людей.³

Возможно, что оба эти описания восходят к одному прототипу, но не исключено и случайное совпадение, порожденное тесным дружеским и литературным общением.

* * *

Реминисценциями из поэзии 1830-х гг. насыщена первая книга поэта «Мечты и звуки». Ходячие романтические образы появлялись у Некрасова, вероятно, на основе запоминания и бессознательного воспроизведения. Комментатор стихотворения «Землетрясение» (1839) В. Э. Вацуро пишет, что образ «Гром гремит, как в двери гроба Череп мертвой головы» скорее всего заимствован из баллады А. В. Тимофеева «Мертвый гость»: «И, сомкнувши уста и сложивши перста, Головою об крышку стучит» (Н II, 1, 655). Однако нетрафаретная строка «Череп мертвой головы» встречается в стихотворении А. И. Полежаева «Отчаяние» (1836):

Никто печальной тишины
Костей иссохших не тревожит,
И череп мертвой головы
Один лишь червь могильный гложет.⁴

Так что в данном случае у Некрасова скорее всего произошла произвольная контаминация отложившихся в его поэтической памяти образов.

Неоднократно встречается в первой книге образ ветра:

Ветер воет, ветер свищет,
Ветер вольный всюду рыщет...
(Н II, 1, 250)

Это из стихотворения «Ночь» (1839).

Ветер свищет, ветер вьется,
Воет бор, ревет ручей... —
(Н II, 1, 240)

начало второй подглавки первого стихотворения Некрасова, написанного по фольклорным мотивам, — «Пир ведьмы» (1839). Романтическая баллада А. В. Тимофеева «Поцелуй» (вошла в книгу «Опыты», 1833) начинается сходными строками:

Ветер свищет, ветер воет,
Геллеспоит ревет, крутит...

² См.: Царькова Т. С. К творческой истории «Осенней скуки» // Некрасовский сб. Л., 1988. Вып. 9. С. 90—91.

³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. Л., 1960. Т. 1. С. 165.

⁴ Песни и романсы русских поэтов. М.; Л., 1963. С. 378 (Б-ка поэта).

Столь же ненамеренно созвучие некрасовской строки «Осколок глыбы вековой» («Горы» (1839); Н II, 1, 216) тютчевской «Обломков груды вековой» («Я помню время золотое...», 1834—1836). Совсем иное совпадение «Он их великих зрелищ зритель...» у Тютчева («Цицерон», 1830) и «Великих зрелищ, мировых судеб Поставлены мы зрителями ныне» у Некрасова («14 июня 1854 года» (1854); Н II, 1, 130); здесь установка на цитирование, узнавание источника, высокого, почти торжественного по своей поэтической стилистике. Надо отметить, что вообще «14 июня 1854 г.» — стихотворение, выпадающее из общего строя лирики Некрасова. Оно написано нерифмованным пятистопным ямбом, высокопарным слогом: «деяния держав миролюбивых», «решитель мира и войны» и т. д. Все это не характерно для других стихотворений поэта, но в этом — не случайно, обусловлено темой. Начало Крымской войны Некрасов воспринял как значительное историческое событие, о котором ему хотелось сказать в необычной для себя манере, в традициях высокой философской лирики, образцом которой и были для него стихотворения Тютчева.

* * *

В 1867 г. Некрасов пишет стихотворную повесть «Суд». Насквозь ироничное, это произведение о поэте и его литературной судьбе изобилует явными и скрытыми цитатами из стихотворений Жуковского, Пушкина, Веневитинова, Лермонтова, Козлова, Тимофеева. Уже первая строка «Суда»: «Однажды зимним вечерком» — заключена в кавычки, что указывает на цитату. Комментаторами в качестве источника приводится начальный стих баллады Жуковского «Светлана»: «Раз в крещенский вечерок». Параллель эта достаточно убедительна. Однако заметим, что Некрасову несомненно было знакомо юношеское, тогда неопубликованное, стихотворение Н. А. Добролюбова «Раз я темным зимним вечером...» (1850).⁵ Неизвестное современникам, стихотворение Добролюбова не могло стать литературным знаком, оно само вторично, написано под впечатлением от чтения «богатырской сказки» «Илья Муромец» Н. М. Карамзина,⁶ но в поэтической памяти Некрасова эти два весьма традиционных лироэпических зачина могли отложиться и трансформироваться в начальную строчку «Суда».

* * *

В отличие от произвольных цитат некоторые переклички строк Некрасова со строками других поэтов имеют полемический подтекст. Популярное стихотворение Ф. Н. Глинки «Сон русского на чужбине» (1825) заканчивается строками:

Но я в раздумье молчаливо
Вдохнул по стороне родной...⁷

Как известно, стихотворение это элегично, навеяно тоской по родине. Орывок из него: «Вот мчится тройка удалая...» — стал народной песней.

Совсем в другой тональности выдержано стихотворение Некрасова «Первый шаг в Европу» (1860). Сатирическая зарисовка нравов крепостнической России, портрет барыни-самодурки, немедленно и собственно-ручно расправляющейся с не угодившими ей слугами, завершается

⁵ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М., 1964. Т. 8. С. 144—145.

⁶ Там же. С. 638.

⁷ Песни и романсы русских поэтов. С. 337.

горько-ироничной строкой, содержащей «отсылку» к лирическому стихотворению Глипки:

И тяжко я вздохнул о родине моей.

(Н II, 2, 75)

Поэтический образ у Некрасова мог иметь и прозаический источник. В 1842 г. в Петербурге вышла брошюра Л. Бранта «Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы, с октября 1841 по апрель 1842». Это типичный образчик «антикритики», попытки защитить «молодые таланты» от «неумолимых приговоров <...> иногда уничтожающих во прах бедное детище ума, чувств и воображения, — приговоров, охлаждающих благороднейшие стремления», и памфлетно заклеить литературную критику, этого «присяжного оценщика», «создание, которого пользу и назначение неприятно разгадывать». «Гении же везде, не у одних нас, рождаются веками», — высокопарно заключает Брант. Вероятно, в том же 1842 г. Некрасовым было написано сатирическое стихотворение «Портреты» (опубл.: Репертуар и Пантеон. 1843. № 1; ценз. разр. — 15 янв. 1843 г.). Его основная идея прямо противоположна брантовской — современный суд спешит превознести бездарность или плута, — однако обыгрывается приведенное почти дословно то же утверждение:

Людей-гигантов каждый год
У каждой множество эпохи,
А как потомство наведет
Свои правдивые итоги —
Увы! Огромная толпа
Редает, чуть не исчезает!..
Судьба на гениев скупа,
Она веками их рождает!..

(Н II, 1, 369)

* * *

В 1843 г. Некрасов начинает писать роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова», оставшийся незавершенным. В появившейся в сборнике «Физиология Петербурга» главе из романа «Петербургские углы» и в следующей, оставшейся в рукописи главе «История Ежовой головы» довольно подробно рассказывается о промысле «собачьих воров». Тема эта была новой для Петербурга и петербургской литературы. В октябре 1844 г. фельетонист «Русского инвалида» (не исключено, что им был Некрасов, в то время много работавший для этой газеты) каламбурил: «В Петербурге нет компании собачьих воров, как например в Лондоне (где недавно по этому предмету произведены были очень любопытные разыскания), и если собаки в Петербурге пропадают довольно часто, то единственно по нерасчетливости хозяев, которые до такой степени строго держат их в своих квартирах, что как только какой-нибудь собачонке удастся вырваться на улицу, то она попадает туда, где ее и с собаками не отыщешь...»⁸ Однако заметим: в беллетристике тема «собачьих воров» была затронута до Некрасова. В наскоро писавшейся и печатавшейся на страницах «Северной пчелы» повести Ф. В. Булгарина «Петербургские нетайны» (название полемично заглавию незадолго до того появившегося на русском языке романа Э. Сю «Парижские тайны») герой, благородный, но бедный чиновник, попадает, разумеется по ошибке, в «сибирку» — место предварительного заключения, где и знакомится с «дном» общества: «Почти у всех временных жителей сибирки лицо было переливного цвета из черного в желто-зеленый и обратно, исключая нескольких красноносых и угреватых. Возле

⁸ Рус. инвалид. 1844. 22 окт. № 238. С. 949.

молодого человека <...> помещались два человека не с страшным, но с подлым выражением лица, люди немытые, небритые, нечесаные, ростом небольшие и еще молодые, в грязных байковых шинелях. Это были промышленники нового ремесла, неизвестного в старину на Руси, именно собачьи воры, праздношатающиеся, отпущенные по паспорту дворовые люди. Каждый день, с утра до ночи, расхаживали они по всем гульбищам, замечая собак, любимых господами, особенно господами и старыми девицами, ловили отставших собак или, заводя знакомство с дворниками и лакеями в харчевнях и питейных домах, узнавали от них, где есть любимые собаки, потом сманивали их, крали, перепродавали или, когда хозяева объявляли в газетах, что дадут хорошее награждение за доставление сбежавшей собаки, то возвращали их хозяевам. Эти два промышленника состояли на жалованье у одного тунеядца, который от этой гнусной индустрии получал порядочный доход, имел хорошую квартиру с отделением для псарни, щеголял, жил прекрасно и пользовался даже отличной репутацией в кругу своих знакомых, не имевших привычки осведомляться, чем кто живет и промышляет. Эти два собачьих вора едва ли понимали всю гнусность своего ремесла...»⁹

Сходство приведенного отрывка с историей Кирьяныча и Белой шляпы из романа Некрасова обнаруживается даже в деталях (ср.: Н II, 8, 126—128). Но если у Некрасова тон повествования — сочувственный, автор даже своего героя, которому приданы автобиографические черты, вынуждает заниматься этим промыслом, чтобы не умереть с голоду, то у Булгарина тон иной — барски брезгливый. Таким образом, и в эпизодических картинах, запечатлевших одно социальное явление, проступают тенденции противоположных литературных направлений.

НЕКРАСОВ И ГАЗЕТА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»

В архиве В. Е. Евгеньева-Максимова (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР) хранится документ некрасовского времени, представляющий интерес для биографии поэта:

«Министерство юстиции».

Судебного пристава С.-Петербургского окружного суда Грена.
Октября 9 дня 1873 г.
№ 582.

Повестка

Николай Алексеевич Некрасова судебный пристав С.-Петербургского окружного суда Грен на основании 1002 статьи Устава гражданского судопроизводства приглашает прибыть 11 сего октября в 12 часов на квартиру присяжного поверенного Александра Александровича Ольхина, жительствоющего в Малой Итальянской улице, в доме № 12, квартире 9, для оценки право собственности на газету „Петербургский листок“, назначаемое в публичную продажу. Лица, призываемые для оценки, за уклонение от сей обязанности подвергаются взысканиям по статье 310 Уложения о наказаниях.

Судебный пристав Грен».

Подлинность документа не вызывает сомнений: бумага и чернила — прошлого века, события, изложенные в повестке, находят подтверждение в периодической печати того времени. Единственное, чтосторажи-

⁹ Булгарин Ф. В. Петербургские нетайны // Сев. пчела. 1843. 30 дек. № 293. С. 1171—1172.

вает, — гриф, воспроизведенный от руки. Вероятно, поэтому рукою В. Е. Евгеньева-Максимова на обороте повестки сделана надпись карандашом: «Экспертиза». Возможно, мы имеем дело с отпуском, с копией, но с копией, песомненно, старой.

О чем же говорят названные в повестке статьи законов? В статье 1002 речь идет о том, что при оценке движимого имущества могут привлекаться сведущие люди, назначаемые по взаимному соглашению взыскателя и должника, а при несогласии их, за отсутствием или по какой-либо другой причине — по усмотрению судебного пристава.¹ Статья 310 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» гласит: «Кто по требованию присутственного места не явится в назначенный срок для свидетельских или иных показаний и не представит доказательства о законных к тому препятствиях, тот за сие подвергается:

денежному взысканию, смотря по важности дела и по состоянию вызываемого к свидетельству лица, от пятидесяти копеек до пятидесяти рублей.

В случае упорства, несмотря на повторение вызовов и требований сего рода от присутственного места или производящего следствие чиновника, виновный,

сверх того же денежного взыскания, подвергается аресту на время от трех до семи дней».²

Установить, был ли Некрасов у присяжного поверенного Ольхина³ 11 октября 1873 г. и как он оценил право издания «Петербургского листка», нам не удалось, да и вряд ли это возможно, поскольку архив Окружного суда спорел, а именно в его делах должен был состояться автограф Некрасова. Но причастность поэта к оценке права издания газеты подтверждается не только этим документом. «Петербургский листок» назначался в продажу по иску бывшего редактора этого органа И. А. Арсеньева к владельцам газеты — братьям Алексею и Николаю Зарудным. Их судебные тяжбы длились семь лет. Еще в 1866 г. Зарудные подали прошение в Главное управление по делам печати о замене «неблагонадежного» редактора Арсеньева другим лицом, так как именно он пропустил в печать острые по своему общественному звучанию статьи («Наша прислуга», «Из московской жизни», «Применение к делу русской пословицы „Тише едешь — дальше будешь“», «По поводу новых распоряжений о торговле в трактирах» и др.), за которые газета получила два предупреждения и была лишена права розничной продажи.⁴ Главное управление по делам печати заменить редактора отказалось, тогда Зарудные подали иск на Арсеньева, на этот раз обвинив его в том, что приходно-расходные книги по газете неподлинны. В ответ Арсеньев доносит на Алексея Зарудного, уличая его в составлении подложных векселей и завещания. Проведя два года, пока длилось следствие, под стражей, Алексей Зарудный был признан виновным и приговорен в 1869 г. к лишению особых прав и преимуществ и ссылке в Архангельскую губернию на три года.⁵ По его возвращении сутяжные страсти вспыхнули с новой силой. В начале октября 1873 г. Арсеньев добился того, что к дверям конторы газеты «Петербургский листок» по

¹ Устав гражданского судопроизводства. М., 1881. С. 290—291.

² Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. С. 83.

³ Александр Александрович Ольхин (1839—1897) — юрист и поэт, тесно связанный с революционными народниками. С 1860-х гг. печатался в демократических журналах «Дело», «Слово» и др. Испытал сильное влияние поэзии Некрасова. В 1879 г. был арестован в связи с покушением А. К. Соловьева на Александра II и выслан из Петербурга.

⁴ ЦГИА, ф. 776, оп. 2, № 2, л. 1—3, 385—387; № 5, л. 71 об.—75 об., 110—111, 124—129, 571—572, 606; № 6, л. 164—165, 284—282.

⁵ Петербургский листок. 1869. 15 нояб. № 169. С. 3; Петербургская газета. 1869. 22 нояб. № 169. С. 3.

распоряжению судебного пристава было прибито объявление о назначении ее в продажу в уплату долга. В качестве экспертов такого труднооцениваемого предмета предполагалось пригласить Краевского, Некрасова и Фирсова. Если два первых имени не нуждаются в представлении, то о Николае Николаевиче Фирсове (псевдоним: «Л. Рускин»; 1839—после 1913, Неаполь?), забытом сейчас литераторе, необходимо привести некоторые сведения. Дворянин по происхождению, он окончил Михайловскую артиллерийскую академию, служил, был близок к литературным кругам, в том числе и к редакции «Современника», писал стихи и публиковал их в «Русском слове». В начале 1860-х гг. вышел в отставку, увлекся земской деятельностью. С 1873 г. — член редакции «С.-Петербургских ведомостей», сотрудник «Недели» и «Вестника Европы». Впоследствии живет и служит за границей (Англия, Италия), в 1880-е гг. многие его очерки и рассказы печатались в «Отечественных записках».⁶

Интересный момент в этом деле — диспут 8 октября 1873 г. в Окружном суде присяжных поверенных противных сторон — Ольхина и Нежинского — на тему: является ли право издания газеты имущественным правом, а следовательно, подлежит ли оно продаже с публичного торга. Какое принципиальное решение суд вынес по этому вопросу, ясно из того, что на следующий день, 9 октября, Некрасову была выписана повестка приставом Греном. А через неделю, 16 октября, стало известно окончание процесса: Арсеньев за долг вместо денежной уплаты согласился принять векселя родственника Зарудных, петербургского мирового судьи Панова.⁷

Обнаруженный в архиве В. Е. Евгеньева-Максимова документ добавляет строку в летопись жизни Некрасова, говорит о его причастности к разного рода общественно-издательским делам и расширяет наши представления о круге лиц, с которыми поэт был так или иначе связан.

⁶ Фирсов Н. Н. Автобиография // ИРЛИ, ф. 377, № 2851.

⁷ Материалы процесса были представлены в газетах «С.-Петербургские ведомости», «Голос», наиболее подробно — в «Петербургской газете» (1873. 6 окт. № 84. С. 2; 11 окт. № 87. С. 2; 16 окт. № 90. С. 2).

Н. Н. Мостовская

ОБ ОДНОЙ ПАРОДИИ У ГЕРЦЕНА И НЕКРАСОВА

Анализируя неповторимый стиль Герцена, его многообразные приемы иронии и гротеска, блестящую способность строить образы так, что речевая характеристика как бы вбирала в себя характеристику и деятельности, и личности изображаемого, Л. Я. Гинзбург заметила: «Деятели 40-х годов первоначально вошли в русское культурное сознание — вплоть до отдельных подробностей — именно так, как их понял и изобразил Герцен. Все, кто писал по этому поводу, писали после Герцена и зная им написанное».¹

В ноябрьском номере «Отечественных записок» за 1843 г. Герцен опубликовал фельетон «Путевые записки г. Вёдрипа», представлявший собой яркую пародию на путевой дневник М. П. Погодина «Год в чужих краях. 1839» (печатался в «Москвитянке» за 1841 г., в 1844 г. вышел отдельным изданием).² Фельетон сразу же приобрел широкую известность в литературных кругах, а автор путевого дневника — видный историк, журналист, литератор, друживший с Пушкиным, Гоголем, Островским, профессор Московского университета, собиратель древних рукописей — долгое время воспринимался современниками сквозь призму герценовской пародии. Причина ее эффекта и общественно-литературного резонанса в предельной меткости. Герцен прежде всего высмеял стиль «расчисто-приходной книги» (так им назван дневник Погодина) как основное выражение личности его автора.³ Позднее в «Былом и думах» он вспоминал по этому поводу: «Его <Погодина> шероховатый, немелкий слог, грубая манера бросать корнюхне, обгрызанные отметки и нежеванные мысли вдохновили меня как-то в старые годы, и я написал в подражание ему небольшой отрывок из „Путевых записок Вёдрипа“. Строганов (почечитель), читая их, сказал: „А ведь Погодин, верно, думает, что он это в самом деле написал“».⁴

Не все мотивы и темы «Дорожного дневника» и не все черты деятельности Погодина спародированы в «Путевых записках г. Вёдрипа». Вместе с тем Погодин в них сразу же узнаваем, взят в своем основном качестве и через него разоблачен. Осмеянию подверглись не только погодинский стиль (хотя именно его в первую очередь пародировал Герцен) — рублебая фраза, характерная для путевого дневника, отчасти и для исторических статей, но и общественная позиция историка. Из-

¹ Гинзбург Л. «Былое и думы» Герцена. Л., 1957. С. 279.

² Погодин М. Год в чужих краях. 1839: Дорожный дневник. М., 1844. Ч. 1—4.

³ Герцен пародировал тончайшие особенности погодинской письменной речи, вплоть до пунктуации, часто используя, например, точку с запятой (см. об этом: Тынянов Ю. Н. О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 298—299).

⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 9. С. 165. Далее (в наст. статье и статье В. А. Громова — с. 109—118) ссылки на это издание (М., 1954—1966. Т. 1—30) даются в тексте сокращенно: Г, том и страница (арабскими цифрами).

вестно, что Погодин принадлежал к апологетам «официальной народности».

«Думал о количестве русского племени сравнительно с прочими...», «Я все думал о русских...», «... придумал о славянах...», «... говорили об дорогом отечестве...», «Любопытна Англия! Как здесь все твердо, прочно, самобытно. <...> Французы — юноши в сравнении с этими зрелыми мужами, которые знают, чего хотят и куда идут. Но не такого состояния желаю я моему отечеству!» — подобного рода септенциями пестрит погодинский дневник.⁵ В нем одновременно сказались и нерассуждающая религиозность, и монархизм, и возмущение нищетой и беспорядком русского крестьянства, и негодование против «гегелистов», считавших «все действительное разумным». К Погодину — автору дневника вполне приложима характеристика, данная ему позже в эпиграмме Н. Ф. Щербина: «Демократства и холопства удивительная смесь».⁶ Именно эти черты и стали предметом пародии Герцена.

«Вёдрин здесь имел ужасный успех, — писал Герцен Н. Х. Кетчеру 18—19 ноября 1843 г. из Москвы. — Скажи Белинскому, что здесь целый день работали Погодин, Шевырев, Дмитриев⁷ etc., чтоб выдумать остроу на „Отечественные записки“, — вероятно, в 12 книжке „Москвитянина“ поразят» (Г, 22, 158). Через некоторое время он сообщал тому же адресату: «Вёдрины статейка здесь сделала самое приятное впечатление, господа собирались у Дмитриева выдумывать остроу — вы их увидите в 12 „Москвитянина“», они работали целый вечер, должно быть, если не аттическая соль, то четверговая»⁸ (там же, 160). «Москвитянин» действительно готовился ответить на направленные против славянофилов пародии Герцена и его фельетон «„Москвитянин“ о Копернике». Однако подготовленные С. П. Шевыревым «замечания», по-видимому, из-за опасения еще более резких выступлений со стороны Белинского и Герцена не были опубликованы.

Ответ Герцену не состоялся, очевидно, еще и потому, что, несмотря на возмущение герценовским «Вёдриным» (так же как в свое время «Педантом» Белинского), сами единомышленники Погодина неодобрительно отзывались о его «Дорожном дневнике». А. А. Кушник, например, не советовал издавать его отдельной книгой («вы приобретете врагов», — писал он автору⁹). Н. А. Мельгунов заметил позднее по поводу отдельного издания «Дорожного дневника»: «Ты теперь из всемирного историка все более и более превращаешься в словенского, в русского и, выходя (чего бы историку не следовало) из сферы общего, становишься все более и более *homme de parti* <человеком партии>».¹⁰ Даже «Библиотека для чтения» неслестно отозвалась о книге Погодина. Сам автор «Дорожного дневника», более всего обиженный пародией Герцена, с горечью записал в своем дневнике (он вел его на протяжении всей жизни): «Путешествие совершенно пропало для публики. Удивительная судьба моих сочинений».¹¹

⁵ Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839: Дорожный дневник. Ч. 1. С. 79, 160; Ч. 2. С. 91; Ч. 3. С. 215 и др.

⁶ Щербина Н. Ф. Избранные произведения. 2-е изд. Л., 1970. С. 273. (Б-ка поэта. Большая сер.).

⁷ Имеется в виду сотрудник «Москвитянина», не пользовавшийся популярностью поэт М. А. Дмитриев, которого современники называли «Лжедмитриевым» в отличие от И. И. Дмитриева.

⁸ Аттическая соль — тошкое, изыщное остроумие; четверговая соль — соль, перерженная в великий четверг с квасной гущею; с ней едят на пасху яйца (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. 4. С. 601). Используя это выражение, Герцен ядовито и тонко намекнул на квасной патриотизм славянофилов.

⁹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 384.

¹⁰ Там же. С. 387.

¹¹ Там же. С. 388.

Герценовская пародия не осталась незамеченной и Некрасовым, причём «Путевые записки г. Вёдрина» нашли отклик в его творчестве¹² до личного знакомства с их автором.¹³ Так, написанные в фельетонно-пролической манере «Очерки литературной жизни» (напечатаны в т. 2 «Финского вестника» за 1845 г.) свидетельствуют о том, что Некрасов не только отталкивался от самостоятельных жизненных наблюдений, но и опирался на литературную традицию. В «Очерках литературной жизни» содержится яркий пародийный эпизод — «рассказ туриста, недавно вернувшегося из-за границы», — имеющий прямую перекличку с фельетоном-пародией Герцена.

Следует, однако, заметить, что Некрасов и ранее высмеивал содержание «Дорожного дневника» Погодина, страсть его автора к путешествиям. Впервые на это обратил внимание Ф. А. Кони. Рецензируя «Материальское благословение, или Бедность и честь» (1842; переделка французской пьесы А. Ф. Денпери и Г. Лемуана «Божья милость»), он процитировал некрасовский куплет, который поет Пьерро, бедный крестьянин, побывавший в Париже:

Есть чему тут удивляться,
Всё тут очень мудрено,
Но всего хитрей, признаться,
Показалось мне одно:
На бульварах очень сходно
Фрак или брюки продают...
Жаль, одно лишь непригодно —
Что примерить не дают!

(Н II, 6, 309)

По поводу его содержания Ф. А. Кони писал: «Куплет этот напомнил нам очень живо одно ученое путешествие, и остроумная мысль его нам кажется взята чуть ли не из „Москвитянина“».¹⁴ Но пародировавший стиха здесь еще нет, есть лишь насмешливая характеристика, намек, скрытый отклик на один из отрывков погодинского дневника, который опубликовался в «Москвитянине» под названием «Месяц в Париже». Возможно, некрасовские строки соотносятся с такими рассуждениями у Погодина: «Нарядился в курточку, только что нынче **принесенную** импортным. <...> Платье почти вдвое дешевле нашего: сюртук 80 фр. (70 р.), за который надо в Москве дать 120 р., жилет 12 р. — двадцатипятирублевый; нижнее платье также. <...> Купил на бульваре летнее платье и с носешностью, которая всегда обходится мне дорого: мне сперва скушно было примеривать много, потом совестно не купить примеривши, наконец, стыдно подать слишком малую цену в сравнении с запрошеною».¹⁵ Имея в виду подобные пассажи погодинского «Дорожного дневника», Герцен писал в 1841 г. Н. Х. Кетчеру: «Ну, хорош ваш „Москвитянин“ с Погодиным, покупавшим и примеривавшим штаны на бульваре в Париже» (Г, 22, 103).

Перекликается с герценовской оценкой, точнее, предвосхищает ее другое пролическое замечание Некрасова, высказанное по поводу погодинского стиха. В его рецензии на сборник «Молодик», вышедший в свет незадолго до публикации «Путевых записок г. Вёдрина»,¹⁶ содер-

¹² См.: Н II, 8, 721 (комментарий Н. Н. Мостовской к роману «Жизнь и похождения Тихона Тростникова»).

¹³ Подробнее о взаимоотношениях Некрасова с Герценом см.: *Прима Ф. Я.* 1) Некрасов и русская литература. Л., 1987. С. 145—170; 2) Некрасов и Герцен (из истории взаимоотношений) // Некрасовский сб. Л., 1988. Вып. 9. С. 3—21.

¹⁴ Лит. газ. 1842. 25 окт. № 42. С. 866.

¹⁵ Москвитянин. 1841. № 2. С. 453. Ср.: Н II, 6, 699 (комментарий М. В. Теплинского).

¹⁶ Рецензия Некрасова на «Молодик» была опубликована в «Литературной газете» (1843. 24 окт. № 42); № 11 «Отечественных записок» за 1843 г., в котором

жится следующий отзыв об «Отрывке из путевых записок М. Погодина»: «... множество лоскутков, без связи, как и все путевые записки г. Погодина. <...> для нас это чересчур по-английски» (Н I, 9, 112, 113). Негативное отношение к автору высказано отчетливо, но пока это лишь подступы к пародии.

В «рассказе туриста, недавно вернувшегося из-за границы» («Очерки литературной жизни») соотнесенность с герценовской пародией более ощутима. И хотя стилистическая тонкость, афористичность, присущие блестящему памфлету Герцена, у Некрасова отсутствуют, насмешливая имитация множества эпизодов, тем, мотивов «Года в чужих краях» создает пародийный эффект и характеризует сатирическое искусство молодого писателя.

В «Очерках литературной жизни», как и в других более зрелых пародийных произведениях (например, «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» (1855)), отчетливо заметны отклики на те факты литературной жизни, которые произвели сильное впечатление на Некрасова. Мы имеем в виду пародийные оценки «Дорожного дневника» Погодина, высказанные Белинским в статье «Париж в 1838 и 1839 годах, соч. В. Строева»,¹⁷ и памфлет Белинского «Педант». Однако «Путевые записки г. Вёдрина» играли в данном случае для Некрасова совершенно особую роль.

Некрасов не прибегает к причудливой игре точкой с запятой, типичной для стилистических приемов Герцена. Такая особенность «Дорожного дневника», как «неметеный слог» и «нежеванные мысли», воссоздана им иначе — описательно: только что вернувшийся из Парижа «турист» «говорил скороговоркой, которая поставила бы в затруднение самого искусного стенографа» (Н II, 7, 367). Далее следует нарочито хаотичный, но очень близкий к пародируемому источнику перечень тем, эпизодов «Дорожного дневника» — многочисленные описания мест путешествий, бесконечных встреч со знаменитыми людьми, перемежающиеся сентенциями о дороговизне, подробным перечислением съеденных блюд и т. д.

В частности, фраза из «Очерков...»: «... примеривал на свою голову колпак „остроумного сумасброда“ Вольтера...» (там же) — содержит пародийно-иронический намек на дневниковую запись Погодина: «Наняли коляску побывать в гостях у <...> Вольтера. <...> приемная и спальня Вольтера оставлены в прежнем виде. <...> Что сказать о Вольтере? Об нем все сказано и пересказано. <...> Служитель прочел нам выученную речь о Вольтере, его привычках, образе жизни и тому подобное, показывая его вещи, письма...»¹⁸

В другом месте рассказа «туриста» фразой: «... курил сигару с Жорж Санд...» (там же)¹⁹ — Некрасов намекал на соответствующий эпизод у Погодина, иронически переосмысляя его: «Мы обедали в Маноске, и я познакомился с остальными спутниками. <...> Дама в черно-шелковом платье, очень благовидная, пожилых лет. Видно, горести провели мор-

напечатан фельетон Герцена, имел цензурное разрешение от 31 октября, а в свет вышел 2 ноября.

¹⁷ Белинский писал о «Дорожном дневнике»: «... отрывистые отметки, подобные следующим: „ели, легли спать; вчера пошли было в дешевый каба́к обедать — на дороге застиг проливной дождь, — писали с женой письма“ — напомнили бы собою записки прославленного Гоголем титулярного советника Поприщина» (Б, 6, 61).

¹⁸ Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839: Дорожный дневник. Ч. 4. С. 161—162.

¹⁹ Выражение это в разных модификациях стало в литературе 1840-х гг. расхожим клише. Встречается оно, в частности, в очерке И. И. Панаева «Тля. (Не повесть)»: «... о Жорже Санде не имел никакого понятия и только слышал от кого-то, что она ходит в мужском платье и курит сигарки» (Отеч. зап. 1843. № 2. Отд. I. С. 231), в стихотворениях Некрасова «И он их не чуждался в годы оны...», «Прекрасная партия».

щины по лицу ее, некогда прекрасному. Она сохраняла молчание и, одним словом, годилась в героини. (После пришло мне в голову: уж это была не знаменитая ль Жорж Занд, мадам Дюдеван, которая именно в это время жила в Марсели...)²⁰

Перечень погодинских сентенций, субъективно вполне серьезных, но по своей конструкции, а подчас и по сути как бы изначально пародийных, и комических аналогий к ним у Некрасова можно было бы продолжить. Совершенно очевидно, что молодой писатель не только хорошо знал все четыре тома «Дорожного дневника», но и подметил все смешное и уязвимое в них. Так же как и Герцен, он не оставил без внимания славянофильской ориентации Погодина, его официально-монархических настроений. В том, как это осуществлено в «Очерках литературной жизни», ощущаются и опора на автора «Записок г. Вёдрина», и самостоятельные творческие поиски.

Обратимся к конкретному сопоставлению.

Герцен в своей пародии открыто выступил против славянофильских взглядов Погодина, идеализировавшего в исторических трудах отсталость России и видевшего опасность в западноевропейской цивилизации. В «Записках г. Вёдрина» читаем по этому поводу: «Нельзя не отдать справедливости цивилизации, когда дело идет об удобствах, — кабы не вред нравам! <...> Чудный вид! Что перед ним хваленая Италия! Деревни и села, и притом все русские деревни и села... Мужички работают так усердно. Люблю земледельческие классы: не опи нам, мы им должны завидовать; в простоте душевной они работают, не зная бурь и тревог, паниханных в нашу душу, ни роскоши, вытягивающей мнимые избытки» (Г, 2, 108—109).

Сравним имитацию погодинского рассуждения на эту же тему у Некрасова. Достигается она иными художественными средствами — перенесением общественно-философских рассуждений в бытовой, «заземленный» контекст и доведением их тем самым до абсурда. «Надо вам сказать, — читаем в «Очерках литературной жизни», — что житье за границей не то, что у нас; ресторации превосходные; цены умеренные: за чашку кофе с отличными сливками, с белым хлебом, прекрасно выпеченным, вы платите четыре франка; за квартиру, очень удобную, в месяц — 20 франков! Прачке, которая моет вам белье, — четыре франка. Конечно, иногда приходилось грустить: что-то, думал я, делают теперь мои родственники? Живы ли вы, почтеннейший Авдей Степанович? Было иногда так тяжело, тяжело... Но я утешался, что рассудок мой обогащается наблюдениями...» (Н II, 7, 368). Перенасыщенность намеками на погодинские сентенции здесь очевидна. Эффект узнавания достигался в основном тем, что Некрасов использовал характерные словечки и пассажи «Дорожного дневника» (вроде «цветы цивилизации», «я все думал о русских» и др.). Прежде всего в этом и ощущалась спора на герценовскую пародию.

Ориентация на фельетон Герцена откровенно подчеркивалась в фельетоне «Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтораста тысяч», принадлежащем, по-видимому, Некрасову (напечатан в подготовленном им альманахе «Первое апреля» (1846)) и представляющем собой пародию на славянофилов. Наименование героя — «г. Бедрин, столь прославившийся своими путевыми записками» — позволяло легко догадаться, что имеется в виду Погодин, ибо ассоциировалось с прозвищем «Вёдрин», закрепленным за ним после известной пародии Герцена.

В некрасовском фельетоне слова: «Г-н Бедрин, писавший в то время рассуждение о добродетели» (Н I, 5, 589) — заключали в себе намек на еще одну особенность сочинений историка. Известно, что к моменту вы-

²⁰ Погодин М. П. Год в чужих краях. 1839: Дорожный дневник. Ч. 2. С. 201—202.

хода в свет этой пародии Погодин уже был автором «Исторических афоризмов» (1835) и «Историко-критических отрывков» (1846), наполненных рассуждениями о «разных предметах истории». Много споров было вокруг его статьи «К юноше» (1846), написанной в правоучительном тоне. По-видимому, Некрасов все это имел в виду. При этом не исключено, что он метил и в «Инструкцию для посвящающих себя русской истории», написанную Погодиным перед самым выходом из Московского университета в 1844 г. Последняя также содержала множество моралистических сентенций.

В рецензии на «Первое апреля» (напечатана анонимно в «Отечественных записках» за 1846 г., № 4) Белинский процитировал три пародии на славянофилов («Пушкин и ящерица», «Славянофил», «Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтора ста тысяч»), помещенные в этом альманахе, умышленно изменив при этом фамилию Бедриц на Вёдриц, сделав намек на адресата и на герценовский источник еще прозрачнее.

Пародия «Как один господин приобрел себе за бесценок дом в полтора ста тысяч», самая злая по содержанию, по своим художественным достоинствам несравнима с названными выше. Она значительно примитивнее, грубее и высмеивает личное качество — скаредность героя. (Современники отмечали это свойство Погодина.) Не случайно она вызвала обиду Погодина и недовольство Герцена. Погодин, в частности, оставил в своем дневнике следующую запись от 13 апреля 1846 г.: «Был Шевырев. Рассказывал, что на меня написали пасквиль. Минуты с четыре билось огорченное сердце, а потом перестало. Не буду читать». Друзья советовали ему «отвечать глубоким молчанием, не то, пожалуй, скажут, что ты узнал себя».²¹ Но историк, по-видимому, все-таки прочитал эту пародию и угадал ее автора. Позднее (в 1860 г.) он так отозвался о стихах «Выдь на Волгу: чей стои раздастся...» из «Размышлений у парадного подъезда» Некрасова: «Некрасов этими стихами выкупил много грехов».²²

Герцен откликнулся на эту пародию резко отрицательно. «Должен сказать правду, — заметил он А. А. Краевскому, — что удивился анекдоту о Вёдрине и о славянофиле, — кто их писал, не знаю, но это за предел всякой деликатности». «Я должен заявить громкий протест с своей стороны против дрянной выходки о Погодине, — писал он Н. А. Мельгунову в начале апреля 1846 г. — Черт знает кто это писал; все это глупо и скверно» (Г, 22, 254).

Раздражение Герцена вовсе не означало изменения его негативного отношения к славянофильству.²³ Очевидно, что он возражал против нарушения этических норм полемики, исключая пасквильность и повторяемость. Не случайно его высказывание по этому поводу в одном из писем к Н. Х. Кетчеру 1843 г.: «Вёдрина не думаю, чтоб можно было написать 2-ой раз, эти вещи хороши неожиданно и один раз, а потом они делаются пошлы» (там же, 160). При этом его замечание («это за предел всякой деликатности») имело прямое отношение как к Белинскому, автору рецензии, так и к Некрасову, возможному автору пародии.

Все эти наблюдения характеризуют один из эпизодов общественно-литературной борьбы 1840-х гг. и раскрывают сложный процесс вхождения молодого Некрасова в литературную жизнь эпохи. Отмеченные переклички и соприкосновения с пародией Герцена на Погодина —

²¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 355.

²² Там же. СПб., 1903. Кн. 17. С. 345.

²³ В ноябре 1845 г. Герцен проищески писал по поводу славянофилов: «Партия „Рубашка сверх портков“ приумолкла, Шевырев выжил из ума, а Погодин из тела» (там же, 248).

прежде всего одна из примет ориентации Некрасова на литературную традицию. В конечном же счете они имеют и определенное значение для изучения проблемы его творческих взаимоотношений с Герценом.

«ЧИНОВНИК»

(ДОПОЛНЕНИЕ К КОММЕНТАРИЮ)

В комментарии к т. I академического издания Некрасова стихотворение «Чиновник», написанное специально для «Физиологии Петербурга» (ч. 2; ценз. разр. — 2 янв. 1845 г.), связывается лишь с программной статьей Белинского «Петербург и Москва», помещенной в ч. 1 сборника (Н II, 1, 685).

Между тем его замысел нашел отражение и в фельетоне самого поэта «Черты из характеристики петербургского народонаселения», опубликованного в «Литературной газете» (1844. 10 авг. № 31. С. 531—538; 17 авг. № 32. С. 545—547) и первоначально предназначавшегося, по-видимому, для «Физиологии Петербурга» в качестве вступления (Н I, 5, 628). В нем речь шла не только об актуальности проблематики будущего стихотворения, неприемлемости и даже неверности традиционного освещения ее в существующей нравоописательной литературе, но прямо указывался мастер, на которого должно ориентироваться в раскрытии темы: «Тип чиновника». Этим мастером был для Некрасова Гоголь. Некрасов писал: «Едва ли не первое место в массе петербургского народонаселения, по количеству, занимают „чиновники“... Но где взять кисть и краски, чтоб изобразить характеристику петербургского чиновника с подобающею отчетливостью? Некоторые из петербургских нравоописателей пытались обрисовать этот тип, но попытки их слабы и бледны, иногда даже вовсе неверны. Того и должно было ожидать — предмет слишком труден и многосложен. Разве только Гоголь мог бы уловить общую физиономию петербургского „чиновничающего класса“, потому что только он один понимает дух петербургского чиновничества и хорошо знает явления этого отдельного, бесконечно разнообразного мира...» (там же, 478—479). Так Некрасов сам в известной мере прокомментировал свое стихотворение и объяснил гоголевскую интонацию в нем. Не случайно поэтому и обилие гоголевских строк в «Чиновнике», частично выявленных в литературе,¹ но не включенных в комментарий.

К реминисценциям из Гоголя, не привлекавшим внимания исследователей, относятся следующие строки, характерные и как отклик Некрасова на события литературной жизни (сочинения Гоголя вышли в свет в 1842 г.), и как пример творческого усвоения им гоголевского стиля:

И извинял грешки свои наивно
Женой, детьми, как многие из нас.

(Н II, 1, 414)

Сравним у Гоголя в «Ревизоре» (д. I, явл. 1) слова из письма Андрея Ивановича Чмыхова к городничему: «Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» — и последующую реплику городничего: «Насчет же <...> того, что пазывает в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить. Нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим богом устроено, и вольтерьянцы напрасно против этого говорят».²

¹ См.: Чуковский К. И. Мастерство Некрасова. 1-е изд. М., 1953. С. 91—92.

² Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. Л., 1951. Т. 4. С. 12, 14. Далее в наст. статье ссылки на это издание ([Л.] 1937—1952. Т. 1—14) даются в тексте сокращенно: Г. том и страница (арабскими цифрами).

Некрасовские строки:

К писателям враждой — не беспричинной —
 Пылал... бледнел и трясся сам не свой,
 < >
 За лишнее считал их в мире бремя,
 Звал книги побасенками: «Читать
 Не то ли же, что праздно тратить время? —
 (Н II, 1, 415)

соотносятся с гоголевскими словами из «Театрального разезда», которые произносят чиновники (из «группы людей, бог весть, какого свойства, впрочем благородной наружности и прилично одетых»):

«Первый: <...> что такое литератор? Пустейший человек! Это всему свету известно, ни на какое дело не годится. Уж их пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну что такое они пишут? Ведь это всё пустяки, побасенки. <...>

Третий: Это правда. Как подумаешь, право, на какой вздор употребляют время!

Первый: Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки!» (Г, 5, 167—168).

С иной интонацией о «побасенках» говорит в своем заключительном монологе Автор пьесы.

И наконец, строки, завершающие стихотворение:

Зато, когда являлася сатира,
 Где автор — тунеядец и нахал, —
 Честь общества и украшение мира,
 Чиновников за взятки порицал, —
 Свиристествовал он, не жалея груди,
 Дивился, как допущена в печать
 И как благонамеренные люди
 Не совестятся видеть и читать.
 < >
 И говорил, что авторов бы надо
 За дерзости подобные — в Сибирь!.. —
 (Н II, 1, 418)

комментируются чаще всего указанием на сопровождавшую текст в «Физиологии Петербурга» иллюстрацию — гравюру Е. Е. Бернадского по рисунку А. А. Агина. Иллюстрация (чиновник указывает перстом на книгу с надписью «Шинель») действительно усиливала сатирическое звучание текста. В последнем издании сочинений Некрасова приводится также и ссылка на «Историю моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова (кстати, полностью опубликованную лишь в 1890 г.), в которой Аксаков напоминает слова Ф. Толстого (Американца) о том, что Гоголь — «враг России и что его следует в кандалах отправить в Сибирь» (Н II, 1, 686). Между тем важно отметить, что это место стихотворения восходит, без сомнения, к Гоголю, точнее — к заключительному монологу городничего в «Ревизоре»: «Вот что обидно: чина, званья не пощадит. <...> Я бы всех этих бумагомарак! у! щелкоперы, либералы проклятые! чертово семя! узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех, да черту в подкладку!...» (Г, 4, 94) — и к «Театральному разезду», в котором Третий господин произносит: «...на это обратить нужно строгое внимание. За эдакие вещи и в Сибирь посылают. Да, если бы я имел власть, у меня бы автор не пикнул. Я бы его в такое место засадил, что он бы и света божьего неувидел» (Г, 5, 166—167).

Так перефразированное и творчески осмысленное гоголевское слово емко и афористично звучит в некрасовском «Чиновнике».

В. А. Громов

СТИХОТВОРЕНИЕ «БЛАЖЕН НЕЗЛОБИВЫЙ ПОЭТ...»
В ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ БОРЬБЕ 1850-х гг.

(НЕКРАСОВ И Е. П. РОСТОПЧИНА)

1

«У поэтов то преимущество, что целый мир они вмещают в несколько слов».¹ Это высказывание И. С. Тургенева по поводу двенадцати строк Ф. И. Тютчева — две из них были взяты эпиграфом к рассказу «Живые мощи» — можно отнести и к стихотворению Некрасова «Блажен незлобивый поэт...», первое по времени упоминание которого содержится в тургеневском письме к Е. М. Феокистову от 26 февраля 1852 г.: «Я послал Боткину стихи, внушенные Некрасову вестью о смерти Гоголя; под впечатлением их написал я несколько слов о ней для „С.-Петербургских ведомостей“, которые посылаю Вам при сем письме, в неизвестности — пропустит ли их и не исказит ли их цензура. Я не знаю, как они вышли, — но я плакал навзрыд, когда писал их».² О соотношении стихов, внушенных Некрасову вестью о смерти Гоголя, и некролога, написанного Тургеневым под впечатлением их, можно сказать тургеневскими словами, обращенными им к автору стихотворения «Родина»: «То, что у вас (поэтов. — В. Г.) выражено в одной строке, нам (прозаикам. — В. Г.) нужно несколько страниц, чтобы выразить прозой».³

Несколько страниц Тургенева о смерти Гоголя оказались самым первым комментарием к программному для всей передовой русской литературы стихотворению «Блажен незлобивый поэт...», давшему новый могучий импульс ранее начавшейся дифференциации общественно-эстетического сознания. Некрасов успел включить его в мартовскую книжку «Современника» за 1852 г., дозволенную цензурой 29 февраля. Связь поэтических строк с главным событием тех дней, о которой можно судить уже на основании авторской даты под первой публикацией: «25 февраля 1852 года», — при одной из позднейших перепечаток этого стихотворения (1877) подтверждается еще более определенно: «В день смерти Гоголя, 21 февраля 1852». Помета под беловым автографом: «22 февр. 1852» — также свидетельствует в пользу этой связи.

Каким же днем все-таки следует датировать стихотворение Некрасова? Оно не могло быть написано ни в день кончины Гоголя (21 февраля утром), ни на следующий день, поскольку в Петербурге узнали об этом не сразу. Лишь 24 февраля, как писал оттуда Ф. И. Иордан А. А. Иванову, было «получено здесь душевно прискорбное из Москвы известие».⁴ В тот же день оно успело попасть и в одну из петербургских

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Л., 1968. Т. 13, кн. 2. С. 202.

² Там же. Л., 1961. Т. 2. С. 48—49.

³ Кривенко С. Н. Из рассказов Некрасова // Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 209—210.

⁴ Лит. наследство. М., 1952. Т. 58. С. 759—760.

газет: «Мы сейчас получили известие, глубоко прискорбное: 21 февраля скончался в Москве Николай Васильевич Гоголь».⁵ 24 февраля А. В. Никитенко отметил в своем дневнике: «Сегодня получено известие о смерти Гоголя. <...> Тургенев, получивший письмо из Москвы, рассказывал мне некоторые подробности».⁶ Это было письмо В. П. Боткина, начатое им в пять часов вечера 21 февраля и законченное в десять часов вечера того же дня. Заключительные слова письма позволяют утверждать, что оно было адресовано не одному Тургеневу («Считаю лишним просить тебя, чтобы ты сообщил все это Панаеву и Некрасову») ⁷ и действительно стало известно издателям «Современника» в день его получения.

О впечатлении, произведенном на них известием о смерти Гоголя, сказано в той самой третьей книжке журнала, где появилось стихотворение «Блажен незлобивый поэт...», — в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики. Февраль 1852»: «Он (собеседник Нового поэта. — В. Г.) заговорил было со мною о 1 № „Сына отечества“, начал спрашивать у меня объяснений о каких-то „Олимпийцах“, сочиненных „Москвитянином“, и еще о чем-то, но в эту самую минуту я получил известие из Москвы...»

Я не слышал, как молодой человек вышел из моей комнаты...

Читатель поймет, почему я не могу продолжать теперь этих заметок...».⁸

Таким образом, поскольку черновик и окончательный, а также печатный текст некрологической статьи Тургенева, которая была написана им под впечатлением некрасовских строк, внушенных вестью о смерти Гоголя, помечены автором 24 февраля, стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» следует датировать тем же днем. История создания этого произведения и сам характер работы над ним косвенно раскрыты в письме Некрасова к В. П. Боткину от 8 октября 1855 г. по поводу кончины Грановского: «Боткин, ради бога напиши мне о Грановском. Сегодня принесли газету — я нечаянно прочел — и опомниться не могу. Ни о ком я так не жалел после Белинского», даже о Гоголе, — может быть, потому, что лично его не знал. Словно как я одурел, — всё мараю то стихи, то прозу — у меня так всегда, не могу оставаться в бездействии, когда сильно потрясен. <...> К этой скорби примешивается другая — понятная. Нет! не живется у нас людям, которые всего нам нужнее!» (Н I, 10, 254).

2

Список программного стихотворения Некрасова, посланный Тургеневым в Москву за два дня до отправления своей статьи о Гоголе, не обнаружен. Отклик на него Боткина неизвестен. Получила ли эта копия распространение — сказать затруднительно. Возможно, в этом и не возникло надобности, поскольку через несколько дней вышла мартовская книжка «Современника». Именно из нее я переписала вскоре Е. П. Ростопчина «Блажен незлобивый поэт...» себе в альбом, на что указывает совпадение вариантов: «горделивый гений» ⁹ и др. В то же время дата, имеющаяся в журнале под текстом, в альбоме отсутствует, а стихотворение озаглавлено: «После кончины Гоголя» (л. 123). Происхождение этого названия неясно. Недокументированным остается и сообщение о том, что якобы «Некрасов предполагал озаглавить это стихотво-

⁵ С.-Петербургские вед. 1852. 24 февр. № 45.

⁶ Никитенко А. В. Дневник: В 3 т. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 345.

⁷ В. П. Боткин и И. С. Тургенев: Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 21.

⁸ Современник. 1852. № 3. Отд. VI. С. 116. Курсив наш. — В. Г.

⁹ ЦГАЛИ, ф. 433, оп. 1, № 18, л. 123—123 об. Далее листы этого архивного дела указываются в тексте наст. статьи.

рение „Памяти Гоголя“, но цензура сняла это заглавие». ¹⁰ Для предположения о возможном наличии одного из этих заголовков в списке, посланном Тургеневым, также нет никаких данных.

Крайние даты альбома Е. П. Ростопчиной: 1843—1857. Некрасовскому тексту в нем предшествует приветственное слово персидскому послу, сказанное ею 17 января 1852 г. (л. 122 об.). Под записью на французском языке, сделанной следом за стихотворением Н. В. Берга «Над гробом Гоголя» (л. 123 об.—124), значится: «avril 1852» (л. 124 об.). Это соответствует времени появления в «Москвитянине» стихов Берга о Гоголе (1852. Апр. № 8, кн. 2. Отд. I. С. 273—274). Тогда же, судя по всему, были занесены в альбом из мартовской книжки «Современника» и поэтические строки Некрасова по поводу взволновавшего всех события.

Об этой новой тяжелой потере русской литературы Ростопчина горячо писала в статье «Похороны Гоголя»: «Около гроба Гоголя, под влиянием общего чувства горестной утраты, стеклось со всех концов Москвы все, что уважало талант его, чтило его личность. Все, что сочувствовало славе отечества и дорожило его знаменитостями, окружало почтительно того, кого все оплакивают столь единодушно. У Гоголя не было в Москве ни семейства, ни родственников, а между тем у него нашлась семья, огромная семья, соединенная узами одного и того же сожаления, одной и той же печали...» ¹¹

В свой альбом Ростопчина не только полностью переписала два стихотворных отклика на смерть Гоголя: Некрасова — в Петербурге и Берга — в Москве; она их тут же и прокомментировала: «Примечание». Эти два стихотворения, написанные корифеями двух враждебных партий, могут служить доказательством положенья идей и литературы в кружку московского юношества, правдивого, убежденного, смелого (?), искреннего, и в враждебном ему кругу ревнителей „Современника“, где есть таланты, есть замечательные личности, но преобладает какой-то дух злобной и завистливой исключительности, где судят не по своему чувству, а по какому-то parti pris, по заранее принятому намеренью, — где даже хвалят так, чтоб укорить, и в каждом событии видят не его значение, а орудие, способное поразить противников. Прочтя первое («Блажен незлобивый поэт...» — В. Г.), скажешь: „Хорошо, но сухо!“; прочтя второе, выронишь над ним теплую слезу соучастья...» (л. 124).

Ростопчина уловила в стихотворении Некрасова то, что явно выходило за пределы события, внушившего эти строки, т. е. проблему, каким может и должен быть истинный художник слова, в котором прежде всего и больше всего нуждалась русская литература. Вполне понятно, что в этом ключевом идейно-эстетическом вопросе времени не могло быть такого же единства, как в отношении к смерти Гоголя со стороны всех честных людей. Вот почему, произвольно озаглавив в своем альбоме произведение, появившееся без названия, Ростопчина тут же и отметила, что «Блажен незлобивый поэт...» — нечто иное и большее, чем только «После кончины Гоголя», что это одновременно и поэтический манифест ревнителей «Современника».

Безымянный обозреватель журналов из «Москвитянина» также остался недоволен стихами в мартовской книжке «Современника», написанными явно, если воспользоваться словами Ростопчиной, «по заранее принятому намеренью», т. е. во имя своих постоянных целей, а не исключительно о том, что дало повод и явилось импульсом к возникновению этих строк: «Особенно неприятно читать стихотворение г. Некрасова „Блажен незлобивый поэт“, не потому, впрочем, что стих из

¹⁰ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов и Петербург. Л., 1947. С. 87.

¹¹ Вед. моск. гор. полиции. 1852. 27 февр. № 47.

рук вон плох (это куда б уж ни шло), а потому, что оно написано на известную тему и по известному поводу».¹²

Этот антинекрасовский выпад не остался незамеченным и вызвал ответную реплику «Современника», который в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики. Май 1852» полностью перепечатал оба стихотворения, оказавшиеся немного ранее в альбоме Ростопчиной. Хотя Новый поэт, конечно, не знал об этом, его комментарий к ним не только давал отпор «Москвитяишу», но и являлся ответом на приведенное выше полемическое «примечание» известной поэтессы. «Что это такое? — спрашивал Новый поэт, перепечатавший полностью замечание „Москвитянина“. — Я не могу не повторить здесь снова стихотворения г. Некрасова, *из рук вон плохого*, по мнению сочинителей критик в „Москвитяине“, и не привести рядом с этим стихотворением стихов, помещенных в этом же № 8 „Москвитяиша“ на ту же известную тему, по тому же известному поводу: да судят читатели, каким эстетическим вкусом и нелюбезностью отличаются эти сочинители критик. <...>

В котором из этих двух стихотворений больше поэзии, силы и глубины чувства — в первом, *из рук вон плохом*, г. Некрасова, или в последнем, принадлежащем поэту „Москвитянина“? Это не наше дело: пусть решают читатели.

Но отчего это неприятно читать стихотворение г. Некрасова особенно потому, что оно написано на известную тему и по известному поводу?

Если бы стихи г. Некрасова и точно были *из рук вон плохи*, то должно бы было хоть из приличия, именно потому, что они написаны на известную тему и по известному поводу, деликатно умолчать об этом. Я не нахожу хорошими стихи г. Берга, но я не могу не уважить чувства, хоть и слабо выраженного, внушившего их, и уж никак не позволю себе назвать их *из рук вон плохими!* Бедная критика!».¹³

Ответ «Современника» на выпад «Москвитянина» подтверждает слова Тургенева из письма к Боткину о том, что стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» внушено было Некрасову вестью о смерти Гоголя, и в то же время опровергает последующее свидетельство автора «Литературных и житейских воспоминаний» о якобы легкомысленном отношении И. И. Панаева к этому событию. Перепечатка стихотворений Некрасова и Берга и недвусмысленная оценка каждого из них показали, что у ревнителей «Современника» отнюдь не «преобладает какой-то дух злобной и завистливой исключительности», как утверждала Ростопчина, а просто есть свое понимание природы, целей и задач искусства, предназначения художника-гражданина.

Что же касается Ростопчиной, то она и в переписке с некоторыми из своих современников высказывала прежде всего беспокойство по поводу того, что в поэтическом отклике на общую для всей мыслящей России потерю отчетливо выступили реальные черты нового общественно-эстетического сознания. При этом смерть Жуковского, следовавшая за смертью Гоголя менее чем через два месяца, была для нее еще одним поводом выразить свое отношение к некрасовскому «Современнику»: «Оставьте Гоголя! — писала она 23 мая 1852 г. в сердцах Погодину в ответ на его упреки якобы в большей симпатии к Жуковскому. — Разве я когда-нибудь думала, могла думать его (Гоголя. — В. Г.) тревожить и оскорблять?.. Разве я не из первых, едва ли не искреннее и смелее всех прочих, отозвалась воплем дружбы и уважения над его прахом и памятью, мне дорогими?.. Не путайте дела! Оно не между

¹² Москвитянин. 1852. Апр. № 8, кн. 2. Отд. V. С. 140.

¹³ Современник. 1852. № 6. Отд. VI. С. 325—328. Впервые обратил внимание на эту перепечатку М. М. Гин в статье «Незлобивый поэт и поэт-сатирик» (см.: Гин М. М. Лит. 1967. № 5. С. 157—164).

Гоголем и Жуковским, — эти два великие любили и понимали друг друга! Да Гоголь-то, что он сам, как не сильнейший из поэтов?.. Не клеймил ли он своим презрением и своим горьким смехом все низкое и презренное в любимом или уважаемом человечестве? Этот горький смех не есть ли в нем болезненная, но трепещущая поэзия... Гоголь описывал смешное и отвратительное, — да человек-то в нем всегда оставался неприкосновенен, личность его осталась на высоте своей гениальности. Нет, — борьба между бездарными подражателями, непризнанными творителями, которые, раскусив, что им на поприще поэзии нет места и дела, обрадовались возможности действовать в прозе и принялись наперерыв утучнять навозом своим широкое поле осиротевшей литературы... Легко, удобно, выгодно! Вот они и хвалят этот род литературы, сдильный, который им по плечу. Гоголь у них знамя, украденное знамя, которым они прикрывают свою пищегу и наготу! Гоголь у них камень, которым они хотят уничтожить и раздавить ненавистную поэзию!..»¹⁴

В непосредственной связи с «примечанием» к стихотворениям с смерти Гоголя, переписанным в альбом, находятся и строки Ростопчиной из письма к Плетневу от 4 марта 1852 г.: «Да, *Гоголя* не стало, а уродливые лжеподражатели, которыми он сам себе неведомо наводнил наше пишущее поколение, а непрошенные его последователи, эти раскольники в законе поэзии и искусства, — они живут, и проживут долго и много напишут *грязного, гуманного и реального* на зло и стыд русского слова!»¹⁵

3

Полемику с чуждым ей направлением Ростопчина перенесла и на страницы «Северной пчелы», поместив там «Прощальную песнь русского лебедя, посвященную семейству и друзьям Василия Андреевича Жуковского». Явно полемизируя с Некрасовым, она солидаризировалась «с добрым и безвредным, правственным поэтом». В сопроводительном письме к Ф. В. Булгарину, который также в полемических целях поместил его в качестве подстрочного примечания к стихотворению, Ростопчина заявила о своей солидарности с теми, кому, как и ей, дорого «все, что на Руси не заражено безрассудным поклонением уродливому в ущерб прекрасному и высокому».¹⁶ В ответ на упрек Погодина в солидарности с одиозным изданием она писала: «Не злой дух внушил мне те слова, которые вы называете письмом к Булгарину, а я — припискою в редакцию при доставлении официальной статьи для не менее официальной газеты; не злой дух, а негодование против тех, кто громко говорили и кричали, что Жуковский не имеет никакого значения ни для литературы, ни для России, что он умер давно и что незачем о нем тужить, он, видимо, рифмоплет, а так как он кабаков и залавок не описывал, грязи не воспевал, то в нем нет ничего общечеловеческого, все никак оной гуманности, ни конкрета, ни субъективности, ни абсолюта — словом, ничего такого, что ныне признается гениальностью. Вы сами слышали и читали эти возгласы — что ж вы дивитесь, что они воспламенили во мне сердце поэта и душу друга, искренне преданного высокому покойнику? Можете и прошу показывать эти строки, оглашать их; я горжусь моим разногласием с новою литературою, с партией прозы, материальности и простоты и всеми любителями, превозносите-

¹⁴ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1897. Кн. 11. С. 94—95. О «Современнике» Ростопчина еще 16 октября 1849 г. писала П. А. Плетневу: «Боже мой, что с ним теперь делается и творится! Какие из него вышли якобинские скрижалы! Какой яд эта грязная школа!» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб. 1896. Т. 3. С. 748).

¹⁵ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. С. 758.

¹⁶ Сев. пчела. 1852. 14 мая. № 107. С. 425.

лями и производителями грязи и нечистоты, как в петербургских журналах, так и в московских беседах; говорю смело свое мнение, но, посылая стихи в „Пчелу“, я не просила печатать моей приписки и не ожидала, чтоб ее тиснули: Булгарин захотел мною, как орудием, поразить натуральную школу, — тем лучше или тем хуже, — но я не отпущу, — да, это точно мое мнение! Люблю поэзию и поэтов, ненавижу и презираю ныне царствующую литературу лавочников и черных углов!».¹⁷

Быть может, неожиданно для самой себя Ростопчина повторила некрасовскую формулу: люблю и ненавижу — и при этом хотя тоже невзначай, но совершенно точно обозначила исходный пункт получившей образное воплощение в стихотворении «Блажен незлобивый поэт...» поэтической программы — произведения самого Некрасова, сыгравшие важную роль не только в его собственном творческом становлении, но и в развитии всей передовой русской литературы гоголевского периода, будь то «Петербургские углы», само заглавие которых стало нарицательным, или стихотворение «Родина», восхитившее Белинского. Автобиографическая запись Некрасова 1872 г. объясняет причину такого отношения критика к «Родине»: «Ему понравились задатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах. Он убеждал продолжать» (Н I, 12, 13). Убеждал потому, что и сам «проповедовал любовь враждебным словом отрицанья», как скажет позднее поэт о деятельности такого же типа. Белинский, исключительно преданный правде, умевший, по словам Тургенева, «любить и ненавидеть бескорыстно»,¹⁸ убежденный в том, что «без любви и ненависти, без симпатии и антипатии человек есть призрак» (Б, 7, 159), считал, что нападки на недостатки и пороки даже целого народа, и притом своего родного, «есть не преступление, а заслуга, есть истинный патриотизм». Свое утверждение он мотивировал так, словно предвосхищал поэтические мысли Некрасова, высказанные им позднее в целом ряде стихотворений: «Что я люблю всем сердцем, всею душою, всем существом моим, к тому я не могу быть равнодушен, в том я сильнее, чем в другом, люблю хорошее и (по тому же закону) сильнее ненавижу дурное» (Б, 5, 127).

Таково было главное, наиболее перспективное направление русской идейно-эстетической мысли, в русле которого развивалась деятельность Некрасова как поэта и гражданина. Эта деятельность (и, в частности, программное стихотворение, которому посвящена настоящая статья) способствовала углублению и дифференциации общественно-эстетических понятий и дальнейшему идейному размежеванию не только среди сотрудников «Современника», но и в писательской среде в целом.¹⁹

¹⁷ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1898. Кн. 12. С. 20—21.

¹⁸ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. Л., 1967. Т. 14. С. 27.

¹⁹ Отметим, что предметом особой статьи могла бы быть позиция Тургенева, в сознании которого в эти годы безусловно присутствовала мысль о незлобивом поэте и поэте-сатирике, явно связанная со стихотворением Некрасова. Так, в своей некрологической заметке о Гоголе Тургенев, возможно сам того не подозревая, полемизировал с ним, говоря лишь о присутствии «любовного пламени» в каждой строке умершего писателя, который «так любил, так горячо любил» Россию (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. Т. 14. С. 73), но не упоминал о чувстве прямо противоположном, вызываемом в читателе гоголевскими образами и картинами. А о себе самом писал год спустя С. А. Миллер с достаточной долей объективности: «Конечно, я не злой человек, и когда-нибудь будут удивляться, что так мало было желчи в человеке, которого считали опасным» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. Т. 2. С. 157). Признание писателя звучит как скрытая цитата из Некрасова: «...незлобивый поэт. В ком мало желчи...». В этом отзвуке литературно-общественной борьбы, которая шла вокруг некрасовского стихотворения, можно видеть в то же время одно из предвестий будущего неотвратимого разрыва Тургенева и Некрасова.

4

Против поэтического манифеста Некрасова «Блажен незлобивый поэт...» была направлена и пространная стихотворная исповедь Ростопчиной — «Простой обзор» (июнь 1857 г.). В нем она клеймила то, что ей казалось «лжеученьем», «злым взглядом» на жизнь, «горьким толком» о ней, «торговлею сатирой» якобы во имя того, чтобы «метнуть стрелюю ядовитой и желчь излить в язвительных стихах!». Все эти, по ее словам, «дерзости словесного раскола» оказались возможными лишь «в этот век брожений мыслей странных», тогда как в более ранние времена, когда творили Державин, Ломоносов, Карамзин и другие, не смела бы «родиться школа отчаянья и наущений злых!». Ее она старалась дискредитировать «и пушкинской волшебною строфою, и грибоедовским стихом». Ростопчина обращалась к «предкам русских муз» с призывом помочь ей противостоять тому, что ее сначала смущало и настораживало в некрасовском отклике на смерть Гоголя, во всей деятельности создателя и редактора «Современника», а потом вызвало непримиримую вражду и нарастающую ярость:

Возрите к нам с высот своих загробных,
 Дух жизни дайте мертвым словесам,
 Иных поэтов. чистых и незлобных,
 И верящих, скорей пошлите нам!
 Чтоб были бы они теплы душою
 И независимы умом, —
 Чтоб гений их, парящий над землею,
 Слегка земли касался бы крылом!
 Чтоб Русь они сыновнею любовью
 Любили без причуд, без ханжества;
 Чтоб отстоять могли пером и кровью
 Ее судьбу, ее права!
 Чтоб книжники лжемудрою толпою
 Из храма выбегли под их бичом...²⁰

Этому стихотворению предшествовало своего рода «либретто» — письмо 1856 г. Ростопчиной В. А. Долгорукову по поводу ее пьесы «Возврат Чацкого в Москву», где также содержались прямые выпады по адресу гражданственной поэзии, которую представляет студент Цурмайер, «поэт современный», провозгласивший в своих стихах «идею» как «великое слово»:

«Блажен, пред тобой пламеня,
 Кто служит тебе, о идея!»²¹

Сторонников и единомышленников «поэта современного» она клеймит устами «возвратившегося» Чацкого:

О! проповедники слепые уравниья...
 О! поджигатели общественного мнения...²²

Пьеса и написана с целью предотвратить дальнейшее распространение этой «лжеистины», которое сеет среди «черни» и «детей» «горечь и раздор». Добиваясь разрешения на постановку «Возврата Чацкого...», Ростопчина писала Долгорукову: «На протяжении нескольких лет мы были свидетелями постепенного разрушения тех основ, какие мы привыкли считать славою и гордостью России: на наших глазах уничтожают Державина, убивают Жуковского, которого изображают в смешном виде, накопец, преуменьшают значение Пушкина, не имея сил уничтожить его совсем. То, что новая литературная школа пытается

²⁰ Ростопчина Е. П. Соч. М., 1890. Т. 1. С. 231—236.

²¹ Там же. С. 317.

²² Там же. С. 328.

сделать относительно поэтов, новая категория историков делает относительно Карамзина. Не падают ни его грандиозных трудов, ни даже его репутации. Сигнал дан, люди между собою условились: демократическое начало в нашей печати восторжествовало. <...> Лучшие наши журналы перешли в руки новых редакторов и каких еще? Недоучившиеся студенты, чиновники без места, учителя без учеников, люди низких сословий, плебеи рождением, мыслями, воспитанием и направлением». Спрашивается, что они создали? В перечне наиболее одиозных, с точки зрения Ростопчиной, произведений встречаются и два стихотворения Некрасова, а также использовано введенное им в оборот в связи с кончиной Гоголя определение пафоса всего направления обличения и протеста: «„Запутанное дело“, „Бедные люди“, „Бобыль“, „Тройка“, „Огородник“ — произведения, навеянные одной лишь завистью и злобой; ненавистью против того, кто что-нибудь имеет, завистью к тем, кто их превосходит рождением и талантом». Ростопчину особенно беспокоило, что под влиянием именно таких дарований воспитывалось молодое поколение, которое «сплошь заражено новыми веяниями»: «Герцен, отвратительный Герцен — их бог, Белинский и Некрасов — их наставники, их духовные отцы».²³

В торжестве демократического начала Ростопчина убеждалась, ощущая свое бессилие удержать даже лучших друзей своих «от общей заразы грязномании и натурализма, совершенно противных эстетическому чувству», краснея даже за более или менее терпимого ею «Москвитянина» и гнушаясь «гадостей, которые он печатает под предлогом филантропии и гуманности». Ей казалось, что этот журнал не упал бы вместе с большинством других так низко, если бы слушался ее советов. «Но что делать, — заключала она свои сетования в письме к Ф. А. Кони от 25 сентября 1853 г., — когда поток уносит за собой всё пишущее и сочиняющее, когда в общую глубь грязи и черноты у нас на свете все стремится,

И „Современник“ толстый мчится,
И „Москвитянина“ листок!..»²⁴

5

Постоянные размышления Ростопчиной о нашей, как она выразилась в одном из писем к Погодину, «расколами волнуемой литературной церкви»²⁵ вызвали еще одну примечательную запись в том же альбоме, которая также объясняет причину ее неудовлетворенности некрасовским откликом на смерть Гоголя. На этот раз внимание поэтессы привлекла публицистическая статья Пушкина о Радищеве, по поводу которой Герцен заметил, что автор явно «перехитрил ее из цензурных видов» (Г, 13, 278). Ростопчина сделала в декабре 1857 г. следующую выписку: «Радищев — истинный представитель полупросвещения. Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные, поверхностные сведения, набум приносившие ко всему, — вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием: не лучше ли бы было указать на благо, которое она в состоянии сотворить?..

(Александр Пушкин, статья о Радищеве, VII-ой том анненковского сквернейшего издания²⁶)».

²³ Цит. по: Дризен Н. В. Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. [Пг., 1917]. С. 268—270.

²⁴ Из портфеля старого журналиста: Письма к Ф. А. Кони. М., 1909. С. 20—21.

²⁵ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 7. С. 444.

²⁶ Имеется в виду издание: Пушкин. Соч. / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1857. Т. 7, доп. (ценз. разр. — 5 июля 1857 г.).

В отличие от большинства других выписок, сделанных в том же альбоме и оставшихся без пояснений, эта сопровождается, как и стихотворения «Блажен незлобивый поэт...» и «Над гробом Гоголя», комментарием: «Не подходят ли эти суждения нашего русского гения по преимуществу к тому, что мы видим и переживаем теперь?.. Этот *Радищев*, сорвиголова, невежда, лжеумудрец, лжепатриот, не есть ли он прототип теперешних *делателей* и *двигателей* на попрание русского слова?..»

Белинский, Некрасов, Герцен-Искандер, Аксаковы, все расхваленные и самопрославленные *изобличители* и *нравоисправители* нашего времени, не осуждены ли, не обрисованы ли, не изобличены ли сами в лице пустого, беспокойного, тщеславного Радищева, искавшего себе известности не талантом, а злобою, не красноречием, а желчью, — не благородным рвением к пользе общей, а злорадным и злонамеренным нападением на все, что выше, виднее, значительнее его?.. Хотелось бы золотыми буквами написать бессмертные и беспристрастные слова Пушкина на заглавном листе всех наших современных журналов — этих глашатаев лжи, недобросовестности и односторонности духа партий и кружков!» (л. 158—158 об.).

* * *

Как мы старались показать, написанное по известному поводу стихотворение «Блажен незлобивый поэт...», как и всякое истинно художественное произведение, вышло далеко за пределы того реального события, которое послужило непосредственным толчком к его возникновению, и вместило в себя «целый мир». По словам одного из сподвижников автора этого манифеста революционно-демократической поэзии, «недаром Некрасов называл „блаженным“ удел незлобивого поэта, но и недаром он предпочел остаться верным „музе мести и печали“».²⁷

Его выбор и авторская позиция позволили одному из тех, кто откликнулся на смерть поэта и гражданина стихами, отнести к нему самому заключительные строки из стихотворения «Блажен незлобивый поэт...» в несколько измененном виде:

Враги и други — всё равно —
Теперь твой груп немой увидя,
«Как много сделал ты, поймут,
И как любил ты, — ненавида!».²⁸

«Поэзия журнальных мотивов», как ее иронически именовали недруги Некрасова, оказалась на поверку одновременно и поэзией вечных тем, т. е. была изначально той истинной поэзией, которая, «служба великим целям века», тем самым открывает новую эпоху, действует ради будущего. Недаром стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» было столь созвучно настроениям В. И. Ленина с гимназической поры. Он сам, по словам Горького, «обладал редчайшим, широко разработанным и удивительно искренним чувством *ненависти* к несчастьям и страданиям людей», потому что «любил людей».²⁹ В статье «Политический шаптаж» В. И. Ленин писал, что «большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья».³⁰

²⁷ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1974. Т. 16, кн. 2. С. 320.

²⁸ Слово. 1878. № 2. Отд. I. С. 2.

²⁹ В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма, воспоминания, документы. 3-е изд. М., 1969. С. 337, 336.

³⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 90.

К этим же строкам он обратился и в статье «Удержат ли большевики государственную власть?». Вождь социалистической революции считал, что «можно и должно повторить» их по поводу «злой брани» ее недоброжелателей и врагов: «Что буржуазия нас так дико ненавидит, это одно из нагляднейших пояснений той истины, что мы *правильно* указываем народу пути и средства для свержения господства буржуазии».³¹

Такова, говоря словами Белинского, апофеоза, которая создается в будущем тем, кто завещает потомству творения вечные, неумирающие.

³¹ Там же. С. 295.

Б. В. Мельгунов

ОБ АДРЕСАТАХ ДВУХ ПИСЕМ НЕКРАСОВА
К «НЕУСТАНОВЛЕННЫМ» ЛИЦАМ

1

В двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» Некрасова впервые опубликовано его письмо к «неизвестному» московскому сотруднику «Современника», датированное 20 октября 1855 г. Приводим его текст:

«Любезнейший Михаил Егорович,

Я надеюсь, что Вы давным-давно уже совершенно здоровы, и потому обращаюсь к Вам с просьбою — напишите небольшой фельетон о Москве и ее новостях к XI № „Современника“ и пришлите мне его к 26 или 27 числу октября. Всё это, разумеется, в таком случае, если подобное занятие в настоящее время Вас не отяготит. Во всяком случае, отзовитесь на эту шидульку.

Душевно Вам преданный

Н. Некрасов.

20 октября 1855.

С.-Петербург.

P. S. У вас в Москве все похваляются какой-то комедией Сухова-Кобылина. Напишите мне, что это такое?

Адрес мой: в Малой Конюшенной, дом Имзена (Н II, 10, 257).¹

Судя по содержанию письма («надеюсь, что Вы давным-давно уже совершенно здоровы»), редактор «Современника» встречался с Михаилом Егоровичем летом 1855 г. в Москве, откуда вернулся в середине августа. Письмо позволяет также предположить, что неизвестный Михаил Егорович был автором некоторых корреспонденций из Москвы, печатавшихся в «Современнике».

Рубрика «Московские новости» в журнале Некрасова, как показывает просмотр справочника В. Э. Богграда по «Современнику», была непостоянной, а ее авторы случайны. «В «Современнике» 1848 (№ 12) и 1849 (№ 1, 4) гг. печатались «Письма из Москвы и о Москве» приятеля молодого Некрасова А. В. Станкевича.² В № 9, 10 журнала за 1856 г. напечатаны «Письма к редактору „Современника“ из Москвы» М. Н. Лопгинова, подписанные псевдонимом «Москвич». «Письмо из Москвы», помещенное в июльской книжке «Современника» за 1855 г. (подпись: «N»), написано, вероятно, тем же Михаилом Егоровичем,³ которого Не-

¹ Автограф: ГИМ, ф. 446, № 40, л. 18.

² Атрибуция М. Я. Елпичевской (см.: Вопр. лит. 1970. № 9. С. 252—254).

³ См.: Боград В. Журнал «Современник». 1847—1866: Указ. содержания. М.; Л., 1959. С. 525.

красов привлек к сотрудничеству в журнале во время своего лечения в Москве.

Корреспонденция для ноябрьской книжки «Современника» 1855 г. была прислана. Вторая половина «Известий петербургских и московских» в этом номере начиналась словами: «Переходим к московским новостям, о которых мы получили следующее письмо». ⁴ В корреспонденции учтена и просьба редактора к Михаилу Егоровичу о театральной новости: «Поговаривают о какой-то пьесе г. Островского и новой пьесе Сухово-Кобылина, мы не знаем ни той, ни другой и поэтому ничего сказать об них не можем». ⁵

Содержание письма Некрасова и указанной корреспонденции позволяет думать, что неизвестный Михаил Егорович обладал опытом журнальной работы, а театр входил в сферу его профессиональных интересов.

Следовательно, фамилию Михаила Егоровича следует искать среди московских литераторов 1850-х гг., имевших какое-то отношение к театру. По-видимому, это известный театровед Михаил Егорович Кублицкий (1821—1875). В начале 1840-х гг. он сотрудничал в «Репертуаре и Пантеоне русских театров», печатая там обзоры деятельности русских и зарубежных театров. Некрасовский «Современник» поместил рецензии на две книги Кублицкого по истории театра, издаваемые под криптонимом «М. К.»: Очерки европейских театров. Из писем и замечаний путешественника. М., 1848 (1848, № 7); Опыт истории театра у древних народов. . . М., 1849 (1849, № 9). ⁶

Знакомство Некрасова с Кублицким могло завязаться через ближайшего друга Кублицкого Я. П. Полонского, которому Михаил Егорович впоследствии завещал свою богатую библиотеку. ⁷

Таким образом, с установлением фамилии адресата письма Некрасова выявляется еще один московский знакомый Некрасова, неизвестный до сих пор сотрудник «Современника».

2

Еще одно письмо Некрасова к неизвестному лицу также впервые опубликовано в двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» поэта и отнесено составителями к «концу 1861 года»:

«Вот Вам моя книга, а другую передайте Федору Достоевскому.

Я Вас долго ждал. Назовите мне хорошего художника, который мог бы сделать с фотографии портрет Добролюбова — для гравировки на меди. Только, чур, хорошего и скорее.

Некрасов» (Н I, 10, 465). ⁸

Содержание и тон письма дают основания думать, что оно обращено к одному из весьма близких Некрасову петербургских литераторов. Письмо написано между кончиной Н. А. Добролюбова (17 ноября 1861 г.) и выходом первого тома посмертного издания «Сочинений» критика в четырех томах (СПб., 1862; ценз. разр. т. 1 — 1 марта 1862 г.).

Посылаемые адресату и Ф. М. Достоевскому экземпляры книги, — по-видимому, второе, дополненное издание «Стихотворений» Некрасова, разрешенное цензурой 4 мая и поступившее в продажу в декабре 1861 г. ⁹

⁴ Современник. 1855. № 11. Отд. V. С. 113.

⁵ Там же. С. 114.

⁶ См.: *Боград В.* Журнал «Современник». 1847—1866: Указ. содержания. С. 97, 127..

⁷ См.: *Тургенев И С* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л., 1966. Т. 11. С. 103.

⁸ Автограф: ГИМ, ф. 446, № 40, л. 16.

⁹ См.: Сев. пчела. 1861. 14 дек. № 279.

Подаренный Достоевскому и сохранившийся до нашего времени экземпляр этой книги подписан: «Ф. М. Достоевскому — Некрасов. 4 дек. 1861».¹⁰ Известен еще один экземпляр этой книги с дарственной надписью, помеченной тем же днем: «Я. П. Полонскому — Некрасов. 4 дек. 1861».¹¹

В начале 1860-х гг. Полонский близко сошелся с Достоевским и сотрудничал в журнале братьев Достоевских «Время».¹² Интересующее нас письмо было, очевидно, приложено к названным экземплярам «Стихотворений» Некрасова, адресовано Полонскому и написано в день, которым помечены обе приведенные надписи.

Обращенная к Полонскому просьба рекомендовать художника для гравировки портрета весьма естественна. Полонский смолоду увлекался живописью, учился за границей у видных мастеров и был знаком со многими художниками.

Портрет Добролюбова, приложенный к первому тому «Сочинений» критика, был гравирован на стали неустановленным художником по фотографии И. Гоха 1860-х г., литографирован Борелем и отпечатан у Брокгауза в Лейпциге.¹³

Итак, вводится в научный оборот еще одно письмо Некрасова к Полонскому, раскрывается адресат еще одного письма Некрасова к «неизвестному» и устанавливается его точная дата.

¹⁰ Фотографическое воспроизведение автографа: Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 181.

¹¹ Фотографическое воспроизведение автографа: Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50. С. 617.

¹² См.: Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». М., 1972. С. 52.

¹³ См.: Описание изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1962. Вып. 7. № 679.

Б. Л. Бессонов

«РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА»
В КОНТЕКСТЕ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ 1862 г.

(АРЕСТ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО)

14 июля 1862 г. В. П. Острогорский¹ писал М. В. Григорьевой: «Что же это такое, милая моя, берут от нас всех хороших людей, берут, не спросясь здравого смысла, не обращая даже вовсе внимания на то, что вырывают у нас последних дорогих обществу людей. Во вторник ночью взяли Чернышевского, Серно-Соловьевича (таким образом, кончилось издание Шлоссера, который расхотелся как нельзя быстро), запечатали его магазин, чуть ли не самый любимый публикой, с закрытием которого Тиблен теряет несколько тысяч, взяли Писарева. И все это без всякого повода, решительно без всякой причины, только потому, что они были любимцами публики, единственными надеждами нашими. Берут всякого, кто только заявит себя порядочным человеком, и предполагают взять еще многих и многих, а Чернышевского, Серно-Соловьевича и Писарева обещают выслать. Что же это такое? Всему этому нет имени, это хуже подлости, хуже открытой военной силы на университетском дворе. Кто же после этого может считать себя безопасным? Что же общество, молчит оно, проклятое темное царство, шушукается в уголках, когда нет вблизи постороннего человека, который мог бы донести на неосторожного. Спит оно, пьет, собирается в большом числе на гуляньях, пляшет каиканишки на балах, которым теперь в Петербурге нет числа, занимается всем, кроме своей личности, которая оскорбляется на каждом шагу самым нахальным образом и закрытием журналов, которые всем нравились, которые имеют в совокупности до 10 000 подписчиков во всех концах России, и арестами лиц честных, благородных, которые виноваты только тем, что слишком любили это же самое общество. <...> Что же это такое,

Ты проснешься ль, исполненный сил,
С палачей ты сорвешь ли корону,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Ты духовно навеки почил?

1 час ночи Суббота».²

Публикуемое письмо может служить комментарием к известному замечанию Н. Г. Чернышевского о том, что в «Размышлениях у парадного подъезда» стих «Иль, судеб повинуюсь закону» является «лишь заменой другому».³

¹ В. П. Острогорский — в будущем выдающийся педагог (и популяризатор Некрасова) — в 1862 г. учился в С.-Петербургском университете.

² Новгородский гос. музей-заповедник, ф. В. П. Острогорского, № 9518.

³ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 754 (письмо к А. Н. Пыпину от 17 июня 1886 г.).

Цитата, которой заканчивается письмо, отличается от канонического текста, опубликованного позднее, прежде всего строкой «С палачей ты сорвешь ли корону», заменяющей строки «Всё, что мог, ты уже совершил, Создал песню, подобную стону», и, в противоречие со свидетельством Чернышевского, сохраняет стих «Иль, судеб повинуюсь закону». Ср.:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

(Н II, 2, 49)

Строка «С палачей ты сорвешь ли корону» известна и в иных вариантах (в списках стихотворения и в рукописных вставках в экземпляры печатных изданий): «Сокрушишь (сокрушив) палача (палачей) и корону», где она также не заменяет стиха «Иль, судеб повинуюсь закону». Чернышевский, видимо, был знаком с другим вариантом (если только ему не изменила память).

Стих «С палачей ты сорвешь ли корону» (по нашему убеждению, не некрасовский, ибо он не компенсирует значения стихов, которые он заменил, и привносит оттенок мысли, отсутствующий в общей идее произведения) имеет не столь радикальный политический смысл, как его вариант «Сокрушишь палача и корону», где слово «корона» следует за словом «палач» и в его отдельном значении воспринимается как синоним слова «царь». В записи же Острогорского оно неотделимо от слова «палачи», составляя с ним совокупный смысл, и употреблено в его **обиходном в те годы значении** — как синоним слова «правительство»: не коронованный палач, а палачи от короны (ср. аналогичное выражение: «чиновник от короны»).⁴

⁴ См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 168.

Б. В. Мельгунов

О «РАЗМЫШЛЕНИЯХ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА»

(ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ)

Творческая и литературная история стихотворения Некрасова «Размышления у парадного подъезда» пока еще не воссоздана из-за недостатка материалов; не до конца проясненным остается и вопрос об основном тексте этого шедевра некрасовской лирики.

На последнем вопросе мы и остановимся. Речь пойдет прежде всего о концовке стихотворения.

1

Стих 113 во всех авторских и авторизованных источниках: в корректуре ЦГАЛИ,¹ в авторизованной копии А. Я. Панаевой,² в первой авторской публикации,³ в последующих прижизненных изданиях стихотворений Некрасова, включая последнее из них,⁴ — читается как «Ты проснешься, исполненный сил».

Вариант «Ты проснешься ль, исполненный сил» при жизни поэта был напечатан лишь однажды — в герценовской публикации,⁵ которая не может считаться текстологически авторитетной. Этот же вариант обнаруживаем в подавляющем большинстве дошедших до нас списков, которые относятся к концу 1850—началу 1860-х гг. — времени до «легализации» произведения в издании «Стихотворений» 1863 г. Логично, таким образом, предположить, что вариант «Ты проснешься ль, исполненный сил» относится к какой-то ранней, не дошедшей до нас редакции «Размышлений...».

Однако С. И. Пономарев, оговаривающий обычно любые изменения в текстах по отношению к авторскому изданию, в посмертном издании стихотворений Некрасова без какой-либо мотивировки напечатал «Ты проснешься ль, исполненный сил».⁶ Этот же вариант был принят К. И. Чуковским в первом советском издании стихотворений Некрасова.⁷ В следующем издании, ставшем стереотипом для нескольких дальнейших, К. И. Чуковский исправил этот стих («Ты проснешься, исполненный сил»)⁸ В таком виде он вошел в издания 1930 и 1931 гг.⁹

¹ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 21.

² ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 3, л. 63.

³ Некрасов Н. Стихотворения. СПб., 1863. Ч. 2. С. 191.

⁴ Некрасов Н. Стихотворения. СПб., 1873. Ч. 3. С. 14.

⁵ Колокол. 1860. 15 янв. Л. 61. С. 506. В двух только что приведенных стихотворных фрагментах, как и всюду далее в некрасовских цитатах, курсив мой. — Б. М.

⁶ Некрасов Н. А. Стихотворения. СПб., 1879. Т. 1. С. 260; Т. 4. С. LIJ.

⁷ Некрасов Н. А. Стихотворения. Пг., 1920. С. 89.

⁸ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1927. С. 63.

⁹ Некрасов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 87; Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1931. С. 97.

Но начиная с двухтомного издания (в трех книгах) 1934—1937 гг.¹⁰ вновь был принят вариант «Ты проснешься ль, исполненный сил». Он был закреплён в двенадцатитомном «Полном собрании сочинений и писем» (1948—1953), в восьмитомном «Собрании сочинений» (1965) и в трехтомнике издания «Библиотеки поэта» (Большая сер.) (1967). В академическом издании сочинений Некрасова, где, как и в упомянутых предыдущих изданиях, текст «Размышлений...» печатается по «Стихотворениям» 1873 г. (Н II, 2, 49, 353), также находим этот вариант.

На наш взгляд, мы имеем здесь дело с текстологической ошибкой. Вариант «Ты проснешься, исполненный сил» следует предпочесть, во-первых, из-за стилистического несовершенства сочетания «...проснешься ль ... Иль...». Во-вторых, в заключительных строках «Размышлений» звучит не горький вопрос, но вера в народные силы. После стиха 113, который, по-видимому, не случайно в авторизованном списке А. Я. Панаевой¹¹ заканчивается точкой, «Иль» должно, вероятно, читаться не как разделительный (или — или), а как вопросительный (в значении «разве») союз:

Ты проснешься, исполненный сил.
— Иль, судеб повинуюсь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

2

В заметках, написанных по просьбе А. Н. Пыпина и обращенных к нему, Н. Г. Чернышевский, в частности, писал о «Размышлениях...»: «... в конце пьесы есть стих, напечатанный Некрасовым в таком виде:

Иль, судеб повинуюсь закону, —

этот напечатанный стих лишь замена другому, который когда-нибудь услышишь от меня, мой милый друг. если он не попал до сих пор в печать».¹²

Вскоре было установлено, что «нецензурный» стих сохранился в некоторых списках «Размышлений...» конца 1850—начала 1860-х гг. На существование одного такого списка в середине 1917 г. указал В. Е. Евгеньев-Максимов. В брошюре, посвященной революционному содержанию поэзии Некрасова, исследователь процитировал строки стихотворения, «которые в свободном от цензурного просмотра тексте читались так:

« »
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Сокрушив палача и корону,
Иль, судеб повинуюсь закону...».¹³

Впоследствии Евгеньев-Максимов более определенно указал на источник нецензурной строки, дав ее, однако, в несколько иной редакции: «В начале нашего века мне удалось разыскать старую, безусловно относящуюся к шестидесятым годам рукописную копию „Размышлений у па-

¹⁰ Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 193.

¹¹ ИРЛИ, Р. 1, оп. 20, № 3, л. 63.

¹² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 754. В усеченном виде это свидетельство Чернышевского было впервые опубликовано Пыпиным (см.: Пыпин А. Н. Некрасов. СПб., 1905. С. 244).

¹³ Евгеньев-Максимов В. Н. А. Некрасов — певец русской революции. Пг., 1917. С. 11; ср.: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 9. См. также: Евгеньев-Максимов В. Е. Некрасов в школе. М.; Л., 1946. С. 94.

радного подъезда“, в которой имелась строка: „Сокрушишь палача и корону“.¹⁴

Находка В. Е. Евгеньева-Максимова долгое время оставалась единственной и потому весьма слабо подтверждала предложенную им разгадку замечания Чернышевского. Несоответствие финала «Размышлений...», обнаруженного Евгеньевым-Максимовым, буквальному смыслу указания Чернышевского привело некоторых исследователей к попыткам реконструировать неизвестную строку без опоры на документальные источники. Естественно, каждый из них приходил к различным выводам. А. М. Гаркави вместо стиха «Иль, судеб повинуюсь закону» предложил читать «Иль, царей повинуюсь закону»;¹⁵ М. Л. Нольман — «Иль, покорный царю и закону».¹⁶

В 1973 г. Р. Б. Заборова привлекла внимание исследователей к экземпляру «Стихотворений» Некрасова (М., 1856), принадлежавшему С. Н. Васильковскому и хранящемуся ныне в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Книга имеет рукописные вставки, вплетенные листы со списками ряда некрасовских стихотворений, в том числе и «Размышления...». Между стихами «Ты проснешься ль, исполненный сил» и «Иль, судеб повинуюсь закону» (113—114) в списке Васильковского имеется густо вымаранный стих, совпадающий, по мнению Р. Б. Заборовой, с указанным Евгеньевым-Максимовым: «Сокрушив палача и корону». Как считает Р. Б. Заборова, первоначально, до автоцензуры, вместо стихов 113—115 было:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Сокрушив палача и корону,
Иль, что мог, ты уже совершил...¹⁷

Заметим, что исследовательница, не доверяя свидетельству современника поэта о «крамольном» стихе, вынуждена поправлять Чернышевского, который говорит о «замене» только одного стиха.¹⁸

В 1975 г. А. Ф. Тарасов описал экземпляр «Стихотворений» Некрасова 1856 г., принадлежавший предположительно В. М. Лазаревскому, также с вплетенными копиями некрасовских стихотворений, где список «Размышлений...» в соответствующем месте снабжен примечанием-вставкой: «Сокрушив палачей и корону».¹⁹

Нам удалось найти еще один содержащий эту «крамольную» строку список.

Обнаруженный в Центральном государственном архиве литературы и искусства (фонд А. П. и Ф. Н. Глинок) список «Размышлений...» под заглавием «Подъезд» также относится к концу 1850—началу 1860-х гг. Имя автора обозначено под текстом следующим образом: «Н--». Написанный чернилами, без правки, текст стихотворения имеет

¹⁴ *Евгеньев-Максимов В. Е.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова. М., 1952. Т. 3. С. 144. См. также: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Творческий путь Н. А. Некрасова. М.; Л., 1953. С. 107—108.

¹⁵ *Гаркави А. М.* Из цензурной истории произведений Н. А. Некрасова // Учен. зап. / Калинингр. пед. ин-т. 1961. Вып. 9. С. 84.

¹⁶ *Нольман М. Л.* Опыт восстановления некрасовской строки // Учен. зап. / Костром. пед. ин-т. 1963. Вып. 9. С. 179.

¹⁷ *Заборова Р. Б.* Запрещенный Некрасов // Некрасовский сб. Л., 1973. Вып. 5. С. 269.

¹⁸ Следует также заметить, что указанный Р. Б. Заборовой стих так густо вымаран тушью (по-видимому, кисточкой), что прочесть его невозможно; невymarанным в этой строке остается лишь хвостик последней буквы, вероятно «у» (ГБЛ, ф. 314, № 5).

¹⁹ *Тарасов А. Ф.* О сборниках стихотворений Н. А. Некрасова 1856 года с рукописными вставками // О Некрасове: Ст. и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 277.

ряд разночтений по отношению к печатному тексту. Некоторые из этих разночтений явно не восходят к какой-либо авторской редакции. Вероятнее всего, это копия с какого-то другого, не вполне исправного списка либо запись по памяти или на слух. Концовка стихотворения в списке Глинок выглядит так:

Ты проснешься ль, исполненный сил —
Сокрушить палачей и корону,
 Иль, судеб повинуюсь закону,
 Всё, что мог, <ты> уже совершил,
 Создал песню, подобную стону,
 И духовно навеки уснул? ²⁰

Укажем также на не отмеченный исследователями экземпляр книги Некрасова «Стихотворения» (СПб., 1864. Ч. 3), хранящийся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина,²¹ в котором между стихами 113 и 114 был вписан карандашом стих, впоследствии стертый. Большую часть его все же можно прочесть: «Сокруш... палачей и ... ону».

Вопрос об авторской принадлежности указанного В. Е. Евгеньевым-Максимовым стиха долгое время репался с ориентацией на отрицательное мнение К. И. Чуковского и, по сути дела, не был дискуссионным. Не располагая другими фактами бытования строки «Сокрушив палача и корону», В. Е. Евгеньев-Максимов подчеркивал, что «относительно принадлежности ее Некрасову до сих пор ведется спор».²²

Находки Р. Б. Заборовой и А. Ф. Тарасова существенно поколебали традиционную точку зрения. Оба исследователя высказались в пользу атрибуции этой строки автору «Размышлений...» и включения ее в основной текст произведения в академическом «Полном собрании сочинений и писем» Некрасова.²³ Однако эти рекомендации не были приняты (Н II, 2, 354).

В последнее время стал известен еще один явно неисправный вариант концовки «Размышлений...», обнаруженный Б. Л. Бессоновым в письме В. П. Острогорского к М. В. Григорьевой от 14 июля 1862 г.:

Ты проснешься ль, исполненный сил,
 С палачей ты сорвешь ли корону,
 Иль, судеб повинуюсь закону,
 Ты духовно навеки почил? ²⁴

Думается, что вновь обнаруженные материалы позволяют поставить вопрос о более внимательном отношении к мнению В. Е. Евгеньева-Максимова, Р. Б. Заборовой и А. Ф. Тарасова. Попытаемся критически проанализировать контраргументы К. И. Чуковского, которые впервые в развернутом виде были представлены в первом советском издании стихотворений Некрасова 1920 г. и затем повторялись во всех последующих научных изданиях, ответственным редактором которых неизменно был Чуковский.²⁵

²⁰ ЦГАЛИ, ф. 141, оп. 3, № 4. Курсивом выделены отличия от основного текста, в угловых скобках восстановлен пропуск в списке.

²¹ Шифр: 18.168.4.2.

²² *Евгеньев-Максимов В. Е.* Творческий путь Н. А. Некрасова. С. 167—168.

²³ См.: Некрасовский сб. Вып. 5. С. 269; О Некрасове. Вып. 4. С. 276.

²⁴ См.: наст. сборник, с. 122—123.

²⁵ См. важнейшие из этих изданий: *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1927. С. 536; *Некрасов Н. А.* Собр. соч. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 607; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1931. С. 529—530; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. Т. 1. С. 751—752; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем. М., 1948. Т. 2. С. 641; *Некрасов Н. А.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1965. Т. 1. С. 407; *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. Л., 1967. Т. 2. С. 596 (Б-ка поэта. Большая сер.).

К. И. Чуковский отводил этот стих на основании следующих мотивов: в 1858 г. у Некрасова «было еще любовное и доверчивое отношение к Александру II»; «Чернышевский говорит не о новом добавочном стихе, а о замене одного стиха другим»; авторизованный список «Размышлений...» А. Я. Панаевой «никакой подобной вставки не имеет». «Нам кажется, — заключал исследователь, — что эта строчка вставлена в сатиру Некрасова в конце 70-х годов — вставлена не поэтом, а тогдашними революционно настроенными студентами, которые пели ее как нелегальную песню; в этом убеждает нас стиль этой строчки, вполне совпадающий со стилем нелегальных студенческих песен конца 70-х годов».²⁶

Рассмотрим вопрос о «любви» и «доверии» поэта к Александру II в 1858 г. О расположении поэта к молодому императору, особенно в первые годы правления Александра, свидетельствует хотя бы первоначальный вариант главы четвертой «Тишина», напечатанной в сентябрьской книжке «Современника» за 1857 г. Полны оптимизма и веры в добрые намерения императора строки из этой главы:

В права вступает просвещение,
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра.
Как в дни Великого Петра...

(Н II, 4, 325)

Однако уже 25 декабря того же года в письме к И. С. Тургеневу поэт признался, что эти «благонамеренные» строки — своеобразная взятка цензуре и правительству в интересах предполагаемого второго издания его стихотворений (Н I, 10, 375—376).

Именно в это время наступает «отрезвление» поэта от хмеля первых лет царствования Александра-«освободителя». «... Недоверие Некрасова к правительственным реформам, — справедливо указывает Ю. В. Лебедев, — возникло в 1858 г., т. е. тогда же, когда оно возникло у Добролюбова и Чернышевского. Об этом свидетельствует стихотворение „Всевышней волею Зевеса“, которое напоминает собою пародию на известные стихи „Тишины“ о том, что „быстро царство молодое Шагает по пути добра“...».²⁷ Напомним, что «Всевышней волею Зевеса» относится к самому концу 1857 г., когда уже были опубликованы «высочайшие рескрипты» от 20 ноября, 5 и 24 декабря о порядке подготовки и проведения крестьянской реформы,²⁸ или к началу 1858 г. (Н II, 2, 350).

Перемена во взглядах Некрасова на деятельность Александра II и его правительства отчетливо отразилась и в творческой истории «Размышлений...». Начало работы поэта над этим стихотворением относится к концу 1857 г.²⁹ Наиболее ранняя редакция «Размышлений...» известна нам по хранящейся в ЦГАЛИ корректуре, относящейся, по мнению А. М. Гаркави, к 1858 или 1859 г. По словам того же исследо-

²⁶ Некрасов Н. А. Стихотворения. Пг., 1920. С. 560.

²⁷ Лебедев Ю. В. Чернышевский и Некрасов // Н. Г. Чернышевский: Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979. С. 125. См. также: Н II, 4, 543.

²⁸ Правда, в публикациях «Современника» этого времени отразились несколько иные настроения. «Слава и благодарение царю, мы ожили, — писал И. И. Панаев В. П. Боткину 11 (24) февраля 1858 г. — Последнему великому делу придана полная гласность по высочайшему повелению. <...> Во 2 № „Современника“ на 1858 г. помещена статья от редакции „Современника“ об уничтожении в России крепостного права и о новом сельском устройстве с эпиграфом: „Возлюбил еси правду и возненавидел еси беззаконие, сего ради помаза тя бог твой“ (из псалмов). Самоеды-дворяне в бешенстве <...> и ругаются... С некоторыми — удары, а один сходит с ума» (Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 441).

²⁹ Колбасин Елисей. Тени старого «Современника» // Современник. 1911. № 8. С. 237.

вателя, в этой редакции, предназначенной для «Современника», чувствуются «либеральные нотки, преследовавшие, очевидно, цензурно-тактическую цель».³⁰ В корректуре стихотворение заканчивалось восьмистишием, созвучным цитированному И. И. Панаевым эпиграфу к статье в февральской книжке «Современника»:

Всюду скорбные, скорбные звуки,
Всюду стон, надрывающий грудь,
Словно тяжкие древние муки
Не успели в народе заснуть...
О! вовеки тот памятен будет,
По чьему мановенью народ
Вековую привычку забудет
И веселую песню споет!

(Н II, 2, 278)

Указанное восьмистишие было затем вычеркнуто, а вместо него были вписаны 11 строк, ставшие потом окончательным и «легальным» вариантом концовки произведения.

Верноподданническая благодарность автора первоначальной редакции «Размышлений...» сменилась требовательной верой в революционно-созидательные возможности самого народа, вера в царя-«освободителя» была утрачена:

Ты проснешься, исполненный сил,
Иль, судеб повинувшись закону,
Всё, что мог, ты уже совершил,
Создал песню, подобную стону,
И духовно навек *опочил*?³¹

Следует все же уточнить: перемена в отношении Некрасова к правительственным реформам, утрата монархических иллюзий еще не означают утрату личной симпатии поэта к Александру II. Эта симпатия проявляется и в ряде позднейших произведений Некрасова, в частности в стихотворении 1870 г. «Притча», где зафиксирован кризис веры крестьянской массы в «доброту царя». Отношение Некрасова к Александру II и его отношение к царским реформам и монархии вообще — вещи разные.

Переработка «Размышлений...» состоялась скорее всего в 1858 г. Подтверждением этого может служить свидетельство мемуариста о чтении «Размышлений...» М. Л. Лавровым в кругу друзей В. Г. Бенедиктова весной 1858 г.: «Хорошо помню один вечер у автора „Кудрей“, на который он позвал меня, очень таинственно сообщив, что будет прочтена „очень интересная и очень запрещенная вещь“, только что написанная. Явился Лавров. Двери в кабинет были тщательно закрыты, прислуге было велено не входить, и Лавров вполголоса прочел нам „Размышления у парадного подъезда“ Некрасова! Слушатели таинственно и даже с некоторым страхом переглядывались между собою, тем более что чтение происходило в казенной квартире. <...> А когда Лавров кончил, водворилась на некоторое время тревожная тишина, которую хозяин наконец нарушил словами:

— Прекрасно... но нужна большая смелость, чтоб писать подобные вещи!...»³²

³⁰ Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград. 1966. С. 101 (Учен. зап. / Калинингр. пед. ин-т; Вып. 13).

³¹ ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 21. Факсимиле этой корректуры см. в изд.: Ашукан Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935. С. 277.

³² Вейнберг П. Безобразный поступок «Века» // Ист. вестн. 1900. № 5. С. 473—474. Ср. дневниковую запись М. П. Погодина от 6 мая 1860 г. о «Размышлениях...»: «Некрасов этими стихами выкупил много грехов» (Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1903. Кн. 17. С. 345). Погодин прочитал это стихотворение, по-видимому, еще в 1859 г. «Знакомо ли Вам стихотворение Некрасова „У подъ-

Разумеется, и здесь идет речь не о редакции «Размышлений...» с верноподданническим финалом. Характер чтения и реакция слушателей позволяют предположить, что Лавров читал список, содержащий антимонархическую строку «Сокрушить палачей и корону».

Напомним также, что 30 сентября 1859 г. А. Н. Плещеев сообщал из Москвы Н. А. Добролюбову (возможно, причастному к распространению «Размышлений...»): «Здесь ходит в рукописи „У подъезда“ Некрасова. Драшусов (цензор) слышал, как ее читал вслух Основский и говорил, что он готов бы пропустить ее, но без последних строк («Укажи мне такую обитель» и проч.)»,³³ — ясно, что речь идет здесь не о первоначальной концовке.

Касаясь вопроса о «кризисе доверия» к Александру-«освободителю» после обнародованных им в конце 1857 г. рескриптов, отметим еще одну немаловажную деталь текста «Размышлений...», присутствовавшую во всех прижизненных авторских публикациях начиная со «Стихотворений» 1863 г. Стихотворение имело подзаголовок: «Писано в 1858 году». «Дата-комментарий» — так охарактеризовал М. М. Гин прием, которым неоднократно пользовался поэт, чтобы указать догадливому читателю на связь произведения с конкретными историческими событиями.³⁴ Авторская дата-комментарий к «Размышлениям...», намекающая на упомянутые рескрипты, сродни отмеченным М. М. Гином таким же комментариям («Писано в ноябре-декабре 1865 года», «Писано в феврале 1857 года») к «Песням о свободном слове» и к исповеди Миши в «Сценах из лирической комедии „Медвежья охота“».

Обратимся ко второму возражению К. И. Чуковского, — о том, что Чернышевский говорил о «замене» нецензурного стиха строкой «Иль, судеб повинуюсь закону», а не о новом, добавочном стихе.

Как видно из цитированного выше письма к Пышину, Чернышевскому несомненно было известно о хождении списка с «крамольным» стихом в радикальных кругах русской интеллигенции. Но ни один из известных на сегодняшний день источников не подтверждает буквального смысла свидетельства Чернышевского. В списке, известном В. Е. Евгеньеву-Максимову, в списках Лазаревского, Васильковского, Глинок, в указанном мною экземпляре «Стихотворений» Некрасова 1864 г. место антимонархической строки в «Размышлениях...» указывается точно и во всех случаях одинаково — между стихами 113 и 114.

Необходимо иметь в виду и другой возможный вопрос: можно ли в строфу столь совершенного поэтического произведения включить целый стих, не нарушая строфики, рифмовки стихотворения? Для ответа на этот вопрос рассмотрим структуру «Размышлений...».

Строго говоря, это астрофическое произведение: в нем нет правильного чередования рифмованных стихов; завершенные, графически выделенные интонационно-синтаксические фрагменты для него также не характерны. Поэтому можно говорить лишь об особенностях чередования и сочетания различных способов рифмовки. В подавляющем большинстве строки этого стихотворения рифмуются четверостишиями с перекрестной или охватно-смежной рифмовкой. Однако в наиболее патетических местах поток гневных обличений, перечень неисчислимых страданий, страстные призывы «не умещаются» в четверостишие, речь лирического героя превращается в длинную тираду со сложной и как бы беспорядочной рифмовкой.

В стихотворении четыре таких отступления: стихи 41—48, 65—73, 94—98 и 111—117. Характерно, что каждый из этих фрагментов начи-

езда? — спрашивал в письме к нему от 1 октября 1859 г. С. Н. Палаузов. — Не прислать ли?» (ГБЛ, ф. М. П. Погодина, п. 23.53).

³³ Рус. мысль. 1913, № 1. С. 136.

³⁴ См.: Гин М. М. Текстологические заметки // Некрасовский сб. Л., 1933. Вып. 8. С. 94—95.

нается двумя смежно рифмующимися стихами, предваряющими основную, экспрессивную часть фрагмента.

Первый из названных фрагментов — восьмистишие, второй и четвертый тяготеют к восьмистишию, имея соответственно 9 и 7 строк. Почему в них нарушена симметрия? Во фрагменте «Созерцай, как солнце пурпурное» из 9 строк «лишней» можно назвать строку 72 («Ждущей смерти твоей с нетерпением»), удваивающую рифму «пением — попечением». Отсутствие именно этого стиха в названном списке Глинок и в корректуре ЦГАЛИ позволяет предположить, что в какой-то ранней редакции его не было вообще.

В последнем, особенно интересующем нас семистишии, рифмующемся по схеме *аавссв*, явно недостает для симметрии одного стиха, — по-видимому, исключенной автором строки «Сокрушить палачей и корону» (с). Таким образом, и формально-структурный анализ «Размышлений...» косвенно подтверждает органичность этого стиха в составе произведения.

Не выдерживает критики и указание К. И. Чуковского на несоответствие строки «Сокрушив палача и корону» стилю Некрасова и соответствие ее стилю студенческих песен конца 1870-х гг. Ведь, как мы уже говорили, все упоминавшиеся нами списки «Размышлений...» относятся к концу 1850—началу 1860-х гг. — времени до первой авторской публикации стихотворения в издании 1863 г. Именно поэтому Лазаревский и Васильковский вписали «Размышления...» в сборник 1856 г. — первое и до 1861 г. единственное (если не считать сборник «Мечты и звуки» 1840 г.) издание стихотворений Некрасова. Позднее почитатели поэзии Некрасова просто вписывали «крамольный» стих в печатный текст «Размышлений...» (см. указанный мною экземпляр «Стихотворений» 1864 г. в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

«Сокрушить палачей и корону» — безрассудно дерзкая, действительно уникальная строка, не имеющая равных по силе революционной ненависти во всем творчестве Некрасова. И все-таки ей нетрудно найти в нем аналогии — стилистические и семантические. Крепостническое дворянство в поэзии Некрасова неоднократно награждалось уничтожающими эпитетами и характеристиками. В «Песне преступников» из «Несчастных» (1856) эта характеристика сближается с характеристикой в «Размышлениях...»:

И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!..

(Н II, 4, 46)

Она, так же как и антимонархическая строка «Размышлений...», не могла быть включена автором в печатный текст. В беловом автографе этой поэмы был и смелый выпад против «короны»:

В ней пышны царские чертоги,
Но жалки избы [бедняков]

(Н II, 4, 316)

Нескрываемая ненависть к русской монархии звучит в одном из внутренних монологов героини поэмы «Княгиня Трубецкая» (1871):

Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
Гнездо царей... прощай!

(Н II, 4, 124)

Полный текст этого монолога, заканчивающийся проклятиями Николаю I, до сих пор неизвестен:

А ты будь проклят, мрачный дом,
 Где первую кадрили
 Я танцевала... Та рука
 Досель мне руку жжет...
 Ликуй

(Н II, 4, 125)

В другом месте поэмы Николай I прямо назван «палачом» (Н II, 4, 133).

Приведенные примеры с достаточной убедительностью разрушают сомнения в идейном и стилистическом соответствии стиха «Сокрушить палачей и корону» взглядам Некрасова и его поэтической лексике.

Нельзя считать убедительной и ссылку К. И. Чуковского на отсутствие соответствующей вставки в списке А. Я. Панаевой. Ведь Некрасов, бывший под надзором III Отделения, хорошо понимал, чем грозит ему хранение таких стихов в своем доме и тем более распространение их среди литераторов. Думается, что и герценовский список не имел этой строки, ибо имя автора стихотворения, ходившего в списках в России задолго до публикации в «Колоколе», было тогда уже известно.³⁵

Разумеется, опровержение, даже самое удачное, всех контрдоводов — еще не доказательство принадлежности Некрасову отчаянного по дерзости стиха. Решающим следует считать указание Чернышевского — ближайшего сотрудника поэта и списки, сохранившие для нас этот стих. Нет ничего удивительного и в том, что он дошел до нас в разных, хотя и очень близких друг другу, редакциях. Ведь он передавался устно, под угрозой смертельной опасности, воспроизводился по памяти или неисправным копиям.

Вариант антимонархического стиха, дошедший до нас в списке Глинок, представляется наиболее логичным и художественно совершенным. И все же отсутствие авторских указаний о наличии «крамольной» строки между стихами 113 и 114 и несовпадение дошедших до нас ее вариантов требуют максимальной осторожности в подходе к проблеме текста финальной части «Размышлений...». Думается, что сегодня этот вопрос должен решаться следующим образом. Концовка стихотворения должна печататься с конъектурным обозначением пропуска стиха, известного нам в различных рукописных вариантах:

Ты проснешься, исполненный сил,
 < >
 Иль, судеб повинувся закону,
 Всё, что мог, ты уже совершил,
 Создал песню, подобную стону,
 И духовно навеки почил?

Полный свод известных вариантов этого стиха следует помещать в «Других редакциях и вариантах» или в составе комментария к «Размышлениям...»:

- а. Сокрушив палача и корону
- б. Сокрушив палачей и корону
- в. Сокрушишь палача и корону
- г. Сокрушить палачей и корону
- д. С палачей ты сорвешь ли корону.

³⁵ Не исключено, что публикация «Размышлений...» в «Колоколе» в январе 1860 г. была одним из следствий известной поездки Чернышевского в Лондон летом 1859 г.

Г. В. Степанова

НЕКРАСОВ И ДОБРОЛЮБОВ. ИЗ ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
«ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ»

(ДОПОЛНЕНИЕ К КОММЕНТАРИЮ)

В сатирической «Дружеской переписке Москвы с Петербургом» (1859) во второй части, озаглавленной «Петербургское послание», в ее шестой строфе Некрасов упоминает фамилию Киттары:

Там сомневается почтеннейший Киттары,
Уж точно ли не нужно сесть детей?

(Н II, 2, 54)

В комментариях справедливо сказано, что поэт высмеял речь профессора М. Я. Киттары, произнесенную 17 декабря 1858 г. на собрании Московской практической академии коммерческих наук и затем опубликованную (см. об этом: там же, 356). Тем самым источник суждений Некрасова о высказываниях Киттары как будто бы назван. Мы не располагаем данными, которые позволили бы точно — положительно или отрицательно — ответить на вопрос, читал ли эту речь сам поэт. Приведем неопровержимые факты, позволяющие установить, откуда Некрасов мог знать о речи Киттары, даже если он не читал ее.

18 января 1859 г. Добролюбов писал И. И. Бордюгову: «Кстати, скажи, что означает превращение Киттары в Ваньку в его последнем отчете о Московской коммерческой академии? Я хотел его обругать, но рука не поднялась пока».¹ Но очень скоро критик выступил с рецензией на «Собрание литературных статей Н. И. Пирогова» и на «Речи и отчет, читанные в торжественном собрании Московской практической академии коммерческих наук 17 декабря 1858 года. Москва. 1858 г.». Она появилась в 1859 г. во втором номере «Современника».² В «Речах...» было напечатано и выступление Киттары. Добролюбов в своей рецензии критически охарактеризовал педагогические взгляды московского профессора, выраженные в этой речи. Особенно резкий отпор вызвали у критика высказывания Киттары по вопросам религиозно-нравственного воспитания и применения в учебных заведениях телесных наказаний детей. В своей речи он объявил себя врагом розог. Но вместе с тем заявил: «Я прибегаю к ним очень редко, в самых крайних случаях, в минуты сомнения в непогрешимости моего взгляда...».³ Эта фраза Киттары была процитирована Добролюбовым и подвергнута сатирическому осмеянию. Выделенное курсивом он обыграл в статье не один раз. Он писал, что у Киттары «... педагогика перемешивается с филантропией, и потому на него даже находят минуты сомнения в непогрешимости его взгляда — относительно розог!...».⁴ Именно это высказывание

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1964. Т. 9. С. 344.

² См.: Современник. 1859. № 2. Отд. III. С. 272—283.

³ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 209.

⁴ Там же.

Киттары о розгах и «минутах сомнения» было осмеяно в сатире Некрасова.

Для Добролюбова педагогические воззрения того или иного деятеля не были чем-то изолированным, они являлись отражением определенной общественной позиции. Он писал в этой рецензии: «... у г. Пирогова могут быть, конечно, и увлечения, и погрешности, как у всякого другого... Но мы видим в нем *ту смелость и беспристрастие взгляда*, *ту искренность в признании недостатков, ту независимость в отношении к обществу*, которые у других находим в гораздо слабейшей степени...».⁵ О том же самом — и далее в адресованных Киттары словах критика: «... мы желали бы от него более резкого и прямого выражения его собственных взглядов, менее уступок рутине и менее неопределенных фраз, имеющих иногда характер довольно двусмысленный».⁶

В дальнейшем Добролюбов не один раз будет писать о педагогике Киттары. В статье 1860 г. «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» он вновь процитировал в ироническом контексте те же слова Киттары, упрекнув его в уступчивости негуманным методам воспитания.⁷

Вскоре Добролюбов напечатал рецензию на речи и отчет в торжественном заседании той же академии уже 1859 г.⁸ Здесь он писал: «Г-н Киттары скромн и податлив; в хороших руках и при хорошей обстановке он был бы отличнейшим деятелем в чем хотите. *Где нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергия*, — там, конечно, на действительность его нельзя возлагать особенных надежд...».⁹ В статье отмечена непоследовательность, смутность и невыработанность воззрений Киттары. Они осуждаются Добролюбовым именно с позиции «независимости в отношении к обществу», «долгой борьбы, жертв, самостоятельной и независимой энергии». За этими определениями завуалированно выступали требования, которые с точки зрения революционера-демократа и отличают истинно передовых общественных деятелей. Их позицию критик противопоставил либеральному красноречию, которое он усматривал, в частности, в выступлениях Киттары. Итог его деятельности Добролюбов подвел в статье 1861 г. «От дождя к дождю»: «... Киттары <...> при всей своей гуманной репутации, показался мне на практике весьма несостоятельным».¹⁰

Так на протяжении трех лет критик «Современника» постоянно держал в поле зрения фигуру Киттары, его теории. Все это, разумеется, было прекрасно известно Некрасову, как редактору «Современника», где и печатались все упомянутые нами статьи и рецензии.

Возвратимся к сатире Некрасова. Обращаем внимание на то, что второй номер «Современника» за 1859 г., в котором Добролюбов впервые выступил с критикой Киттары и привел его «совестливые» размышления о розгах, был подписан к печати 15 января и 15 февраля 1859 г. Работа же Некрасова над «Дружеской перепиской Москвы с Петербургом» относится к середине того же 1859 г. (см. об этом: Н II, 2, 356). Таким образом, даже не держав в руках брошюру с речью Киттары, Некрасов знал о ней из рецензии Добролюбова. Следовательно, есть достаточные основания полагать, что именно рецензия критика послужила источником некрасовских строк о Киттары. Вряд ли можно объяснить простым совпадением то, что именно выделенная Добролюбовым фраза Киттары о розгах была высмеяна поэтом.

⁵ Там же. С. 241. Курсив наш. — Г. С.

⁶ Там же. «Двусмысленными», не имея возможности сказать «близкими к мракобесию», Добролюбов назвал рассуждения Киттары о религиозном воспитании.

⁷ Добролюбов Н. А. Собр. соч. М.; Л., 1963. Т. 6. С. 9—10.

⁸ Современник. 1860. № 1. Отд. III. С. 97—104.

⁹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 6. С. 33. Курсив наш. — Г. С.

¹⁰ Там же. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 136.

Известно постоянное тесное общение Некрасова и Добролюбова. В данном же случае оно было особенно тесным, так как Добролюбов имел самое прямое отношение к истории «Дружеской переписки Москвы с Петербургом», на одной из стадий ее создания был соавтором Некрасова (см. об этом: Н II, 2, 356). Со вступительной заметкой и примечаниями критика она была впервые напечатана.¹¹ Не исключено, что в этом постоянном личном общении Добролюбов мог просто подсказать Некрасову выпад против Киттары, критике взглядов которого он придавал серьезное значение и неоднократно уделял этому внимание в своих статьях и рецензиях.

Наше дополнение комментария к «Дружеской переписке Москвы с Петербургом» по частному вопросу — две строки о Киттары¹² — вносит новый штрих как в творческую историю этого произведения, так и в освещение вопроса о связях поэзии Некрасова с критической деятельностью Добролюбова.

¹¹ Современник. 1860. № 3. «Свисток» № 4. С. 30—42. См.: *Максимович А.* Некрасов — участник «Свистка» // Лит. наследство. М., 1946. Т. 49—50, кн. 1. С. 299—300.

¹² Напомним, что жена М. Я. Киттары — Е. П. Киттары (урожд. Вагнер, сестра Н. П. Вагнера, писавшего под псевдонимом «Кот Мурлыка») послужила И. С. Тургеневу прототипом Кукшиной в романе «Отцы и дети» (1862). Было высказано предположение, что Тургенев имел в виду либеральничанье и самого Киттары (см.: *Степанова Г. В.* О прототипе Кукшиной в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» // Рус. лит. 1985. № 3. С. 152—154).

Ю. Н. Ерофеев

КОМУ БЫЛО АДРЕСОВАНО ПИСЬМО НЕКРАСОВА О «КРАСНЫХ КНИЖКАХ»?

В двенадцатитомном «*Полном собрании сочинений и писем*» Некрасова помещено письмо, касающееся занимавшего поэта вопроса о распространении «красных книжек», которые, по его замыслу, должны были идти прямо в народные массы (имелись в виду 1500 экземпляров книги его стихотворений, предназначенной для такой продажи). Обращение к адресату в письме общее, обезличенное: «*Милостивый государь*». Не сохранился и конверт с адресом.

В указанном издании как адресат назван И. А. Голышев (Н I, 40, 472). В школьном учебном пособии по истории высказано предположение, что адресат носил другое имя: «А. К. Голышев — крестьянин Владимирской губ., ставший книгопродавцем, издателем лубочных картинок и дешевых книжек для народа».¹

Кому же из Голышевых адресовано письмо? Голышеву-отцу, Александру Козмичу, или Голышеву-сыну, Ивану Александровичу? Оба в 1862 г., во время написания письма, были живы и проживали во Мстере, оба имели прямое отношение к книоторговому делу. У каждой версии есть свои «за» и «против». А. К. Голышев — многоопытный торговец, глава, хозяин (юридически и фактически) голышевского дела. Казалось бы, с деловым вопросом (а письмо, по существу, является деловым документом) поэт мог обратиться скорее всего к А. К. Голышеву. Но И. А. Голышев не только книгопродавец, а еще и краевед, литератор, литограф, т. е. человек, более восприимчивый к веяниям времени, чем старший Голышев. К тому же именно он беседовал с поэтом при посещении Некрасовым Мстеры в 1861 г.

Письмо известно по фотокопии, хранящейся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.² Подлинник его, вероятно, утрачен. А. С. Пругавин видел это письмо у И. А. Голышева в 1893 г. при посещении Мстеры. На письме, датированном 28 марта, была помета, вероятно, рукою И. А. Голышева: «Получено 14 апреля 1862 г.». Опубликовано оно было впервые в 1893 г., но не в «Переписке И. А. Голышева с разными учеными лицами», как сказано в двенадцатитомном издании Некрасова, а в статье А. С. Пругавина «Книгоноши и офени».³ «Переписка И. А. Голышева с разными учеными лицами» вышла в свет только в 1898 г. Письмо неоднократно перепечатывалось и цитировалось.⁴

¹ Федосов И. А. История СССР: Учеб. пособие для 8 класса. М., 1975. С. 210.

² ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 45.

³ Пругавин А. С. Книгоноши и офени // Сев. вестн. 1893. № 4. С. 120.

⁴ Васильев С. Н. А. Некрасов во Владимирском крае // Владимир: Лит.-худож. альм. Владимир, 1952. Кн. 2. С. 196; Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам. Ярославль, 1975. С. 72; Голицын С. С., Маштафаров В. Н. И. Голышев — первый литограф провинциальной России // Альманах библиофила. М., 1976. Вып. 3. С. 195; Софронов Н. С. Это интересно знать. Ярославль, 1976. С. 147.

В 1983 г. на наш запрос Центральный архив литературы и искусства ответил, что до 1936 г. письмо находилось во Владимире, а в 1936 г. было передано Государственному литературному музею во временное пользование для пересъемки и затем возвращено во Владимир. Однако Государственный архив Владимирской области, не подтвердив этих сведений, сообщил нам, что в настоящее время данного письма в архиве нет.

Чтобы перейти к решению вопроса о том, кому из Голышевых писал поэт, сообщим краткие сведения о них.

А. К. Голышев (1805—1876) — сын мстерского крепостного иконописца, оставившего, однако, наследственный промысел: он «...разъезжал по селам и городам и снимал портреты; устроил косметическое заведение для выделки помады, духов, мыла, курительных свечек и т. п., но все это плохо делалось и еще хуже продавалось».⁵ С годами А. К. Голышев приобрел хватку, опыт и практические знания в торговом деле. «Он обладает огромным запасом сведений, приобретенных десятками годов деятельности <...> так что едва ли кто другой может с ним сравниться... Такой человек, в самом центре народной жизни, может сделаться одним из полезнейших <...> деятелей», — писал об А. К. Голышеве В. П. Безобразов.⁶

Своего сына Ивана А. К. Голышев отдал учиться основам литографского дела к московскому литографу Э. Лиле. После возвращения И. А. Голышева во Мстеру Голышевы завели собственную литографию. Она была открыта «в слободе Мстере на имя А. К. Голышева, так как сыну его не было 20 лет».⁷ Владельцы литографии, и отец, и сын, оставались при этом крепостными гр. В. Н. Панина.

Отдавая литографии и торговле в лавке отца большую часть своего времени, И. А. Голышев старался найти возможность и для занятий краеведением, изучения памятников старины, народных промыслов. Эта «бездоходная» деятельность сына раздражала старика Голышева.⁸

В 1871 г. Голышевы сочли за благо разделить хозяйство; сын при разделе получил всего «6 литографских камней и 38 рублей».⁹ Начался период самостоятельной деятельности И. А. Голышева. Его торговля книжками, лубочными картинками и прочей бумажной мелочью была чисто коммерческим предприятием. Бедняки-офины брали у него товар в долг, под заклады, которыми, случалось, служили дрожки, конская сбруя, самовары. Далеко не все потом могли расплатиться с кредитором. В общем все было так, как у отца, как у других мстерских торговцев.

В краеведческой литературе существует мнение, что голышевская лавка стала прообразом книжной лавки «села Кузьминского», описанной Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо», а сам И. А. Голышев — прототипом «купчишки-выжиги», который

Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд».¹⁰

Однако нам представляется не совсем верным, что и на торговлю «красными книжками» И. А. Голышев смотрел лишь как на «выгодное дело».¹¹ Ведь сотрудничество с Некрасовым, слава о котором, по соб-

⁵ Софронов Н. С. Это интересно знать. С. 147.

⁶ Безобразов В. П. Из путевых записок // Рус. вестн. 1861. Т. 34. С. 297.

⁷ Смирнов А. В. Голышев: (Биогр. очерк). Владимир, 1897. С. 17.

⁸ См.: Голышев И. А. Воспоминания // Рус. старина. 1879. № 6. С. 361.

⁹ Голицын С. С., Маштафаров В. Н. И. Голышев — первый литограф провинциальной России. С. 195.

¹⁰ См.: Софронов Н. С. Это интересно знать. С. 147.

¹¹ Полторацкий В., Ларин С. Поездка во Мстеру // Огонек. 1971. № 49. С. 12—13.

ственным словам И. А. Голышева, «давно долетела до наших мест»,¹² не могло не льстить его самолюбию. В случае с Некрасовым финансовая сторона дела могла отойти на второй план.

Для Голышева всегда было характерно честолюбивое стремление выпросить награду или хотя бы снискать благосклонный взгляд сильных мира. В его обычае было показаться на глаза влиятельному лицу при первом же удобном случае.¹³ Постоянное подчеркивание И. А. Голышевым «его патриотически-монархических чувств и православно-церковных воззрений <...> привело в конце концов бывшего крестьянина-самоучку в лагерь самой черносотенной реакции».¹⁴

Однако другая, безусловно полезная сторона деятельности И. А. Голышева — краеведческие, археографические и этнографические изыскания — получила всеобщее признание еще при его жизни. Многие его сообщения не утратили своей значимости и по сей день. После смерти И. А. Голышева его вдова закрыла литографию и распродала собранные им редкости, многие из которых имели музейную ценность.¹⁵

Известно, что Некрасов посетил Голышевых во Мстере в 1861 г., возвращаясь из Грешнева в Петербург или, может быть, при переезде из Алешунина в свое родовое имение. О том, кто именно указал Некрасову на Голышевых, достоверных сведений нет. Он услышал о них, по одной версии, от редактора «Владимирских губернских ведомостей» К. Н. Тихонравова, по другой — от вязниковского купца М. И. Сизякова, родственника Голышевых. Возможно также, что Некрасов уже знал о характеристике А. К. Голышева, данной В. П. Безобразовым в том же 1861 г.¹⁶ Во всяком случае, встреча не была случайной: поэт ехал во Мстеру с уже определенным намерением — повидаться с Голышевым.¹⁷ Некрасова привлекла возможность установить через него связь с офенями, распространявшими книги в гуще народа, в первую очередь среди крестьян.

Напомним, что во Мстере с поэтом беседовал И. А. Голышев: «Я поспешил ему навстречу и отрекомендовался ему. <...> Я с полнейшей охотой предложил ему сообщить все интересовавшие его сведения».¹⁸ Некрасов побывал в доме Голышевых, напился чаю, зашел в голышевский магазин, просмотрел имевшиеся там «народные» книги. Возможно, что он виделся при этом и с А. К. Голышевым. Однако ни в одном из источников сведений о разговоре поэта с А. К. Голышевым нет. Собеседником и гидом поэта был И. А. Голышев.

Письмо Некрасова, краткое, почти без пояснений, воспринимается как продолжение разговора, возвращение к делу, уже обсуждавшемуся. В письме нет ни слова о том, когда и как возник замысел издания «стихотворений, назначаемых для народа», почему поэт обратился именно к Голышеву, почему он считает, что цена 3 копейки за экзем-

¹² Цит. по: *Пругавин А. С.* Книгоноши и офени. С. 120.

¹³ Письмо К. Н. Тихонравова к Я. П. Гарелину от 13 июля 1869 г. // ГБЛ, ф. 342, оп. 9, № 26.

¹⁴ *Власов И. И.* Некрасов во Мстере // ЦГАЛИ, ф. 1884, оп. 1, № 62.

¹⁵ «Милостивый государь Павел Петрович, — писала она П. П. Шибанову в 1897 г., — недавно я получила вещи из музея, опись которых Вы видели; они сейчас находятся в доме Александры Ивановны Ручкиной, в Москве, на Садовой улице. При личном свидании с Вами Вы мне говорили, что желаете посмотреть эти вещи. Это теперь можно исполнить, можете съездить и посмотреть все, что получили. И прошу Вас, как честного человека, — скажите прямо, что будут стоить эти вещи...» (ГБЛ, ф. 342, карт. 16, № 88).

Литографские камни из типолитографии Голышева, накопившиеся за несколько десятилетий, были, как сообщал нам вязниковский краевед В. Н. Маштафаров со слов покойного знатока старины Куликова, куплены оптом одним из местных купцов, который то ли вымостил ими двор, то ли использовал их в стеной кладке.

¹⁶ См.: наст. сборник, с. 137, сноска 6.

¹⁷ См.: *Пругавин А. С.* Книгоноши и офени. С. 120.

¹⁸ Там же. С. 123.

пляр, «не дороже», устроит торговцев. Очевидно, об этих деталях уже шла речь при личной встрече. «По моему совету, — сообщал И. А. Голышев, — Некрасов решил, что брошюрки с его стихами будут продаваться в виде маленьких книжечек».¹⁹

Сам И. А. Голышев вполне определенно утверждал, что письмо Некрасова было адресовано именно ему: «...прислал мне 1500 экземпляров этой книжки, при письме, в котором просил продавать их через офеней»;²⁰ «...с ним у меня была небольшая переписка по поводу его народных изданий».²¹ Нет оснований не верить И. А. Голышеву в этом вопросе. Интересно в связи с этим отметить, что, вспоминая о приезде В. П. Безобразова — фигуры по тем временам весьма значительной, И. А. Голышев не искажал в угоду честолюбию истину и не приписал себе близкое знакомство с ним: «...он более имел разговор с покойным моим отцом».²² Поэтому мы думаем, что и при описании встречи с Некрасовым он едва ли мог исказить сведения о пребывании поэта в Мстере и последующем письменном общении с ним.

Первые публикаторы письма, видевшие его, не усомнились в том, что адресатом письма был именно И. А. Голышев, а не его отец.²³ Мы также считаем наиболее вероятным адресатом некрасовского письма И. А. Голышева, а не А. К. Голышева.

Куда было адресовано некрасовское письмо? Можно обсуждать три адреса: слобода Холуй, усадьба Голышовка и слобода Мстера. Первый адрес можно исключить сразу. В слободе Холуй И. А. Голышев торговал в 1861—1862 гг. в лавке на ярмарке. Однако письмо написано Некрасовым в кошке марта, а получено в середине апреля, в доярмарочное время, в дни разлива вешних вод, когда путь к Холую с «нагорной» стороны, по которой проходили почтовые дороги, был отрезан.

В «усадьбу Голышовку» Голышевы адресовали свои письма, по-видимому, после 1871 г.: скорее всего в это время, не ранее разделения хозяйств отца и сына,²⁴ там и был построен трехэтажный дом.²⁵ В 1869 и в 1870 гг. письма И. А. Голышева еще имели пометку: «Слобода Мстера Вязниговского уезда Владимирской губернии».²⁶ Некрасовское письмо, как еще более раннее, не могло быть адресовано в Голышовку.

В Мстере И. А. Голышев в 1862 г. жил в доме отца — двухэтажном доме в «центре <...> недалеко от собора. В нижнем этаже помещалась типолитография и жили хозяева, в верхнем была рисовальная школа для девочек»,²⁷ обучавшихся ручной раскраске лубочных картин.²⁸ Со-

¹⁹ Там же. С. 120.

²⁰ Там же.

²¹ Голышев И. А. Воспоминания. С. 755.

²² Голышев И. А. Воспоминания о Владимире Павловиче Безобразове // ГИМ, Отд. письменных источников, ф. 450, № 838 об.

²³ А. В. Смирнов без каких-либо колебаний или оговорок поместил это письмо в изд.: Переписка И. А. Голышева с разными учеными лицами. М., 1898. С. 108.

²⁴ Голицын С. С., Маштафаров В. Н. И. Голышев — первый литограф провинциальной России. С. 195.

²⁵ В начале или в середине 1870-х гг. он уже стоял и был заселен (см.: Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам. С. 77).

²⁶ Письма И. А. Голышева к М. П. Погодину за июнь 1869—март 1870 г. // ГБЛ, ф. 11, оп. 8, № 67, л. 1—2.

²⁷ Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам. С. 80.

²⁸ В печати была опубликована фотография дома с указанием, что именно здесь Некрасов посетил Голышева (см.: Знамя (Вязники). 1961. 17 сент.). Это сообщение, впрочем, вскоре было опровергнуто: «...встреча с поэтом состоялась не в доме, показанном на снимке» (Там же. 1961. 1 нояб.). В действительности же оба дома Голышевых — и в Мстере, и в Голышевке — не сохранились до наших дней. Но изображение старого голышевского дома существует: к статье Н. Добрынкина о Мстере в выпуске 2 «Трудов Владимирского губернского статистического комитета» приложен «Вид Божоявленской слободы Мстеры», который рисовал «с натуры и на камне И. Голышев». Правый в ряду на переднем плане — старый голышевский дом; рисунок при всей его условности дает представление о доме, в который заглядывал Некрасов.

общение И. А. Гольшева о том, что Некрасов «долго сидел у нас» (а не «у меня»), — тоже в пользу предположения о посещении поэтом отцовского дома Гольшевых.

Итак, письмо Некрасова вероятнее всего было адресовано в слободу Мстеру.

Повторим в заключение, что традиционное обозначение адресата представляется нам более правильным, чем то, которое приведено в учебнике И. А. Федосова.

М. Д. Эльзон

НЕИЗВЕСТНОЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЕ НЕКРАСОВА

Хвала Шекспиру загремит
От брита, немца и француза,
И только русская смолчит
Кнутом засеченная Муза.

Это четверостишие, обнаруженное мною в архиве П. П. Пекарского среди собранных им «Разных поэтических произведений неустановленных авторов»,¹ до сих пор не привлекало внимания и, сколько известно, не публиковалось. Между тем оно несомненно заслуживает особого рассмотрения.

О том, что стихотворение, возможно, принадлежит Некрасову, свидетельствует последний стих известной концовки стихотворения «О Муза! я у двери гроба!..» (1877):

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом исеченную Музу... —
(Н II, 3, 218)

имеющий вариант:

Кнутом засеченную Музу.
(Н II, 3, 383)

Если обнаруженное четверостишие Некрасову не принадлежит, значит, поэт запомнил последний стих и впоследствии его использовал. Однако четверостишие записано рукой Некрасова — лишнее доказательство того, что он и был его автором.² Это подтверждается и реконструированной историей создания стихотворения.

23 апреля 1864 г. исполнялось 300 лет со дня рождения великого английского драматурга. Чтобы отметить это событие, имевшее, безусловно, международное значение, Комитет Литфонда образовал специальную Шекспировскую комиссию для организации юбилейного вечера в составе П. В. Анненкова, И. А. Гончарова, С. С. Дудышкина, А. Д. Кригера, А. Н. и М. Н. Островских, В. В. Самойлова и Б. И. Утина.³ Как писал 5 марта П. В. Анненков И. С. Тургеневу, «по программе, определенной Комиссией Шекспира <...> юбилей Шекспира должен происходить 23 апреля с. г. в Большом театре (с 1896 г. —

¹ ГПБ, ф. 586, № 471, л. 5.

² Этим же почерком написано достоверное письмо поэта к А. А. Буткевич, условно датированное началом сентября 1860 или 1861 г. (Н I, 10, 424; ИРЛИ, ф. 203, № 54, л. 10—11).

³ Состав Комиссии реконструирован мною по кн.: Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым...: Список его членов. 1859—1884 гг. СПб., 1885. С. 2, 14, 19, 28, 37, 44, 50, 51.

Консерватория. — М. Э.) и состоять: 1) из Мендельсоновой симфонии на «Сон в летнюю ночь» с хорами и Рубинштейном, 2) из чтения статьи Тургенева о Шекспире, 3) из живых картин, изображающих <...> сцены его трагедий по рисункам Каульбаха и др., 4) из стихов Островского, Майкова и проч.»⁴ Через три недели, 25 марта, Анненков информировал Тургенева: «Шекспировский праздник колеблется по нежеланию предоставить театр и театральные средства частному обществу на сей случай».⁵ Наконец, 5 апреля министр двора В. Ф. Адлерберг известил председателя Литфонда Е. П. Ковалевского о том, что Александр II считал «неуместным учреждать юбилейное торжество в память рождения поэта, хотя и великого поэта, при непосредственном участии и как бы по вызову правительства. Посему его величество не соизволил на предоставление для означенной цели театра императорского, дозволяя, впрочем, почитателям Шекспира, русским подданным и проживающим здесь иностранцам отпраздновать день его рождения между собою с соблюдением установленных на подобные случаи правил».⁶

Шекспировский вечер состоялся 23 апреля в зале Русского купеческого общества. Как сообщал хроникер «Голоса» в заметке без подписи, «праздник вышел довольно холодным, чтобы не сказать скучным. <...> Г. Майков прочел свое стихотворение „Шекспир“ и стихотворение г. Полонского „К Шекспиру“, а г. Бенедиктов — сцены из ненапечатанного перевода „Король Джон“, сделанного Дружининым, и еще собственное стихотворение, также по поводу празднества».⁷ 24 апреля в «С.-Петербургских ведомостях» был опубликован текст речи Тургенева, прочитанной на вечере П. П. Пекарским (не исключено, что именно поэтому Некрасов подарил ему на память автограф, не сделав, однако, соответствующей надписи и не подписавшись).

Как отмечал историк Литфонда А. А. Корнилов, слушателей на вечере «собралось так мало, что расходы по его устройству членам Комитета пришлось покрыть из собственных средств».⁸ В действительности расходы были возмещены по распоряжению «свыше»: сохранилось отношение А. В. Головкина на имя Е. П. Ковалевского от 29 апреля 1864 г. за № 3688 о том, что «государь император по всеподданнейшему докладу моему в 25-й день сего апреля высочайше разрешить соизволил: выдать Обществу <...> одновременно тысячу р. сер. из сумм Министерства народного просвещения».⁹ Надо полагать, это была материальная компенсация за фактически сорванный вечер.

Одновременно с сообщениями о шекспировских «торжествах» в России газеты писали о том, как отмечался юбилей в Англии, Германии и Франции (т. е. «бритом, немцем и французом»). На родине драматурга юбилей был отмечен широко, в Германии — достаточно скромно, во Франции же празднования были запрещены.¹⁰

В апреле 1864 г. Некрасов был в Петербурге, однако присутствовал ли он на шекспировском вечере — неизвестно. Никаких отзвуков нет и в сохранившихся письмах поэта. Все это представляется странным, если учесть особое отношение Некрасова к гениальному англичанину.

⁴ ИРЛИ, ф. 7, № 8, л. 64—64 об.

⁵ Там же, л. 66.

⁶ Цит. по: Шекспир и русская культура / Под ред. М. П. Алексева. М.; Л., 1965. С. 411. См. также: ГПБ, ф. 438, № 13, л. 76—77. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить Ю. Д. Левина за ряд ценных указаний, сделанных при подготовке настоящей статьи.

⁷ Голос. 1864. 26 апр. № 114. «Вседневная жизнь». С. 2. Стихотворение Бенедиктова неизвестно (указано Б. В. Мельгуновым).

⁸ Корнилов А. А. Пятидесятилетие Литфонда // Юбилейный сборник Литературного фонда. СПб., 1909. С. 31.

⁹ ГПБ, ф. 438, № 13, л. 119.

¹⁰ Голос. 1864. 23 апр. № 111; С.-Петербургские вед. 1864. 24 апр. № 89.

нипу. С другой стороны, в «Современнике» в юбилейном году были опубликованы две трагедии — «Юлий Цезарь» (№ 4) и «Король Генрих VIII» (№ 9). Свое же отношение к срыву юбилея Некрасов выразил в четверостишии, написанном вероятнее всего в тот момент, когда поэту стало известно о «высочайшем повелении» 5 апреля, т. е., во всяком случае, в первой декаде месяца.

Это время было особенно трудным и для журнала, и для Некрасова. Доживал последние месяцы М. Л. Михайлов. Томился в крепости Н. Г. Чернышевский (уместно отметить, что Государственный совет 7 апреля 1864 г. утвердил приговор, вынесенный Сенатом). По словам В. Е. Евгеньева-Максимова, «никогда положение „Современника“ не было более угрожаемым, как весной 1864 г.»¹¹

В это же время проходило через цензуру четвертое издание «Стихотворений» Некрасова. Первые две части, являвшиеся перепечаткой третьего издания, прошли благополучно. 20 марта 1864 г. А. А. де Роберти подписал к печати третью часть. Однако при рассмотрении доклада цензора на заседании С.-Петербургского цензурного комитета 1 апреля 1864 г. были запрещены к помещению в третьей части «Железная дорога», «Колыбельная песня» и «Тургеневу» («Мы вышли вместе... Наобум...»). На заседании Совета по делам печати 7 мая распоряжение Комитета было одобрено.¹²

При таком стечении обстоятельств у Некрасова вполне могло сложиться впечатление, что русская Муза «кнута засечена».

Не исключено, что к этому же времени относится работа Некрасова над «Газетной», впервые опубликованной в августовском номере «Современника» 1865 г. Здесь имеются такие стихи:

Спокон веку работа народная
Под унылую песню кипит,
Вторит ей наша Муза свободная,
Вторит ей — или честно молчит.

(Н II, 2, 197)

Ср. в наборной рукописи: «гордо молчит» (Н II, 2, 312). В контексте публикуемого четверостишия Некрасова представляется достаточно ясным, о каком «молчании» и о какой «свободе» идет речь, тем более что «Газетная» — одно из наиболее ярких произведений Некрасова, направленных против цензуры.

Новонайденное четверостишие заслуживает внимания и при обсуждении вопроса о датировке стихотворения «Вчерашний день, часу в шестом...». В специальной статье¹³ я высказал предположение о том, что стихотворение относится не к 1848 г., а к началу 1870-х гг. и, возможно, является экспромтом, — во всяком случае, написано именно для альбома О. А. и П. А. Козловых. Это предположение было оспорено, во-первых, в статье Е. В. Душечкиной, полагающей, что стихотворение следует датировать 1848—1873 гг. и подкрепляющей свою точку зрения целым рядом ценных наблюдений, в том числе связанных со взаимоотношениями Некрасова и Тургенева,¹⁴ и, во-вторых, Г. А. Тишкиным, рассматривающим это стихотворение в контексте женского вопроса в России и относящим его к концу 1850—началу 1860-х гг.¹⁵ Новонайденное

¹¹ Евгеньев-Максимов В., Тизенгаузен Г. Последние годы «Современника». 1863—1866. Л., 1939. С. 81.

¹² См.: Гарнави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград. 1966. С. 110—111 (Учен. зап. / Калинингр. пед. ин-т; Вып. 13).

¹³ См.: Некрасовский сборник. Л., 1980. Вып. 7. С. 123—130.

¹⁴ Душечкина Е. В. Стихотворение Н. А. Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом...» // Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Таллин, 1983. С. 28—49.

¹⁵ Тишкин Г. А. Женский вопрос в России. 50—60-е годы XIX века. Л., 1984. С. 177. См. также статью этого автора «К вопросу о датировке стихотворения „Вче-

четверостишие как будто является аргументом в пользу второго предположения.

Помимо того, его следует рассматривать и как выражение авторской воли в связи с текстологической проблемой заключительного стиха «О Муза! я у двери гроба!..». Как известно, при жизни Некрасова стихотворение опубликовано не было. Впервые оно было напечатано в «Отечественных записках» (1878, № 1) с цензурной купюрой в последнем стихе: «.....Музу...». В третьем томе «Стихотворений» 1879 г. этот стих уже читался так: «.....иссеченную Музу». Поскольку оба варианта, «Кнутом засеченную Музу» и «Кнутом иссеченную Музу», известны в копиях П. А. Ефремова,¹⁶ но аутентичным, как теперь выяснилось, является первый, он и должен быть принят в качестве единственно достоверного, и финал стихотворения «О Муза! я у двери гроба!..» должен печататься в следующем виде:

Не русский — взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом засеченную Музу.

Это более соответствует и смыслу стихотворения, и созданному поэтом образу забитой насмерть Музы.

рашний день, часу в шестом...» (Некрасовский сб. Л., 1988. Вып. 9. С. 104—107). К сожалению, в начале статьи автор дезинформирует читателя, уверяя, что цитаты из книги А. Г. Тимофеева, которые отражают впечатление, производившееся на общество «торговой казнь», приведены в моей статье с неправильным библиографическим указанием. В действительности это не так.

¹⁶ См.: Н II, 3, 383; *Чешихин-Ветринский В. Е.* Крохи Н. А. Некрасова (из данных П. А. Ефремова) // *День*. 1913. 31 дек. № 354. Прил. С. 1.

О. Б. Алексеева

ОБ ОДНОМ ПОДРАЖАНИИ НЕКРАСОВУ

Некрасовская поэзия, всегда участвовавшая в пропаганде революционных идеалов, была для революционных народников, а затем и для пролетарских поэтов настоящей школой идейно-художественного воспитания. Во всех монографиях и статьях, посвященных выдающимся советским поэтам, также говорится о «некрасовской школе». Поэты разных эпох «встречаются» на главном пути народной культуры, устанавливая живую связь времен. В таких «встречах» проверяется прочность классических традиций, устанавливается духовное родство разных поколений. И чем более напряженной была борьба за народность и гражданственность в искусстве, тем более и более приковывалось внимание к Некрасову, возрастало значение его поэтического наследия.

Для крестьянских и рабочих поэтов «некрасовская школа» — это трудные художественные поиски, стремление проявить себя в гражданской поэзии, увлекающей на борьбу за социальную справедливость. Но именно здесь мы встречаемся с таким явлением, как подражательство, а подчас и просто эпигонство. Явление это не следует упрощать. Судить о подражательной поэзии нужно дифференцированно, учитывая историческую потребность в подражании Некрасову, идейную направленность и эстетическую ценность произведений, созданных в «некрасовском стиле».¹

Особенно много подражаний вызвала поэма «Кому на Руси жить хорошо». И. Ю. Твердохлебов не без оснований полагает, что почти все эти «подражания означали отказ от художественного метода Некрасова, они были лишь подделками под некрасовский слог и его литературную манеру».² Л. А. Розанова же, специально изучавшая многочисленные переделки поэмы, придерживается несколько иного взгляда. По ее мнению, замечателен уже сам факт, что к некрасовской поэме обращались поэты разных поколений и разных дарований, начиная с профессиональных литераторов XIX в. и кончая рабочими поэтами XX в. Справедливо замечая, что идейное содержание и поэтическая структура подражательных поэм («Где лучше?», «Кому на Руси жить хорошо» и «Кому на свете жить плохо» Д. Минаева, «Кому вольготно, счастливо живется в одном не то селе, не то городе» С. Рыскина, «Кому на Москве жить хорошо» Н. Седельникова, «Кому живется весело» К. Хетагурова, «История села Иванова» М. Артамонова) «столь своеобразны, что термин „подражание“ в применении к ним оказывается далеко не точным», Л. А. Розанова считает более правильным «говорить

¹ Трудно вообще назвать еще кого-либо из русских поэтов, чьи произведения имели бы такое широкое распространение в устных и письменных интерпретациях (см.: *Кожевников Е. М.* Некрасов в стихах русских поэтов: Библиогр. указ. // Некрасовский сб. Л., 1967. Вып. 4. С. 272—287).

² *Твердохлебов И. Ю.* Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1964. С. 189.

не только и не столько о подражательности, сколько о преемственности».³

Нам представляется, что даже самые яркие в художественном отношении «подражания» все же нельзя рассматривать как проявление творческой преемственности, как продолжение некрасовских традиций. Не отрицая исторической ценности всех произведений, в основе которых лежит подражание поэме «Кому на Руси жить хорошо», локального своеобразия отдельных сюжетов, аккумулирующих новое социальное содержание, следует все-таки признать, что даже самые удачные «вольные переложения» некрасовской поэмы оставались на периферии основного литературного процесса, никак не могли соперничать с великим оригиналом и тем более превзойти его. К тому же не все «переделки» ориентировались на идейное содержание поэмы «Кому на Руси жить хорошо». В ряде случаев мы имеем дело с полемическим замыслом, с пересмотром некрасовского сюжета, с пессимистическим взглядом на поиски народного счастья.

Поэма Некрасова обладала исключительной силой притягательности. Ее сюжет, наполовину выросший из сказочного фольклора, сам становился «бродячим», передающимся от поколения к поколению, причем первыми ценителями и пропагандистами поэмы были русские революционные народники, участники знаменитого «хождения в народ», а затем рабочие поэты, тоже своеобразные пропагандисты, выступавшие уже в новую историческую эпоху. Некрасовское произведение было как бы участником трех революций: готовившейся, но несостоявшейся крестьянской революции 1860-х гг., первой русской революции 1905 г. и, наконец, Великой Октябрьской социалистической революции. Сюжет поэмы, сюжет народных странствий и поисков правды, оказался исключительно подвижным, «отзывчивым» на важнейшие события народной жизни. В каждую революционную эпоху он был созвучен народным чаяниям. Сама поэма Некрасова превращалась в своеобразный революционный фольклор, давала возможность наполнения устоявшейся фабулы новым содержанием и возникновения новых сюжетобразований, более злободневных вариантов странствий ее героев. Время, отделявшее Некрасова от его подражателей, не было помехой; наоборот, историческое время часто работало на дальнейшее развитие некрасовского сюжета, не доведенного самим автором до конца.

Приведем только один пример: в 1919 г. в газете «Рабочий край» (Иваново) (7 нояб. № 253) Д. Н. Семеновский публикует свою поэму под названием «Кому на Руси жить хорошо», где изображается окончательная победа рабочих и крестьян над царем и помещиками. В этом произведении появляется и продиктованный сложной обстановкой первых послереволюционных лет такой новый мотив — как сохранить завоевания Октября от посягательств новоявленных колупаевых:

В октябрьский красный праздничек,
Товарищи рабочие,
Держите вы на памяти,
Что первый после барина
И барского прислужника,
Проклятого Деникина,
Ваш враг — спекулянт.⁴

Подражательное произведение, названное нами, позволяет понять, насколько кстати «пришелся» Некрасов с его суровым реализмом в момент столкновения пролетарских поэтов с «предрассудками масс»,⁵

³ Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973. С. 177—178.

⁴ Цит. по: Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. С. 165.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 36. С. 269.

с проявлениями буржуазных пережитков. Речь шла и о нравственном самоочищении, и о разоблачении спекулянтов и дельцов как злейших врагов народа. Некрасов-сатирик снова участвовал в борьбе за утверждение самых гуманных идеалов, помогая рабочим поэтам выносить приговор старому прогнившему миру. Он был для них наставником, обличителем людских пороков и поэтом-трибуном, поэтом-гражданином, вдохновляющим своим словом на подвиги, на борьбу за народное счастье.

Возникшая в поэме Д. Н. Семеновского «Кому на Руси жить хорошо» тема спекулянтов, торгашей, приобретателей стала актуальной в годы нэпа, когда была сделана временная уступка частному капиталу.

Откликом на негативные явления, порожденные этим периодом, явилось стихотворение «Дедушка».⁶ Его автором был поэт-правдист А. Н. Соловьев (псевдоним: «Нелюдим»).⁷ Стихотворение не случайно появилось в этом пролеткультовском журнале. Двамя годами ранее тот же журнал опубликовал статью М. Н. Покровского под названием «Некрасов как предвестник современной пролетарской поэзии», в которой автор заявлял, что если бы поэт дожил до 1917 г., он «оказал бы нам еще большую услугу в нашей громадной работе пропагандистов идей коммунизма и просветления темных озлобленных умов».⁸

Стихотворение «Дедушка» Соловьева-Нелюдима — пример своеобразной литературной мистификации. В небольшом предисловии автора к нему говорится, что на одном из «спиритических сеансов» был вызван дух поэта-гражданина Некрасова, который рассказал о «своем последнем произведении». Из дружеской беседы с Некрасовым выясняется, что он сочувствует Коминтерну и «разделяет принципы коммунизма». Поэт-демократ и сатирик обращает внимание на неприглядные стороны сложного переходного периода, переживаемого страной, обличает разного рода «буржуазных франтов», новоявленных бюрократов и перерожденцев. Автор не просто использует отдельные мотивы и поэтические образы из поэмы Некрасова «Дедушка», его стилистические приемы и фразеологию, но предпринимает своеобразный маскарад, прибегая к приему «переодевания», ведя повествование от лица некрасовского героя. Он не пренебрегает и прямыми заимствованиями из указанных поэм.

С помощью Некрасова автор разоблачает буржуазную накипь, поднявшуюся на поверхность в годы, предшествовавшие нэпу и во время самого нэпа. С негодованием, в частности, он пишет о тех, о ком в 1919 г. говорил В. И. Ленин: «Мы выгнали старых бюрократов, но они снова пришли, они называют себя „камунистами“, если не могут сказать коммунист, они нацепляют красную петличку, они лезут на теплое местечко. Как тут быть? Опять и опять с этой нечистью бороться, опять и опять, если эта нечисть пролезла, чистить, выгонять...».⁹

Произведение Соловьева-Нелюдима построено на вопросах любознательного внука, несущих основную смысловую нагрузку. В них сконцентрирована гражданская тревога писателя, которого мучает мысль о том, что спекулянты и бюрократы могут нанести урон советскому строительству, оказать разлагающее влияние на молодое поколение. Особенно вол-

⁶ Грядущее. 1921. № 9—12. С. 79—82.

⁷ Алексей Николаевич Соловьев (1888—1931) — сын заводского рабочего. С 12 лет работал в Петербурге маляром, много скитался по разным губерниям; был маляром, землекопом, грузчиком. Первое его стихотворение появилось в газете «Путь правды» (1914. 17 мая). После Октябрьской революции был редактором газеты «Известия уездного Галичского исполнительного комитета Совета рабочих и крестьянских депутатов». Публиковал стихи, рассказы, фельетоны. Сотрудничал в газете «Плуг и молот», также выходившей в Галиче. Автор сборников стихов «Полеты» (1920), «Цветной ковер» (1922). Последние годы жизни провел в Ленинграде.

⁸ Грядущее. 1919. № 7—8. С. 26—27.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 15.

нует его, как уже говорилось, остро стоявший в это время вопрос о борьбе со спекуляцией, о которой В. И. Ленин в 1921 г. писал: «Свобода торговли есть капитализм, капитализм есть спекуляция, закрыть глаза на это смешно».¹⁰

Стихотворение «Дедушка» призывало к социальной бдительности. При этом у Соловьева-Нелюдима ощущается, правда, некоторая растерянность перед нэпом, непонимание всех сложностей окружающей обстановки. Дедушка у Соловьева-Нелюдима, как и у Некрасова, не спешит с ответом внуку: «Вырастешь, вот и узнаешь, Как оно, что, почему...». Мы считаем полезным познакомить читателя со стихотворением Соловьева-Нелюдима, так как номера журнала «Грядущее» давно стали библиографической редкостью.

ДЕДУШКА

— Вырастешь, Саша, узнаешь...

Некрасов

Дедушка, старый философ,
С внуком в столицу попал.
Множество разных вопросов
Внук старику задавал.
Прелюбознательный мальчик
Просит у деда ответ.
Знает, что дед — не обманщик,
Но молчалив его дед.
— Молодо ты рассуждаешь, —
Дед неизменно ему, —
Вырастешь, вот и узнаешь,
Как оно, что, почему.*

— Дедушка, что это значит:
Всем нехватает пайка,
Многие с голоду плачут
И дорожает мука?
В кафе какие-то франты
Весело пьют и едят.
Видно, они — спекулянты.
Бедные только глядят
С завистью. Как полагаешь,
Кушать им хочется тож?
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Вырастешь, милый, поймешь.

— Дедушка, сахару, чаю
Вот на пайки не дают.
А спекулянты, я знаю,
Этот товар продают?
Неразрешимы вопросы.
Есть тут какой-то обман.
Вон продают папиросы:
Всюду «Зефир» и «Осман»,
С фабрик советских, смекаешь?
А потребилковке — нос.
— Вырастешь, Саша, узнаешь
Все... и насчет папирос.

— Дедушка, эвон, гляди ты:
Служащих тыщи... орда!
А развелось во-ло-ки-ты
Столько, что просто беда!
Барышень уйма в советах,
Надо всем барышням есть;
А главсовбуrows в каретах, —
Дедушка, милый, — не счесть! **
Месяц паек исправляешь,
Сердце и брюхо болит.
— Вырастешь, Саша, узнаешь
Правду и суть волокит.

— Дедушка, вот коммунисты
Всюду у власти сидят:
Коп уж больно речисты,
Коп уж больно молчат.
Дружно стоят за советы,
Но меж собой не равны:
Коп уж больно одеты,
Коп уж больно бедны.
Тут без коммуны сплосаешь:
Личным примером учи...
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
О коммунистах молчи...

— Тысячи три с половиной
В месяц рабочим за труд!
Тут не прожить: и с мякиной
Хлеб-то — четыре за фунт?!
Значит, путем комбинаций,
С голоду — всюду грешки...
Стали на путь спекуляций,
Помощь — «Максим» и мешки.
Дедушка, коль голодаешь,
С совестью в сделку пойдешь...
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Быстро ты, милый, растешь.

Воспроизвел Нелюдим.

¹⁰ Там же. Т. 43. С. 236.

* Очевидно, Некрасов в своем послесмертном стихотворении рисует тип Саша не из барской породы, как это было в его первой поэме, по образности своих выражений Саша взят просто от сохи или сын грубого рабочего. (Примеч. автора).

** Вероятно, мальчик перепутал советы с советскими учреждениями, а автомобили с каретами. (Примеч. автора).

III. ПУБЛИКАЦИИ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К НЕКРАСОВУ

ПУБЛИКАЦИЯ О. Б. АЛЕКСЕЕВОЙ И Р. Б. ЗАБОРОВОЙ

Представляемые письма дополняют существующее фундаментальное собрание писем к Некрасову в изд.: Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. Вводятся новые имена лиц, до сих пор не известных как корреспонденты Некрасова. На страницах «Некрасовского сборника» будут и впредь публиковаться вновь найденные письма к Некрасову, поскольку составление полного свода переписки поэта давно стало насущной потребностью некрасоведения.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР и Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Тексты писем расположены в алфавитном порядке корреспондентов, имеют сплошную нумерацию. Грамматические ошибки в рукописях исправляются при публикации. В текстах комментируются только наиболее значимые историко-литературные реалии и имена. В комментариях приняты следующие сокращения:

АСК — Архив села Карабахи: Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову. М., 1916. С. 41—265.

Евгеньев. Некрасов и его отец — *Евгеньев В. Н.* А. Некрасов и его отец // Голос минувшего. 1912. № 10. С. 22—45.

ЛН — Лит. наследство. М., 1949. Т. 51—52. С. 85—319.

Тексты писем подготовлены и комментарии к ним составлены О. Б. Алексеевой (А. Н. Ераков, Н. Н. Зацепин, Е. П. Ковалевский, А. С. Ланской, Н. М. Мельницкий, Д. Л. Михаловский, А. С. Некрасов, И. А. Панаев, А. А. Потехин, С. Сабуров, В. С. Степанов, М. П. Сухов, Н. В. Холшевников, М. К. Цебрикова, С. С. Шереметьев, В. Я. Шмитановский, Н. С. Шукин, неизвестные корреспонденты) и Р. Б. Заборовой (Н. И. Верховский, В. П. Гаевский, В. А. Зиновьев, А. М. Иванов, С. П. Колошин, В. С. Курочкин, М. Н. Новоселов).

1

Н. И. Верховский — Некрасову

До 16 декабря 1868 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Я имею несчастье происходить из мещанского сословия — и брат мой в настоящий набор назначен к рекрутской очереди. Не говоря уже о всей тяжести нашей солдатской службы, вся семья наша лишается в брате главного работника. Не желая допустить этого, я поставил себе — употребить все возможные средства, чтобы устранить несчастье. Действительно, хотя с трудом я сколотил уже кой-какую сумму, но она еще недостаточна для покупки рекрутской квитанции. Поэтому я решился обратиться к Вам с покорнейшею просьбой, не можете ли, Николай Алексеевич, помочь мне выхлопотать из Литературного фонда двести рублей сер<ебром>. Правда, я не могу назваться в строгом смысле литератором, но я переводил с немецкого языка, и некоторые, хотя небольшие, работы мои напечатаны. Так, в академическом календаре на 1867 г. маленькая статья «О передаче времени из Пулкова в Петербург»,¹ давно участвовал я в переводе книги Гонеггера «История культуры нового времени», вышедшей под редакцию Н. Н. Страбова.² Наконец, в на-

стоящее время занимаюсь переводом довольно значительной статьи для новой редакции «Зари».³ Если бы Вы не отказались принять участие в моих обстоятельствах, то и при этих работах мог бы надеяться на пособие из фонда,⁴ особенно ввиду такого исключительного случая, как рекрутство моего брата.

С искренним уважением имею честь быть

Н. Верховский.

1868 года. Декабря.

Адрес: по Б<ольшой> Садовой, № 78, кв. 14.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 17, л. 1088—1089. К подписи примечание рукою Некрасова: «Студент С.-Петербургского университета, юридического факультета». Краткое изложение содержания письма: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Н. А. Некрасов и братья-писатели // Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 72; ЛН. С. 623.

Никандр Иванович Верховский — студент юридического факультета С.-Петербургского университета; в 1860-х гг. начинающий журналист и переводчик; впоследствии присяжный поверенный Московского судебного округа. Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Верховского.

¹ Имеется в виду перевод статьи вице-директора Пулковской обсерватории А. Ф. Вагнера (без указания имени переводчика) под названием «Передача времени из Пулкова в С.-Петербург», напечатанный в изд.: Месяцеслов на 1867 год. Изд. имп. Академии наук. СПб., [1866]. Прил. С. 54—64.

² Речь идет о готовившейся в это время к печати книге: *Гонеггер И.* История культуры девятнадцатого века / Пер. с нем. СПб., 1869. Т. I. Перевод целиком приписывался Н. Н. Страхову (см.: *Будиловская А. Л., Егоров В. Ф.* Библиография печатных трудов Н. Н. Страхова // Учен. зап. / Тарт. ун-т. 1966. № 184. С. 229). Настоящее письмо свидетельствует об участии Верховского в этом, по-видимому, коллективном труде.

³ Речь, очевидно, идет об учено-литературном и политическом журнале «Заря», который издавался В. В. Кашпиревым в 1869—1872 гг. Его фактический редактор, критик и публицист Н. Н. Страхов, пригласил к участию в журнале Н. С. Лескова, А. Ф. Писемского, А. А. Фета; он также собирал в нем и университетские силы.

⁴ Письмо Верховского Некрасов 16 декабря препроводил товарищу председателя Комитета Литературного фонда А. П. Заблоцкому-Десятовскому (ЛН I, 11, 120). Просьбу рассмотрели в «чрезвычайном заседании» комитета «по безотлагательности настоящего дела» (ГПБ, ф. 438, № 7, л. 3 об.), и ссуда была выдана со сроком уплаты 10 декабря 1869 г., при этом одним из поручителей был Некрасов. 21 декабря 1869 г. Н. Н. Страхов, вероятно по просьбе Верховского, просил председателя комитета Я. К. Грота об отсрочке возврата ссуды (ГПБ, ф. 438, № 18, л. 727—727 об.). Комитет разрешил отсрочку до февраля 1870 г., тем не менее Некрасов как поручитель 18 января 1870 г. при письме Гроту послал 200 р. в счет выплаты долга; остальные деньги (квитанция стоила 750 р.) по почину Некрасова были собраны среди литераторов. В 1885 г. Верховский возвратил эту сумму в Литературный фонд через М. Е. Салтыкова-Щедрина (ЛН. С. 23—24).

2

В. П. Гаевский — Некрасову

18 апреля 1851 г. Петербург

Нельзя ли отложить поездку к Дружинину¹ до завтра? Сегодня сестра просила меня ехать с нею на выставку, и потому Вы не застанете меня дома.

К Дружинину я готов ехать завтра или послезавтра, день и час зависит от Вас совершенно.²

Весь Ваш

В. Гаевский.

18 апр. 1851.

На конверте: Николаю Алексеевичу Некрасову от Гаевского.

На углу Колокольной и Поварского переулка, в доме
Трубникова.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 171, № 198, л. 10—11. Здесь же ответ Некрасова: «Согласен на завтра, а за деньгами я сейчас еду. Некрасов» (Н I, 10, 166).

Виктор Павлович Гаевский (1826—1888) — критик и библиограф, сотрудник «Современника» с 1849 г. и ближайший помощник Некрасова в редакторской работе, один из учредителей Литературного фонда. Литературные занятия Гаевского связаны с историей литературы, в основном пушкинского времени. См. о нем: *Смирнов В. А. В. П. Гаевский — современник Некрасова // Некрасовский сб. Л., 1983. Вып. 8. С. 67—73.* До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Гаевским было известно 78 писем Некрасова к Гаевскому (Н I, 10, 11; Некрасовский сб. М.; Л., 1956. Вып. 2; Там же. Л., 1983. Вып. 8) и 3 письма Гаевского к Некрасову (АсК. С. 93—94; ЛН. С. 189—190).

¹ А. В. Дружинин (1824—1864) — критик, писатель, переводчик; один из основателей Литературного фонда. Автор известной повести «Полинька Сакс» (1847). В 1847—1855 гг. — постоянный сотрудник «Современника», печатавший в нем свою беллетристику, фельетоны, критические статьи о русской, английской и французской литературе, переводы из Байрона. Шекспировские переводы Дружинина публиковались в «Современнике» после того, как сам он в 1856 г. отдался от журнала. Некрасовым написана некрологическая статья о Дружинине (Н I, 9, 430—431), а в 1861 г. ему были посвящены некрасовские «Деревенские новости» (Н II, 2, 370).

² Ср. письмо Некрасова от 21 апреля 1851 г. (Н I, 10, 166), из которого известно, что ни 19, ни 20, ни 21 апреля встреча его с Гаевским не состоялась. Судя по этому же письму, Некрасов и Гаевский должны были передать А. В. Дружинину деньги — скорее всего причитающийся ему гонорар за участие в «Современнике» (см.: *Ашукин Н. С. Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. М.; Л., 1935. С. 110).*

3

А. Н. Ераков — Некрасову

10 (22) июля 1867 г. Карлсбад

Расставшись с Вами, милейший Николай Алексеевич, в Берлине, я тотчас же позаботился о пополнении Вашего гардероба и заказал себе платье. Радуйтесь: пиджак, штаны и жилетка опять не впору, и я доставлю их Вам лично — перевозка будет принята в расчет — как любезность. Сделав такое доброе дело, я позволил перевезти мое жирное тело в Карлсбад. Весу в нем значилось 167 австрийских фунтов.¹ Благодарю небо, наделившее меня одышкой, заметным животом и признаками подагры, — без этих документов на право пользования карлсбадскою жизнью я бы не знал вовсе ее наслаждений.

Здесь только и слышишь: я выпил сегодня кофе с необыкновенным наслаждением, я съел в 1 часу тарелку *weise Suppe*² с особенным наслаждением, принял ванну с необыкновенным наслаждением, я имел присад, хоть и очень жидкий, но с величайшим наслаждением... Одну только воду пьют с отвращением, тогда как она-то и есть виновница, что вся остальная мерзость обращается в наслаждение. Да, прошли те времена, когда забежишь, бывало, <к> *Vefour'u*³ и там слета перехватишь до обеда малую толику анчоусов, лионской колбасы, рюмку или две *fine champagne*,⁴ *chateaubriand aux truffes*,⁵ немножечко сыру и только так, для пробы, бутылки две *Positet-Canette'a*.⁶ И времена эти прошли невозвратно, по крайней мере для меня, потому что в желудке моем откроется целый грязный трактир, полная очистка которого возможна только при воздержанности Филарета.⁷ Карлсбад, однако, сделал свое, сбавив живота вершка на три и весу на 10 фунтов. Теперь я бегаю, как должник от кредитора, не обращая внимания ни на крутизну гор, ни на обрывы,

даже могу надевать подштанники стоя, чего давно не делывал. Такая перемена не могла не вызвать моей благодарности Карлсбаду, и по примеру других я намерен поместить на одной из скал целую оду Карлсбаду, сложившуюся во время частых моих пребываний в Retiraden.⁸

Вот конец оды:

С огромным животом, с подагрой в ногах,
С большими почками, одышкой и катаром,
Тащитесь все в Карлсбад!.. В одних его водах
Найти вам жизнь, растрченную даром!!
Здесь кормят скверно, плох климат,
Зато вас вылечит Карлсбад!

Мне даже кажется, что Карлсбаду суждено иметь и другое значение: из него начнется сближение народов и общее братство, — это я замечаю из того, что, несмотря на разнообразие племен и наречий, все немцы, англичане, поляки, венгры, чехи, французы и русские заняты положительно одною мыслью: где бы найти порядочный обед, — и если кому-нибудь удастся съесть неразвалившуюся курицу или не совсем синюю телятину, то со слезами радости спешит сообщить другому, забывая различие национальности. <...> Меня сильно занимают виды — чего тут не услышишь, чего не увидишь? И пан Голуховский, и пан Понятовский, и Бранецкий, и принц Кобург-Готский, и граф Циттен, лающий собакою, — и все это показывается даром, а между тем тут же слышите: «Ну что Ваши ноги?» — «Ничего, немного подергивает. А что, вас несет еще?» — «Какой черт, этот проклятый weise Suppe заклеил совсем». — «А ведь живот-то Ваш сильно убывает». <...> У дам разговор не лучше, такой же бесцеремонный. <...>

Мне остается наслаждаться всеми этими удовольствиями только четыре дня, затем я еду в Швейцарию шляться недели на две с половиною, потом через Париж, где пробуду два или три дня, направлюсь в Трувиль купаться. В Карлсбаде я познакомился с С. П. Боткиным,⁹ он-то и посоветовал вместо Биаррицы направиться к северу. Ну как Вы? Началась ли охота?! А с нею вместе пошла ли в ход берлинская корзина,¹⁰ на которую после Карлсбада я буду смотреть только со смиренным.

Петр Иванович¹¹ Вам посылает искренний поклон, ему теперь чистит ноги и вырезает мозоль первейший оператор в мире — некто Ульрих, которого не один раз выписывали из Карлсбада для той же цели к великой княгине Елене Павловне. Очень может быть, что с очищенными ногами Петр Иванович пройдет скорее к цели его желаний. Из Трувиля напишу. От наших¹² из Гапсала хоть не имею писем, но знаю, что все здоровы.

До свидания.

Ваш душою

А. Ераков.

Карлсбад. 10 (22) июля 1867.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 74, л. 1—2 об.

Александр Николаевич Ераков (1817—1886) — инженер-путеец, служил в Министерстве путей сообщения; примыкал к кружку «Современника»; автор статьи «Исследование о полной сети железнодорожных сообщений в России», напечатанной в «Отечественных записках» (1873, № 5); гражданский муж А. А. Буткевич с 1864 г. Долгие годы был близким другом Некрасова, посвятившим ему поэму «Недавнее время» (1871). До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Ераковым было известно 14 писем Некрасова к Еракову (Н I. 11) и 4 письма Еракова к Некрасову (см.: Звезда. 1927. № 12. С. 128—138).

¹ Австрийский фунт равнялся 560.01 г; следовательно, 167 фунтов равны приблизительно 93.5 кг.

² *Weise Suppe* (нем.) — протертый суп.

³ *Vefour* (Вефур) — парижский ресторатор.

⁴ Fine champagne (фр.) — виноградная водка высшего качества, традиционно производимая в Шарапте.

⁵ Chatcaubriand aux truffes (фр.) — жареная говядина «шатобриан» с трюфелями.

⁶ Positel-Canette (фр.) — марка вина.

⁷ Вероятно, имеется в виду Филарет (в миру — Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867) — член Синода, с 1808 г. инспектор, а затем ректор С.-Петербургской духовной академии, с 1825 г. митрополит московский и коломенский. В своих проповедях ратовал за аскетизм, отвергая роскошь.

⁸ Retirade (нем.) — отступление; здесь в значении: отхожее место.

⁹ С. П. Боткин (1832—1889) — профессор медицины, близкий знакомый Некрасова.

¹⁰ Очевидно, дорожная корзина для провизии.

¹¹ Речь идет о П. И. Сезеневском — враче, сопровождавшем Некрасова, а затем и Еракова в заграничном путешествии.

¹² «Наши» — семейство Еракова.

4

Н. Н. Зацепин — Некрасову

1 декабря 1874 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Прежде всего считаю необходимым просить Вас терпеливо прочитать это письмо и потом серьезно обсудить всю важность исполнения Вами моей покорнейшей просьбы, с которою я теперь к Вам обращаюсь... В настоящем году в г. Витебске у меня были украдены все мои деньги и вещи, и чрез это я лишен всякой возможности привести в исполнение и осуществление всех моих намерений.

1. Я не могу докончить и издать в свет многих из моих сочинений, которые могли бы принести большую пользу человечеству. 2. Я не могу осуществить моего изобретения — в высшей степени выгодного нового способа добывания всех чистых и ценных продуктов сухой перегонкой березового дерева. 3. Я не могу произвести пробных научных опытов, необходимых для полного осуществления моего изобретения нового способа добывания хромовых красок из хромовой руды (fer chromé, eisen chrom). Это изобретение, выполненное в больших размерах, может давать более миллиона рублей годового дохода. Сверх этого, я не могу выполнить и еще многие из моих изобретений, которые хотя и не так важны, как два первые, о которых я говорил выше, но за всем тем они могут принести государству значительную пользу и подвинуть сильно вперед развитие русского фабричного производства вообще. К несчастью моему, прибывши в Петербург, к кому я ни обращался, во всех встречал или полное равнодушие к общей пользе, или же встречал одно оскорбительное и ни на чем не основанное недоверие, которое всегда сродно умам дюжинным и близоруким, и поэтому я решился обратиться к Вам как к человеку известному и просить Вас исходатайствовать мне от Общества для вспомоществования литераторам и ученым единовременное денежное вспомоществование,¹ которое мне необходимо для спасения меня от настоящего моего безвыходного положения бедности, которое лишает меня возможности сделать мой первый шаг на пути осуществления всех моих изобретений. Смело и безошибочно могу сказать, что приведение в осуществление всех моих изобретений может принести неисчислимые выгоды и верно оставить внутри России все те десятки миллионов рублей звонкой монеты, которые теперь ежегодно уходят за границу на покупку разных иностранных фабричных произведений прямо в ущерб финансовому делу государства, русской торговле и развитию фабричного дела в нашем отечестве. Надеюсь вполне, милостивый государь, что Вы как человек стоящий далеко выше толпы не откажете

мне в исполнении моей покорнейшей просьбы, и тем, оказавши всему государству великую заслугу, Вы спасете как изобретателя, так и его изобретение от неминуемой и совершенной гибели. Я же со своей стороны, когда буду писать как в русских, так и в иностранных журналах о моих изобретениях, сочту священным долгом заявить всему образованному миру, что единственным виновником осуществления всех моих изобретений были Вы один, и тогда имя Ваше приобретет ту ореолу славы, которой оно вполне достойно за свершение этого полезного и великого дела разумной благотворительности не только для одного лица, но и для целого народа.

С истинным почтением честь имею остаться Вашим, милостивый государь, покорнейшим слугою.

Николай Зацепин.

1874 года. Декабря 1-го.
Г. С.-Петербург.

Р. С. При этом я приложил «Суд мужиков над мировым судом» — эскиз стихов, которые выработать я положительно не могу, потому что, как говорится, убит моим настоящим положением безденежья, и поэтому я решил Вас покорнейше просить взять на себя труд исправить их как Вам заблагорассудится и потом, напечатавши в издаваемом Вами журнале,² выдать мне какой-нибудь гонорарий. Вы этим мне делаете величайшее одолжение, потому что для меня теперь каждая копейка дороже бог знает чего.

Адрес: Николай Николаевич Зацепин живет в г. Петербурге, Петроградской части, по Кронверкскому проспекту, в доме под № 25, квартире № 7-й.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 155, Прил. к журналам Комитета Литературного фонда за 1874 г., л. 894—895 об.

Николай Николаевич Зацепин — изобретатель. Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Зацепина.

¹ Некрасов с письмом к В. П. Гаевскому от 2 декабря 1874 г. (Н I, 11, 345) передал прошение Зацепина в Комитет Литературного фонда. Сам он на заседании, состоявшемся в этот же день, не присутствовал. Комитет отклонил просьбу Зацепина (см.: ИРЛИ, ф. 155. Журналы Комитета Литературного фонда за 1874 г.).

² Стихи Зацепина в «Отечественных записках» напечатаны не были.

В. А. Зиновьев — Некрасову

4 мая 1866 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич.

После тяжкой пятимесячной болезни брат мой, Федор Алексеевич Зиновьев, умер в усадьбе Обречье (Новгородской губернии).¹ Болезнь и самое погребение тела его заставили меня сделать долги, для уплаты которых я не имею ровно никаких средств и сам в настоящее время нахожусь в очень бедственном положении. Долги же в продолжение болезни брата моего именно сделаны следующие: за визиты доктору Коноплицкому и на различные медикаменты я занял у путей сообщения поручика Сергеева 60 руб. сереб<ром>, на приглашения из Петербурга доктора Гладковского у отставного подпоручика Савича 80 руб. сереб<ром>, на погребение брата у помещика Утилова 74 руб. сереб<ром>, всего же 214 руб. сереб<ром>. Такую значительную и даже огромную

для меня сумму я не вижу возможности уплатить, так как не имею службы и готовлюсь собственными средствами в Академию, почему и имею честь покорнейше просить Вас исходатайствовать эту необходимую сумму для уплаты означенных долгов в Литературном фонде, а также для сооружения памятника на могиле брата. Брат мой, как вам известно, в продолжение шести лет был сотрудником разных периодических изданий: «Современника», «Библиотеки для чтения», «Искры», «Светоча» и многих других. Я упомяну здесь только о некоторых его статьях, напечатанных в вышеисчисленных изданиях. В «Современнике» помещены были две его статьи: «Дворянские выборы» (сцены) и «Говорят, будет воля!», в «Светоче» — «Обыденные сцены», в «Библиотеке» — «Коробочник» и другие и в «Искре» много мелких рассказов.² Не исчисляя другие мелкие долги, которые я, как брат и ближайший родственник, принял уже на себя, считаю необходимым сказать о том, что я занимал деньги 214 руб. серебром для лечения брата моего, который, живя исключительно трудом литературным, во все время болезни своей не мог работать, а следовательно и оставался без всяких средств к жизни, почему и жил пять месяцев в деревне у своих знакомых. Но опасная болезнь его по необходимости вынудила меня занять деньги и пригласить в деревню докторов. Делая же заем, я рассчитывал на выздоровление брата, а вместе с тем и на необходимую уплату долга, но неожиданная смерть его рушила эти расчеты, и мне не остается иного способа выйти из крайнего положения, как только прибегнуть за помощью в Литературный фонд. Еще раз смею просить Вас, милостивый государь, исходатайствовать необходимую для меня сумму.³

С истинным почтением имею честь быть, милостивый государь,

Ваш покорный слуга

В. Зиновьев.

Адрес мой: В Малой Конюшенной улице, в гостинице Курочкина, в № 23, Василий Алексеевич Зиновьев. О могущей случиться перемене адреса я своевременно сообщу.

4 мая 1866 года.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 15, л. 117—118. Упоминание о письме: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 65; изложение содержания: ЛН. С. 624.

Василий Алексеевич Зиновьев — брат писателя Ф. А. Зиновьева (ум. 1866), публиковавшегося в журналах демократического направления, в том числе в «Современнике»; автора книги «Сцены и рассказы» (СПб., 1865). Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Зиновьева.

¹ В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масадова (М., 1960. Т. 4. С. 197) указана ошибочная дата смерти Ф. А. Зиновьева (1884).

² Перечисленные Зиновьевым произведения его брата напечатаны: «Дворянские выборы» — Современник. 1864, № 11—12; «Говорят, будет воля!» — Современник. 1864, № 2; «Обыденные рассказы» («Калека»; «Домовладелица») — Светоч. 1860. № 6; «Коробочник» — Библиотека для чтения. 1862, № 6. В первом из них рассказывается, как на уездные должности предводителя дворянства, судьи и исправника избирают «известных негодяев» — крепостников и взяточников; во втором показаны настроения крестьян предреформенной поры, ожидающих, что они получат волю и им отдадут «всю барскую землю»; избиение мужиков кордонной стражей описано в «Калеке»; негодование по поводу злобного осуждения «умников», возмущающихся взяточниками, и писателем «нынешнего» направления высказано в «Домовладелице»; притеснения крестьян судами и становыми, «разорение кругом» и тяжелое житье после «освобождения» — тема «Коробочника». В «Искре» Ф. А. Зиновьев публиковал рассказы и драматические сцены, сатирически изображающие угнетателей крестьянства, под псевдонимами: «Богдан Княжичский» (Искра, 1859, № 34; 1862, № 10, 43, 49—50) и «Всезнайка» (1860, № 8).

³ По ходатайству Некрасова, Комитет Литературного фонда на заседании 16 мая 1866 г. постановил выдать Зиновьеву «60 руб. на похороны» брата (ГПБ, ф. 438, № 4, л. 26).

А. М. Иванов — Некрасову

13 октября 1868 г. Петербург

13 октября 1868 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Как ни совестно мне беспокоить Вас, а не могу миновать: верно уж мне на роду написано всю жизнь свою совеститься и совеститься.

Судьба моя — распутная девка: гоняла она, гоняла меня из угла в угол и наконец, оборванного и общипанного, загнала в больницу — п это еще слава богу! Но выбраться мне на свет божий без посторонней помощи нет никакой возможности — не в чем и негде. Я решил обратиться к Литературному фонду. Я уж один раз обращался к нему и получил 75 рублей (в 1864 году чрез покойного Дудышкина,¹ хоть он и не был тогда членом); теперь — сколько даст — чтобы я мог по выходе из больницы хоть квартиру нанять.

Вы, как редактор, имеете отношение к фонду, так сделайте милость, не откажитесь принять на себя ходатайство о выдаче мне пособия.² Список статей, напечатанных мною, я здесь прилагаю.

Адрес мой: В Обуховскую больницу, в 13 отделение, № 536, Андрею Максимовичу Иванову.

Примите, милостивый государь, уверение в моем глубоком почтении и совершенной преданности.

А. Иванов.

Р. S. Я не смею ни о чем более беспокоить Вас; но если Вам случится (у вас ведь всякого народу бывает) услышать о каком-нибудь свободном местечке (я и в переписчики пойду), то не откажитесь замолвить за меня словечко, чем премного обяжете меня.

Статьи, помещенные мною в «Отечественных записках»:

В 5-й книге за 1858 год напечатан рассказ «Помочь» за подписью «Бардодем».

В 3-й и 6-й книгах за 1859 год помещено пять рассказов под общим заглавием «Из моего прошлого»: в 3-й книге — «Поручик Сверчков» и «Аннушка»; в 6-й — «Проводы», «Зимний путь» и «О том, <в какое время, как и по какому случаю собирались гости у капитана Вихрюшкина, кто такие были гости капитана Вихрюшкина и как их принимал капитан Вихрюшкин». В 8-й книге этого же года — рассказ «Зайчиков». Все эти рассказы — под псевдонимом «Куку».

В двух книгах 1862 года напечатано: в 3-й — три рассказа под одной рубрикой «Дороги»: «Проезд большого барина», «История несчастий капитана Соловейкина» и «Феничка»; в 4-й книге — «Гладиатор нашего времени». Под этими статьями подписаны имя и фамилия мои.

В 1865 году во 2-й апрельской книге помещены «Записки землемера: Сны и действительность», тоже подписанные моей фамилией.

О других мелких статейках, помещенных кое-где, я не упоминаю.

А. Иванов.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 17, л. 643—643 об., 645. Изложение содержания письма: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 69; ЛН. С. 624.

Андрей Максимович Иванов — землемер по образованию, писатель общепитательного направления. В его произведениях нарисованы невеселые картины крестьянского быта, выражено возмущение социальной несправедливостью (см.: Заборова Р. В. Из архивных разысканий // Рус лит. 1973. № 4. С. 133). До публикации настоящего письма было известно 2 письма Иванова к Некрасову (см.: Вестн. Европы. 1915. Кн. IV. С. 137; ЛН. С. 306); письма Некрасова к Иванову неизвестны.

¹ С. С. Дудышкин (1820—1866) — журналист, критик, сотрудник «Отечественных записок». С 1846 г. после ухода Белинского и смерти В. Н. Майкова вел в журнале отдел библиографии и критики. С 1861 г., являясь соредактором Краевского, был фактическим редактором журнала.

² Некрасов не состоял в это время членом Комитета Литературного фонда и поэтому просил А. Н. Пыпина доложить на заседании комитета просьбу Иванова, прибавляя при этом, «что он (Иванов. — *Ред.*) очень беден и человек порядочный» (Н I, 11, 116). Узнав, что его просьба передана Пыпину, Иванов пишет ему 26 октября 1868 г.: «От Николая Алексеевича Некрасова узнал я, что письмо мое, в котором я прошу пособие от Литературного фонда, передано Вам. Поэтому я считаю нужным доставить Вам адрес мой» (ГПБ, ф. 438, № 17, л. 644). Вопрос о пособии был рассмотрен на заседании комитета и по докладу А. Н. Пыпина на основании обследования К. К. Арсеньева 11 ноября 1868 г. решен положительно: Иванову было выдано 75 р. (ГПБ, ф. 438, № 6, л. 107 об.—108, 113).

7

Е. П. Ковалевский — Некрасову

Конец августа—начало сентября 1861 г. Петербург

Мне до бесконечности жаль, но что будете делать — я дал слово прежде и не могу. Постараюсь хоть после обеда приехать.

Весь Ваш

Е. Ковалевский.

Печатается по автографу: ИРЛИ, 21155, л. 1.

Егор Петрович Ковалевский (1811—1868) — писатель и путешественник, учредитель Литературного фонда, трижды избирался председателем Комитета Литературного фонда. С 1848 г. печатался в «Современнике». До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Ковалевским было известно 12 писем Некрасова к Ковалевскому (Н I, 10, 11) и 3 письма Ковалевского к Некрасову (ЛН. С. 313—315).

Датируется на основании записки Некрасова Е. П. Ковалевскому (Н I, 10, 457), содержащей приглашение к обеду. Данная записка, по всей вероятности, является ответом на это приглашение.

8

С. П. Колошин — Некрасову

5 (17) апреля 1866 г. Милан

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Вы знаете, что я оставил Россию очень больной. Нервическая кордиамия, из-за которой меня давно посылали за границу, до такой степени усилилась от сидячей жизни и постоянного раздражения, которому подчинен у нас всякий участвующий в литературном движении, что в августе 1863 года я получил нечто вроде нервического удара и должен был бросить мою газету «Зритель», истратив на нее весь небольшой капитал мой. Тем не менее я выехал из России с надеждою жить литературными работами, специально для «Московских ведомостей» и «Русского вестника», «Северной пчелы» и потом «Эпохи». На первое же время я имел и небольшую сумму своих денег. Но потом меня одно за другим постигли: ничем мною не вызванная размолвка с московскою редакцією, кончина М. М. Достоевского¹ и прекращение «Пчелы».² Начинаясь в июле 1864 года поправляться здоровье мое опять портилось, по мере того как теснее становились средства к жизни и обрыва-

лись мои занятия. Лишь в нынешнем году несколько небольших работ моих попали в сборник М. П. Погодина,³ который еще в прошлом звал меня в Москву, но я должен был отказаться по необходимости для меня теплого климата. Сверх того, с прошлой осени помещаются в «Голосе» мои письма о текущих событиях,⁴ но это до сих пор не дает и 100 фр. в месяц. Достать здесь работу в журналах просто невозможно. Год уже состою я прилежным переводчиком по языкам — французскому, немецкому, английскому и русскому, — но это не доставляет почти ничего: мне случалось получать за перевод письма 50 центезимов, и я обязуюсь доказать документально этот курьез всякому русскому, который будет в Милане. Разумеется, при таких условиях и здоровье все более портится, и работать как следует невозможно. Ведешь жизнь поденщика, и всякая энергия истощается о нужду.

Все это излагаю я Вам с следующей целью.

Общество вспомоществования литераторам оказывало помощь даже начинающим писателям, от Вас именно шли через меня деньги к М. К. Воронову,⁵ который только начинал писать в моей газете в 1863 г. Это дает мне надежду, что как я постоянно участвую в русском журнализме с 1849 г., именно был сотрудником «Москвитянина», «в» «Московских ведомостях» 1851 и 1852 гг., «Пантеоне» 1851—1853 гг., «Атенеи», «Московском вестнике», «Северной пчеле» (П. С. Усова),⁶ «Развлечении», «Московском курьере», «Современной летописи», «Эпохи», «Голоса», «Утра» и некоторых других, наконец, издавал собственную газету «Зритель», в которую положил все мое достояние, то Общество, склонясь к Вашему ходатайству, как одного из его основателей и постоянных членов, быть может, обратит внимание на мое положение и даст мне в ссуду или как-либо иначе 500 р., на каковую сумму я со временем почел бы себя счастливым вновь увеличить его капитал. Деньги, о которых я прошу, дали бы мне средства и заняться моим здоровьем, и стать сразу выше самой гнетущей нужды, следовательно, развязали бы мне руки, и я уверен, что мог бы еще быть бесполезен русской литературе и русскому обществу, сначала из-за границы, а потом, поправившись, и в России.

Если Вы разделяете это мнение и почитаете ходатайство обо мне не неуместным, убедительно прошу Вас не отказать мне в нем. Прилагаю свидетельство русского вице-консула о моем положении, уверенный, что, если мною недостаточно соблюдены все формальности, мне неизвестные, не за ними остановится Общество вспомоществования литераторам.

Простите это длинное письмо и примите наперед мою признательность за все, что бы Вам ни удалось для меня сделать.

С искренним уважением имею честь пребыть

Ваш покорный слуга

С. Колошин.

5/17 апреля 1866. Милан.

Р. С. Если бы Общество присудило мне что-нибудь, прошу Вас деньги передать В. В. Зубкову⁷ для доставления моему брату или же переслать мне векселем на Париж на 60 дней для возможно меньшей потери.⁸

Адрес мой так: Milano. Sergio Koloscin. V. d. Rebecchino 8 bianco 2 cortise, 3 piano.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 15, л. 161—162 об. Упоминание о письме: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 68; ЛН. С. 624; Рус. лит. 1973. № 4. С. 131—132.

Сергей Павлович Колошин (1825—1868) — публицист-славянофил, беллетрист и фельетонист. Сотрудничал в «Северной пчеле», «Пантеоне», журнале литературно-художественном», вел московскую хронику в «Развлечении», издал «Нашу деревню

изо дня в день. Дневник фельетониста „Развлечения“ (М., 1860). Позволял себе выпады против журналов Некрасова и Панаева; Краевского. Издавал еженедельник «Зритель общественной жизни, литературы и спорта», смыкавшийся со славянофильским «Днем» и нападавший на «нигилизм» Герцена, Чернышевского и Добролюбова (1861—1863). В середине 1860-х гг. жил в Италии и был корреспондентом «Голоса» и «Русского инвалида», сотрудником «Эпохи»; издал книгу «Европа и европейцы. Зигзаги и арабески русского туриста» (М., 1866), содержащую нападки на фаланстеры и коммуны «петербургских юношей», на «польских повстанцев» и «Колокол» Герцена. До публикации настоящего письма было известно два письма Колошина к Некрасову (см.: АсК. С. 224—225; Некрасовский сб. Л., 1973. Вып. 5. С. 308); письма Некрасова к Колошину неизвестны. Возможно, Колошин — прототип героя «Фельетонной букашки» Некрасова (Н II, 2, 419).

¹ Вероятно, М. М. Достоевский (1820—1864) приглашал Колошина сотрудничать в журнале «Эпоха». М. М. Достоевский умер 10 июня 1864 г.

² Речь идет о закрытии в 1864 г. за недостатком подписчиков основанной в 1825 г. Ф. В. Булгариним газеты «Северная пчела».

³ Имеется в виду изд.: Утро, литературный и политический сборник, издаваемый М. Погодиным. М., 1859, 1866, 1868. Колошин был участником всех трех его выпусков. В 1866 г. он напечатал в нем очерки «Три дня на итальянских озерах», «Старое время, выдержки из ломбардских хроник и преданий» и заметку «К сведению всех русских людей» (о проекте издания в Милане журнала, который должен был информировать русских читателей о европейских делах, а европейских читателей о событиях в России).

⁴ Корреспонденции Колошина «Из Милана» печатались в рубрике «Заграничные новости» газеты «Голос» в № 243, 276, 280, 293, 298, 319, 332, 347 за 1865 г. (начиная с сентября) и в № 6, 14, 16, 23, 26, 41, 71, 95 за 1866 г. (до середины апреля). В большинстве своем они были подписаны инициалами «С. К.»; три корреспонденции опубликованы без подписи.

⁵ Имеется в виду М. А. Воронов (1840—1873) — писатель-демократ, ученик Чернышевского по саратовской гимназии, а затем его личный секретарь (1858—1860), сотрудник «Современника», автор талантливых очерков из жизни городских низов и уездного мещанства. По ходатайству Некрасова, отозвавшегося о Воронове как о «даровитом человеке», Воронов 6 мая 1863 г. получил от Комитета Литературного фонда 125 р. (Н I, 11, 19—20).

⁶ В 1860 г. редактором «Северной пчелы» стал П. С. Усов (1828—1888), сменивший Ф. В. Булгарина.

⁷ В. В. Зубков — чиновник Азиатского департамента Министерства внутренних дел, член Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым.

⁸ Некрасов представил письмо Колошина в Комитет Литературного фонда 29 мая 1866 г., но на заседании комитета от 31 мая 1866 г. просьба была отклонена за недостаточностью свидетельств о положении Колошина (ГПБ, ф. 438, № 4, л. 31). 16 октября 1867 г. Некрасов снова ходатайствовал о нем (Н I, 11, 88). Но отзывы запрошенных лиц не вдохновили комитет на ссуду. «Отзывы о нем в Москве неблагоприятны, как в личном отношении, так и относительно его литературной деятельности, которая носит фельетонный характер, исполнена претензий на дешевое остроумие и нередко бывала рассчитана на скандал», — записано в журнале заседаний Комитета Литературного фонда от 22 декабря 1867 г. со слов А. Н. Афанасьева; А. Н. Веселовский на том же заседании, хотя и просил оказать Колошину помощь, свидетельствовал, однако, что проситель имеет небольшие заработки как переводчик и репетитор (ГПБ, ф. 438, № 5, л. 102 об.—103; № 16, л. 910—912). Лишь по просьбе настоятеля русской церкви во Флоренции М. Ф. Орлова и ездившего в Италию Я. К. Грота Колошину 8 января 1868 г. было назначено пособие в 50 р. (ГПБ, ф. 438, № 5, л. 103; № 6, л. 1 об.—2). Эту сумму Колошин вернул председателю комитета Е. П. Ковалевскому, обидевшись на «фарисеев филантропии».

В. С. Курочкин — Некрасову

13 января 1866 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич,

Известный Вам карикатурист Н. В. Иевлев¹ вот уже третий месяц опасно болен чахоткою. Выздоровление его, если и возможно, то требует постоянного, правильного лечения, что сопряжено со значительными издержками. Между тем невозможность работать отняла у него и последние средства к существованию. Кроме того, на руках у него мать-ста-

рушка, которая по возрасту своему тоже не может никаким образом зарабатывать деньги и получает пансиону за мужа не более 100 рублей в год. Из этих денег она еще уделает дочери, бывшей гувернанткой, но в настоящее время находящейся без места.

Зимы остается еще несколько месяцев. Квартира у них сырая, холодная, нужно переменить ее. Средств, как сказано выше, никаких нет. Редакции Иевлев уже значительно должен. Кроме этого, нет никаких источников.

По Вашему положению в обществе Литературного фонда, я решился обратить Ваше внимание на его бедственное в высшей степени положение. Помощь нужна скорая и по возможности существенная. Чтобы переменить квартиру и расплатиться с хозяйкою и другими мелкими кредиторами, а также чтобы пролечиться и просуществовать до весны, ему нужно по меньшей мере 300 рублей. В случае его выздоровления я бы мог поручиться, что эти деньги будут им в течение года уплачены, потому что он их заработает, когда получит возможность заниматься.

Во всяком случае обратите Ваше внимание на его положение. Покорнейше и убедительнейше Вас прошу представить это дело в общество Литературного фонда для выдачи ему 300 рублей пособия. Помощь нужна скорая, потому что несколько дней промедления в зимнее время, в холодной сырой квартире ускорят и без того губельное и быстрое развитие чахотки. Талант Иевлева обратил на себя общее внимание, и при бедности в нашей литературе этого рода талантов было бы приискорбно, если бы Иевлев умер 35 лет без участия и пособия.

Примите уверение в совершенном почтении и истинной преданности.

В. Курочкин.

13 янв<аря> 1866 года.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 15, л. 30—30 об. Краткое изложение содержания письма: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 65; ЛН. С. 625.

Василий Степанович Курочкин (1831—1873) — поэт и переводчик, соиздатель и сотрудник журнала «Искра», член Литературного фонда. До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Курочкиным было известно 6 писем Некрасова к Курочкину (Н I, 11) и одно письмо Курочкина к Некрасову (см.: Учен. зап. / Калинингр. пед. ин-т. 1961. Вып. 9. С. 55).

¹ Н. В. Иевлев (1834—1866), отставной поручик, служивший на Кавказе до 1856 г., художник-карикатурист и фельетонист. Опубликовал в «Иллюстрации» (1861—1862) переводные повести «Банкир» и «Свадьба» и в «Искре» (без подписи) ряд фельетонов в отделах «Нам пишут», «Сказки современной Шехеразады», «Юмористический указатель»; помещал карикатуры на злободневные темы в «Искре», «Гудке» и «Петербургском листке» (1860—1865). На заседании 15 января 1866 г. Комитет Литературного фонда «затруднился причислить карикатуриста по одним только подписям под карикатурами к числу литераторов, имеющих право на пособие из Общества, о чем и положил представить на усмотрение первого чрезвычайного собрания Общества» (ГПБ, ф. 438, № 3, л. 35—35 об.). Судя по письму Курочкина к Е. П. Ковалевскому от 3 февраля 1866 г., Некрасов 2 февраля снова говорил об Иевлеве с Ковалевским (ГПБ, ф. 438, № 15, л. 8—8 об.; извлечения: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 65), еще не зная, что он умер. На заседании 7 февраля 1866 г. «Н. А. Некрасов заявил, что Иевлев, по отзыву г. Курочкина, поместил в „Искре“ несколько фельетонов, которые, по мнению г. Курочкина, дают менее прав на пособие из Общества, чем его занятия карикатурами»; по обсуждении письма Курочкина Ковалевскому комитет «выдал 25 р. матери на похороны», поручив Н. Н. Тютчеву «собрать дополнительные сведения о трудах Иевлева» для дальнейшей помощи матери (ГПБ, ф. 438, № 4, л. 1). По справке Тютчева (ГПБ, ф. 438, № 15, л. 31—31 об.) на заседании 21 февраля 1866 г. было определено выдать Л. В. Иевлевой 100 р. (ГПБ, ф. 438, № 4, л. 11) и хлопотать перед военным министерством о получении ею пособия по заслугам покойного мужа.

10

А. С. Ланской — Некрасову

27 февраля 1864 г. Арзамас

Обращаюсь к Вам как старый знакомый с покорнейшею просьбою. Вот уже несколько лет как я живу в деревне и выписываю «Современник». Однако, что убийственно-то, что книги читаю и получаю по прошествии двух месяцев их выхода. Вот, например, теперь я до сей поры не получил ни генварскую, ни февральскую книгу за нынешний год, хоть и живу в такой губернии, где, кажется, скорей бы всего должны бы были приходиться аккуратно журналы; именно в наш город, куда есть и чугушка. Деньги за журнал выслал 12 декабря и адрес вместе с ними.

Утруждаю Вас, нельзя ли как-нибудь это устроить, чтобы я мог получить хоть через две недели (не слишком сильное требование) по выходе книги к себе в деревню.

Старый Ваш и давнишний знакомый

граф А. Ланской.

27 февраля 1864 г. Г. Арзамас.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, № 52, л. 1—2. На письме помета неизвестной рукой: «„Современник“ № 1 вышел 12 февраля, а № 1 послан г. Ланскому 25 февраля, а последний «нрзб»».

Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Алексея Сергеевича Ланского (1822—1869).

11

Н. М. Мельницкий — Некрасову

30 декабря 1858 г. Петербург

30 декабря 1858 г. Вторник.

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Мне очень грустно, что я поставлен в необходимость беспокоить Вас. Мне несколько раз говорили, что г. заведующий конторой «Современника»¹ сам намерен привезти деньги, причитающиеся для окончательного расчета с типографией, но вот уже 30 число, а денег нет. Между тем небызвестно Вам, что я обязан закончить к Новому году счета. С Вами следовало кончить расчет еще в июле, и если я этого не исполнил, то единственно из уважения к Вашей просьбе. Неужели же Вы допустите, чтобы я получил за это неприятности? Не думаю, а потому и прошу Вас убедительнейше сделать распоряжение о немедленном расчете с типографией.

Пользуюсь случаем поздравить Вас с наступающим Новым годом и выразить чувства искреннего моего к Вам уважения и душевной преданности.

Н. Мельницкий.

Печатается по автографу: ИРЛИ, 5061, л. 39—39 об. На письме приписка Некрасова, адресованная И. А. Панаеву (Н I, 10, 394), в которой он просит его «покончить эти счета сегодня же».

Н. М. Мельницкий заведовал типографией военно-учебных заведений в Петербурге, где в 1850-е гг. печатался «Современник». Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Мельницкого.

¹ И. А. Панаев заведовал конторой «Современника» в 1856—1866 гг. См. о нем в комментарии к письму 26.

12

Д. Л. Михаловский — Некрасову

1 марта 1871 г. Петербург

Многоуважаемый Николай Алексеевич,

Сегодня в заседании Общества для пособия литераторам и ученым будет представлена г. Салтыковым записка моя о выдаче мне пособия заимообразно из Литературного фонда для отправления жены с дочерью за границу лечиться. (Об этом, вероятно, Салтыков говорил Вам.) Для заимообразного пособия требуется поручительство кого-либо из членов. Позвольте просить Вас об этом поручительстве с моей стороны, иначе мне не выдадут. Заем испрашивается на один год. Словесно я заявил, что прошу 600 или 500 руб.¹

Надеюсь, что Вы будете так добры — не откажете мне в этой моей покорнейшей просьбе. Вы можете быть вполне уверены, что я не поставлю Вас в затруднительное положение. Мне же положительно сказали доктора, что дочь мою нужно везти за границу на воды для излечения непременно. Не знаю, как это делается; может быть, с Вашей стороны нужна будет расписка в том, что Вы за меня ручаетесь, и потому покорнейше прошу поспешить передачею ее в Литературное общество, потому что г. Салтыков обещался доложить мою просьбу в сегодняшнее заседание. Извините, что пристаю к Вам, но дело это так для меня важно, что поневоле приходится беспокоить Вас.

Преданный Вам

Д. Михаловский.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 155, Прил. к журналам Комитета Литературного фонда за 1871 г., л. 359—360.

Дмитрий Лаврентьевич Михаловский (1828—1905) — поэт, переводчик и критик (псевдонимы: «М. Лавренский», «Улисс», «Б.», «Д.», «Д. Л. М.», «Д. М.» («Х. Л.»), «М.», «М-х-л Д.») публиковался с 1858 г. в «Современнике», затем в «Отечественных записках», «Слове» и других журналах. Ему принадлежат переводы произведений Байрона, Шекспира, Гуда, Лонгфелло, «Записок Лоренцо Бенони»; статья «Шекспир в переводе Фета» и др. Юрист по образованию, Михаловский, чтобы иметь постоянный заработок, служил начальником отдела Департамента таможенных сборов. До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Михаловским было известно одно письмо Некрасова к Михаловскому (Н I, 11) и 3 письма Михаловского к Некрасову (ЛН. С. 394—396, 398—399).

Датируется по записи в журнале о представлении М. Е. Салтыковым-Щедрым заявления Д. Л. Михаловского (ИРЛИ, ф. 155, Журналы Комитета Литературного фонда за 1871 г.).

¹ В связи с представленным Некрасовым ручательством на заседании 15 марта 1871 г., согласно записи в журнале, «сделано распоряжение о выдаче Д. Л. Михаловскому в ссуду 500 руб. сроком до 31 декабря 1871 г.» (ИРЛИ, ф. 155, Журналы Комитета Литературного фонда за 1871 г.).

А. С. Некрасов — Некрасову

5 марта 1852 г. Ярославль

Любезный сын Николай!

27 февраля сего года послано от меня на высочайшее имя прошение с жалобой на несправедливое решение 8-го Департамента правительствующего Сената по делу Василия Федорова с девицами Юрьевыми об имени Саратовской губернии Сердобского уезда по деревне Ивановке.¹ Жалоба моя поступит в Комиссию прошений к штат-секретарю Таневу. Буде у тебя есть такие знакомые, которые могли бы похлопотать, чтобы моя жалоба была принята в уважение, то это было бы весьма полезно. Но если просьбу мою не уважат, дело считать потерянным навсегда. Если бы молодой Лонгинов,² твой знакомый, поговорил про мою жалобу своему родителю,³ успех от этого несомненный, потому что дело решено совершенно противузаконно. Итак, мой друг Николай, подумай об этом моем предложении, не медля ни одного дня. В комиссии таких прошений без резолюции долго не хранят. Можешь ли предпринять что по сему делу или не можешь — во всяком случае меня уведоми. Я вам писал и с Буткевичем,⁴ и по его выезде. Верно, к вам мои письма не дошли, потому что нет мне ответа. Если, впрочем, нечего писать, то хоть бы уведомили, какова у вас атмосфера? Здесь многие жалуются на холод и на голод. . . Четыре экземпляра «Современника» мне бы очень нужны; буде есть лишние, прошу прислать. Затем желаю тебе наилучшего здравия.

Остаюсь любящий тебя отец

А. Некрасов.

Марта 5 дня 1852 г. Ярославль.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 1—2. Цитаты из письма см.: Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 33, 38.

Алексей Сергеевич Некрасов (1788—1862) — отец поэта, с 1824 г. жил в родовом имении Грешнево Ярославской губернии, в последние годы жизни переехал в Ярославль, наезжая временами в имение. До публикации настоящих писем (13—23) из переписки Некрасова с отцом было известно 2 письма Некрасова отцу (Н I, 10) и 15 писем отца Некрасову (АсК. С. 41—57; Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 27—28).

¹ Речь идет об одной из многочисленных тяжб, заводимых отцом Некрасова.

² М. Н. Лонгинов (1823—1875) в 1840—1850-е гг. был близок к редакции «Современника», но затем отошел от старых знакомств, став в 1871 г. начальником Главного управления по делам печати.

³ Н. М. Лонгинов (ум. 1853) — сенатор и член Государственного совета, с 1826 — статс-секретарь и член Комиссии прошений Комитета признания заслуженных гражданских чинов.

⁴ Г. С. Буткевич — муж сестры поэта Анны Алексеевны.

А. С. Некрасов — Некрасову

23 сентября 1852 г. Ярославль

Любезнейший сын Николай!

Уведомляю тебя о кончине нашего инспектора врачебной управы Ивана Дмитриевича Киселева, на место которого по старшинству и службе, кажется, будет представлен оператор Андрей Иванович Под-

гаевский, человек с большим знанием своего дела, который пользуется меня и так много помог, что я обязан ему истинною благодарностью за его человеколюбивое ко мне отношение. По этим причинам прошу тебя, как сына и друга, принять участие, попросить господина Кетчера,¹ чтобы Андрей Иванович Подгаевский назначен был инспектором Ярославской врачебной управы. Уверен остаюсь, что ты примешь мою просьбу во внимание, видя мое желание сделать для ближнего доброе дело, успехом в котором поставишь меня в такое положение, что я и твои ко мне просьбы исполнять буду всегда с большим радушием. Затем целую тебя сердечно.

Остаюсь любящий тебя отец

Алексей Некрасов.

Потрудись ко мне написать, как пойдет это дело.
23 сентября 1852 года. Ярославль.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 3—3 об. Цитаты из письма: Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 33.

¹ Н. Х. Кетчер — поэт-переводчик и врач, до 1850-х гг. был близок Некрасову, затем стал враждебно относиться ко всей революционно-демократической редакции «Современника». Вряд ли Некрасов предпринимал какие-либо действия для исполнения подобной просьбы отца, рассчитывавшего, вероятно, на связи Н. Х. Кетчера в медицинском мире.

15

А. С. Некрасов — Некрасову

29—30 марта 1853 г. Ярославль

Ярославль. 29 марта 1853 г.

Любезный сын Николай!

Письмо твое относительно проживания нынешним летом во владимирском имении в доме г. Рачинского я получил, и обо всем касательно приготовления дому и прочего к Ефиму Евсееву приказ послан; что же касается до присылки тарантаса с лошадьми, — в этом отношении нахожусь в затруднении, потому у нас более недели времени сделалось очень тепло, так что ехать невозможно, боюсь, люди с лошадьми и 6-ю гончими задержатся на дороге, и потому бы я советовал так: людей со всеми упомянутыми вещами и собаками отправить в последних числах апреля. Что самое постараюсь исполнить. Затем надобно сказать (по известности мне местоположения), что в апреле месяце в Алешунине и около Софонова удовольствия насчет охоты будет мало, ездить в повозке никуда будет невозможно, кругом подступит вода, и вы должны будете только удить рыбу и, может быть, изредка застрелить какую утку.¹ В мае только начинает сбывать вода, тогда начнется лучшая охота. Для этих и других причин я бы советовал апрель пробить у меня, где можно тоже охотиться с приятностью, особливо при тридцати хороших гончих и лихих борзых. Впрочем, помимо искреннего моего желания видеть тебя, оставляю все это на твою волю. В Алешунине Ефим Евсеев строит балаган,² по лености его и пьянству он не совсем готов. Заставь ты его поскорей кончить, именно к маю месяцу, — может, там возможно будет жить. Если ты ко мне теперь не поедешь, то сейчас напиши, я буду стараться как можно отправить поскорей тарантас, лошадей, седло и собак.

Федя³ мне пишет, что он другой месяц болен, это меня до глубины души огорчило. Он нуждается, как видно, в деньгах. Я обещал ему по-

слать вскоре сто рублей серебром, которые надеюсь получить с должника; также посылаю ему, по желанию его, мальчика Селиверста. Напиши ты мне, как ты его оставил, лучше ли ему и что за болезнь у него? С Евграфом я от тебя никакого письма не получил. Если вздумаешь что-либо прислать мне из Москвы, то присылай полезное с приятным, но хотелось бы душевно сперва выполнить твою просьбу, — как к этому приступить, не знаю.

Любящий тебя всей душою отец твой

Алексей Некрасов.

30 марта сделался в ночи мороз до 6-ти градусов, и потому на власть божию я отправил в Алешунино Сергея Петрова с тарантасом, тройкою лошадей, двумя седлами с прибором, Михайлу Антонова с 6-ю гончими и подъезжим Андреем Горшковым. Сей Горшков должен остаться с гончими у тебя, потому что собаки его знают, он будет водить их набрасывать в «нрзб» и лесах, также вызывать к рогу. Михаила Антонова немедленно на крестьянской подводе возвратить ко мне в Ярославль. Сергея Петрова (по твоему усмотрению) держать при себе за кучера или отпустить в дом его, состоящий в Софонове, но пачпорту на отлучку не давать. Гончих кормить овсянкой и шкваром⁴ или одной овсянкой. Пришли мне что-либо полезное для кабинета. Отвечай на все скорее, без лености. Целую тебя сердечно.

Любящий отец

А. Некрасов.

На окончание флигеля в Алешунине обрати внимание. Может, летом я вздумаю приехать.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 5—6 об. Цитаты из письма: Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 31, 34, 38.

¹ Речь идет о поездке Некрасова в апреле—августе 1853 г. в Алешунино (Владимирская губерния). Письмо Некрасова, о котором упоминает его отец, неизвестно. Оно было написано, по-видимому, тогда, когда задумывалась эта поездка. Сохранилось два письма поэта того времени: одно из них (от 10 апреля 1853 г.) адресовано Д. В. Григоровичу: «Я еду на самое место действия Вашего романа («Рыбаки». — *Ред.*) — в деревню, лежащую на Оке...» (Н I, 10, 192), а другое (от 6—9 июля 1853 г.) — И. С. Тургеневу: «Живу я с конца апреля в маленьком именьешке моего отца, которое он передал мне, близ города Муром» (Н I, 10, 192—193). Впечатления от дома в Алешунине послужили материалом для описания имения Грачова в «Тонком человеке, его приключениях и наблюдениях». В Софонове — селе, расположенном недалеко от Алешунина, находился дом С. С. Рачинского (ср. Стычинского в «Тонком человеке...»), в доме которого вынуждены были поселиться Тростников и Грачов, так как имение Грачова «облило». См: Н II, 8, 760—761.

² Очевидно, имеется в виду строительство флигеля (см. окончание письма).

³ Ф. А. Некрасов, брат поэта.

⁴ Шквар — остатки сала после вытопки.

А. С. Некрасов — Некрасову

2 апреля 1853 г. Ярославль

Любезный сын Николай!

Я писал к тебе, что тарантас, лошади, собаки и прочие вещи с людьми отправлены в Алешунино. Между тем я сегодня видел сына Ефима орловского — Козьму,¹ он желает отправиться к тебе в Алешунино, но хочет знать, какое назначишь ему в лето жалованье. Буде он нужен, то поскорей о сем меня уведомя. Я его отправлю к тебе. Да не нужно ли

ружей двустольных и одноствольных? Я могу прислать. Также и лошадей верховую другую можно доставить, а теперь послан известный тебе добрый Корсак. Затем пиши мне, как прибудешь на место.

Любящий тебя

Алексей Некрасов.

2 апреля 1853 г. Ярославль.

Насчет охоты надобно иметь осторожность по предмету тому, что она воспрещается до известного времени. Я бы советовал познакомиться в Гороховце с исправником Коноплевым <?> и становым Сметаниным, чтобы без знакомства не навлечь себе неприятности. Дождь у нас идет почти непрерывно, не знаю, как доедут люди.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 7—7 об.

¹ Е. И. Солнышков и его сын Кузьма, сверстник Некрасова, — крестьяне из деревни Орлово, с которыми поэт много раз бывал на охоте.

17

А. С. Некрасов — Некрасову

29 января 1854 г. Ярославль

29 января 1854 г. Ярославль.

Нерадостное письмо твое я получил 28 числа сего месяца. Болезнь твоя¹ тронула меня до глубины души, двадцать раз я принимался читать твое письмо, но все пахотил одну горесть. Бог всемогущий один есть свидетель моих к тебе чувств. Что могу сказать в утешение? Одна надежда на святое провидение. Неужели оно тебя оставит и лишит меня на старости лет последнего утешения? Какие могут быть у меня расчеты в теперешнем твоём положении. Я все готов отдать сейчас для помощи тебе по первому слову, не жалея ничего для средств тебе полезных. Ехать за границу я бы желал,² но как <к> этому приступить в такие смутные времена, вовсе не знаю. Там у вас все это лучше видно, прошу тебя о действиях со стороны моей по этому предмету мне написать, тогда я дам решительный ответ. Здоровье мое не совсем еще плохо, можно сказать, что в настоящее время я ни болен ни здоров. Главная беда — закрытый геморрой мучит меня по временам невыносимо; а больше всего теперь нападает на грудь и голову; лекарств я решительно никаких не принимаю. До начатия зимы жил в Грешневе, занимался устройством бани, двух сараев и кладовой, весной надо бы приняться за переделку в доме полов. Экипажи тоже кой-какие делаются, хоть не для пользы и более от скуки.

Что касается до нашего любезного Федора, так всегда мною любимого, вообрази, что он с самого от меня выезда едва ли недавно написал мне три строчки, заключающиеся в извинениях, что ему нет времени ко мне писать; он обещал мне кой-что прислать и ничего не выполнил. Может быть, не принаравливает ли это все исполнить к 12 февраля, ко дню моих именин? Попеняй ты ему и вели ко мне писать. Также и сам пиши почаще с уведомлением о чем-нибудь повеньком, так как из Петербурга многие к родным пишут о новостях, ибо мы, провинциалы, здесь ничего не знаем. Ты, верно, забыл нашего друга Константина, от которого, впрочем, я из Кизляра давно писем не получаю. Я тебе писал через брата Федора, просил ответу, как нам поступить

в том, чтобы его вытащить домой, ты мне не отвечал. Надеюсь видеть по этому предмету мысли твои, сообразные твоему со мною разговору при отъезде из Ярославля, из дому Курбатова, где постоянно я и теперь проживаю.³ Затем целую тебя сердечно и желаю здоровья.

Любящий тебя всей душою отец твой

А. Некрасов.

Сестрица Елена Сергеевна,⁴ маленькая Саша⁵ и Аграфена⁶ тебе кланяются, и все мы молим бога о твоём здоровье. Буткевич 24 января ушел в Севастополь.⁷ Он тебе тоже кланяется.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 9—10 об.

¹ Это письмо неизвестно. С весны 1853 г. у Некрасова развилась болезнь горла, врачи не могли определить ее характер, и к концу года болезнь настолько обострилась, что пропал голос.

² А. С. Некрасов намеревался для лечения водами выехать в Карлсбад.

³ К. А. Некрасов, брат поэта, к этому времени, прослужив около 8 лет в егерском Кизлярском полку на Кавказе, получил отставку. Он был болен и бедствовал, не имея денег даже на дорогу домой.

⁴ Е. С. Некрасова, по мужу Певницкая, тетка поэта.

⁵ По-видимому, внебрачная дочь А. С. Некрасова.

⁶ А. Ф. Жулова, домоправительница А. С. Некрасова.

⁷ Г. С. Буткевич участвовал в обороне Севастополя 1854—1855 гг., где был тяжело ранен и потерял ногу.

18

А. С. Некрасов — Некрасову

21—22 ноября 1856 г. Грешнево, Ярославль

22 ноября 1856 г. Ярославль скучный.

Три письма твои из Берлину, Венеции и Риму, любезнейший сын Николай, я получил,¹ благодарю тебя за память обо мне. Если я не отвечал тебе, то потому только, что не знал, куда писать, да и что могу сообщить тебе из моего сельского уединения? Здесь все по-прежнему. С августа начал я охотиться, охота шла довольно хорошо. Зайцев до 15 ноября загравлено 634, лисиц три, барсук один и волк один. Теперь снег покрыл зеленые луга, мороз сковал всю природу, охота почти кончилась, нападает скука, завтра еду в Ярославль. Константин находится дома, по просьбе его, найденной по отъезде твоем в Инспекторском департаменте, ему о принятии на службу отказали. Конечно, можно бы по уведомлению твоему или Буткевича, переписавшись с генералом Краснокутским, подать просьбу о принятии в командуемый им полк, но в гусарах служить, по новому положению, едва ли позволит наше состояние. Буткевич мне писал, чтоб служить в кавалерии, надобно иметь 3 тысячи серебром дохода. По отъезде твоем недели через две я отослал 400 рублей серебром к г-ну Вульффу,² больше послать тогда не мог. Каково идет подписка на «Современник», не знаю, Вульффу мне о сем не пишет.

Описывая Рим, ты не пишешь, как ты проводишь время в течение 24-х часов, да и о здоровье своем написал неудовлетворительно для меня. Кроме того, мне хотелось бы знать, долго <ли> ты располагаешь пробыть за границей, думаешь ли быть в Париже или где пользоваться минеральными водами. Редкостей для охоты хотя иметь трудно, особливо ружье, устроенное для стрельбы дробью, 6-ть выстрелов, точно так как револьвер Лефосе в Париже, но приятно даже слышать о таком ружье. Если

ты где увидишь, то мне опиши, удобно ли это ружье и какой его вес. Будет ли когда это приятное время, когда мы вместе поедем на охоту. Твое ружье лежит без употребления, оно для меня тяжело; которое купил Буткевич, тоже имеет весу 9 фунтов. Я хочу его продать, а себе купить французское 6-ти или 7-ми фунтов. Я бы на такое ружье выслал тебе денег. Пиши мне, что именно за границей дешево. Домашние наши все тебе кланяются. Все мы желаем тебе наилучшего здоровья, пиши часто и много.

Любящий тебя всей душою отец твой

Алексей Некрасов.

Здоровье мое по-прежнему ни то ни се. На днях простудил висок и болит горло. Пороши возобновились превосходные, небывалые давно, но ездить на охоту не могу — ездит Ефим с Яковом. Борзых есть у нас 20-ть, гончих 24, те и другие отличные. Я иногда бил из-под гончих по 10-ть и 6-ть зайцев в поле.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 11—12 об. Цитаты из письма: Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 30, 34, 37.

¹ Некрасов летом 1856 г. уехал за границу, где пробыл почти год. Ко времени написания данного письма поэт побывал в Берлине, Вене, проездом во Флоренцию, Ферраре, Болонье, а затем в Венеции и Риме. Указанные письма Некрасова неизвестны.

² Посылая деньги в контору «Современника» К. И. Вульф, владельцу типографии и до 1856 г. заведующему конторой «Современника», А. С. Некрасов, очевидно, выполнял поручение сына.

19

А. С. Некрасов — Некрасову

7 января 1857 г. Ярославль

Ярославль. 7 января 1857 г.

Любезный сын Николай!

Поздравляю тебя с Новым годом, желаю, чтоб святое провидение послало тебе новое счастье и здоровье. 22 ноября минувшего года послал я из Ярославля в Рим на имя твое письмо франкированное,¹ где описывал наше житье-бытье, но от тебя ответу не получил, а ты обещал писать часто. Напиши, как ты проводишь время, как твое здоровье, терпишь ли пужду или нет, что тебе нужно? У нас здесь все по-старому, одна зима только изменилась, и до сего времени больше 5 градусов морозу не было. Ефим постоянно ездит на охоту, в 4 дня затравил 36 русаков, снег почти каждый день прибывает новый, это благоприятствует охоте. Федор наш 22 декабря уехал в Ригу с известным товаром, числом 70 штук,² пишет мне, что в конце января будет ко мне. Константин постоянно болеет кавказской простудой³ и в службу теперь не годится, разве что в штатскую. Я сам год от году слабею, ревматизм и геморрой меня мучат невыносимо. Как ты мне посоветуешь, а здешние доктора велют мне ехать за границу в Карлсбад. Я решаюсь ехать, получа твое 1-е письмо, в котором ты назначь, где мы можем съехаться и видется, а может, и пожить вместе. Одна беда, что мне до Штеттина не хочется ехать морем, я думаю на Варшаву в дилижансе, но есть ли из Варшавы в Пруссию железная дорога, еще не получил сведения.⁴ Буткевич и Анета в Петербурге, здоровы. Г-н Вульф мне ничего не пишет, но я знаю от других, что дела и подписка на «Современник»

идут довольно хорошо. Итак, пиши же ко мне подробно о всей твоей жизни, для меня драгоценной. Затем прощай, заочно тебя целую.

Истинно любящий тебя отец

А. Некрасов.

Елена Сергеевна, брат Константин и все домашние тебе кланяются. Я недавно завлекся в одну глупость. Вообрази себе, что у нас теперь 9-ть человек музыкантов, которых обучает довольно знающий музыку отставной унтер-офицер, инструменты из Парижа, Сакса,⁵ изобретенные для французской гвардии.⁶

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 13—14 об. Цитаты из письма: Евгений. Некрасов и его отец. С. 30—32.

¹ Т. е. письмо с оплаченным ответом (№ 18).

² О каком товаре идет речь, неясно.

³ Вероятно, имеется в виду малярия.

⁴ Поездка А. С. Некрасова на воды за границу не состоялась.

⁵ А. Сакс (1814—1894) — парижский мастер музыкальных инструментов, преимущественно духовых.

⁶ Затем с музыкантами, очевидно, обошлась весьма дорого, и поэтому в начале 1859 г. в «Ярославских губернских ведомостях» появилось следующее объявление: «Хор музыкантов из девяти человек отпускается как в г. Ярославль, так и другие города и селения. Желающие нанять музыкантов на свадьбу и вечера за сходную цену могут обращаться к помещику Некрасову, живущему в Ярославле, в Вознесенском приходе, в доме купца Хманова» (цит. по: *Жданов В.* Некрасов. М., 1971. С. 192).

20

А. С. Некрасов — Некрасову

3 августа 1857 г. Москва

Москва. 3 августа 1857 г.

Любезнейший сын Николай!

Письмо твое я получил¹ и подарок, пальто и свору.² Благодарю тебя за память о мне. С 17-го июля я нахожусь в водолечебном заведении Крейзера по совету Иноземцева;³ лекарств никаких не принимаю. Лучше мне нисколько нет, но уверяют меня, что при дальнейшем лечении получу облегчение. Побывать в этом заведении думаю до 15 августа и тогда уеду домой, денег я потратил немало, жаль, что это без всякой пользы. Очень бы хотелось ехать весною в Карлсбад, но один, без родного, едва ли решусь и потому желал бы, чтобы ты меня сопровождал хоть до Берлина или Карлсбада. Одна надежда на тамошние воды. К весне я переехал бы в Петербург. Что касается до кареты и лошадей — первой у меня нет вовсе, со мною только тот дормез, который ты видел, лошадей — есть здесь в Москве, пара одна стоит мне 150 рублей, другая — 125 р. серебром, для одиночной езды хороши, но для далекой <?> не согласны, да и за перевозку их до Петербурга по железной дороге много надобно заплатить денег. Прислать их или не присылать, это зависит от твоего ответа. Относительно охоты (которая в порядочном устройстве), я бы желал, чтоб ты приехал, впрочем, ты сам видишь свое здоровье, располагай, как к лучшему. Федор, бывши здесь, хотел мне писать по приезду в Петербург, но ничего не писал, и где он теперь, не знаю. Константин в Ярославле без всякого дела. Буткевич мне давно не пишет, сердит, что отказал в деньгах, нужных ему для поездки за границу. Долгово-Сабуров⁴ у вас в Петербурге, сердится за то же, что и Бут-

кевич. Домашние дела идут по-старому. Думали мы с Федором, как бы к нашему скудному имению что-либо прикупить, да не удалось, а притом и денег-то <у> обоих маловато, десяти тысяч собрать не могли. Покуда я жив, то хоть бы немного вам прикушить, а то и последние деньжонки пойдут в аптеки да лекарям. Затем желаю тебе наилучшего здоровья и повторяю мое душевное желание видеть тебя.

Любящий тебя отец
Алексей Некрасов.

Аграфена тебе низко кланяется.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 15—16 об. Цитаты из письма: Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 32, 34, 37.

¹ Это письмо неизвестно.

² Свора — здесь: ремень (цепочка, шнур), на котором водят борзых собак.

³ Ф. И. Иноземцев — известный московский врач, профессор Московского университета.

⁴ И. Долгово-Сабуров — дальний родственник и сосед А. С. Некрасова по имению.

21

А. С. Некрасов — Некрасову

Между 3 и 15 августа 1857 г. Москва

Любезный сын Николай!

Предприятие наше не сбылось. Лечение мое у Иноземцева вовсе неудачно, сам не ездит, ко мне посылает г. Сараджева,¹ что ни пропишут, все невпопад, советуют лечиться холодной водою, но я слаб, растерялся в мыслях и решиться на это не могу. Если ты не имеешь намерения быть в 1-х числах августа в Москве и потом в Грешневе, так я бы хотел, чтобы ты в Москву приехал к 20 числу этого месяца повидаться и посоветоваться, что мне остается делать, чтобы поправить мое здоровье. Федор, погостив у меня неделю, говорит, что ему необходимо ехать в Ригу по его делам. Я остался один с Аграфеной. Прошу тебя, пиши мне поскорей, будешь или не будешь ко мне в Москву. Бумаги о дворянстве, взятые у меня, мне нужны, прости.² Желаю тебе здоровья.

Любящий тебя отец
А. Некрасов.

Псовая охота находится в порядке, дичи должно быть много, потому что везде от дождей много воды. Ружье твое цело, в исправности. Если ты будешь дома охотиться, то и Федора тащи. Скажи, чтоб воротился из Риги поскорей.

Аграфена и все люди, при мне находящиеся, тебе кланяются.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 21—22.

Датируется по содержанию и по связи с предыдущим письмом.

¹ Очевидно, один из московских врачей, помощник Ф. И. Иноземцева.

² Собранные А. С. Некрасовым бумаги, которые, по его мнению, должны были подтвердить древность рода Некрасовых.

А. С. Некрасов — Некрасову

25 сентября 1861 г. Грешнево

Любезный сын Николай!

Письмо твое от 14 сентября я получил 21-го,¹ благоразумно ты сделал, что уехал в Петербург, в такое дурное время нельзя было рассчитывать на то, чтобы повеселиться на охоте; здесь продолжают дожди, поэтому я сижу в Грешневе и выезжаю кой-когда на час времени поохотиться, однако, привыкнув быть с вами, мне одному чрезвычайно скучно. Федор с сестрою, несмотря на мои советы ехать прямо в Петербург, уехали 11-го сентября в Алешунино. Из г. Шуи я получил от них письмо, что они кой-как тащатся в надежде видеть тебя в Алешунино, больше о них покуда ничего не знаю.

Молочко на столе уже не появляется, хотя Луша его часто напоминает, кричит: где Николай Алексеевич, Анна Алексеевна, скоро ли приедут.

За собаками в Орлово посылал; Ефим Иванов говорит, будто ему следует за три года за прокорм 150 руб., да за Касторку 50 руб. и Кузьме жалованья за поездку 75 рублей; когда Кузьма привезет деньги, тогда и собак возвратит. Барыню² на днях привезли, она почти в том же виде, что с ней делать? Посылаю при сем полученное письмо,³ другое было от г. Успенского, который просит денег, выслать денег в г. Ефремов на Николаевскую станцию Павлу Пекину.⁴ О коляске я немного сожалею и не знаю, когда она попадет в Грешнево. Относительно Карабихи⁵ Анна Алексеевна взяла копию с плана правой стороны, рассмотревши его, что напишет, то и буду делать. Сам я не пишу от головной боли. Затем желаю тебе здоровья.

Любящий тебя

А. Некрасов.

Ружье одноствольное, которое прошлый год оставалось у меня, Лепажа, взял Василий.⁶ Домашние наши все кланяются.

Сентябрь. 25 дня 1861 г. С. Грешнево.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 19—20. Написано под диктовку неизвестной рукой. Упоминание о письме: Евгеньев. Некрасов и его отец. С. 34.

¹ Это письмо неизвестно.

² Т. е. собаку.

³ О каком письме идет речь, неизвестно.

⁴ Письмо Н. В. Успенского неизвестно.

⁵ В это время Некрасов собирался оформлять контракт на аренду Карабихи, а затем и купчую крепость на это имение.

⁶ В. М. Матвеев, камердинер Некрасова.

А. С. Некрасов — Некрасову

12 декабря 1861 г. Ярославль

12 декабря.

Любезный Николай!

Бумаги, касающиеся до Карабихи,¹ я получил, послал за Сергеем в Грешнево, по явке его немедленно будет приступлено к исполнению того, что предписано Николаю, между тем до приискания лесного сторожа займется этим делом Никита Степанов.² Сам я, буде поправлюсь от нападения хворости, то поеду в Карабиху посмотреть. А к этому времени не худо было бы выслать опись, чтоб можно видеть то, что тебе принадлежит. На правой твоей стороне есть водяная мельница, кажется, она должна принадлежать тебе. Да скажи мне, когда вы думаете приехать ко мне в Ярославль? Дом Кожухова окончательно мною куплен 3 декабря за шесть тысяч пятьсот семьдесят рублей, считая и пошлины на купчую, но все-таки представлено о сем в Коммерческий банк для утверждения.³ Не мешало бы повидаться с господином Штиглицем или его товарищем, чтобы поскорей утвердили и выслали в конкурс бумагу. Сам я покуда переезжать в дом не думаю. Что может приносить доходу купленный дом, того знать еще нельзя. Все говорят, что дом и теперь стоит больше.

Сегодня был у меня Козьма, принес три пары серых куропаток, которые я берегу для вас. Благодарю тебя за стихи, поздравляю с прошедшим днем твоих именин, мы выпили в этот день молочка, пожелав тебе здоровья и всего лучшего. Что найдешь необходимым по Карабихе, пиши мне. Да что же в контракте не сказано про водяную мельницу?

Будь здоров.

Любящий тебя

А. Некрасов.

15 декабря здесь будет продаваться все имение Ивана Долгово-Сабурова.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 67, л. 17—17 об.

Датируется по времени оформления бумаг для приобретения Карабихи и по связи с письмом Некрасова от 7 декабря 1861 г. (Н I, 10, 463—464), ответом на которое и является.

¹ Вероятно, копию контракта на аренду имения.

² Доверенный Некрасова по приемке Карабихи.

³ Некрасов в письме от 16 апреля 1861 г. (Н I, 10, 449) советовал отцу купить дом в Ярославле, предлагая для этого привезти деньги («Денег 3 т^ысячи р^ублей» «серебром» у меня для Вас готовы»). В уже упоминавшемся письме от 7 декабря того же года он пишет отцу: «... ежели Вы думали купить дом Кожухова единственно для дохода, то с этою целью никакого дома в настоящее время покупать не стоит. <...> Но если у Вас к этому присоединяются другие цели, то выгоднее дома Кожухова даже за 6 т^ысяч Вы не скоро дождетесь, и я бы решительно даже посоветовал его Вам купить...» (Н I, 10, 463).

М. Н. Новоселов — Некрасову

3 апреля 1864 г. Петербург

Милостивейший государь Николай <Алексеевич>!^а

Нужда заставила меня обратиться к Вам как члену Общества для пособия нуждающимся литераторам с просьбою исходатайствовать пособие Общества для поддержания меня на дальнейшие труды в литературе и в средствах к жизни. О себе сказать много пока еще не могу, но все-таки должен указать на некоторые статьи, именно: «Реформы Министерства народного просвещения» — 4 июня 1863 г. — «Северная пчела»; «Народное образование» — «Северная пчела», № 234 и 246 — 1863 г.; «Народная грамотность» — «Северная пчела», № 30 — 1864 г.; «Медвежий промысел в России» — «Северная пчела», № 42 — 1864 г.; «Подъем на гору» — «Народное богатство», № 73 или 72 — 1864 г.¹ В настоящее время я нахожусь в самом крайнем положении: кругом в долгу и не имею куска хлеба. В прошедшем году я имел несколько уроков и таким образом мог существовать безбедно; ныне же ничего не имею, кроме 100 р. долгу; в «Северной пчеле» участвовать не могу, потому что худо платят (т. е. по 5 мес. нужно ожидать гонорарий по 2 к. за строчку) и до сих пор не могу получить заработанных уже денег. Подобные неаккуратности, да еще и то, что некоторые редакции держат статьи по 3 месяца, не давая никакого ответа и не печатая их, и заставили меня заложить имевшиеся порядочные вещи и задолжать за квартиру, с которой и съехать не могу, хотя хозяйка и выгоняет. Вследствие такого безвыходного положения я решился обратиться к Вам с покорнейшею просьбою исходатайствовать мне пособие; если Вы уже откажете, я не знаю, к чему прибегнуть; еще неделя, и я пропал совершенно.

Полтора года я слушал лекции в С.-Петербургском университете, за полгода с платою и год бесплатно, ныне и этого не могу: не имею ни малейшей возможности приобрести хотя один учебник. Кроме халата, не имею ничего выйти по делам, на днях заложил последнюю шубу, остаток прежних благ.

Надеюсь, что Общество не даст погибнуть человеку, еще начинающему трудиться;² я бы очень благодарен был, если бы мне доставили место в какой-либо редакции с верным обеспечением для продолжения занятий.

В ожидании пособия имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

М. Новоселов.

1864. Апрель 3 дня.

Адрес: На Васильевском острове, по 15-й линии, на углу Среднего проспекта, в доме Майкова, квартира № 21.

На обороте:

Его высокоблагородию
Николаю <Алексеевичу> г. Некрасову,
редактору «Современника».
Через редакцию в собственные руки.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 13, л. 84—84 об., 88. Цитаты из письма: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 64—65; Рус. лит. 1973. № 4. С. 132.

Митрофан Николаевич Новоселов — публицист, педагог, автор статей о народном образовании (ратовал за расширение сети начальных школ), народной эконо-

^а Здесь и далее в рукописи ошибочно: Васильевич.

мике, земских учреждениях. Кроме настоящих писем (24, 25), не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Новоселова.

¹ Последняя из перечисленных Новоселовым статей была напечатана в № 69 (от 27 марта) «Народного богатства» за 1864 г.

² На основании свидетельства В. Ф. Корша о трудах Новоселова и его бедности последнему в апреле и мае 1864 г. было выдано по 50 р. (ГПБ, ф. 438, № 2, л. 12, 19).

25

М. Н. Новоселов — Некрасову

15 апреля 1866 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Пользуюсь случаем выразить Вам глубокую признательность за Ваше ходатайство пред Комитетом, оказавшим мне пособие в 1864 году.¹ Вместе с тем покорнейше прошу Вас принять участие и ходатайствовать за меня в настоящее время. Принадлежа к числу литераторов, занимающихся внутреннею жизнью России, я намерен познакомиться с ее жизнью, я решил посетить некоторые местности ее, чтобы познакомиться с экономическим бытом. Я думаю, что это будет бесполезно как для литературы, так и для отечества. Доказательством чего может служить моя поездка в Ростов-на-Дону.² Корреспонденции о крае были напечатаны в «Северной почте», «Дне», «Голосе», «С.-Петербургских ведомостях», «Петербургском листке»,³ и, наконец, доставлены огромные путевые заметки в газету «Неделя», которые в скором времени появятся в свет.⁴ Собрание всех этих заметок может ручаться в том, что я в своих поездках не даром теряю время; притом они доставили мне такой взгляд на дело народного образования в России и на земские учреждения, который не был замечен как в литературе,⁵ так и правительством.

Ввиду этого я покорнейше прошу Вас ходатайствовать пред Комитетом для пособия нуждающимся литераторам и ученым о ссуде мне денег 200 р. серебром, оплату которых я произведу не позже октября месяца настоящего года.⁶ Ручательством за мою ссуду могут служить мои труды, представленные редактору газеты «Неделя», которые будут напечатаны в непродолжительном времени.

Я не говорю уже о том, что эта ссуда поможет мне окончить мое образование и тем даст более возможности предаться всецело литературе. Честь моя не запятнана никакими долговыми делами, и я надеюсь оказать это и пред Комитетом.

Прося Вашего покровительства в моей деятельности, имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

М. Новоселов.

1866. Апрель 15.

Адрес: В Голчарной улице, в доме Воронина, квартира № 4.

Печатается по автографу: ГПБ, ф. 438, № 15, л. 103—103 об. Цитаты из письма: Некрасовский сб. Пг., 1918. С. 61—65; ЛН. С. 625.

¹ См. письмо 24.

² 2 августа 1865 г. Комитет Литературного фонда выдал Новоселову 25 р. на дорогу до Ростова-на-Дону, где он собирался издавать газету (ГПБ, ф. 438, № 3, л. 18 об.—19).

³ Имеются в виду следующие статьи, заметки, корреспонденции Новоселова: «Положение 2 сентября 1864 г.» в Юго-западном крае» (Деп. 1865. 11 дек.

№ 50—51; подпись: «N»); «Корреспонденция из Юго-западного края» (Голос. 1865. 7 сент. № 247; без подписи); «Педагогическое значение малорусского языка» (С.-Петербургские вед. 1866. 8 апр. № 93; подпись: «Учитель»); «Ростов-на-Дону». «На пути к Харькову» (Петербургский листок. 1866. 13 февр. № 24; 1866. 19 марта. № 42; подпись: «М. Новоселов»). В «Северной почте» он, вероятно, печатал свои материалы анонимно в разделе «Внутренние известия».

⁴ В «Неделе» за 1866 г. была помещена статья «Народное образование в Юго-западном крае» (1 мая. № 8) за подписью: «Новоселов».

⁵ Известен, например, одобрительный отзыв об упомянутой выше статье в «С.-Петербургских ведомостях», пропагандировавшей обучение на родном языке: *Член Черниговского земства*. Еще о земстве и народном образовании в Южном крае // С.-Петербургские вед. 1866. 28 апр. № 113. По мнению автора отзыва, значение «превосходной статьи» Новоселова состояло в том, что в ней справедливо подчеркивалась огромная важность, которую имело «для южно-русского народа первоначальное обучение на его родном языке».

⁶ На заседании Комитета Литературного фонда 2 мая 1866 г. в просьбе Новоселова о выдаче ему ссуды для поездки по России с целью «сближения с народом» было отказано «за недостатком ручательств» (ГПБ, ф. 438, № 4, л. 25 об.). Отказано было ему и в просьбе о пособии, поданной 4 октября 1866 г. на имя В. Ф. Корша, которому Новоселов писал, что выслан III Отделением под надзор полиции в Кадников Вологодской губернии: «Арестован я был еще в начале майя месяца и содержался в строжайшем секрете» (ГПБ, ф. 438, № 15, л. 273). В отсутствие на заседании Некрасова отказ мотивировали тем, что проситель «не имеет литературных заслуг» (ГПБ, ф. 438, № 4, л. 54). Новоселову было отказано и в следующий раз, 18 сентября 1867 г., когда он обратился с просьбой о пособии в связи с поездкой в Харьков для слушания там лекций в университете (ГПБ, ф. 438, № 5, л. 67).

26

И. А. Панаев — Некрасову

28 декабря 1860 г. Петербург

28 дня. Декабрь.

Милый Николай Алексеевич! Скажи Звонареву¹ — уплачивать ли долг твой Кузнецову.² Думал сегодня заехать, да наверно не знаю. Теперь скажи, заложить ли водопроводные акции вместе с акциями «Кавказ и Меркурий».³

Твой Ипполит Панаев.

Об объявлениях⁴ скажи Звонареву наставление.⁵

Печатается по автографу: ИРЛИ, 5061, л. 42. В верхнем левом углу листа помета рукою Некрасова: «Деньги Кузнецову прошу заплатить и принять обратно 13 акций общества „Кавказ“ и Меркурий»⁴ и 7 акций водопроводных. Н. Некрасов». Рядом с припиской Панаева об объявлениях другая помета Некрасова: «Надо, как в прошлом году».

Ипполит Александрович Панаев (1822—1901), двоюродный брат И. И. Панаева; в 1856—1866 гг. заведовал конторой и хозяйственными делами «Современника»; автор повести «Бедная девушка» и статей философского содержания. Отношения между Некрасовым и Панаевым были неизменно дружественными. До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Панаевым было известно 60 писем Некрасова к Панаеву (Н I, 10, 11) и 2 письма Панаева к Некрасову (АсК. С. 142; ЛН. С. 430).

¹ С. В. Звонарев (ум. 1875) — служащий конторы «Современника», впоследствии издатель и книгопродавец.

² Кузнецов — лицо неустановленное. Вероятно, имеется в виду карточный долг.

³ Речь идет об акциях общества «С.-Петербургские водопроводы», основанного в 1858 г., и акционерного пароходного общества «Кавказ и Меркурий». учрежденного в 1849 г.

⁴ В конце года в журнале помещалось извещение о характере материалов, предполагаемых для публикации в следующем году, о направлении журнала и возможных его авторах.

⁵ В Н I, 10, 435 эта приписка отнесена к некрасовскому тексту.

А. А. Потехин — Некрасову

Конец 1862—апрель 1863 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Из уведомлений управляющего именьями княгини Голицыной и дочери ее, жены генерал-адъютанта Игнатьева, состоящими в Ярославском уезде,¹ г. Симановского² мне как уполномоченному на заведование сими именьями известно, что Вы изволили собирать с временнообязанных крестьян означенных имений оброчную недоимку прошлого года и следующую с тех же крестьян оброк текущего года, но как ни я, ни владелицы не имеем никаких сведений о собранной с крестьян сумме и об остающейся на том на них и подлежащей еще взысканию недоимке, посему я решился беспокоить Вас, милостивый государь, покорнейшею просьбою почтить меня уведомлением: сколько именно по распоряжению посредников мирового съезда или губернского присутствия подлежало ко взысканию с крестьян, сколько в то число взыскано, куда взысканные деньги поступили и сколько на том остается взыскать. Вместе с тем позвольте мне усерднейше просить Вас употребить все указанные законом меры для понуждения крестьян к скорейшей уплате оброчной недоимки, так как вследствие неисправности крестьян в платежах владельцы лишены возможности производить уплату процентов в сохрannую казну.³

А. Потехин.

Адрес мой: Алексею Антиповичу Потехину, в С.-Петербурге, у Александринского театра, д.омъ Афанасьева, квартира 15.

Печатается по копии: ИРЛИ, ф. 627, оп. 1, № 46, л. 51—51 об.

Алексей Антипович Потехин (1829—1908) — критик, драматург, писатель. Сотрудничал в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Москвитянин», «Русский вестник», «Русское слово», «Современное обозрение», «Век», «Русский мир». Автор романов «Крушинский», «Бедные дворяне», драм «Суд людской — не божий», «Брат и сестра», комедий «Мишура», «Отрезанный ломоть», «Вакантное место» и др. Был «уполномоченным на заведование» именьями князей Голицыных, у которых Некрасовым была куплена Карабиха. До публикации настоящих писем (27, 28) из переписки Некрасова с Потехиным было известно 2 письма Некрасова к Потехину (Н I, 10) и 2 письма Потехина к Некрасову (ЛН. С. 468—469).

Датируется по времени управления С. А. Симановским именьями князей Голицыных (ИРЛИ, ф. 627, оп. 1, № 46, л. 53—54 об.).

¹ Владелицами Карабихи до приобретения ее Некрасовым были А. М. Голицына и Е. Л. Голицына (в замуж. Игнатьева).

² С. А. Симановский управлял именьями Голицыных около полутора лет. См. о нем письмо 28.

³ Настоящее письмо скорее всего явилось результатом ложных донесений Симановского. Некрасов, как известно, приобретал имение без крестьян: «Я ищу непременно усадьбу без крестьян»; «Покупаю не для дохода, а для собственного проживания летом» (Н I, 10, 450, 464).

А. А. Потехин — Некрасову

Май 1863 г. Петербург

Милостивый государь Николай Алексеевич!

От вновь определенного в имение г-жи Игнатъевой управляющего Павла Ивановича Строганова, о котором я уже имел честь Вас извещать,¹ я получил письмо о бедственном состоянии, в котором он нашел имение г-жи Игнатъевой сельцо Горки. Из этого письма оказывается, что Симанковский совершенно разорил имение, распродал в нем больше половины скота, весь хлеб — так, что не оставил даже на продовольствие, не говоря уже о семенах, все сено, вырубил на продажу около 200 деревьев в роще Ляпиной, 40 деревьев в саду и, захвативши сверх вырученных таким образом денег еще лошадь из господской конюшной со сбруей и упряжью, скрылся из имения, бросив его на произвол судьбы. На всю эту продажу он не имел никакого права по данной ему доверенности, следовательно, поступил как похититель чужой собственности и нарушитель доверенности.

Вместе с тем я посылаю о всем вышеизложенном формальное объявление к ярославскому судебному следователю, прося его произвести следствие и принять действительные меры к взысканию с Симанковского убытков, которые оцениваю приблизительно в 1500 руб. серебром. Со своей стороны муж Е. Л. Игнатъевой генерал-адъютант Николай Павлович Игнатъев пишет письмо к губернатору и просит его приказать принять строжайшие меры к преследованию Симанковского.

Позвольте мне просить Вас, милостивый государь, оказать Ваше содействие в таком вопиющем деле. Если нужно будет подать в уездное полицейское управление по этому делу формальное объявление, то покорнейше прошу Вас приказать это сделать Строганову. При сем прилагаю доверенность от меня Строганову, которую усерднейше прошу Вас передать ему, и вновь повторяю свое извинение, что решаюсь Вас этим беспокоить.

А. Потехин.

Печатается по копии: ИРЛИ, ф. 627, оп. 1, № 46, л. 57—57 об.

Датируется по времени назначения нового управляющего имениями Голицыных и подачи заявления в суд на Симанковского (ИРЛИ, ф. 627, оп. 1, № 46, л. 53—54 об.).

¹ Это письмо Потехина неизвестно.

С. Сабуров — Некрасову

18 сентября 1875 г.

Его высокоблагородию
Николаю Алексеевичу Некрасову
крестьянина Степана Сабурова

ПРОШЕНИЕ

Прошу я вас чистосердечно,
Примите плод моих трудов,
Послужит в память вам вечно
И в продолжение годов.

Хотя он мал, даже ничтожен,
В познаниях сущности своей
И неясно даже изложен
В мечтах энергии моей.

Соблаговолите вашим словом
 Страсть к делу этому внушить,
 Чтобы всегда мне быть готовым
 В стихи мечту свою прелить.

В том умоляю я пред вами
 И еще прошу, простите,
 Что своими я делами
 Беспokoю — извините.

Готовый к вашим услугам

крестьянин Степан Сабуров.

18 сент<ября> 1875 г.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 203, № 88, л. 1—1 об.

Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Степана Сабурова.

30

В. С. Степанов — Некрасову

Январь—март 1869 г. Петербург

На память Н. А. Некрасову

1. Желательно иметь ружье, калибр 10 или 12.
2. Система заряжения сзади.
3. Устройство пистонов, как у Вашего ружья, цилиндрическое.
4. Длина стволов, хотелось бы, 14 вершков; впрочем, относительно сего желал бы последовать совету оружейника.
5. С прямым английским прикладом, нетяжело, преимущественно для употребления его <в> охоту по перу.
6. При оном должна быть машинка для делания патронов и 100 штук картушей <?>.¹

За Вами состоит за билет
 лиговской охоты 1868 года 30 р.
 Представляется наличными 120 р.

Всего 150 руб.

Если окажется недостаточным сих денег, прошу усерднейше Николая Алексеевича прибавить свои, которые при первом личном свидании будут возвращены с благодарностью. Относительно мастера — на Ваш выбор.²

В. Степанов.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, № 90, л. 1.

Василий Степанович Степанов — чиновник канцелярии Министерства императорского двора, знакомый Некрасова по совместной охоте. Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Степанова.

Датируется временем отъезда Некрасова за границу в 1869 г.

¹ Картуш — картонный пыж.

² В письме В. М. Лазаревскому из Киссингена от 28 июня (10 июля) 1869 г. Некрасов пишет: «Если увидите Степанова, то скажите ему, что ружье я едва ли ему привезу. В Лондон я не попал, а в Париже ничего хорошего не нашел; даже вовсе нет ни у Девипа, ни у Гасткин-Ренетта ружей с центральным зарядением. Пусть напишет, что он желает, чтоб я сделал с его деньгами. Впрочем, поищу еще в Берлине, но привозить вещь посредственную не хочется» (Н I, 11, 143). Из Диеппа 29 июля (10 августа) того же года он пишет: «Степанову ружье поищу еще, как поеду через Париж» (там же, 149).

М. П. Сухов — Некрасову

8 января 1874 г. Новгород

Новгород. 8 января 1874 г.

Милостивый государь Николай Алексеевич!

По обычаю позволяю себе поздравить Вас с Новым годом, пожелав, конечно, при этом всех благ мира, а главное — счастливой и удачной охоты. Моя же охота с Нового года началась крайне неудачно и неприятно. Здесь, кстати, расскажу Вам забавную историю, бывшую со мною 6-го января в Луке, куда я едва-едва выбрался во второй раз нынешнею зимою, пользуясь любезным Вашим разрешением пострелять иногда и на Ваших местах для охоты; я пригласил Алек<сандра> Ива<новича>,¹ подтвердившего мне Ваше разрешение, и отправился с ним на мою собственную землю в известные Вам шалаши покараулить вылету тетеревей, где прождал напрасно до 11 часов утра, решил снять чучел и возвратиться домой, предполагая, что тетерева не желают поздравить нас с Новым годом и лежат спокойно в своих норках. На деле же оказалось следующее: когда загонщики сняли небольшое стадо, то егерь г. Лазаревского Степан² стал на открытом месте и отогнал птиц от шалаша, говоря, что делает это по приказанию своего принципала потому, что за рекою на тетеревов охотиться никто не смеет, тем более управляющий г. Некрасова, которого он вытащит вон из шалаша (а может быть, и меня). Слова эти, конечно, вызвали у меня улыбку, и я невольно припомнил гоголевских Петра Ивановича и Ивана Петровича, ссорящихся из-за гусака,³ заметил только, что, представляя право свободной охоты на моей земле, я не отдавал ее в аренду и не полагал, что встречу такие неприятные вещи. Я, впрочем, не полагаю, чтобы подобные распоряжения исходили непосредственно от Василия Матвеевича, а вероятно, есть следствие каких-либо взаимных неудовольствий Вашего управляющего со Степаном. Странно только, что последний прогнал моего загонщика с земли, арендованной лично Вами от Грузинского лесничества и граничащей с моею...⁴ Да и много ли я постреляю, неужели десяток птиц, которых едва ли я возьму там, составят что-нибудь в общей сумме охоты Василия Матвеевича. Что я далек от жадной охоты, может служить доказательством то, что, найдя в прошлом году единственный выводок на своей земле, я не трогал из него ни пера до приезда Вашего и Василия Матвеевича.

Крайне сожалею, что затерял адрес Василия Матвеевича, чтобы сообщить ему этот курьез.⁵ Попросите его при свидании выслать мне адрес, чтобы я мог переслать некоторые просимые им документы.

Про<шу> Вас также передать милейшей Зинаиде Николаевне мое душевное поздравление и верить искреннему уважению

преданного М. Сухова.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, № 83, л. 1—2 об.

Михаил Павлович Сухов — помещик, чьи земли прилегали к арендованному Некрасовым и В. М. Лазаревским охотничьему угодью в Чудовской Луке Новгородской губернии; участник совместных с Некрасовым и Лазаревским охот. Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Сухова.

По всей вероятности, А. И. Вышомирский, управляющий чудовским имением Некрасова.

² Речь идет о С. П. Петрове — егере Некрасова (см. письмо В. М. Лазаревского Некрасову от 17 января 1874 г. — Звенья. М., 1950. Т. 8. С. 347—349).

³ Имеются в виду герои «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

⁴ Эти охотничьи угодья находились верстах в десяти от Чудова, на Волкове.

⁵ Выяснению описанного Суховым инцидента и условий обоюдной охоты в Чудове на совместно арендуемых землях посвящены пять писем Некрасова Лазаревскому, к первому из которых от 14 января было приложено настоящее письмо (Н I, 11, 289—294). 19 января 1874 г. он пишет: «В Вашем ответе Степану (Лазаревский давал указание Степану Петрову спросить у Сухова, получил ли тот разрешение охотиться. — *Ред.*) не вижу ничего дурного, но Степан им воспользовался глупо и грубо, что и составляет сущность всего дела; надо нам написать сообщая Сухову письмо, ибо просто жаль обидеть этого человека ни за что ни про что...» (Н I, 11, 293). Письмо, вероятно, было послано, и недоразумение разрешилось. 10 февраля того же года Некрасов сообщает Лазаревскому, что Сухов приглашает их «на медведя в воскресенье где-то за Полесью» (Н I, 11, 297).

32

Н. В. Холшевников — Некрасову

25—26 апреля 1875 г. Петербург

Из этого (прилагаемого) письма, добрейший Николай Алексеевич, увидите, что гуси есть в Грузине.¹ Я сейчас еду на глухарей; в понедельник вернусь, а во вторник хочу ехать в Грузино. Если Вы не получите худших известий от М. Е. Салтыкова,² то следовало бы Вам собраться во вторник в Чудово: найдем гусей, вальдшнепов и тетеревов. Уведомьте почтой, если поедете.

Ваш Н. Холшевников.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, № 97, л. 2 об. Написано на письме к Холшевникову В. Любимцева от 22 апреля 1875 г. с приглашением на охоту в Грузино на перелетных гусей и полевых тетеревов, имеющем помету Холшевникова: «Получено 25 апреля, вечером».

Николай Васильевич Холшевников (1822—1907) — вице-инспектор корпуса лесничих, знакомый Некрасова по охоте. До публикации настоящего письма из переписки Некрасова с Холшевниковым было известно 3 письма Некрасова к Холшевникову (Н I, 11) и 2 письма Холшевникова к Некрасову (АСК. С. 221—223).

Датируется на основании пометы Холшевникова на письме В. Любимцева и ответного письма Некрасова от 26 апреля 1875 г. (Н I, 11, 359), где Некрасов сообщает Холшевникову, что «если не случится какого препятствия, то вторник непременно еду в Чудово. <...> Поедем и на гусей. У меня был Степан с известием, что найдем несколько токов дупелиных, есть тока тетеревиные, есть вальдшнепы» (там же).

¹ Имеется в виду Грузинское лесничество (см. письмо 31, примеч. 4).

² Речь идет о плохом состоянии здоровья М. Е. Салтыкова-Щедрина, который в это время находился в Баден-Бадене. 25 апреля 1875 г. Некрасов сообщал А. Н. Пышину, что Салтыкову стало немного лучше (Н I, 11, 358).

33

М. К. Цебрикова — Некрасову

До 8 октября 1875 г. Петербург

Многоуважаемый государь Николай Алексеевич!

Г-жа Соболева, писавшая в «Современнике» под псевдонимом «Самойлович»,¹ желает получить пособие из Литературного фонда. Она честная труженица, неплатеж мелких редакций ставит ее в затруднительное положение, и, сверх того, по слабости зрения она обязана содержать

девицу для диктовки. В <18>73 г. ей было выдано пособие по ходатайству г. Салтыкова.² Я прошу Вас выхлопотать ей в этом году пособие, в котором она нуждается.³

Примите уверение моего совершенного уважения.

М. Цебрикова.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 155, Прил. к журналам Комитета Литературного фонда за 1875 г., л. 869—870.

Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917) (псевдонимы: «Артемьева», «К. М.», «М. К.», «М. Ц.», «Н. Р.», «Николаев», «Николаева») — писательница, критик, общественный деятель, сотрудница журналов «Отечественные записки», «Дело», «Слово» и др. До публикации настоящего письма было известно 4 письма Цебриковой к Некрасову (ЛН. С. 545—547; Зап. Отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1940. Вып. 6. С. 28); письма Некрасова Цебриковой неизвестны.

Датируется по дате поступления письма в Комитет Литературного фонда, представленной секретарем Комитета.

¹ С. П. Соболева (1826—1881; псевд.: «В. Самойлович») — писательница, печаталась с 1860 г., автор повестей («Еще разбитое сердце», «И про и contra», «Доброе старое время», «Последняя шалость», «Суббота», «Богатая невеста», «История Полю» и др.) и фельетонов. Сотрудничала в журналах «Современник», «Отечественные записки», «Русское слово», «Модный магазин» и др.

² Заседание Комитета Литературного фонда 13 ноября 1873 г. на основании отзыва М. Е. Салтыкова-Щедрина, подтвердившего бедственное положение С. П. Соболевой, решило выдать ей пособие в 150 руб. (ИРЛИ, ф. 155, Журналы Комитета Литературного фонда за 1873 г., л. 320 об.).

³ Некрасов сообщил о письме М. К. Цебриковой на заседании 13 октября 1875 г., где было решено: «Ввиду свидетельства Цебриковой о положении просительницы и многочисленных литературных трудов Соболевой, исключительно живущей этими трудами, выдать 150 р.».

34

С. С. Шереметьев — Некрасову

28 января 1871—1875 гг. Чудово

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Имею честь уведомить Вас, что охота вчерашнего числа обошлась по 9 руб. 20 коп. с человека; по Вашем же отъезде все три волка были убиты.¹

Примите, милостивый государь, уверения в совершенном почтении.

Сергей Шереметьев.

28 января.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, № 99, л. 1.

Сергей Сергеевич Шереметьев — егерь в Чудове. Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Шереметьева.

Датируется по времени аренды охотничьих угодий в Чудове и обычной зимней охоты на волков, в которой участвовал Некрасов.

¹ Об охоте на волков зимой в Чудове см., например, письмо Некрасова к В. М. Лазаревскому от 19 января 1874 г. (Н I, 11, 293).

В. Я. Шмитановский — Некрасову

После 1863 г. Новоалександровск

Милостивый государь Николай Алексеевич!

Я уверен, что письмо это покажется Вам странным, тем более что фамилия моя Вам плохо или, может быть, и совершенно незнакома, но несчастье, заставляющее людей предаваться иногда страшным или — лучше — отчаянным маневрам, заставило меня обратиться к Вам, как к единственной надежде на спасение. Еще живя в Петербурге, где по литературному делу мне не раз выпадало на долю встречать Вас в Цензурном комитете и других местах, и даже я так был счастлив, что раза два имел честь с Вами разговаривать, тогда я кое-что писал в «Сыне отечества» и журнале «Развлечение», подписывая под статьями буквы «В. Ш.». Но в 1863 г. несчастье, придавившее меня, лишило Петербурга и сделало солдатом,¹ и хотя я все это нес довольно терпеливо, но последний случай лишает меня всякого сознания. Два дни тому назад, идя на почту, я потерял казенных денег 18 руб. Все, что только можно было продать, я продал и все-таки не мог собрать более 13 руб. И теперь до слез нужны 5 руб., иначе я должен буду поплатиться так жестоко, что и подумать страшно, а между тем в военной службе очень возможно, это-то безвыходное, это-то убийственное положение и заставило меня обратиться к Вам. Куда я в убитом моем положении не взглядывал мысленно, чтобы найти помощь, как утопающий, но остановился на Вас потому, что я уверен, что подобная сумма не только не разорит, но и не оскорбит Вас. Великодушный Николай Алексеевич! Заклинаю Вас всем, что только для Вас дорого, ради всех святых истин, которые так резко выдвигаются в Ваших стихотворениях, не оставьте без внимания это горькое письмо. Может быть, после и сам я удивлюсь своей смелости, но теперь, когда падает на выбор — рискнуть или погибнуть, поступок мой мне кажется не разительным, и я уверен, что и сами бы Вы не поступили иначе. Добрый Николай Алексеевич! Вы через свою помощь будете моим спасителем и купите мою благодарность на всю жизнь, а 5 р. я возвращу Вам, как только минет эта тяжелая туча. Я не в силах вылить на бумагу всю теплоту и горечь моей мольбы к Вам, так сильно я убит горем. Мне как-то сильно верится, что я не напрасно ищу в Вас своего спасения, и я буду ждать его до 22 декабря (*далее скрывать невозможно*). Это число укажет мне, погиб я или нет, а до того времени я еще буду жить надеждою. Клянусь Вам, что Вы не раскаетесь в своем великодушии, и я уверен, что если бы было Вам подробнее известно мое горе, то Вы, не задумываясь, помогли бы мне. Еще раз умоляю Вас, великодушный Николай Алексеевич! Сжальтесь надо мною, ради всего святого троньтесь моим положением, верьте, мне не к кому более обратиться; теперь в голове моей только одни Вы мелькаете маяком спасения, иначе я погиб.

Остаюсь с теплою надеждою на Ваше великодушие, ожидая 22 декабря как дня спасения.

Ваш покорный слуга

Василий Яковлевич Шмитановский.

Адрес мой: В канцелярию 113-го пехотного Старорусского полка. Писарю Василию Шмитановскому, в г. Новоалександровск Ковенской губернии.

Р. S. У меня есть неоконченная статья, которую кончить при таком убитом положении я не в силах и к 22 декабря все-таки не успел бы получить за нее денег.

Жду Вашего милосердия.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, № 100, л. 1—2.

Василий Яковлевич Шмитановский — автор лубочных произведений, в том числе изданных в 1858 г. романа «Проклятый дом, или Картежный игрок» и повести «Ермак», а также нескольких сказок: Жар-птица и живая и мертвая вода. М., 1859; Кашей Бессмертной. М., 1864. Ч. 1—3; Баба-Яга. М., 1865; Соловей-разбойник. М., 1876. Ч. 1—3; сотрудник журналов «Сын отечества» и «Развлечение». Кроме настоящего письма, не известно никаких эпистолярных материалов, подтверждающих существование переписки Некрасова и Шмитановского.

Датируется по содержанию.

¹ Возможно предположить, что каким-то образом В. Я. Шмитановский был причастен к польским событиям и в 1863 г. был отдан в солдаты.

36

Н. С. Щ у к и н — Н е к р а с о в у

26 ноября 1870 г. Петербург

Милостивый государь Николай <Алексеевич>!^a

В конце минувшего года Общество для пособия литераторам выдало мне в пособие 50 руб. Дороговизна увеличивается на все чуть не с каждою неделю, а умственные и физические силы стариков слабеют. По этому расчету я решился просить Общество о выдаче мне вспоможения в 50 руб. и на истекший 1870 г. в дополнение к моему скудному пенсону в 120 руб., о чем прошу покорнейше Ваше превосходительство доложить собранию.¹

С полным уважением имею честь быть преданным.
Н. Щукин.

26 ноября 1870 г.

На Козьем Болоте, д<ом> Де Роберти, № 5.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 155, Прил. к журналам Комитета Литературного фонда за 1870 г., л. 1459.

Николай Семенович Щукин (1792—1878) — автор многочисленных работ о Сибири исторического и этнографического характера. Печатался с 1828 г. в различных журналах и газетах («Московский телеграф», «Северная пчела», «Сын отечества», «Отечественные записки», «Дело», «Журнал Министерства внутренних дел», «Промышленность» и др.).

¹ Письмо Н. С. Щукина Некрасов представил в Комитет Литературного фонда, где оно и было рассмотрено 7 декабря 1870 г. В просьбе комитет отказал на том основании, что в 1867 г. Щукину уже была назначена пенсия в 120 р. как дополнение к его служебной пенсии в 336 р. 24 к. Кроме того, вспомоществования Н. С. Щукину выдавались в 1868 и 1869 гг. (ИРЛИ, ф. 155, Прил. к журналам Комитета Литературного фонда за 1870 г., л. 335).

^a В рукописи ошибочно: Иванович.

Неизвестные — Некрасову

23 сентября 1874 г. Новгород

Новгород. 23 сентября 1874 г.

Николай Алексеевич!

Небольшой кружок любителей отечественной словесности, приняв издание рукописного журнала и желая видеть на страницах его произведения одного из талантливейших русских поэтов, имеет смелость обратиться к Вам с покорнейшей просьбой подарить его несколькими произведениями Вашего пера.

Обстоятельства не позволяют нам распространяться о себе и нашем скромном журнале.

Глубокие почитатели Вашего таланта — редакция «Любителей словесности»

Псевдоним I
Псевдоним II
Псевдоним III
Псевдоним IV и т. д.¹

Сообщаем адрес: Новгород, Знаменская улица, Николаю Дмитриевичу Цветкову в собственный дом.

Печатается по автографу: ИРЛИ, ф. 202, оп. 2, № 108, л. 1.

¹ По всей вероятности, авторы — члены неизвестного нелегального народнического кружка. Среди революционного народничества 1870-х гг. поэзия Некрасова была чрезвычайно популярна, широко использовалась в пропагандистской деятельности во время «хождения в народ».

«ОБЪЯСНЕНИЕ ПО НЕЛИТЕРАТУРНОМУ ДЕЛУ»
А. А. КРАЕВСКОГО
(1846)

ПУБЛИКАЦИЯ В. В. МЕЛЬГУНОВА

Публикуемая статья А. А. Краевского — брошюра в восемь страниц печатного текста формата «Отечественных записок» — известна современным исследователям лишь по цитатам из нее в ответной статье — брошюре В. Г. Белинского, И. И. Панаева и Н. А. Некрасова «По поводу „Нелитературного объяснения“» (Н I, 12, 33—35), которая считается «найденной» и известна лишь по перепечатке в «Северной пчеле» (там же, 370). Разосланная редактором «Отечественных записок» во все концы России вместе с петербургскими газетами, журналами и афишами статья Краевского является сейчас большой библиографической редкостью. Экземпляр, с которого мы перепечатываем текст, вместе с брошюрой Белинского, Панаева и Некрасова «По поводу „Нелитературного объяснения“» хранится в архиве А. А. Краевского.¹

«Объяснение по нелитературному делу» — важный, интересный документ журнальной борьбы второй половины 1840-х гг., возникший в связи с образованием новой редакции «Современника». Переход этого журнала в руки Белинского, Некрасова и Панаева² сопровождался, как известно, такой газетно-журнальной полемикой, такими «толками» в литературных кругах и читательской среде, что, вероятно, ни один русский «подписчик» не остался ими не затронутым.

21 сентября 1846 г. П. А. Плетнев известил Я. К. Грота о том, что он склонен передать редактирование «Современника» Панаеву и А. В. Никитенко.³ Несколькими днями позже была достигнута окончательная договоренность Панаева с Плетневым об аренде журнала.⁴

2 октября 1846 г. Плетнев подал в С.-Петербургский цензурный комитет прошение о передаче на «неопределенное время», «без перемены программы», редакции «Современника» профессору А. В. Никитенко.⁵ В дневниковой записи Никитенко от 12 октября находим сведения о его согласии быть официальным редактором журнала на условиях, предложенных Панаевым, а в записи от 14 октября — свидетельство о принципиальном согласии министра народного просвещения С. С. Уварова утвердить Никитенко редактором,⁶ о чем председатель С.-Петербургского цензурного комитета М. Н. Мусин-Пушкин был официально извещен 23 октября 1846 г.⁷ Прошение Плетнева было утверждено Комитетом 29 октября.⁸

Но уже 3 октября Ф. В. Булгарин оповестил русскую публику о том, что бывшие наиболее деятельные сотрудники «Отечественных записок» Белинский, Панаев и Некрасов «решительно оставили журнал и перешли в редакцию „Современника“, который с 1847 года будет иметь другого редактора».⁹

¹ ЦГАЛИ, ф. 271, оп. 1, № 2.

² Обстоятельства этой истории подробно описаны в кн.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* «Современник» в 40—50 гг.: От Белинского до Чернышевского. Л., 1934. С. 23—78. Опираясь на эту работу и кратко излагая факты, связанные с переходом журнала в руки Некрасова, мы вносим в это изложение некоторые уточнения и дополнения.

³ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896. Т. 2. С. 827.

⁴ «Я купил у Плетнева журнал сей», — писал Панаев Н. Х. Кетчеру 26 сентября 1846 г. (цит. по: *Белинский В. Г.* Письма. СПб., 1914. Т. 3. С. 360). Ср., кроме того, недатированное письмо Некрасова к Белинскому, относящееся к тому же времени (Н I, 10, 52—53).

⁵ ИРЛИ, ф. 244, оп. 27, № 23, л. 40.

⁶ *Никитенко А. В.* Дневник: В 3 т. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 298.

⁷ См.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Указ. соч. С. 36.

⁸ ИРЛИ, ф. 244, оп. 27, № 23, л. 44.

⁹ Сев. пчела. 1846. 3 окт. № 224.

Не исключено, что Некрасов и Панаев (Белинского еще не было в Петербурге) сознательно допустили «утечку информации». ¹⁰ Во всяком случае А. А. Краевский увидел в «выходке» «Северной пчелы» происки новой редакции «Современника». 18 октября 1846 г. он отослал Никитенко рукопись своей брошюры со следующим письмом:

«Имея намерение напечатать прилагаемую у сего статью „Объяснение по нелитературному делу“ не в „Отечественных записках“, а отдельно брошюрою и разослать ее при афишах и газетах для оправдания себя в глазах публики от современниковских клевет, направленных против чести моей г-м Булгариним, — я покорнейше вас прошу прочесть эту статью и, буде возможно, одобрить к напечатанию. Извините, что беспокою вас этою просьбою, — вы мой ближайший сосед и не имеете привычки задерживать представляемых вам на цензуру рукописей. Мне же нужно поспешить для прекращения тех толков и сплетен, которые наделал г. Булгарин своими выходками и которые мне ежедневно доводится слышать...» ¹¹

Эта брошюра, в которой была предпринята попытка не только парировать «выходку» Булгарина, но и дискредитировать бывших своих основных сотрудников, разрешена к печати Никитенко лишь через неделю, 25 октября 1846 г. Однако в тексте «Объяснения...» Краевский не решился даже намекнуть на «согласованность» усилий «Северной пчелы» и новой редакции «Современника», направленных против «Отечественных записок».

Белинский вернулся в Петербург 18 октября. ¹² Ко времени выхода брошюры Краевского Некрасов, не дожидаясь официального разрешения Цензурного комитета на передачу «Современника» в руки новой редакции, успел отпечатать свое первое объявление о подписке на преобразованный журнал. Это была большая цветная афиша, которая, так же как и брошюра Краевского, распространялась вместе с газетами и афишами по всей России.

К сожалению, ни один экземпляр этой современниковской афиши, текст которой имел несомненные отличия от последующих объявлений 1846 г., до сей поры не разыскан. По-видимому, текст первого объявления о новом «Современнике» не был свободен от «выходок» против Краевского. Отсылая 26 октября 1846 г. несколько экземпляров этой афиши приятелю Н. М. Щепкину в Воронеж с просьбой распространить их, Некрасов писал: «Русь-матушка велика: скоро ли дойдет до нее, что „Отечественные“ записки“ переменили квартиру и, приодевшись и пригумывшись, хотят явиться к ней под именем „Современника“. Вероятно, в Воронеже есть и книгопродавец; пусть же он наклеит одно из цветных объявлений на картон и повесит у себя в магазине: оно и украшением может служить» (Н I, 10, 56).

Первый известный нам текст объявления новой редакции «Современника» о подписке на 1847 г. напечатан в книжке 11 плетневского «Современника», разрешенной цензурой 1 ноября, а также в «Русском инвалиде» (2 нояб. № 245) и «Северной пчеле» (8 нояб. № 253).

В ответ же на брошюру Краевского, как уже говорилось, Белинский, Некрасов и Панаев выпустили и разослали через Газетную экспедицию Петербургского почтамта листовку, озаглавленную «По поводу „Нелитературного объяснения“» и датированную 12 ноября 1846 г., в которой опровергалась попытка редактора «Отечественных записок» принизить роль этих литераторов в его журнале прежних лет.

25 ноября Булгарин перепечатал полный текст этого документа (с тремя подписями и датой), сопроводив его примечанием:

„Северная пчела“ уже доказала несправедливость „Нелитературного объяснения“ редакции „Отечественных записок“, а вот и бывшие их сотрудники говорят правду!

Не можно век носить личин,
И истина должна открыться». ¹³

Булгаринская перепечатка дала повод Краевскому в декабрьской книжке «Отечественных записок» злорадно констатировать «приятный союз» новой редакции «Современника» с Булгариним и, хвастливо указывая на «цветущее здоровье» своего журнала, вновь опровергать показания авторов листка «По поводу „Нелитературного объяснения“». ¹⁴

В ответ Белинский, Некрасов и Панаев выпустили еще одну брошюру, в которой поместили новую, четвертую редакцию объявления «Об издании „Современ-

¹⁰ Первоначально Некрасов требовал от Панаева вплоть до окончательного решения дела хранить их план в тайне (см.: Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. М., 1972. С. 153—154).

¹¹ ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1790, л. 17.

¹² Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. С. 457.

¹³ Сев. пчела. 1846. 25 нояб. № 266.

¹⁴ Отеч. зап. 1846. № 12. Отд. VI. С. 118—120.

ника“ в 1847 году» (ценз. разр. — 8 дек. 1846 г.) и «Необходимое объяснение», датированное 4 декабря 1846 г. «Необходимое объяснение» включало текст первой листовки «По поводу „Нелитературного объяснения“» и дополнялось новыми возражениями против ложных утверждений Краевского в брошюре и журнальной статье.

Брошюра Белинского, Некрасова и Панаева введена в научный оборот В. Э. Боградом и Р. Б. Заборовой,¹⁵ нашедшими один ее экземпляр в архиве Краевского (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина). Нам известен еще один экземпляр брошюры, сохранившийся в подшивке газеты «Русский инвалид» за 1846 г. в газетном фонде Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ОБЪЯСНЕНИЕ ПО НЕЛИТЕРАТУРНОМУ ДЕЛУ

Читателям «Отечественных записок» известно уже, что мы отреклись от всяких споров с «Северною пчелою»,* убедясь восьмилетним опытом, что это не ведет ни к чему и даже выходит из границ литературной полемики. Споры эти тянулись слишком долго. Кто не знает, что «Северная пчела» еще в 1838 году встретила программу «Отечественных записок» залпом ругательств, уверяя публику, что из *предполагаемого* журнала ничего не будет, что он, по ее выражению, «лопнет» на первом году своего существования и что, следовательно, на него *никто* не должен подписываться. По выходе же первой книжки «Отечественных записок» в январе 1839 г. посыпались на них ежедневные нападки «Северной пчелы», выбивавшейся из всех сил, чтоб повредить журналу, начавшемуся не только без ее покровительства, но объявившему, что он будет говорить смело и открыто о таких предметах, о которых и не грезилось ни сотрудникам «Северной пчелы», ни ее почтенным хозяевам. «Ах! — думали они. — Он хочет не только жить без нас, да еще быть и лучше нас, отбить у нас публику, вырвать из рук монополию? Мы же его! Не жить ему! Истребим его вконец!». И пошла потеха... А надо припомнить, что в 1838 г. «Северная пчела» действительно пользовалась как бы монополиею в русской журналистике; «Библиотека для чтения» жила с нею в дружбе; прочие журналы были или так новы, или так стары, что не выходили из-под ее влияния. Участь книги, участь нового журнала зависели еще тогда от рекомендаций гг. Греча и Булгарина...

Свежо предаше, а верится с трудом!

Без сомнения, ежедневные ожесточенные нападки «Северной пчелы» не могли не повредить на первый раз «Отечественным запискам» и действительно повредили. Тогда много еще было читателей, которые верили на слово «Северной пчеле» и или бранили с ее слов журнал, которого в глаза не видели, или вовсе не хотели его видеть. Однако ж, как нападения на «Отечественные записки» продолжались и с каждым днем становились ожесточеннее и ожесточеннее, то многие начали подозревать, что поводом к этим неумолчным нападениям могло быть что-нибудь и другое, кроме «пользы русской литературе», о которой, по их собственным словам, так усердно хлопочут издатели «Северной пчелы». Многие от подозрения перешли к любопытству, захотели ознакомиться наконец с этим журналом, который так сильно беспокоит устарелую газету... Мы только и желали этого знакомства; пусть станут рядом, думали мы, «Отечественные записки» и «Северная пчела» перед неллицеприятным судом русской публики, и пусть публика выбирает сама, что

¹⁵ См.: *Боград В. Э.* Белинский, Некрасов и Панаев в борьбе с Краевским // Некрасовский сб. М.; Л., 1956. Вып. 2. С. 412—423; *Забонова Р. Б.* Неизвестное объяснение «Об издании „Современника“» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Т. 27, вып. 2. С. 151—156.

* «Отеч. зап.», 1846, том XLVIII, кн. 9, «Смесь», стр. 49.

более соответствует ее вкусу, ее современным потребностям. Что же вышло? Узнав короче «Отечественные записки», публика открыла тайну нападения на них: мнения этого журнала до того отвечали современным требованиям, обуславливаемым быстрыми успехами просвещения в России, что он сделался наиболее читаемым из всех русских периодических изданий, и — «Северная пчела» проиграла тяжбу! Мало того: с распространением «Отечественных записок» в русской публике в течение восьми лет совершенно изменились ее понятия о достоинстве ученых и литературных произведений, — прежние самозабвенные романисты, критики, великие учителя русского языка отодвинулись в заднюю шеренгу, а на первый план выдвинулись новые истинные таланты, как Гоголь, Лермонтов и другие, которым так доставалось и достается от рассерженных издателей «Северной пчелы». Г. Булгарин, по удалении г. Греча с журнального поприща оставшийся единственным фактором «Северной пчелы», не только не мог воротить с 1839 года прежней своей известности, не только не видел ни одной книжной затеи своей вышедшею вторым изданием, но даже должен был отказаться от продолжения начатых им книг «Россия в историческом и проч. отношениях», «Суворова», «Картинок русских нравов», «Комаров» и проч. и проч. Прошла, видно, золотая пора «Выжигиных»! Надо было ограничиться пересыпанием из пустого в порожнее и наездническими выходками против «врагов» своих в фельетонах «Северной пчелы» до тех пор, пока хватит существования этой газеты, беспрестанно угрожаемого улучшением новых однородных с нею изданий... Согласитесь: горькое положение! И во всем этом виноваты «Отечественные записки»! Итак, не надобно было щадить ни одного средства для уничтожения ненавистного журнала; тут все могло быть годно, всем должно было пользоваться, — и вот началось преследование, какому до того времени ни один журнал не подвергался; начались выходки, которым до тех пор примера не было в русской литературе; пришли в движение такие побуждения, от которых с презрением отвернется человек сколько-нибудь образованный... Читатели помнят эту жалкую пору русской журналистики, которая недавно еще подала краски одному почтенному литератору к изображению ее в печальной, но совершенно верной картине. Вот что говорит А. В. Никитенко в одной из критических статей своих:

«Слишком мелким страстям и сплетням, достойным самых темных сфер общества, послужила литература поприщем! Сколько самолюбий, надутых смешными притязаниями, разнеслось и рассыпалось по ней пылью! Сколько посредственностей, которые, в общем неустройстве возвысившись до мест, таланту присвоенных, и не умев понять их нравственной ответственности, расположились на них, как в старину располагались в провинциях воеводы, получившие их для того, чтоб *покориться*! Сколько через литературу гнусных тайн изобличили в себе зависть и корыстолюбие! Чего ухо образованного человека никогда не слыхало в обществе, то приходилось слышать и читать в литературе: грубые толки о барышах, зазывы толкучего рынка, лжи всевозможных видов: ложь лести, клеветы, самохвальства, ложь обещаний, ложь мысли и слога. Казалось, порок взял у судьбы на откуп убежище истинны прав, всех возвышенных убеждений, чтоб в насмешку им поселиться в нем самому со своею безобразною семьею. И каких козней не породило совместничество так называемых „литературных выгод“! Здесь было забыто все — приличие, уважение к достоинству писателя, даже к уму, потому что совместники, стараясь сильнее уязвить друг друга, сочли наконец недостаточным легкое оружие остроумной насмешки, бросили его и устремились к плоскостям и обыкновенным или, лучше сказать, необыкновенным ругательствам, то есть принялись за дреколье! Впрочем, некоторые вообще показали себя уже вовсе неразборчивыми в выборе орудий и не постыдились прибегать к таким, *от одного наименова-*

ния которых у честного человека волос на голове становится дыбом и, как говорится, мороз подирает по коже».

Вот наконец до чего дошло дело!.. Ужасно! и, к сожалению, справедливо!.. Но истина берет свое. Несмотря ни на какие преследования, «Отечественные записки» более и более расходились к массе русской читающей публики, и, как оказалось, эти-то преследования облегчили им достижение успеха, — чем ожесточеннее нападал на них г. Булгарин, тем яснее становились для публики его побуждения и тем яснее выступали наружу достоинства преследуемого журнала перед глазами читателей. Всем известно, что г. Булгарин *ежегодно перед началом подписки* умолял публику не подписываться на ненавистный журнал; когда же не действовала просьба, грозил, что читатели раскаются, подписавшись на него; когда же и угроза не брала, начинал выклеивать все промахи, все опечатки, неизбежные в таком большом издании, не щадил никого — ни редактора, ни сотрудников, ни корректора, ни даже типографских наборщиков; начинал доказывать, что этого журнала никто не читает, справлялся (как сам же говорил) в Газетной экспедиции о числе подписчиков на «Отечественные записки», уверял, что и за бумагу-то, и за печатание-то «Отечественные записки» должны бумажному фабриканту и типографии, — словом, входил во все домашние дела редакции, разузнавал, расспрашивал и наконец дошел до того, что публика привыкла (к чему не привыкнешь в жизни!) к этому порядку дел и нисколько не удивлялась, встречая в «Северной пчеле» в *октябре и ноябре* месяцах ежегодно легион статей, ватагою устремляющихся на разрушение «Отечественных записок».

В нынешнем году повторилось то же явление, но в размере не совсем обыкновенном. Истощив все средства к уничтожению «Отечественных записок» и видя совершенную неуспешность этих средств, г. Булгарин, как видно, не знал уже, за что взяться, — и неправда, неправда самая отчаянная — вот то жалкое оружие, к которому прибегнул он в своем безнадежном положении.. Отказавшись от опровержения обвинений «Северной пчелы», которым никто уже не верит, мы решились теперь в *последний раз* объяснить перед всею читающею русской публикой, потому что последняя ложь г. Булгарина устремляется не на литературное достоинство «Отечественных записок», а касается прямо личных и собственных дел издателя этого журнала и направлена к уничтожению в публике доверия к его честности и (говоря коммерческим словом) состоятельности. Не печатаем этой статьи в самом журнале, а прилагаем *особо* к разным периодическим изданиям — потому именно, что выдумки г. Булгарина, в ней опровергаемые, нисколько не относятся к литературе и, следовательно, не могут иметь места в журнале учено-литературном.

Оставляем в стороне все вздорные обвинения, устремленные лично на редактора «Отечественных записок» в фельетоне № 224 «Северной пчелы» (суббота, 5 октября 1846 г.), как например, что он сам ничего не пишет в своем журнале (как будто это возможно!), что он «*уничтожает* все прежние заслуги в литературе, не щадя ни Ломоносова, ни Державина, ни Карамзина, ни Дмитриева, ни Батюшкова, ни Жуковского, ни Пушкина» (как будто кто-нибудь поверит г. Булгарину, зная, что печаталось и печатается в «Отечественных записках» о заслугах этих писателей, между которыми есть великие, составляющие справедливую гордость России), что в «Отечественных записках» *осуществлен Вавилон, взятый Александром Македонским* (бог знает, что за пелепица!), — оставляем все это, потому что редактор «Отечественных записок» совершенно равнодушен к мнению г. Булгарина о нем лично, и выписываем следующие строки:

«Журнал этот (т. е. «Отечественные записки») продается во всех городах России, где и через сто лет не будет книжных лавок, и *каждый продавший десять экземпляров получает одиннадцатый экземпляр даром*

с уступкою притом процентов за десять проданных. Ловко и смышленс, нечего сказать.

Но вот беда: в восемь лет существования „Отечественных записок“ мы не видели подписи самого издателя ни под одною статьею.

Не пишет он, то есть в том пользы не находит и проч.

См. «Горе от ума».

А все статьи, как всем известно (?!!), писали для „Отечественных записок“ гг. Белинский (главный сотрудник журнала до половины 1846 года), Некрасов, И. И. Панаев и другие молодые литераторы. Теперь все эти бывшие постоянные сотрудники „Отечественных записок“ решительно оставили журнал и пр. Главным сотрудником „Отечественных записок“ остается г. Фурман, сочинитель нескольких детских книжек и бывший сотрудник от „Иллюстрации“.

Предварительно заметим, что г. Булгарину, так усердно заботящемуся о домашних делах «Отечественных записок», не худо было бы быть осмотрительнее, во избежание промахов, в которые он беспрестанно попадает. Если б он заботился собирать повернее слухи, он узнал бы, например, 1) что г. Белинский не принимает участия в «Отечественных записках» не с половины, а с 1-го апреля 1846 года; 2) что гг. Некрасов и Панаев никогда не были постоянными сотрудниками «Отечественных записок», а иногда или, лучше, весьма редко печатали статьи свои в этом журнале (преимущественно в отделе «Словесности»), всегда подписывая под ними имена свои, — а это большая разница! В продолжение всего издания «Отечественных записок», вероятно, можно насчитать более ста имен русских ученых и литераторов под статьями, напечатанными в 48 томах этого журнала, и, однако ж, мы никогда не скажем, чтоб «Отечественные записки» имели более ста постоянных, или главных, сотрудников... Постоянными, или главными, сотрудниками называются те, которые принимают участие в редактировании журнала, разделяя труды редактора по главным, существенным отделам его издания (каковы «Критика», «Библиографическая хроника», «Иностранная литература», «Смесь»), — отделам, в которых преимущественно выражается дух, характер, физиономия журнала и без которых журнал не есть журнал, а скорее сборник статей, книга. Под такими-то статьями никогда не подписываются имена их составителей, ибо они выражают не личное чье-либо мнение, а мысль всего журнала, их пишет и за них отвечает не А, не В, не С, а редакция, состоящая из редактора и постоянных его сотрудников. От этого, если когда-либо помещается в означенных отделах «Отечественных записок» статья не постоянного их сотрудника, а постороннего автора, — под нею всегда ставится его имя. Еще менее к числу главных сотрудников могут принадлежать переводчики, которые переводят то, что назначит им редактор, и не только могут не разделять основных мнений редакций, но даже не иметь вовсе никаких мнений; по крайней мере редактору журнала нет до этого никакой надобности, и он смотрит при выборе себе переводчиков только на их знание языков и умение владеть пером. А между тем г. Булгарин называет главным сотрудником «Отечественных записок» в будущем году г. Фурмана, одного из переводчиков, который не принимал и не принимает другого участия в «Отечественных записках», как только переводит в первый отдел их французские романы, назначаемые ему редактором... Не смешно ли это? Г. Булгарин услышал где-то имя г. Фурмана, проведал, что он что-то делает в «Отечественных записках», не разузнав хорошенько, да и бух, что, мол, такой-то остался главным сотрудником, а другие все отказались, — не зная хорошенько, что именно эти другие делали в «Отечественных записках»! Вот как опасно

вмешиваться в чужие дела, где вас не спрашивают, — всегда попадешься впросак! Но у г. Булгарина

... Умысел другой тут был:

ему хотелось доказать, что «Отечественные записки уже *полгода* как оставлены всеми своими сотрудниками и, следовательно, в 1847 году не будут никуда годны или вовсе исчезнут... или что-нибудь в этом роде. Конечно, тут не заметно строгой логики, ибо посудите сами: восемь лет г. Булгарин ежедневно бранил «Отечественные записки»; следовательно, теперь, когда от них отказались, как он уверяет, все их сотрудники, портившие журнал, — ему, столь сильно любящему (по его словам) русскую литературу, должно было бы радоваться такой перемене и предсказывать улучшение журналу, а вместо того он же хочет подорвать к нему доверие... Но шутки в сторону: кого хочет уверить г. Булгарин, что «Отечественные записки» пали, оставленные за полгода перед сим всеми своими сотрудниками? Полгода, — значит, шесть книжек, — что же? разве не выходили они? разве хуже были прежних? разве изменился характер, дух журнала? Нисколько! Главные, существенные отделы его, зависящие собственно от редакции, были так же полны, — и, смеем думать, так же интересны, как и всегда бывали. Кого же, повторяем, хотел ввести в заблуждение г. Булгарин? Ведь публика видела «Отечественные записки» в течение этого полугодия, читала их, следовательно, поверит скорее самой себе, чем г. Булгарину... За кого же, наконец, принимает г. Булгарин русскую публику?.. Нет, как ни желали бы мы успокоить его известием, что «Отечественные записки» изменятся в будущем году, — не можем этого сделать, потому что лгать не умеем. Нет, «Отечественные записки», к несчастью «Северной пчелы», останутся и в будущем 1847 году *точно такими же*, какими были до сих пор. Редакция их остается та же; постоянные сотрудники — те же, что и теперь, — словом, ничего не изменится. А подписей имен под статьями в главных отделах журнала все-таки не будет, — пусть-ка г. Булгарин похлопочет, посуетится, разведывая, кто написал то-то, кто это-то, пусть ловит слухи и сплетни да печатает их в «Северной пчеле», — это будет забавно, и мы первые не захотим лишиться себя этого удовольствия...

Но что сказать об объявлении г. Булгарина, будто «Отечественные записки» продаются *во всех городах* России с уступками каких-то *процентов* и с предоставлением в пользу продавшего десять экземпляров одиннадцатого *даром*? Это уж вовсе не забавно и отзывается чем-то похуже обыкновенной журнальной сплетни... В самом деле, сколько мы помним, никто еще в русской журналистике не дозволял себе такого забвения всяческих приличий, такой неправды, совершенно выходящей из круга литературных дел. Подорвать доверие публики, объявив ей, что ее обманывают, что продаваемое ей такую-то ценою продается *дешевле* посредством каких-то темных путей... Нужно ли пояснять, до какой степени согласуются подобные известия с достоинством литературы и литератора?.. Но неужели этою новою неправдою г. Булгарин надеется прикрыть свою прежнюю неправду, напечатанную им еще в июле нынешнего года, будто «Отечественные записки» *навязаны* почти всем провинциальным чиновникам? Читатели помнят, мы тогда же* потребовали печатных доказательств такого известия — и что же? Вместо того чтоб оправдаться, как сделал бы всякий на его месте, г. Булгарин отважился на новую, еще более нелепую выдумку, отважился объявить, что «Отечественные записки» разными путями продаются *дешевле той цены, которую редакция назначила каждому экземпляру!*.. Нет, г. Булгарин! вы, полагаясь на наше обещание (которое и теперь подтвер-

* См. 9-ю книжку «Отечественных записок» 1846 года.

ждаем) не спорить более с вами о вопросах науки и литературы, думали, что и это сойдет вам с рук? Вы ошиблись! Обвинение ваше не литературное, — оно направлено вами прямо на добросовестность поступков издателя «Отечественных записок»; молчать в этом случае нельзя, — и мы всенародно, перед лицом всей читающей публики говорим вам, что вы все это выдумали, что «Отечественные записки» не продаются ни в каких городах, кроме Петербурга, Москвы и Одессы, где нарочно для их продажи учреждены конторы при магазинах гг. Ратькова, Бабунова и Григорьева, что никаких уступок и подарков при продаже их не делается, что, наконец, все это придумали вы сами для того только, чтоб повредить в мнении публики с этой стороны журналу, которому все ваши прежние выходы не только не вредили, но, напротив, помогали. . . Оправдайтесь, если можете; *докажите*, что «Отечественные записки» продаются теперь во всех городах России тем способом, какой вы так отважно навязываете их издателю; докажите, что они продаются хоть на каком-нибудь пункте России описанным вами способом, но докажите очевидными, несомненными доводами, ибо голым словам никто не поверит, — и тогда вы будете правы.

Но напрасно и требовать доказательств, которых взять неоткуда! Вероятнее всего г. Булгарин и не позаботится об оправдании, как не заботился, столько раз будучи уличенным журналами в явных выдумках или в незнании тех предметов, о которых брался судить; он отмолчится и удовольствуется обыкновенными возгласами о своем беспристрастии, о любви к русской литературе и предложением «почтеннейшей публике» подписываться на такие журналы, которые ему не опасны или в которых он сам принимает участие. . . Кстати о рекомендациях: г. Булгарину предстоит теперь весьма удобный случай выказать свое литературное беспристрастие в самом блестящем виде: на днях разослано объявление о преобразовании на будущий год «Санкт-Петербургских ведомостей», которые в новом огромном формате своем будут содержать не только то, что печатает «Северная пчела» на своих тощеньких листочках, но и много такого, чего она никогда не печатала, например целые романы, повести, ученые критические статьи, целые трактаты о разных предметах наук и искусств и проч. и проч. Вот бы подвиг для г. Булгарина — похвалить намерения нового издателя «Санкт-Петербургских ведомостей» и пригласить своих читателей подписаться в будущем году на эту газету. . . Право, это было бы с его стороны очень мило и даже кстати, потому что публика, изведав долготлетним опытом достоинства «Северной пчелы», вероятно, сама с нетерпением ждет новой газеты, которая заменила бы ей старую, давно наскучившую.

Редакция «Отечественных записок».^а

^а Внизу страницы цензурная помета: Печатать дозволяется. Санкт-Петербург. 25 октября 1846 г. Цензор А. Никитенко.

В. Е. Евгеньев-Максимов

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

ПУБЛИКАЦИЯ Т. С. ЦАРЬКОВОЙ

В выпусках VII и VIII «Некрасовского сборника» была опубликована книга В. Е. Евгеньева-Максимова «Из прошлых лет. Записки некрасововеда», в которой исследователь описал свой жизненный и творческий путь до 1921 г. Мемуарное наследие литературоведа этим не ограничивается, снова к жанру воспоминаний В. Е. Евгеньев-Максимов обратился в тревожные 1940-е гг.

Начало войны ученый встретил под Ленинградом. Первый год блокады пережил в нашем городе; несмотря на преклонный возраст, работал из последних сил, голодая, теряя близких, но стойко перенося лишения, как все ленинградцы. В это время он вел дневниковые записи, озаглавленные «Черные дни Ленинграда», на основе которых позднее, летом 1943 г., в Саратове, куда эвакуировался университет, была написана книга воспоминаний. Ее рукопись хранится в архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Книга осталась без названия. Вероятно, прежнее не удовлетворяло автора, а новое, более точное, он не успел подобрать. Многие страницы блокадных воспоминаний трагичны, при неизбежной дневниковой фрагментарности и лаконизме потрясают читателя ужасающими жизненными подробностями. Ниже мы публикуем отрывок, в котором Владислав Евгеньевич рассказывает, как в период тяжелейших испытаний и изнуряющего голода город и его ученые продолжали работать, не теряли веры в победу и в то, что их напряженные усилия приблизят ее. Свою лекторскую деятельность В. Е. Евгеньев-Максимов по праву называл «литературно-оборонительной работой». Не прекращалась она и в Саратове. По воспоминаниям ученицы В. Е. Евгеньева-Максимова, ныне доктора наук, профессора Ленинградского государственного университета В. Г. Березиной, только в 1943 г. им было прочитано в военных госпиталях, на фабриках и заводах, в школах и ремесленных училищах 310 лекций.

За научные достижения, заслуги в деле патриотического воспитания и в связи с шестидесятилетием В. Е. Евгеньев-Максимов одним из первых советских литературоведов был награжден в 1943 г. орденом Трудового Красного Знамени.

В победном 1945 г. труд ученого был отмечен высокой государственной наградой — орденом Ленина.

В 1950-х гг. Владислав Евгеньевич, наряду с преподаванием в университете, активно сотрудничал в Институте русской литературы. Он был непременным участником и организатором Всесоюзных Некрасовских конференций, членом редколлегий «Некрасовских сборников», в издательстве Академии наук вышла одна из последних книг ученого — «Творческий путь Н. А. Некрасова» (1953 г.).

... Как ни велики были лишения, мною испытываемые, я ни на день не прервал своей обычной университетской работы и выполнял ее так же добросовестно, как и в мирные времена. Да не подумает читающий эти строки, что я делаю какой-либо акцент на этом своем утверждении. Ведь и огромное большинство моих товарищей по преподаванию не прерывало ее и трудилось не менее добросовестно. А заниматься приходилось прямо-таки в ледяных помещениях, в которых не только руки ныли, но и кончик носа так мерз, что время от времени приходилось его тереть. Не один, не два, а много раз лекции происходили под грохот бросаемых с самолетов бомб, под свист артиллерийских снарядов. Количество посетителей наших аудиторий значительно уменьшилось: мальчики почти поголовно были мобилизованы или вступили в ряды народного ополчения. Среди девочек было много больных. Но тем не менее на фил-

факе и на истфаке, на которых я читал лекции, вокруг меня сплотилось ядро горячо интересующихся наукой студентов, и они аккуратно, не взирая ни на что, посещали лекции. Убыль каждого и каждой из слушателей не проходила незаметной. Замечая ее, я первоначально спрашивал о причинах отсутствия такого-то или такой-то, но когда вместо ответа «болен» или «больна» стали отвечать «умер», «умерла» — и эти ответы иногда давались со слезами на глазах, — то я решил с подобными вопросами по крайней мере в аудитории не обращаться, а вел такого рода расспросы — воздержаться от них мне было трудно, так как судьба моих студентов горячо меня интересовала, — в коридорах...¹

Наряду с бесперебойно шедшими лекциями в положенные дни происходили заседания кафедр и ученых советов как факультетов, так и общеуниверситетского. На кафедрах обсуждались текущие вопросы, читались научные доклады. Мне довелось выступить с докладом, представлявшим собой автореферат первого тома моей итоговой трехтомной монографии о Некрасове, — суждено ли ей быть законченной?!² — причем этот доклад был последним научным докладом нашей кафедры в Ленинграде. Он состоялся за несколько дней до эвакуации университета в Саратов. Никогда не забуду, что на докладе не только присутствовал, но и выступил с пространным, необыкновенно добрым, необыкновенно теплым словом по моему адресу мой старый университетский товарищ Иван Иванович Толстой.³ Он упомянул в своем выступлении, как в 1902 г., т. е. тридцать девять лет тому назад, я, тогда юный студент-второкурсник, читал в университете на одном из заседаний «Бесед студентов историко-филологического факультета», руководимых академиком А. С. Лаппо-Данилевским, свой первый доклад о Некрасове.⁴ Это упоминание, сделанное с тою целью, чтобы подчеркнуть, что хотя и много, очень много воды утекло с тех пор, но я не изменил своей основной научной теме, растрогало меня до глубины души... .

На заседаниях ученых советов защищались, как и обычно, диссертации. Неизгладимое впечатление произвела на всех присутствовавших защита кандидатской диссертации ассистента N.⁵ Диссертация была превосходной, но диссертант производил впечатление истощенного донельзя, в буквальном смысле этого слова обглоданного голодом человека; и когда он произносил свое вступительное слово, и когда отвечал оппонентам, он говорил медленно, с трудом. Чувствовалось, что ему трудно было не только произносить, но и подбирать слова. Диссертация закончилась трюмфом N.<...>

При посредстве Линочки Ляховицкой, проживавшей в то время у меня, мне без труда удалось заручиться согласием ее брата Михаила Яковлевича Ляховицкого, одного из руководящих горздравских работников, на принятие N в «Асторию»,⁶ и он немедленно был туда водворен. К сожалению, было уже поздно: дня через три N скончался. «Если бы его водворили в „Асторию“, — с грустью говорил М. Я. Ляховицкий, — хоть неделькою раньше, его можно было бы спасти...»<...>

Если серьезность университетской работы в известной мере служила противоводием против моральной дистрофии, влияние которой я чувствовал, то не меньшим противоводием явилась напряженная работа по культурному обслуживанию военных госпиталей и воинских частей. Когда-нибудь я расскажу подробно о том, как протекала эта работа, в каких формах она проявлялась, а покамест ограничусь лишь общими о ней замечаниями.

Меня натолкнула на нее острая потребность вложить и свою лепту в великое и святое дело обороны страны. Обдумав несколько тем лекций литературно-оборонного содержания, я пришел к мысли, что эти лекции могут быть полезны и как разумное развлечение, и как один из способов к поднятию и упрочению патриотического настроения.

Мои обращения в агитпункт Василеостровского района, в местком университета с просьбой предоставить мне лекционную работу в госпиталях и воинских частях были встречены как нельзя более сочувственно, и с осени 1941 г. я сделался постоянным лектором Красной Армии; читал я много, вкладывая в это дело присущую моей натуре страстность. Читал — скажу не хвастаясь — с неизменным успехом, который объясняю не столько своим лекторским опытом — а опыт был очень большой, — сколько тем, что темы были выбраны мною удачно и лекции читались мною не по шаблону, а со всею искренностью, на которую я был только способен. Я да и мои слушатели так увлекались, что даже бомбежки и обстрелы не оказывали на нас никакого впечатления: лекции продолжались под грохот авиабомб и артснарядов.

Помню, как в одну из зал Академии художеств влетел рассерженный комиссар и, переменяя свою речь не слишком академическими выражениями, заорал не своим голосом: «Что же вы, такие-сякие, не слышите воздушной тревоги! Бомбы кругом рвутся, а они как ни в чем не бывало лекции слушают!.. Марш в бомбоубежище!». Мы спустились в бомбоубежище, сырое, холодное, настолько низкое, что мне трудно было выпрямиться, и, по единодушно выраженному желанию бойцов, лекция продолжалась и в бомбоубежище. . .

Помню и другой эпизод, происшедший в так называемом университетском госпитале, помещавшемся в голубом здании истфака, рядом с Библиотекой Академии наук. Лекция происходила в большой палате, в присутствии нескольких десятков легкораненых. На доносившиеся извне разрывы снарядов мы сначала не обращали внимания, но вот грохнуло совсем рядом с нами, осколки разбитого стекла со звоном посыпались в палату. Пришлось, подчиняясь категорическому требованию администрации, спуститься в бомбоубежище. Оно уже было переполнено ранеными, среди которых было немало инвалидов. Слышно было, как наверху грохотали разрывы, здание сотрясало до основания, настроение было подавленное. У меня на душе тоже кошки скребли, но я сделал над собой усилие и решил выступить уже не в роли лектора, а в роли художественного чтеца и рассказчика. Выбранный мною материал заинтересовал слушателей, внимание их отвлеклось от бешеного обстрела, которому в тот день гитлеровцы подвергли район Академии наук и университета, и мне почти два часа пришлось читать и рассказывать. . . Только с окончанием обстрела закончилось чтение.

Когда я вышел из голубого здания, на улице уже темнело, тротуары были засыпаны битым стеклом. . . Я твердо убежден, что читаемые мною лекции на литературно-оборонные темы были и полезны, и приятны для слушателей. Полезны и приятны — в этом как раз и заключалась их целевая установка.⁷ Однако не менее полезны и приятны они были и для меня. Благодаря им я близко соприкоснулся с Красной Армией, я на тысячах примеров убедился, что она втянула в свои ряды лучших, наиболее самоотверженных и мужественных людей нашей страны. А общение с такими людьми, тем более сознание, что приносишь таким людям пользу и удовольствие, не могло не доставлять чувства огромного нравственного удовлетворения. Без всякого преувеличения должен сказать, что в этом случае я находил лучшее лекарство против моральной дистрофии. . . И не только против моральной. Каждый почти госпиталь, каждая почти воинская часть, в которой я читал, старались меня отблагодарить за мои выступления тем, что предлагали мне скромный красноармейский обед. Не стыжусь признаться, что съедал я его с удовольствием, зная, что мой столовочный обед пригодится дома.

Кроме Академии художеств, голубого здания истфака особенно часто мне приходилось читать в «батальоне для выздоравливавших», помещавшемся в принадлежавшей школе части нашего дома.⁸ Никогда не забуду я этих чтений. Электричества уже не было; читаешь в темной комнате

у топящейся печки. Дрова сырые, едва тлеют, и только при случайных вспыхках пламени видишь головы сидящих на койках бойцов, которые так заинтересованы лекцией, что боятся пропустить хоть одно «слово».

Великая моя благодарность политработникам батальона — товарищам Ислянову и Коноплянникову. Они с удивительной теплотой относились ко мне. Благодаря им я шел в батальон, как в родную семью. А в годовщину Красной Армии, 23 февраля 1942 г., по инициативе их на торжественном заседании мне была выражена благодарность и я был премирован килограммом баранины, выделенным из подарка, присланного ко дню Красной Армии свердловскими рабочими. Принимая этот подарок, я только и мог повторить про себя некрасовские стихи:

Иная гривна медная
Дороже ста рублей!..⁹

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По свидетельству историков того времени, «... в жестоких условиях блокады ленинградские ученые рассматривали обучение студентов как свой долг перед Родиной. Обессиленные голодом, они по-прежнему шли на свои факультеты, читали лекции, проводили лабораторные занятия, руководили дипломными проектами выпускников. В 1941/42 учебном году в вузах осажденного Ленинграда работало около тысячи преподавателей, среди которых насчитывалось свыше 500 профессоров и доцентов. От проведения регулярных лекций в большинстве институтов пришлось отказаться. Студенты перешли на индивидуальные учебные планы и собирались один-два раза в неделю на консультации и собеседования. Занятия проходили в необычной обстановке: вокруг печки-временки расставлялись столы, за которыми располагались студенты и преподаватели. Из-за отсутствия электроэнергии всю учебную работу приходилось вести только при дневном освещении или при свете коптилки. Рассказывая об этом забываемом времени, одна из студенток университета писала, что навсегда останется в памяти, как „маленькими группами, даже в одиночку, слушали студенты лекции профессоров и преподавателей. То были проф. Мавродин, Рифтин, Евгеньев-Максимов, Жуков, Розенфельд, Суслов, Штейн и др. В университете было оборудовано несколько комнат. Туда, к огню ламп, набивались студенты. Тепло, тихо, только изредка шуршит бумага и потрескивают дрова в железной временке. Это — источник тепла, и дежурный, подобно древнегреческому жрецу, неуспешно поддерживает огонь“» (*Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945. М.; Л., 1966. С. 95*).

² Три тома монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и творчество Н. А. Некрасова» вышли в Гослитиздате в 1947—1952 гг.

³ И. И. Толстой (1880—1954) — филолог-классик, академик, профессор Ленинградского государственного университета.

⁴ О том, как проходило чтение и обсуждение этого доклада, В. В. Евгеньев-Максимов подробно рассказал в книге «Из прошлых лет. Записки некрасоведа» (Звезда. 1941. № 4. С. 164—165).

⁵ О ком идет здесь речь, установить пока не удалось. Приведем еще одно свидетельство современников об этом событии: «... заседание на филологическом факультете в конце декабря 1941 г. Оно происходило в „профессорской“, единственной комнатке на всем факультете, где температура еще держалась около нуля. При свете огарка, принесенного с собою деканом факультета, проходят одна за другой две защиты. Диссертанты, молодые ученые Саванович и Корсаков, защищали свои работы блестяще, с огоньком, хотя физические силы их уже покидали и им обоим суждено было умереть через несколько дней после этого заседания, равно как и одному из их оппонентов» (Ленинградский университет. 1819—1944. М., 1945. С. 162).

⁶ В «Астории» находился один из лечебных стационаров.

⁷ Вот что рассказывала о встрече в госпитале с профессором В. Е. Евгеньевым-Максимовым в декабре 1941 г. одна из студенток: «Он похудел. Но вид у него был веселый и бодрый, и, взглянув на него, мы сразу встряхнулись. Больные высунули головы из-под одеял. — Профессор, прочтите лекцию „Некрасов о русских женщинах“. — Я видела, как больные забыли в тот час о том, что холодно, что болят раны, что немцы обстреливают город. В памяти у многих возникли образы жен, сестер, любимых девушек. На глазах у некоторых появились слезы, когда профессор вдохновенно читал отрывки из поэмы Некрасова „Мороз, Красный нос“» (*Ежов В. А., Мавродин В. В. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л., 1975. С. 20*).

⁸ В. Е. Евгеньев-Максимов жил на 9-й линии Васильевского острова, в доме № 6, где до 1984 г. располагалась средняя школа № 27 с литературным уклоном обучения.

⁹ Цитата из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

ПИСЬМА Н. Ф. БЕЛЬЧИКОВА И В. Е. ЕВГЕНЬЕВА-МАКСИМОВА

ПУБЛИКАЦИЯ З. Ф. БЕЛЬЧИКОВОЙ И Л. А. РОЗАНОВОЙ

Интенсивное формирование некрасоведения как особой отрасли советского литературоведения происходило во второй половине 1940-х и в 1950-е гг. В 1946—1949 гг. специалисты и просто читатели получили три целиком занятые некрасовскими материалами тома «Литературного наследства». Было осуществлено издание «Полного собрания сочинений и писем» Некрасова (М., 1948—1953. Т. 1—12). Многократно проверившие свои наблюдения известные ученые старшего поколения выступили с монографиями (В. Е. Евгеньев-Максимов (1947—1952, 1953), К. И. Чуковский (1952)). Объединение усилий «столичных» и «периферийных» исследователей отразил состав участников научных конференций, регулярно проводившихся в музее-квартире Н. А. Некрасова (Ленинград), и «Некрасовских сборников».

Во всей этой работе большое участие принимали авторы публикуемых ниже писем, связанные определенными служебными, творческими, личными отношениями. Они обсуждали — еще до официальных заседаний — рукописи будущих книг, делились своими планами. Переписка Н. Ф. Бельчикова (1890—1979) и В. Е. Евгеньева-Максимова (1883—1955) дает представление о связанных с изучением творчества Некрасова «страницах жизни» большого научного учреждения, каким является Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Его директором в 1948—1955 гг. и был Н. Ф. Бельчиков, в 1953 г. избранный членом-корреспондентом АН СССР. Для В. Е. Евгеньева-Максимова работа в Институте русской литературы стала основной с сентября 1951 г., до этого он совмещал ее с преподаванием в Ленинградском государственном университете.

В публикацию писем Н. Ф. Бельчикова и В. Е. Евгеньева-Максимова включены дополняющие ее, затрагивающие те же темы письма Бельчикова к К. И. Чуковскому и А. М. Еголину. И письма Н. Ф. Бельчикова, и письма В. Е. Евгеньева-Максимова публикуются (с купюрами) по хранящимся в личном архиве Бельчикова (Москва) авторизованным машинописным копиям и автографам.

1

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

26 марта 1949 г. Ленинград

26-го марта 1949 г.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Не имея возможности (по болезни, продолжающейся уже несколько месяцев) лично засвидетельствовать Вам свое почтение и приветствовать Вас на славном посту директора Института литературы АН СССР, позволяю себе обратиться к Вам с настоящим письмом. Оно, надеюсь, вызовет сочувственное отношение со стороны Вас, так много сделавшего для изучения русской литературы, в частности литературы революционной демократии.

Уже с конца 1946 г. в Ленинграде организован *некрасовский музей в помещении некрасовской квартиры* на Литейном. Вам, вероятно, уже известно и то, что этот музей находится в ведении Института литературы АН СССР, и то, что мне, как одному из сотрудников Института литера-

туры, поручено наблюдение за научной стороной музейной экспозиции.

Скажу откровенно: когда открывали музей, на его нынешнюю экспозицию смотрели как на *временную*; имелось в виду, что в самом скором будущем *временная экспозиция будет заменена постоянной*. Для осуществления этого, т. е. для создания в некрасовской квартире некрасовского музея, достойного имени великого народного поэта, нужны *люди и деньги*.

Несмотря на мои настойчивые, неоднократно возобновляемые просьбы, некрасовский музей не получил ни людей, ни денег в сколько-нибудь достаточном количестве. В настоящее время в музее создано прямо-таки *катастрофическое* положение. В музее бывает лишь *одна* музейная работница (О. В. Ломан),¹ бывает неполных два дня в неделю; остальные же дни в музее дежурят только *уборщицы, которые, естественно, не могут обслужить посетителей музея; экспозиция, за отсутствием средств, почти не улучшена со времени открытия музея. Великим вождям русской революционной демократии Чернышевскому и Добролюбову отведено — horribile dictu² — по одному небольшому простенку и т. д. и т. п.* А между тем рядом с квартирой Некрасова находится квартира Панаева, в которой, если бы только Горсовет передал ее Институту литературы, легко было бы организовать музейные комнаты, посвященные Чернышевскому, Добролюбову, Салтыкову-Щедрину и т. д.³

Очень бы хотел знать Ваше авторитетное мнение по всем затронутым мною вопросам.

Принимаю энергичные меры, чтобы хоть временно улучшить состояние своего здоровья и побеседовать с Вами о настоящем и будущем некрасовского музея. *А пока прошу извинить меня за мое вынужденное нездоровьем отсутствие на предстоящем заседании Ученого совета Института литературы.*

С почтением

В. Евгеньев-Максимов.

Р. С. Пользуюсь случаем преподнести Вам мою последнюю работу «Некрасов и театр».⁴ В настоящее время усиленно работаю над II т. моего исследования «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова». Охотно прочел бы доклад (автореферат) о II т.⁵

Телѳонъ 5-50-95.

В. Евгеньев-Максимов.

¹ О. В. Ломан — в 1946—1972 гг. ученый хранитель Музея-квартиры Н. А. Некрасова.

² Horribile dictu (лат.) — страшно произнести.

³ В 1985 г. после капитального ремонта всего здания квартира И. И. Панаева вошла в состав Музея-квартиры Некрасова и в ней была открыта экспозиция.

⁴ В книге «Некрасов и театр» (М., 1948) В. Е. Евгеньеву-Максимову принадлежат введение и десять из ее пятнадцати глав.

⁵ Т. 2 монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1947—1952. Т. 1—3) вышел в свет в 1950 г.

2

Н. Ф. Бельчиков — В. Е. Евгеньеву-Максимову

10 апреля 1949 г. Ленинград

10 апреля 1949 г.

Глубокоуважаемый Владислав Евгеньевич!

В день отъезда в Москву я получил Ваше дружеское письмо и Вашу книгу «Некрасов и театр».¹ Приношу Вам свою благодарность за сердечное приветствие и за внимание.

Из-за срочного отъезда и занятости я, к большому моему сожалению, не смог поблагодарить Вас и выразить Вам свою признательность. Не имел также возможности и навестить Вас.

Не смогу и сейчас повидать Вас, так как снова по логике дел должен ехать в Москву, а как вернусь оттуда, так поеду с коллективом во Псков для проведения научной сессии в течение 3-х дней. С 25 апреля будет проходить Пушкинская конференция в Ленинграде, в Пушкинском Доме, и я льщу себя надеждой увидеть Вас на этой конференции.

Буду очень рад и услышать Ваш доклад о Некрасове на заседании сектора Института. Просил бы Вас сообщить ученому секретарю сектора удобный для Вас срок, когда Вы могли бы прочесть свой доклад (авто-реферат).² Желая Вам от души выздоровления и крепко жму Вам руку.

С сердечным приветом

Н. Бельчиков

¹ См. письмо 1 и примеч. 4 к нему.

² См. письмо 1 и примеч. 5 к нему.

3

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

26 февраля 1950 г. Ленинград

26.II.1950 г.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Пахнуло весной — и мне стало лучше. Надеюсь скоро появиться в стенах ИРЛИ и иметь удовольствие увидеться с Вами.

Несмотря на болезнь, я в курсе всех некрасовских дел, о которых уведомляют меня и Борис Иванович,¹ и тов. Хмелевская.² Я рад, что Ученый совет принял постановление о печатании брошюры, посвященной 72-летию кончины Некрасова.³ Сожалею, что «москвичи», т. е. А. М. Еголин,⁴ К. И. Чуковский, Твердохлебов,⁵ до сих пор не прислали своих докладов. Я внимательно прочел доклады других участников конференции,⁶ имею по ним свои соображения, но хотел бы представить свои соображения по *всем* докладам одновременно. А трех основных докладов все еще нет!..

Взываю к Вам и Вашему авторитету. Воздействуйте на «москвичей» — пусть как можно скорее высылают свои доклады. Ведь без докладов троих вышеназванных товарищей едва ли стоит выпускать «Труды конференции».⁷ А конференция в основном прошла успешно, и отказываться от издания ее «Трудов» *никоим образом не следует*. Таково мое *глубочайшее убеждение*. Я с полной охотой и быстро редактирую «Труды». Помощь такого высококвалифицированного рецензента, как Б. И. Бурсов, обеспечена... Все дело, таким образом, за «москвичами».

Преданный Вам

В. Евгеньев-Максимов.

¹ Борис Иванович — Б. И. Бурсов, в то время сотрудник сектора новой русской литературы Института русской литературы АН СССР, впоследствии доктор филологических наук, автор исследований о творчестве Пушкина, Достоевского, Л. Н. Толстого и по проблеме национального своеобразия русской литературы.

² Е. М. Хмелевская (1908—1986) — научный сотрудник Института русской литературы АН СССР.

³ В «Библиографии изданий Института русской литературы» (см.: 50 лет Пушкинского Дома. М.; Л., 1956) такое издание не зарегистрировано.

⁴ А. М. Еголин (1896—1959) — член-корреспондент АН СССР, доктор филологических наук, профессор. Ему принадлежит около 150 книг и статей о творчестве Пушкина, Лермонтова, Гюгено, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Каролина, Златовратского, Горького (см.: Памяти Александра Михайловича Еголина // Некрасовский сб. М.; Л., 1960. Вып. 3. С. 3—6).

⁵ И. Ю. Твердохлебов — аспирант, затем старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, публиковал статьи о Некрасове с 1952 г., автор книги «Поэма Некрасова „Кому на Руси жить хорошо“» (М., 1954).

⁶ Речь идет о первой Всесоюзной Некрасовской конференции (январь 1950 г.).

⁷ Первоначальное название «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1951. Вып. 1), в котором были опубликованы статьи А. М. Еголина («Основные проблемы изучения творчества Некрасова на современном этапе» — с. 14—31) и К. И. Чуковского («„Эзопова речь“ в творчестве Н. А. Некрасова» — с. 51—85); статья И. Ю. Твердохлебова в этом издании не появилась. В него вошли также статьи, основанные на сообщениях, которые были сделаны на заседаниях Ученого совета Института русской литературы АН СССР в 1949 и 1950 гг. (в связи с 71-й и 72-й годовщинами со дня смерти Некрасова).

4

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

7 марта 1950 г. Ленинград

7.III.1950.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Просмотрев (предварительно) «Труды конференции»,¹ я не мог не обратить внимания на зияющий пробел: *о нашем некрасовском музее ни слова*... О карабахском музее — целое сообщение,² а о нашем — ничего... Лучше всего, если бы статья о нашем музее написал М. М. Калаушин.³ Но если он занят, то ее напишет О. В. Ломан.⁴ Я уже говорил с нею, и ее статья в «Трудах» отнюдь не будет повторять «заметки» в брошюре к 72-летию.

С. А. Рейсер не прочь поместить в «Трудах» свой доклад «Некрасов в Петербурге», если не ошибаюсь, читанный ранее в ИРЛИ.⁵ Я посоветовал ему обратиться лично к Вам. Если он этого не сделал, то сообщите мне Ваше мнение по этому вопросу.

С почтением

В. Евг(еньев)-Максимов.

¹ См. письмо 3 и примеч. 7 к нему.

² Имеется в виду статья: *Тарасов А. Ф. Мемориальный музей Н. А. Некрасова в селе Карабиха* // Некрасовский сб. М.; Л., 1951. Вып. 1. С. 237—243.

³ М. М. Калаушин — в то время заведующий Литературным музеем Института русской литературы АН СССР.

⁴ В вып. 1 «Некрасовского сборника» появилась публикация О. В. Ломан «Музей Н. А. Некрасова (Краткий обзор последних поступлений)».

⁵ С. А. Рейсер — впоследствии доктор филологических наук, профессор Ленинградского института культуры им. Н. К. Крупской; историк литературы и текстолог, автор работ о Некрасове. Речь идет о работе: *Рейсер С. А. Н. А. Некрасов в Петербурге* // Некрасовский сб. Вып. 1. С. 198—225. 8 января 1949 г. она была прочитана как доклад на заседании в Музее-квартире Н. А. Некрасова, посвященном 71-й годовщине со дня смерти поэта.

5

Н. Ф. Бельчиков — К. И. Чуковскому

15 марта 1950 г. Ленинград

Дорогой Корней Иванович!

Ваше письмо,¹ а вслед за ним и рукопись Вашей статьи² для «Некрасовского сборника» прибыли. Письмо прочел и *умилился*: да, лите-

ратуроведение не «вредный цех», как Вы сказали, если пишут с умом и не воскрешают рапповские приемы и методы. <...>

Очень рад, что Вы с Марией Борисовной³ отдыхаете и набираетесь сил. Вашу статью незамедлительно взял В. Е. Евгеньев-Максимов. И понятно, что он захвачен мыслью елико скорее сдать сборник в печать. Я буду читать после него. Иллюстрации в сборнике будут, и Вам своевременно покажем.⁴ Беда только в том, что А. М. Еголин мило обещает, а статьи не шлет!!⁵

Будьте здоровы.

Сердечный привет Марии Борисовне.

Ваш Н. Бельчиков.

15 марта 1950 г.

¹ Письмо К. И. Чуковского от 11 марта 1950 г. (хранится в личном архиве Н. Ф. Бельчикова).

² См. письмо 3 и примеч. 7 к нему.

³ Мария Борисовна — жена К. И. Чуковского.

⁴ В «Некрасовском сборнике» (М.; Л., 1951. Вып. 1) было помещено 18 иллюстраций.

⁵ См. письмо 3 и примеч. 7 к нему.

6

Н. Ф. Бельчиков — К. И. Чуковскому

5 июня 1950 г. Ленинград

Дорогой Корней Иванович!<...>

Статьи о Некрасове обязательно шлите и скорее: первую, что читали, в исправленном варианте, а вторую так же.¹ Об этом пишет Вам и Борис Иванович Бурсов. Вл. Евг. Евгеньев-Максимов рад второй Вашей статье, ибо ему хочется издать «Левиафан», который не удалось в 40-е годы издать Белинскому и Некрасову.² Я очень сочувствую мысли издать значительный и обстоятельный сборник о Некрасове за 2 года перед юбилеем.³ А в год юбилея понатужимся и еще раз соорудим сборник при добром и непременном Вашем участии.⁴

Желаю от души хорошо отдохнуть и «сотворить» за лето несколько глав своей книги, которой к юбилею Некрасова Вы нас всех одарите.⁵

Сердечный привет от искренне уважающего Вас

Н. Бельчикова.

5 июня 1950 г.

¹ По всей вероятности, речь идет об упоминавшейся в письмах 3 и 5 статье К. И. Чуковского «„Эзопова речь“ в творчестве Н. А. Некрасова», а также о статье, название которой Чуковский в письмах к Н. Ф. Бельчикову (хранятся в личном архиве последнего) последовательно изменял: «Некрасов в борьбе за революционный фольклор» (20 апр. 1950 г.), «Некрасов и фольклор» (2 июня 1950 г.) — и которая вошла впоследствии в книгу «Мастерство Некрасова» (см. ниже).

² После выхода подготовленного Некрасовым «Петербургского сборника» (1846) В. Г. Белинский думал об издании большого альманаха «Левиафан». Однако, не имея опыта издательской практики, он, как считает Н. П. Смирнов-Сокольский, «с охотой поддался на уговоры Н. А. Некрасова отказаться от издания и уступить собранный для сборника литературный материал журналу „Современник“» (Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв. М., 1965. С. 23).

³ Речь идет о 75-летию со дня смерти Некрасова (1953).

⁴ Планы эти осуществлены не были: вып. 2 «Некрасовского сборника» вышел в 1956 г.

⁵ К. И. Чуковский в это время работал над книгой «Мастерство Некрасова», первое издание которой вышло в Москве в 1952 г.

Н. Ф. Бельчиков — К. И. Чуковскому

7 июля 1950 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Корней Иванович!

Ваша статья в окончательной редакции получена Б. И. Бурсовым и вложена в сборник. А весь сборник направляется в РИСО.¹ Одновременно написал директору Издательства Академии наук СССР Алексею Ивановичу Назарову о выплате Вам гонорара за статью.

Присылайте и 2-ю статью о Некрасове.² Ее можно будет послать вдогонку или же вставить во время набора. Б. И. Бурсов написал Вам также о своем согласии на этот счет. Он ждет с нетерпением ответа от Вас о статье «Некрасов» для VIII тома «Истории русской литературы». Я от души прошу Вас: помогите ему, нам, Институту, Академии наук! Все мы должны дать советскому читателю хорошие томы «Истории русской литературы». Ваша статья украсит том, раз Вы ее сделаете так же хорошо и с увлечением, как «„Эзопов язык“ Некрасова».³

За приглашение в Переделкино спасибо еще раз говорю. А когда приеду в Москву — не ведаю.

А о Николае Алексеевиче Некрасове, как и о других шестидесятиниках, рад буду с Вами поговорить. В Институте есть увлекательные планы на сей счет.

Будьте здоровы.

Н. Бельчиков.

7 июля 1950 года. Г. Ленинград.

¹ РИСО — редакционно-издательский совет АН СССР.

² В вып. 1 «Некрасовского сборника» появилась, как известно, лишь одна статья К. И. Чуковского (см. письмо 3 и примеч. 7 к нему), в следующих сборниках Чуковский не участвовал, хотя постоянно ими интересовался.

³ Глава «Некрасов» для т. VIII «Истории русской литературы» (М., 1956) была написана В. Е. Евгеньевым-Максимовым.

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

26 августа 1950 г. Прибытково

26. VIII. 1950 г.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Ваше письмо¹ очень меня обрадовало.

Для 2-й Некрасовской конференции² имеется в виду целый ряд докладов: мой, Бухштаба,³ нескольких молодых некрасоведов.

Доклад «Некрасов и Чернышевский» чрезвычайно желателен,⁴ в особенности если Вы согласитесь выступить в качестве докладчика.

Любой доклад К. И. Чуковского приветствую.

А. М. Еголину по Вашему совету и желанию тотчас же напишу.

Ваша инициатива по линии «Некрасовской энциклопедии»⁵ приводит меня прямо-таки в восторг. Мы это дело осилим. К выработке плана книги следует приступить возможно скорее. У меня есть ряд соображений. С. А. Рейсер, навестивший меня в Прибытково, говорил, что у него есть набросок плана. Одним словом, давайте директивы — и «у нас запляшут лес и горы».⁶

Я собираюсь остаться здесь до середины сентября, а потому буду с нетерпением ожидать от Вас известий.

Преданный Вам

В. Евгеньев-Максимов.

¹ Это письмо неизвестно.

² Вторая Всесоюзная Некрасовская конференция состоялась в январе 1951 г.

³ Б. Я. Бухштаб (1904—1985) — доктор филологических наук, профессор Института культуры им. Н. К. Крупской; исследователь русской литературы XIX в., в частности творчества Некрасова, специалист в области текстологии и библиографии.

⁴ Тема эта всегда интересовала В. Е. Евгеньева-Максимова. В январе 1952 г. на Некрасовской конференции в докладе «Крестьянская тема в поэзии Некрасова 60-х годов» В. Е. Евгеньев-Максимов сопоставлял «Песню убогого странника» из поэмы «Коробейники» и соответствующие фрагменты статьи Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?». См. письмо 10 и примеч. 2 к нему, а также письмо 26 и примеч. 2 к нему.

⁵ Идея Н. Ф. Бельчикова о подготовке и издании «Некрасовской энциклопедии» в 1950-х гг. не была осуществлена, но привлекала к себе внимание и впоследствии. В 1980 г. на проводившейся Институтом русской литературы АН СССР и Ивановским государственным университетом двадцатой Всесоюзной Некрасовской конференции В. В. Ждановым был прочитан доклад «О проекте подготовки Некрасовской энциклопедии».

⁶ Строка из басни И. А. Крылова «Квартет».

9

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

30 октября 1950 г. Ленинград

30.X.1950 г.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Прежде чем подать заявление о возвращении моем из отпуска я хотел бы побеседовать с Вами по вопросу, очень меня волнующему.

Совместить работу по музею¹ с работой по сектору я решительно не могу. Отсюда вывод, что я должен выбирать — музей или сектор. Музей мне неизмеримо ближе, и я смогу вернуться в Институт только в том случае, если буду освобожден от нагрузки по сектору, а в первую очередь от участия в работе по составлению «Истории литературы».²

По первому Вашему вызову явлюсь в Институт для беседы с Вами.

С почтением

В. Е. Максимов.

¹ См. письмо 1.

² См. письмо 7 и примеч. 3 к нему.

10

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

6 декабря 1950 г. Ленинград

6 декабря 1950 г. Ленинград.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Вечером того же дня, когда Вы посетили меня, я окончательно разболелся. В настоящее время подвергнут строгому постельному режиму, т. к. врачи констатировали у меня воспаление легких. Сколько времени пролежу — не знаю, ибо человеку моего возраста да еще с ослабленной

деятельностью сердца перенести воспаление легких не так-то легко и просто.

Моя болезнь, естественно, лишает меня возможности возбудить ходатайство о прекращении отпуска, да и делами Некрасовской конференции я заниматься не в состоянии... А между тем судьбы Некрасовской конференции для меня очень не безразличны.¹ Убедительно прошу Вас не отменять ее, а тотчас уполномочить кого-либо из научных сотрудников Института для выполнения работ, связанных с подготовкой конференции. <...> Мне думается, что в первую очередь надо поспешить с созывом особого заседания, посвященного этому делу. Само собой разумеется, что, как только в состоянии моего здоровья произойдет сдвиг к лучшему, я буду рад принять консультативное участие в делах конференции, но назначать какие-либо сроки не имею нравственного права. Во всяком случае доклад для конференции у меня готов и перепечатан на машинке.² Если бы состояние здоровья не позволило мне читать самому, то я мог бы поручить прочесть его, разумеется с Вашего разрешения, кому-нибудь из близких мне людей.

Преданный Вам

В. Евг<еньев>-Максимов.

Р. С. Еще раз прошу Вас посодействовать благополучному разрешению вопроса о моей аспирантке Т. С. Колосовой.³

В. Е<вгеньев>-Максимов.

¹ Речь идет о второй Всесоюзной Некрасовской конференции (см. письмо 8 и примеч. 2 к нему).

² Упомянутый доклад послужил основой для публикации в вып. 2 «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956) большой статьи В. Е. Евгеньева-Максимова «Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова. (Стихи Некрасова о Чернышевском)» (с. 70—104). См. также письмо 26.

³ Т. С. Колосова (1921—1955) окончила аспирантуру и успешно защитила диссертацию, работала преподавателем Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена; ее статья «Традиции народной сказки в поэме Некрасова „Мороз, Красный нос“» была напечатана в вып. 2 «Некрасовского сборника» (с. 197—210). В Институте русской литературы АН СССР в то время предполагалось создание Некрасовской группы, куда и рекомендовал В. Е. Евгеньев-Максимов Т. С. Колосова как сотрудницу (см. письмо 11). Некрасовская группа в Институте была создана лишь в 1974 г.

11

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

13 июля 1951 г. Прибытково

13 VII 1951 г. Прибытково.

Глубокоуважаемый Николай Федорович!

Ваше последнее письмо ко мне,¹ написанное в связи с моим заявлением-просьбой о переходе на основную работу в ИРЛИ, тронуло меня до глубины души и своим содержанием, и сердечностью своего тона. Жду не дождусь, когда Вы приедете в Прибытково, чтобы лично выразить Вам свою признательность.

А пока должен порадовать Вас сообщением, что на днях я получил письмо А. М. Еголина, из коего явствует, что все материалы, предназначенные для московского «Некрасовского сборника», он передает в наш сборник.² Это, конечно, приятно, но увеличивает нашу ответственность... Впрочем, постараемся «не посрамить земли ирлийской».³ <...>

У меня накопился целый ряд вопросов к Вам и по «Некрасовскому

сборнику» (состав, сотрудники), и по организации Некрасовской группы, для работы в которой необходим хотя бы один штатный сотрудник (лучше всего, если Ваш выбор остановится на Т. С. Колосовой),⁴ и по другим вопросам. Если Ваш приезд в Прибытково задержится, то составлю для Вас особую докладную записку, а если Вы осуществите Ваше намерение относительно Прибыткова в ближайшее время, то я предпочел бы дожидаться Ваших указаний.

Еще раз большое Вам спасибо.

Преданный Вам

В. Евгеньев-Максимов.

Р. С. При сем прилагаю II т. моей монографии о Некрасове.⁵ Я давно ее для Вас заготовил, но мне хотелось вручить ее Вам лично.

В. Евгеньев-Максимов.

¹ Имеется в виду письмо от 12 июня 1951 г.

² О замысле московского «Некрасовского сборника» сведений нет. Письмо А. М. Еголина неизвестно; какие именно материалы были переданы им, установить не удалось. В вып. 2 «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956) напечатаны из работ москвичей статьи А. М. Еголина «Принципы типизации в поэзии Некрасова» (с. 369—393) и Н. В. Осьмакова «Поэма Некрасова о декабристе» (с. 211—235).

³ В. Е. Евгеньев-Максимов перефразирует слова Святослава, с которыми он, согласно «Повести временных лет», перед битвой с греками в 971 г. обратился к войску.

⁴ См. примеч. 3 к письму 10.

⁵ Все три тома монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» находятся в библиотеке Н. Ф. Бельчикова. Второй том имеет дарственную надпись; по ней можно судить о том, как глубоко переживал ученый не вполне объективную критику, которой подвергался его труд со стороны некоторых рецензентов: «Глубокоуважаемому Николаю Федоровичу Бельчикову в надежде, что он усмотрит в этой книге не только недостатки...».

12

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

19 октября 1951 г. Ленинград

19 X 1951. Ленинград.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Федорович!

Ваше письмо¹ очень меня обрадовало. Буду счастливы принять Вас у себя. Ваша занятость, лишившая Вас возможности побывать у меня летом, была воспринята мной как неотвратимое, но горестное для меня обстоятельство.

Завтра, дня на три, я уезжаю из города, чтобы просмотреть перед сдачей в набор уже одобренный всеми инстанциями III т. монографии о Некрасове.² Вторую половину недели я все время к Вашим услугам. Когда бы Вы ни сочли возможным побывать у меня во вторую половину недели — жена и я будем бесконечно рады. <...>

Хочется показать Вам и двух Жданович³ — одну совсем маленькую, другую побольше.

Преданный Вам

В. Евгеньев-Максимов.

¹ Это письмо неизвестно.

² Т. 3 монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1947—1952. Т. 1—3) вышел в свет в 1952 г.

³ Речь идет о дочери и внучке В. Е. Евгеньева-Максимова.

13

Н. Ф. Бельчиков — А. М. Еголину

5 ноября 1951 г. Ленинград (?)

Дорогой Александр Михайлович!

1. В бытность в Ленинграде на заседании в ИРЛИ Вы предложили прислать из ИМЛИ (Институт мировой литературы) специального товарища для того, чтобы договориться окончательно о докладчиках и темах для Некрасовской конференции, которую в 1952 году организуют оба Института (т. е. ИМЛИ и ИРЛИ).¹ Такого дядю Вы не прислали.

2. Вы обещали договориться с гг. Аникиной² и Зиминной,³ чтобы они подготовили сообщение об итогах научного изучения Некрасова в Советском Союзе за 1950—1951 гг.⁴

Сделали ли это?

3. Обещали сообщить, будут ли принимать участие К. И. Чуковский, Н. Л. Степанов, Ваш ученик И. Ю. Твердохлебов⁵ и др.?

Отвечайте. Мне житья не дает В. Е. Евгеньев-Максимов, захваченный до глубины души идеей организации хорошей сессии по Некрасову.

Н. Бельчиков.

5 ноября 1951 г.

¹ Имеется в виду третья Всесоюзная Некрасовская конференция, состоявшаяся в январе 1952 г.

² А. С. Аникина — автор сообщения «Забывшие отзывы о Некрасове в печати 40-х и 50-х годов» (Лит. наследство. М., 1949. Т. 53—54. С. 91—96).

³ А. Н. Зиминая — автор статьи «Некрасов-беллетрист» (Творчество Некрасова. М., 1939. С. 160—201 (Тр. / Моск. ин-т истории, философии и лит. 1939. Т. 3)), а также работ, опубликованных в изданиях Удмуртского государственного педагогического института; участник нескольких Некрасовских конференций.

⁴ На Некрасовской конференции в январе 1952 г. такого сообщения сделано не было.

⁵ К. И. Чуковский на конференции прочитал доклад «Некрасов и Гоголь», Н. Л. Степанов (впоследствии доктор филологических наук, профессор Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина и научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР; автор работ о Некрасове и Гоголе) и И. Ю. Твердохлебов с докладами не выступали.

14

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

28 апреля 1952 г. Ленинград

28 IV 1952.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Федорович!

Я очень возрадовался, когда узнал, что мою книгу «Творческий путь Некрасова»¹ Вы отдали для рецензирования и редактирования Н. И. Пруцкову² и К. Н. Григорьяну.³ На днях Н. И. Пруцков сообщил мне, что, ввиду его занятости, он отклоняет это поручение. Таким образом, книга моя осталась только с одним рецензентом и редактором. Я опасаясь, что это обстоятельство повлечет за собой задержку в издании книги. Если нельзя удолговестоваться одним К. Н. Григорьяном, человеком серьезным и знающим, то не откажите *спешно* назначить другого рецензента и редактора. Я был бы счастлив, если бы Вы сами, один из немногих знатоков 60-х годов, взяли на себя этот труд. Если Вы решительно лишены возможности это сделать, то, по моему мне-

нию, вполне возможно было бы обратиться к Г. А. Бялому.⁴ В крайности можно было бы найти рецензента и редактора среди научных работников других вузов.

Очень прошу Вас двинуть дело с моей книгой, ибо неопределенность создавшегося положения очень меня волнует.

Преданный Вам

В. Евг<еньев>-Максимов.

¹ Речь идет о книге «Творческий путь Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1953).

² Н. И. Пруцков (1910—1979) — доктор филологических наук, с 1966 г. — заведующий сектором новой русской литературы Института русской литературы АН СССР, исследователь творчества Гоголя, Белинского, Герцена, Гончарова, Г. И. Успенского, Лескова, Чехова. Ему принадлежит также ряд работ, посвященных связям творчества русских писателей с революционным движением, идеям социализма в литературе второй половины XIX—начала XX в. и вопросам литературно-критического анализа произведений.

³ К. Н. Григорьян — доктор филологических наук; автор работ по истории русской и армянской литературы XIX—начала XX в.

⁴ Г. А. Бялый (1905—1987) — доктор филологических наук, профессор Ленинградского государственного университета; автор исследований о творчестве Короленко, Тургенева, Гаршина, Чехова.

15

Н. Ф. Бельчиков — А. М. Еголину

10 июля 1952 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Александр Михайлович!

В июне Вы обещали приехать в Ленинград, и не один (а вместе с семьей, чтобы проехать в Пушкинский заповедник), и не приехали.

Обещали редактировать книгу В. Е. Евгеньева-Максимова «Творческий путь Некрасова».¹ Старик обрадовался и многократно напоминал мне: когда же А. М. Еголин возьмется за редактирование? И еще: обещали принять участие в редакции 2-го «Некрасовского сборника».² Все эти дела Вам по душе, близки по научным интересам, и для многих из лиц, причастных к этим делам, Ваше участие желательно.

Понимаю, что Вы могли забыть о некоторых из них, но о некоторых могли бы и вспомнить. В частности, обещание В. Е. Евгеньеву-Максимову отредактировать его труд, который он хочет издать к двум юбилеям: Некрасова и своего (ему в начале 1953 г. исполнится 70 лет). Если Вы будете тянуть дело, уважаемый Вами старик обидится.

Пишите, куда Вам выслать рукопись. Она отрецензирована 2-мя товарищами,³ и Вам остается редактировать ее.

В. Е. Евгеньев-Максимов ждет и советов Ваших относительно состава 2-го «Некрасовского сборника». Напишите ему по этому вопросу.

16 июля я ухожу в отпуск, поэтому прошу писать прямо В. Е. Евгеньеву-Максимову. Был в Москве: предполагал переговорить с Вами об этих делах. Но Вы уже ушли в отпуск.

Поэтому пишу.

Желаю всего хорошего.

Уважающий Вас

Н. Бельчиков.

10 VII 52.

¹ Книга В. Е. Евгеньева-Максимова «Творческий путь Н. А. Некрасова» (М.; Л., 1953) вышла под редакцией А. М. Еголина.

² Имеется в виду издание: Некрасовский сб. М.; Л., 1956. Вып. 2.

³ Рецензии на рукопись книги В. Е. Евгеньева-Максимова были написаны сотрудниками Института русской литературы АН СССР К. Н. Григорьяном и Н. И. Пруцковым.

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

17 июля 1952 г. Прибытково

17 VII 1952. Прибытково.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Федорович!

Живя в Прибыткове и не ослабляя научной работы для Института («Некрасовский сборник»¹), я все же несколько оторвался от институтских дел. Этим и объясняется, что я только теперь, т. е. с большим опозданием, узнал о постигшей Вас болезни, хотя и кратковременной, но неприятной. От всего сердца и от своего имени, и от имени всей нашей семьи, во-1-х, поздравляю Вас с выздоровлением, а во-2-х, умоляю Вас больше внимания уделять своему здоровью. У меня мороз подирает по коже, когда я думаю, что в течение целого дня Вы лежали в полном одиночестве... Вы не можете не понимать, что Вы — человек нужный, *очень нужный* для советской общественности, для советского литературоведения, для нашего Института. Вам ли пренебрегать своим здоровьем?! <...>

Я тоже по части здоровья ничем похвалиться не могу. Каждую ночь по несколько часов мучительно кашляю. Врачи говорят: «Сердечный кашель». А что сие значит и чем пахнет — одному Аллаху ведомо. Но прежде чем отправиться вслед за незабвенным Василием Спиридоновичем² в путешествие, откуда не возвращаются, твердо решил завершить работу по подготовке «Некрасовского» сборника» и, по возможности, дождаться окончательного решения вопроса о моей книге «Творческий путь...».³

Впрочем, не могу и не хочу затруднять Вас делами. Заканчиваю тем, с чего начал, — берегите, берегите и берегите свое здоровье.

О делах на днях напишу подробное письмо А. С. Бушмину.⁴ Он сообщит Вам все, что сочтет нужным.

Любящий Вас

В. Евгеньев-Максимов.

¹ См. письмо 11, а также письмо 15 и примеч. 2 к нему.

² В. С. Спиридонов (1878—1952) — научный сотрудник Института русской литературы АН СССР и профессор Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена; опубликовал свыше 300 неизвестных ранее рассказов Л. Н. Толстого, изучал его жизнь и творчество, немало сделал для систематизации и публикации литературного наследия Ап. Григорьева и особенно для подготовки академического «Полного собрания сочинений и писем» В. Г. Белинского.

³ См. письмо 14 и примеч. 1 к нему, а также письмо 15 и примеч. 1 к нему.

⁴ А. С. Бушмин (1910—1983) — тогда молодой ученый, затем член-корреспондент АН СССР, академик, директор Института русской литературы АН СССР в 1955—1965 и 1977—1983 гг.; ему принадлежит около 200 работ по истории русской классической и советской литературы.

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

20 июля 1952 г. Прибытково

20 июля 1952 г. Прибытково.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Федорович!

Жена¹ передала мне настойчивую просьбу работников канцелярии ИРЛИ оформить свой уход в отпуск. Я охотно это сделаю, но не пони-

маю смысла этого шага. Ведь *фактически* я не шел в отпуск, ибо 1) не прекращаю занятий по «Некрасовскому» сборнику»² и 2) продолжаю вести систематические и напряженные занятия с аспиранткой Битюговой.³ В прошлом году, кстати сказать, я так и не уходил в отпуск. Ведь президиум Бюро Отделения разрешил мне к тому же вести научные занятия на дому.

Тем не менее на всякий случай при сем прилагаю текст заявления об уходе в отпуск, которое прошу продвинуть, если это неизбежно.

Надеюсь, что Ваше здоровье восстановилось, и был бы бесконечно рад, если бы Вы посетили меня «в глуши забытого селенья».⁴

Преданный Вам

В. Евг<еньев>-Максимов.

¹ А. М. Максимова.

² См. письма 11, 15 и примеч. 2 к нему, 16.

³ И. А. Битюгова готовила кандидатскую диссертацию на тему «Поэма Н. А. Некрасова „Русские женщины“», которую успешно защитила в 1952 г.; в настоящее время научный сотрудник Института русской литературы АН СССР.

⁴ Строка из «Евгения Онегина» Пушкина (глава 3, «Письмо Татьяны к Онегину»).

18

Н. Ф. Бельчиков — В. Е. Евгеньеву-Максимову

22 июля 1952 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Владислав Евгеньевич!

Получил Ваше письмо. <...>

К. И. Чуковский предлагает для «Некрасовского сборника» следующие 3 статьи: 1) «Стиль, отвечающий теме», 2) «Форме дай щедрую дань», 3) Глава «Фольклор» из книги «Мастерство Некрасова».¹

Написал ли Вам Александр Михайлович Еголин о том, куда и когда ему выслать рукопись Вашего нового труда о Некрасове?²

Еще дописываю Вам, дорогой Владислав Евгеньевич, о том, как я бесконечно благодарен Вам за Ваши теплые и ласковые слова о моем здоровье и быте. <...>

Ухода в отпуск требует порядок и начальство. В прошлом году Вы не были в отпуске, значит, мы Вас эксплуатировали и за это виноваты перед Вами. А в этом году не можем позволить себе этого.

Я еду в очень сокращенный (по вине аппарата Президиума) отпуск — всего на две недели с небольшим. 10 августа вернусь и буду у Вас, чтобы поговорить о «Некрасовском сборнике», который мне не дает спать. Я все время вижу перед собой Вас, в волнении поднимающего свои руки и призывающего меня к заботе о «Некрасовском сборнике».

Я очень хочу не быть в долгу перед Вами и постараюсь выполнить обещание о статье для сборника.³

Шлю Вам искреннюю благодарность за все хорошее и трогательно доброе отношение.

Уважающий Вас

Н. Бельчиков.

22 VII 52.

¹ Подготовка вып. 2 «Некрасовского сборника» затянулась, и упомянутые статьи К. И. Чуковского были опубликованы в его книге «Мастерство Некрасова» (1-е изд. М., 1952).

² Имеется ввиду машинопись книги «Творческий путь Н. А. Некрасова» (см. письма 14 и примеч. 1 к нему, 15 и примеч. 1 к нему, 16).

³ Некрасовский сборник, X

³ Н. Ф. Бельчиков предполагал подготовить для вып. 2 «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956) статью «Некрасов и наша современность». Она не вошла в названный сборник, но в 1953 г. на Некрасовской конференции Н. Ф. Бельчиковым был прочитан доклад на эту тему (тезисы доклада см.: Вестн. АН СССР. 1953. № 2). Доклад с близким названием — «Некрасов и современность» — был прочитан им на Некрасовской конференции 1962 г. (напечатан в кн.: Н. А. Некрасов и современность. Ярославль, 1984. С. 24—39).

19

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

9 августа 1952 г. Прибытково

9 VIII 1952.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Федорович!

Вопрос о «Некрасовском сборнике» занозой торчит в моем сердце. У нас уже масса материала, а работать над ним некому. Я хоть и «уволен в отпуск», хоть и сильно разболелся в последнее время, — но не покладая рук работаю над сборником. Вчера почтили меня своим посещением А. С. Бушмин и В. А. Архипов.¹ С А. С. Бушминым мы пришли к выводу, что имеющийся материал надо разделить на две части, назначив первую часть для II т. «Некрасовского сборника», а вторую часть для III т. «Некрасовского сборника». II т. «Некрасовского сборника» надо попробовать выпустить к годовщине,² отобрав 30—35 л. материала, никакого сомнения не вызывающего. Чтобы произвести отбор — мне необходимо повидать Л. М. Лотман,³ которой я передал весь материал. А. С. Бушмин разрешил ей приехать на день из Ленинграда ко мне (я лежу и приехать не могу). Умоляю Вас санкционировать это решение!

Если Вы сами приедете в Прибытково (Иван Иванович⁴ прекрасно знает дорогу) — мы будем очень рады. Всего не напишешь, а накопилось много вопросов.

Преданный Вам

В. Евгеньев-Максимов.

¹ В. А. Архипов (1913—1977) — литературовед, круг научных интересов которого в основном связан с русской поэзией XIX в.; автор книги «Поэзия труда и борьбы. Очерки творчества Н. А. Некрасова» (1-е изд. Ярославль, 1961).

² Очевидно, имеется в виду январь 1953 г., когда исполнилось 75 лет со дня кончины Некрасова. Намерение это осуществить не удалось.

³ Л. М. Лотман — в то время начинающая сотрудница Института русской литературы АН СССР — помогала в решении организационных вопросов при подготовке вып. 2 «Некрасовского сборника»; ныне доктор филологических наук, специалист по русской литературе и драматургии XIX в.

⁴ И. И. Егоров — шофер автобазы АН СССР.

20

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

18 января 1953 г. Ленинград

18 I 1953. Ленинград.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Федорович!

С большим огорчением узнал о Вашей болезни. Ради бога, не спешите подняться — нужно дождаться полного выздоровления.

Я после волнений, связанных с подготовкой Некрасовской годовщины, в частности конференции,¹ совсем выбился из сил. Температура по временам 35°! Тем не менее продолжаю работать над «Некрасовским сборником».² Подайте помощь: ведь без помощников мне никак не обойтись. Выздоровливайте.

С почтением и преданностью

В. Евгеньев-Максимов.

¹ Конференция, посвященная 75-летию со дня смерти Некрасова, проводилась 5—7 января 1953 г. Институтом русской литературы АН СССР в Музее-квартире Н. А. Некрасова. В. Е. Евгеньев-Максимов выступил на ней с докладом «Поэзия Некрасова в годы революционной ситуации (1859—1861)».

² См. письма 11, 15 и примеч. 2 к нему, 16—19.

21

Н. Ф. Бельчиков — К. И. Чуковскому

23 марта 1953 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Корней Иванович!

Получил Ваш подарок — «Мастерство Некрасова».¹ Благодарю от души за столь интересную и ценную для меня книгу. <...>

В феврале-марте я был в Узком.²

Носились слухи, что Вы также собирались туда приехать отдыхать. Затем я срочно выехал в Ленинград. А очень хотелось повидать Вас, побеседовать, пожить в Вашей атмосфере.

Вас вспоминали мы с Б. С. Ромашовым.³ Он там лечил свои запущенные «болести».

Желаю от души успеха в работе над книгой «От 2 до 5». Рад, что пригодились мои Вам впечатления. Если главное Вы уловили, то успех будет наверняка.⁴

Будьте здоровы и благополучны.

Уваж<ающий> Вас

Н. Бельчиков.

23 марта 1953.

¹ Речь идет о первом издании книги К. И. Чуковского (М., 1952).

² В Узком под Москвой находился санаторий АН СССР.

³ Б. С. Ромашов (1895—1958) — режиссер и театральный критик, драматург, автор пьес «Заре навстречу», «Родной дом», «Знатная фамилия», «Великая сила», «Звезды не могут погаснуть» и др.

⁴ К. И. Чуковский в это время работал над очередным изданием своей известной книги: *Чуковский К. И. От двух до пяти*. Изд. испр. М., 1955.

22

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

31 марта 1953 г. Ленинград

Многоуважаемый Николай Федорович!

Около недели я посвятил *новому* просмотру материала, собранного для «Некрасовского сборника», и пришел к убеждению, что у меня не хватает ни сил, ни умения, чтобы быть его *единоличным* редактором.

Президиум ОЛЯ¹ поступил мудро, утвердив редакцию из нескольких человек.²

Жду Вашего решения.

С почтением

Вл. Евг<еньев>-Максимов.

¹ ОЛЯ — Отделение литературы и языка АН СССР.

² Вып. 2 Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956) вышел под редакцией Н. Ф. Бельчикова и В. Е. Евгеньева-Максимова.

23

Н. Ф. Бельчиков — В. Е. Евгеньеву-Максимову

4 июня 1953 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Владислав Евгеньевич!

Прочел основные статьи, намеченные для 2-го «Некрасовского сборника». К сожалению, вижу, что они значительно слабее статей 1-го сборника. А. М. Еголин взял сам свою статью, чтобы доработать ее.¹

В. П. Друзин также согласился, что ему надо придать своей статье большую содержательность, подкрепить ее материалом.² Также и другие статьи требуют доработки.

Не знаю, как Вы посмотрите на мою критику. Но я искренне должен Вам сказать, что в настоящем виде теоретические статьи не могут быть сданы в печать: они слабы, не доделаны, не блещут глубиной и содержательностью; нет в них и выводов, полезных для научного движения — для некрасоведения.

Вы читали все эти статьи. Вы лучше меня представляете значимость этих статей. Ожидаю, что Вы решительно не согласитесь со мной. Что же делать?

2-й сборник, по моему мнению, должен быть интереснее, выше в научном отношении, а у нас наоборот получилось. Говорю это Вам с большой скорбью, ибо время ушло, а сдать сборник в Издательство рука не поднимается.

Жду от Вас: что Вы скажете?

Как Ваше здоровье, как идет Ваш отдых?

Уважающий Вас

Н. Бельчиков.

4 июня 1953 г. Ленинград.

¹ О статье А. М. Еголина, напечатанной в вып. 2 «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956), см. примеч. 2 к письму 11.

² Предполагавшаяся статья В. П. Друзина (1903—1980), журналиста, критика, историка литературы, в 1950-х гг. главного редактора журнала «Звезда», заведующего кафедрой советской литературы Ленинградского государственного института им. А. И. Герцена, «Традиции Некрасова в советской поэзии» ни в вып. 2, ни в последующие выпуски «Некрасовского сборника» не вошла.

24

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

7 июня 1953 г. Ленинград

Многоуважаемый Николай Федорович!

Я, действительно, не могу согласиться с Вашей целиком отрицательной оценкой сборника, но с отдельными замечаниями согласен.¹

Ведущие статьи сборника, т. е. Ваша,² А. М. Еголина,³ В. П. Друзина,⁴ В. А. Архипова,⁵ слова нет, нуждаются в доработке, но ведь авторы их отнюдь не отказываются от доработки. Конечно, доработка должна была быть произведена раньше, но указанные мной авторы

представили свои статьи (доклады) в последний момент, когда дирекция ИРЛИ уже утвердила повестку конференции.⁶

Что же касается историко-литературных статей (Колесницкой, Розановой, Колосовой, Евнина, Бухштаба, Гаркави, Теплинского⁷ и некоторых других), то они, на мой взгляд, сомнения не вызывают.

Среди «материалов», предназначенных для сборника, есть и ценные, и интересные.

Я считал бы возможным значительно сократить предположенные размеры сборника и, отобрав самое ценное, все же выпустить сборник в свет.

Мне, к крайнему моему сожалению, участвовать в этом уже не придется, ибо мое здоровье отнюдь не налаживается, и я возобновляю мою просьбу об отчислении меня от службы в ИРЛИ.

С почтением

В. Евгеньев-Максимов.

Р. С. Одновременно с сим посылаю (почтой) заявление об отчислении от службы.

В. Евгеньев-Максимов.

¹ См. письмо 23.

² Статьи Н. Ф. Бельчикова в вып. 2 «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956) нет.

³ См. примеч. 2 к письму 11, а также письмо 23.

⁴ См. письмо 23 и примеч. 2 к нему.

⁵ Статьи В. А. Архипова в вып. 2 «Некрасовского сборника» нет.

⁶ В основу всех перечисленных выше статей были положены доклады на состоявшейся в январе 1953 г. Некрасовской конференции.

⁷ Имеются в виду опубликованные в вып. 2 «Некрасовского сборника» статьи И. М. Колесницкой «Крестьянская тема и народное творчество в поэзии Н. А. Некрасова 60-х годов» (с. 15—69); Л. А. Розановой «О некоторых жанровых и композиционных особенностях историко-революционных поэм Н. А. Некрасова» (с. 269—296); Т. С. Колосовой «Традиции народной сказки в поэме Некрасова „Мороз, Красный нос“» (с. 197—210); Ф. И. Евнина «„Песня Еремущке“ и идейно-политическая борьба конца 1850-х гг.» (с. 171—196); Б. Я. Бухштаба «Начальный период сатирической поэзии Некрасова» (с. 102—150); А. М. Гаркави «Поэма Некрасова „Саша“» (с. 151—170); М. В. Теплинского «Творческая история поэмы Некрасова „Современники“» (с. 297—344). И. М. Колесницкая — впоследствии доцент кафедры русской литературы Ленинградского государственного университета; Л. А. Розанова — в 1950-х гг. преподаватель, впоследствии доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ивановского государственного университета, автор трех книг о Некрасове; Ф. И. Евнин (1901—1982) — историк русской литературы второй половины XIX в.; А. М. Гаркави (1922—1980) — аспирант В. Е. Евгеньева-Максимова, впоследствии доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы в Калининградском государственном университете; М. В. Теплинский — аспирант В. Е. Евгеньева-Максимова, впоследствии доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы в государственных педагогических институтах Южно-Сахалинска и затем Ивано-Франковска.

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

15 декабря 1953 г. Ленинград

Многоуважаемый Николай Федорович!

Лидия Михайловна Лотман передала мне Ваше приглашение принять участие в «Некрасовском сборнике», т. II. Хотя здоровье мое настолько неудовлетворительно, что доктора не рекомендуют мне выезжать из дому, но я в такой мере заинтересован продвижением сборника, что готов посильно помогать Вам и Вашей редакторской работе по сборнику.¹

О формах этой помощи и формах нашего общения не откажите сообщить мне.

Готовый к услугам

В. Евг<еньев>-Максимов.

¹ См. письма 11, 15 и примеч. 2 к нему, 16—20, 22—24.

26

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

10 апреля 1954 г. Ленинград

10 IV 1954. Ленинград.

Многоуважаемый Николай Федорович!

Л. М. Лотман сообщила мне, что Вы не находите моей статьи «Некрасов и Чернышевский». Я обратился к Л. Н. Назаровой,¹ и она сообщила мне, что в конце декабря или же в самом начале января *лично передала Вам эту статью в Вашем кабинете.*

Чтобы не утруждать Вас поисками пропавшей статьи, посылаю Вам второй экземпляр ее. С Вашими исправлениями заранее соглашаюсь. Прошу только о скорейшем решении вопроса, будет ли эта статья (целиком или с сокращениями) помещена в «Некрасовском сборнике».²

Готовый к услугам

В. Евг<еньев>-Максимов.

¹ Л. Н. Назарова — научный сотрудник Института русской литературы АН СССР, автор многочисленных статей о творчестве Лермонтова и Тургенева.

² В вып. 2 «Некрасовского сборника» (М.; Л., 1956) была опубликована статья В. Е. Евгеньева-Максимова «Образ революционного демократа в поэзии Н. А. Некрасова. (Стихи Некрасова о Чернышевском)» (с. 70—101).

27

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

11 ноября 1954 г. Ленинград

Многоуважаемый Николай Федорович!

Я получил от А. М. Еголина (из больницы) письмо, в котором он сообщает мне, что Вы не отказываетесь побывать у меня, чтобы побеседовать по делам «Некрасовского сборника».¹ Я настолько болен, что выходить из дому не могу, а потому очень буду рад видеть Вас у себя.

Когда только нам увидаться?

Я думаю, тотчас после выздоровления Л. М. Лотман, которая в курсе всех дел, связанных со сборником.

В ожидании Вашего ответа

готовый к услугам

В. Евг<еньев>-Максимов.

¹ См. письмо 11, 15 и примеч. 2 к нему, 16—20, 22—26.

28

Н. Ф. Бельчиков — В. Е. Евгеньеву-Максимову

18 ноября 1954 г. Ленинград

Глубокоуважаемый Владислав Евгеньевич!

Получил Ваше письмо с предложением: у Вас обсудить вопрос о 3-м «Некрасовском сборнике».¹ <...>

А. М. Еголин с 20 XI выходит на работу.

Может быть, Вы согласитесь на то, чтобы пригласить А. М. Еголина прибыть к нам для обсуждения вопроса о 3-м «Некрасовском сборнике» в ближайшее время.² У А. М. Еголина, как он мне говорил, много пожеланий и предложений.³

Если Вы согласны, то предлагаю и Вам писать А. М. Еголину.

Готовый к услугам

Н. Бельчиков.

18 XI 54.

¹ См. письмо 27. Вып. 3 «Некрасовского сборника» вышел в 1960 г. под редакцией В. Г. Базанова, Н. Ф. Бельчикова и А. М. Еголина.

² Еще в 1952 г. статейный материал был условно разделен на две части (для т. II и т. III «Некрасовского сборника» — см. письмо 19). Предложение В. Е. Евгеньева-Максимова Н. Ф. Бельчикову о «консультации» с А. М. Еголиным связано, по-видимому, с уточнением состава вып. 2 и вып. 3 «Некрасовского сборника».

³ В архиве Н. Ф. Бельчикова хранятся письма и записки А. М. Еголина, в которых идет речь о подготовке вып. 3 «Некрасовского сборника».

29

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

23 ноября 1954 г. Ленинград

Многоуважаемый Николай Федорович!

Я вполне согласен с Вами, что приезд А. М. Еголина в интересах «Некрасовского сборника» крайне желателен.¹

Напишите ему об этом. Я, со своей стороны, тоже ему напишу.

Не скрою от Вас, что я сильно надеялся, что сборник² будет сдан в Издательство в ближайшие дни.

С почтением

Вл. Евгеньев-Максимов.

¹ См. письмо 28.

² См. письма 11, 15 и примеч. 2 к нему, 16—20, 22—28.

30

В. Е. Евгеньев-Максимов — Н. Ф. Бельчикову

12 декабря 1954 г. Ленинград

Многоуважаемый Николай Федорович!

Я очень рад, что и Вы за ускорение продвижения «Некрасовского сборника».

Конечно, консультация с Александром Михайловичем Еголиным была бы весьма желательна, но необходимо ее ускорить: ждать приезда Александра Михайловича в течение долгого времени мы не можем.¹

Весьма огорчило меня известие о том, что Вы опять лечитесь и живете в Свердловской больнице. Желаю Вам скорейшего и полного выздоровления.

Мое здоровье очень неудовлетворительно.²

Преданный Вам

В. Евгеньев-Максимов.

¹ См. письма 28 и 29.

² В. Е. Евгеньев-Максимов не дождался выхода в свет вып. 2 «Некрасовского сборника»: 1 января 1955 г. он скончался. Сборник, в который было вложено столько души, ума, инициативы старейшего из некрасоведов, открывался статьей П. Н. Беркова «Памяти В. Е. Евгеньева-Максимова».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авдеев М. В. 17
 Агафонов Н. Я. 92, 93
 Агин А. А. 108
 Аграфена см. Жулова А. Ф.
 Адельханов Г. М. 47
 Адлерберг А. В. 19, 24, 29
 Адлерберг В. Ф. 142
 Айзеншток И. Я. 66
 Аксаков И. С. 12, 13, 63—66
 Аксаков К. С. 11, 12
 Аксаков С. Т. 108
 Аксакова А. Ф. (урожд. Тютчева) 24
 Акчурин (домовладелец) 85
 Александр I 23
 Александр II 22—24, 26, 28—30, 32, 57, 99, 128—130, 142
 Александр Иванович см. Вышомирский А. И.
 Александр Македонский 189
 Алексеев М. П. 142
 Алексеева О. Б. 145, 149
 Амфитеатров А. В. 54, 63
 Анега см. Буткевич А. А.
 Анигина А. С. 206
 Анна Алексеевна см. Буткевич А. А.
 Анненков П. В. 11, 13, 14, 16, 17, 116, 141, 142
 Антонов М. 165
 Антонович М. А. 63
 Арсеньев И. А. 99, 100
 Арсеньев К. К. 157
 Артамонов М. Д. 145
 Армьева см. Дебрикова М. К.
 Архипов В. А. 210, 212, 213
 Аскоченский В. И. 59
 Астлей (лорд) 56
 Афанасьев А. Н. 18, 159
 Афонин Л. Н. 54
 Ашукин Н. С. 33, 151

 Базанов В. Г. 3, 215
 Баунов Ф. В. 192
 Байрон Д.-Н.-Г. 151
 Баладин А. И. 60
 Баренбаум И. Е. 89
 Барсуков Н. П. 102, 106, 113, 114, 116, 129
 Батюшков К. Н. 189
 Безобразов В. П. 137—139
 Бекетов В. Н. 92, 93
 Белинский В. Г. 7—9, 11—17, 75, 86, 90, 94, 102, 104, 106, 107, 110, 114, 116—118, 185—187, 190, 201, 207
 Белоголовый Н. А. 40—42, 48
 Бельчиков Н. Ф. 197—215
 Бельчикова З. Ф. 197
 Бенедиктов В. Г. 87, 129, 142
 Бенецкая М. Ф. (урожд. Фермор) 48—51
 Бенецкий Г. Ф. 33—51
 Беражке П.-Ж. 82, 83, 86
 Берг Н. В. 12, 111, 112
 Берков П. Н. 19, 29, 216
 Бернардский Е. Е. 108
 Бернс (Борнс) Р. 82
 Бессонов Б. Л. 33, 69, 85, 122, 127
 Битюгова И. А. 209
 Бихтер А. М. 63
 Благосветлов Г. Е. 76, 77, 79
 Блинчевская М. Я. 119
 Блок А. А. 5
 Блудова А. Д. 23
 Богаевская К. П. 55, 66
 Богданов К. 87
 Боград В. Э. 17, 119, 120, 187
 Бордюгов И. И. 133
 Борель П. Ф. 121
 Борис Иванович см. Бурсов Б. И.
 Боровиковский А. Л. (псевд. — А. Ферт) 69—73
 Боткин В. П. 18, 109, 110, 112, 128
 Боткин С. П. 152, 153
 Бранецкий 152
 Брант Л. В. 97
 Брокгауз Ф.-А. 121
 Будберг А. Ф. 28
 Будиловская А. Л. 150
 Булгарин Ф. В. 15, 55, 97, 98, 113, 114, 159, 185—192
 Буренин В. П. 38—40, 44, 48, 66, 78, 79
 Бурсов Б. И. 199, 201, 202
 Буткевич А. А. (урожд. Некрасова) 90, 141, 152, 168, 171
 Буткевич Г. С. 163, 167—170
 Бухштаб Б. Я. 94, 202, 203, 213
 Бушканец Е. Г. 80, 85
 Бушмин А. С. 208, 210
 Быков П. В. 36, 42
 Бялый Г. А. 207

 Вагнер А. Ф. 150
 Вагнер Н. П. (псевд. — Кот Мурлыка) 135
 Валуев П. А. 20, 23
 Василий см. Матвеев В. М.
 Василий Матвеевич см. Лазаревский В. М.
 Василий Спиридонович см. Спиридонов В. С.
 Васильев М. А. 90
 Васильев П. П. (псевд. — N. N., П. В.) 88—91, 93
 Васильев С. 136
 Васильковский С. Н. 126, 130, 131
 Вацуро В. Э. 85, 95
 Вейнберг П. 129
 Верховский Н. И. 149, 150

- Верховский (студент) 86
 Веселовский А. Н. 159
 Вефур (Yefour) (владелец ресторана) 151
 Виардо М.-Ф.-П. (урожд. Гарсия) 24
 Владыкин М. Н. 44, 45
 Владыкин Н. 44
 Владыкин Н. Н. 45
 Власов И. И. 138
 Волгин И. В. 70
 Волгин (студент) 4
 Вольтер Ф.-М.-А. 104
 Воронин (домовладелец) 174
 Воронин И. Г. 76, 83
 Воронов М. К. 158, 159
 Всезнайка см. Зиновьев Ф. А.
 Все тот же см. Ткачев П. Н.
 Второв Н. И. 85
 Вульф К. И. 167, 168
 Вульфсон Г. Н. 87
 Вышомирский А. И. 179
 Вяземский П. А. 25
- Гавличек (Гавличек-Боровский) К. 59
 Гаевский В. П. 64, 149—151, 154
 Галахов А. Д. (псевд. — Сто один) 11, 12
 Гамазов М. А. 10, 41, 48
 Гарелин Я. П. 138
 Гаркави А. М. 49, 126, 128, 213
 Гастин-Ренетт (ружейный мастер) 178
 Генералова Н. П. 19
 Гербель Н. В. 42, 46
 Герц Н. К. 12
 Герцен А. И. (псевд. — Искандер) 10, 11, 17, 18, 23—25, 32, 59, 63, 90, 101—107, 116, 117, 159, 200, 207
 Гизо Ф.-П.-Г. 56
 Гин М. М. 112, 130
 Гинзбург Л. Я. 101
 Гладковский Х. В. 154
 Глинка А. П. 126, 127, 130, 131
 Глинка Ф. Н. 12, 96, 97, 126, 127, 130, 131
 Гоголь Н. В. 12, 15, 74, 101, 104, 107—117, 180, 186, 206, 207
 Голицын С. С. 136, 137, 139
 Голицына А. М. 176
 Голицыны 177
 Головин А. В. 142
 Голуховский 152
 Гольшев А. К. 136—139
 Гольшев И. А. 136—140
 Гомер 59
 Гонеггер И. 149, 150
 Гончаров И. А. 11, 12, 17, 65, 83, 141, 207
 Горелов А. А. 53
 Горленко 40
 Горчаков А. М. 23
 Горшков А. 165
 Григорович Д. В. 165
 Горький А. М. 58, 117, 200
 Гох И. 121
 Грабовский М. С. 12
 Грановский Т. Н. 10, 17, 110
 Грен (судебный пристав) 98, 100
 Греч Н. И. 187, 188
 Григорович Д. В. 17, 48
 Григорьев Ап. А. 208
 Григорьев (владелец книжного магазина) 192
 Григорьева М. В. 122, 127
 Григорьян К. Н. 206, 207
 Громов В. А. 11, 53, 101, 109
- Грот Я. К. 8, 113, 150, 159, 185
 Губер Э. И. 11
- Даль В. И. 11, 102, 123
 Данненберг К. А. 85, 91
 Дарвин Ч.-Р. 79
 Девип (ружейный мастер) 178
 Дементьев А. Г. 13, 14
 Демченко А. А. 20
 Деникин А. И. 146
 Деннери А.-Ф. 103
 Державин Г. Р. 115, 189
 Дмитриев И. И. 102, 189
 Дмитриев М. А. 102
 Добролюбов Н. А. 4, 20, 22, 32, 56, 82, 86, 96, 120, 121, 128, 130, 133—135, 159, 198, 200
 Добrorольский А. 44
 Добrorольский К. А. 44
 Добрынкин Н. 139
 Долгово-Сабуров И. 169, 170, 1772
 Долгоруков В. А. 25, 115
 Дорощев В. 45
 Достоевский М. М. 124, 157, 159
 Достоевский Ф. М. 11, 14, 70, 74, 78, 80, 81, 88, 120, 121, 199
 Драшусов В. Н. 130
 Дризен Н. В. 116
 Дружинин А. В. 142, 150, 151
 Дружинин Н. М. 4
 Дружинин П. В. 11, 12, 17
 Друзин В. П. 212
 Дубельт Л. В. 4
 Дубровин А. А. 87
 Дудышкин С. С. 141, 156, 157
 Душечкина Е. В. 143
- Евгеньев В. см. Евгеньев-Максимов В. Е.
 Евгеньев-Максимов В. Е. (псевд. — В. Евгеньев; наст. имя — В. Е. Максимов) 7, 33, 46, 64, 85, 98—100, 111, 125—127, 130, 143, 149, 150, 163—165, 168—171, 185, 197—216
 Евграф (крестьянин) 165
 Евнин Ф. И. 213
 Евсеев Е. 164
 Еголин А. М. 197, 199—202, 204—207, 212, 214, 215
 Егоров Б. Ф. 150
 Егоров И. И. 210
 Егунов А. Н. 18
 Елена Павловна (вел. княгиня) 152
 Елена Сергеевна см. Некрасова Е. С.
 Елпсеев Г. З. 57, 60, 80, 81
 Емельянов Н. П. 63
 Ераков А. Н. 149, 151—153
 Ерофеев Ю. Н. 136
 Ершов А. 7
 Ефим см. Солнышков Е. К.
 Ефремов П. А. 64, 144
 Ефстафиева П. В. 82
- Жданов В. В. 33, 49, 169, 203
 Жданович А. В. 205
 Жданович Н. А. 205
 Жемчужников Ал-др М. (псевд. — К. И. Шерстобитов) 29
 Жемчужников А. М. 28, 29, 32
 Жемчужников В. М. 19, 21, 22, 28, 29, 32
 Жерве Н. П. 43
 Жук А. А. 20

- Жуковский В. А. 12, 69, 96, 112, 113, 115, 189
 Жуковский Ю. Г. 63
 Жулев Г. Н. (псевд. — Скорбный поэт) 87
 Жулова А. Ф. 167, 170
- Заблюцкий-Десятовский А. П. 150
 Заборова Р. Б. 126, 127, 149, 156, 187
 Зарин Е. Ф. (псевд. — Incognito) 77
 Заринский П. 87
 Зарудный А. 99, 100
 Зарудный Н. 99, 100
 Засядко Д. А. 11
 Зацепин Н. Н. 149, 153, 154
 Заядлый читатель см. Скабичевский А. М.
- Звонарев С. В. 175
 Звонников И. 90
 Зимина А. Н. 206
 Зиновьев В. А. 149, 154, 155
 Зиновьев Ф. А. (псевд. — Всезнайка, Богдан Княжницкий) 154, 155
 Златовратский Н. Н. 200
 Зубков В. В. 158, 159
- Иван Иванович см. Егоров И. И.
 Иванов А. А. 109
 Иванов А. М. (псевд. — Куку) 149, 156, 157
 Иванов Е. 171
 Иванова А. (Саха) 167
 Игнатъев Н. П. 177
 Игнатъева Е. Л. (урожд. Голицына) 176, 177
 Иевлев Н. В. 159, 160
 Иевлева Л. В. 160
 Икорников И. В. 44, 45, 47
 Икорников В. 44
 Иловайский (студент) 86
 Имзен (домовладелец) 119
 Иноземцев Ф. И. 169, 170
 Иордан Ф. И. 109
 Искандер см. Герцен А. И.
- Кавелин К. Д. 10, 11, 13—17
 Калаушин М. М. 200
 Карамзин Н. М. 62, 96, 115, 116, 189
 Катин Н. см. Юшков Н. Ф.
 Катков М. Н. 56, 58, 60, 63—65
 Каронин С. (псевд.; наст. имя — Н. Е. Петропавловский) 200
 Каульбах В. 142
 Кашпирев В. В. 150
 Квитницкий (полковник) 35
 Кетчер Н. Х. 11, 17, 102, 103, 106, 164, 185
 Киреевский И. В. 10
 Киселев И. Д. 163
 Киттары Е. П. (урожд. Вагнер) 135
 Киттары М. Я. 133—135
 Клеменц Д. А. 86
 Княжницкий Богдан см. Зиновьев Ф. А.
 Кобург-Готский (принц) 152
 Ковалевский Е. П. 25, 26, 29, 142, 149, 157, 159, 160
 Кожевников Е. М. 145
 Кожевневский Ю. 62
 Кожухов (домовладелец) 172
 Козлов И. И. 96
 Козлов О. А. 143
 Козлов П. А. 143
- Козьма см. Солнышков К. Е.
 Козьмин Б. Н. 32
 Колбасин Е. Я. 128
 Колесницкая И. М. 213
 Колосова Т. С. 204, 213
 Колошин С. П. 149, 157—159
 Кольцов А. В. 44, 59, 81, 82
 Комаров А. С. 11
 Кони А. Ф. 36, 40, 41
 Кони Ф. А. 49, 103, 116
 Коноплев (исправник) 166
 Коноплицкий (врач) 154
 Константин см. Некрасов К. А.
 Коперник Н. 102
 Коптев Д. Н. 12
 Корнилов А. А. 142
 Корсаков Д. А. 86
 Корф Ф. Ф. 11, 12
 Корш В. Ф. 11, 174, 175
 Коршунова С. И. 75, 81, 83
 Коссович К. А. 12
 Костомаров Н. И. 87
 Кот Мурлыка см. Вагнер Н. П.
 Кошелев В. А. 9, 11, 15, 16
 Краевский А. А. 13, 17, 64, 77, 88, 100, 106, 159, 185—187
 Краснов Г. В. 37, 39, 69, 71
 Краснокутский (генерал) 167
 Крейзер Э. Ф. 169
 Крестовский В. (псевд.; наст. имя — Н. Д. Хвоцинская-Зайончковская) 77
 Кривенко С. Н. 35—38, 42, 109
 Кригер А. Д. 141
 Кронеберг А. И. 11, 14, 17
 Крылов И. А. 203
 Кублицкий М. Е. (псевд. — М. К.; N.) 119, 120
 Кудрявцев П. Н. (псевд. — А. Нестроев) 11, 12
 Кузнецов 175
 Куку см. Иванов А. М.
 Кулиш П. А. 12
 Куник А. А. 102
 Курбатов (домовладелец) 167
 Курочкин В. С. 149, 159, 160
 Курочкин Н. С. 87
- Л. см. Мельгунов Н. А.
 Лавренский М. см. Михаловский Д. Л.
 Лавров П. Л. 129
 Лазаревский В. М. 126, 130, 131, 178—181
 Ламартин А. 18
 Ланский Л. Р. 59
 Ланской А. С. 149, 161
 Ларин С. 137
 Ларионов (студент) 86
 Лебедев Ю. В. 128
 Левин Ю. Д. 142
 Лемке М. К. 20, 22, 23, 26, 29, 32
 Лемуан Г. 103
 Ленин В. И. 117, 147, 148
 Лепаж (ружейный мастер) 171
 Лермонтов М. Ю. 59, 62, 84, 96, 188, 206, 214
 Лесков А. Н. 54, 57
 Лесков Н. С. (псевд. — Н. С. Стебницкий; Н—в) 49, 53—68, 150, 207
 Лефосе (ружейный мастер) 167
 Ливанов Ф. В. 67
 Ломан О. В. 198, 200
 Ломоносов М. В. 115

- Лонгинов М. Н. (псевд. — Москвич) 119, 163
 Лонгинов Н. М. 163
 Лорис-Меликов М. Т. 37, 38, 40—42, 44, 47, 48, 51
 Лотман Л. М. 210, 213, 214
 Луша (крестьянка) 171
 Любимцев В. 180
 Лядевич Ц. 61
 Ляцкий Е. А. 12
- М. К. см. Кублицкий М. Е.
 Майков А. Н. 17, 18, 142
 Майков В. Н. 14
 Майков (домовладелец) 173
 Максимова А. М. 209
 Максимович А. Я. 135
 Максимовский М. 43
 Мамонтов А. В. 89
 Манн Ю. В. 10
 Мария Борисовна см. Чуковская М. Б.
 Маркс К. 146
 Марфа Посадница 62
 Масонов И. Ф. 155
 Матвеев В. М. 171
 Маштафаров В. Н. 136—139
 Мейер Д. И. 86
 Мельгунов Б. В. 119, 124, 142, 185
 Мельгунов Н. А. (псевд. — Л.) 11, 12, 18, 102, 106
 Мельницкий Н. М. 149, 161, 162
 Мендельсон А. 142
 Меньшиков П. Н. 12
 Мещерский В. П. 64
 Микешин М. О. 83
 Миллер С. А. 114
 Милотин В. А. 18
 Минаев Д. Д. (псевд. — Обличительный поэт; С.) 77, 87, 145
 Михаил Егорович см. Кублицкий М. Е.
 Михайлов А. см. Шеллер А. К.
 Михайлов М. Л. 61, 142
 Михайловский Н. К. 78
 Михаловский Д. Л. (псевд. — М. Лавренский; Улисс) 149, 162
 Мицкевич А. 59, 69
 Мордовцев Д. Л. 84
 Москвич см. Лонгинов М. Н.
 Мостовская Н. Н. 11, 101, 103
 Муравьев М. Н. 54, 63
 Мусия-Пушкин М. Н. 185
 Муханов Н. А. 19, 24
- Н. Ч. 78
 Н—в см. Лесков Н. С.
 Назаров А. И. 202
 Назарова Л. Н. 214
 Наполеон III 23, 28
 Нарышкин А. П. 41
 Небольсин Г. П. 14
 Нежинский (присяжный поверенный) 100
 Незнакомец см. Суворин А. С.
 Некрасов А. С. 149, 163—173
 Некрасов К. А. 166—169
 Некрасов Н. К. 136, 139
 Некрасов Ф. А. 164—171
 Некрасова Е. С. (в замуж. — Певницкая) 167, 169
 Нелюдим см. Соловьев А. Н.
 Нестроев А. см. Кудрявцев П. Н.
 Нечаева В. С. 15, 121
- Никитенко А. В. 7, 9, 14—16, 19, 20, 23, 25, 26, 28—32, 64, 110, 185, 186, 188, 192
 Никитин И. С. 81
 Николаев, Николаева см. Цебрикова М. К.
 Николай (крестьянин) 172
 Николай I 23, 131, 132
 Нистрем К. М. 48
 Новоселов М. Н. 149, 173—175
 Новый поэт (колл. псевд. Н. А. Некрасова, И. И. Панаева, М. Н. Лонгинова) 110, 112
 Нольман М. Л. 126
 Норов А. С. 92
 Нувель Л. А. 44
- Обличительный поэт см. Минаев Д. Д.
 Огарев Н. П. 11, 13, 17
 Одоевский В. Ф. 57
 Оксман Ю. Г. 186
 Ольхин А. А. 98, 99
 Орлов М. Ф. 159
 Основский (цензор) 130
 Островский А. Н. 101, 120, 141, 142
 Островский М. Н. 141
 Острогорский В. П. 122, 123, 127
 Осьмаков Н. В. 205
 Оуэн Р. 56
- П. В. см. Васильев П. П.
 Палаузов С. Н. 130
 Панаев И. А. 149, 161, 162, 175
 Панаев И. И. 11—13, 16, 41, 66, 85, 88, 91, 104, 110, 112, 128, 129, 159, 175, 185—187, 190, 198
 Панаева (Головачева) А. Я. (псевд. — Н. Станицкий) 8, 11, 15, 17, 41, 59, 66, 85, 91, 95, 124, 125, 128, 132, 186
 Панин В. Н. 137
 Панов (мировой судья) 100
 Пассек Т. П. 55
 Пекарский П. П. 86, 87, 141, 142
 Пекин П. 171
 Перевощиков Д. М. 11, 18
 Петр Великий 128
 Петр Иванович см. Сезеневский П. И.
 Петров А. Н. 43
 Петров С. 165
 Петров С. П. 179, 180
 Пирогов Н. И. 133, 134
 Пирожкова Т. Ф. 15, 16
 Писарев Д. И. 122
 Писемский А. Ф. 67, 150
 Плетнев П. А. 7—10, 12, 16, 113, 185
 Плещеев А. Н. 130
 Погодин М. П. 101—106, 113, 116, 129, 139, 158, 159
 Подгаевский А. И. 163, 164
 Покровский М. Н. 147
 Покусаев Е. И. 77
 Полевой Н. А. 49
 Полежаев А. И. 95
 Полиньяк О.-Ж.-А. 56
 Полонский Я. П. 120, 121, 142
 Полторацкий В. 137
 Пономарев С. И. 124
 Понятовский 152
 Потехин А. А. 149, 176, 177
 Потто В. 37
 Прийма Ф. Я. 103
 Прокопович Н. Я. 44

- Пругавин А. С. 136, 138
 Прутков К. П. (колл. псевд. Ал-дра М., А. М., В. М. Жемчужниковых и А. К. Толстого) 19—22, 24, 28, 29, 31, 32
 Прудков Н. И. 206, 207
 Птушкина И. Г. 59
 Путьята Н. В. 25
 Пушкин А. С. 7, 8, 10, 59, 62, 69, 84, 88, 96, 101, 106, 115—117, 189, 191, 200, 209
 Пыпин А. Н. 29, 122, 125, 130, 157, 180
 Радищев А. Н. 116, 117
 Ратьков П. А. 192
 Рахманинов Ф. И. 93
 Рачинский С. С. 164, 165
 Редкин П. Г. 11
 Рейсер С. А. 34, 42, 200, 202
 Роберти А. А. де 143, 183
 Ровинский П. А. 86, 87
 Розанова Л. А. 145, 147, 197, 213
 Розенгейм М. П. 87
 Розов Г. И. 44
 Ромапов Б. С. 211
 Ростопчина Е. П. 109—116
 Рубинштейн Н. Г. 142
 Рускин Л. см. Фирсов Н. Н.
 Ручкина А. И. 138
 Рыскин С. Ф. 145
 С. см. Минаев Д. Д.
 Сабуров С. 149, 177
 Савич А. Н. 18
 Савич (подпоручик) 154
 Сакс А. 169
 Салтыков-Щедрин М. Е. (псевд. — Н. Щедрин; наст. имя — М. Е. Салтыков) 4, 63, 65, 66, 69, 77, 78, 80, 89, 117, 150, 162, 180, 181, 198, 200
 Самарин Ю. Ф. 13, 15—18
 Самойлов В. В. 141
 Самойлович В. см. Соболева С. П.
 Санд Ж. (псевд.; наст. имя — А. Дюдеван) 14, 16, 104, 105
 Сараджев (врач) 170
 Саша см. Иванова А.
 Свиясов Е. В. 27
 Святослав (князь) 205
 Седельников Н. 145
 Сезневский П. И. 152, 153
 Селиверст (крестьянин) 165
 Семеновский Д. Н. 146, 147
 Сергеев (поручик) 154
 Сергей (крестьянин) 172
 Серно-Соловьевич Н. А. 122
 Сизяков М. И. 138
 Симановский С. А. 176, 177
 Синегуб С. С. 5, 6
 Скабичевский А. М. (псевд. — Заядлый читатель) 33, 35, 39—42, 89
 Скотов Н. Н. 69
 Скотбный поэт см. Жулев Г. Н.
 Слепцов В. А. 63
 Смайльс С. 82, 83
 Сметанин (пристав) 166
 Смирнов А. В. 137, 139
 Смирнов В. А. 151
 Смирнов В. Б. 11, 75, 78, 79
 Смирнов-Сокольский Н. П. 201
 Соболев А. П. 66
 Соболева С. П. (псевд. — В. Самойлович) 180, 181
 Соколов Н. И. 81
 Соколова Н. И. 63
 Соллогуб В. А. 16
 Солнышков Е. И. 165, 166, 168
 Солнышков К. Е. 166, 171, 172
 Соловьев А. К. 99
 Соловьев А. Н. (псевд. — Нелюдим) 147, 148
 Соловьев С. М. 18, 68
 Софронов Н. С. 136, 137
 Спиридонов В. С. 208
 Станицкий Н. см. Панаева (Головачева) А. Я.
 Станкевич А. В. 119
 Стародубский В. 87
 Стебницкий Н. С. см. Лесков Н. С.
 Степан см. Петров С. П.
 Степанов В. С. 149, 178
 Степанов Н. 172
 Степанов Н. Л. 206
 Степанова Г. В. 133, 135
 Сто один см. Галахов А. Д.
 Страхов Н. Н. 149, 150
 Строганов П. И. 177
 Строганов С. Г. 101
 Строев В. И. 43
 Строев В. М. 104
 Струговщиков А. Н. 11
 Суворин А. С. (псевд. — Незнакомец) 37, 38, 66, 69, 80, 81
 Сухов М. П. 149, 179, 180
 Сухово-Кобылин А. В. 119, 120
 Сырокомля В. (псевд.; наст. имя — Л. Кондратович) 59
 Сю Э. 97
 Тарасов А. Ф. 126, 127, 200
 Тарле Е. В. 27
 Твердохлебов И. Ю. 145, 199, 200, 206
 Теняков Н. А. 76
 Теплинский М. В. 77, 213
 Тиблен Н. Л. 122
 Тимашев А. Е. 19, 24, 25, 29, 30
 Тимофеев А. В. 95, 96
 Тимофеев А. Г. 144
 Тихонравов К. Н. 138
 Тишкин Г. А. 143
 Ткачев П. Н. (псевд. — Все тот же) 80, 81, 83
 Токвиль А. 56
 Толстой А. К. 32, 53
 Толстой Г. М. 85, 91, 92
 Толстой Л. Н. 62, 78, 83, 199
 Толстой Ф. М. 108
 Толстой Я. Н. 27
 Трефолев Л. Н. 90
 Троицкий В. Ю. 53
 Тур Е. (псевд.; наст. имя — Е. В. Салинас де Турнемир) (урожд. Сухово-Кобылина) 17, 56
 Тургенев И. С. 11—14, 16, 17, 24, 25, 63, 78, 81—83, 91, 94, 95, 109—112, 114, 120, 127, 135, 141—143, 165, 214
 Тынянов Ю. Н. 101
 Тютчев Ф. И. 23, 24, 28, 30, 31, 96, 109, 160
 Уваров С. С. 17, 185
 Улисс см. Михаловский Д. Л.
 Усов П. С. 159
 Успенский Г. И. 207
 Успенский Д. И. 42

- Успенский Н. В. 39, 91, 171
 Утилов (помещик) 154
 Утин Б. И. 141
- Фавр Н. И. 44
 Федор (Федя) см. Некрасов Ф. А.
 Федоров В. 163
 Федосов М. А. 136, 140
 Феокистов Е. М. 109
 Фермор В. Ф. 50
 Фермор М. Ф. см. Венецкая М. Ф.
 Фермор Н. Ф. 48—50
 Фермор П. Ф. 44, 48, 49
 Фермор Ф. Ф. 48, 49
 Ферт А. см. Боровиковский А. Л.
 Фет А. А. 150
 Фигнер Л. Н. 70
 Филарет (митрополит, в миру — В. М. Дроздов) 151, 153
 Флимонов Н. И. 49
 Фирсов Н. Н. (псевд. — Л. Рускин) 100
 Флерин Н. Ф. 87, 88
 Фрей Е. 36
- Хетагуров К. 145
 Хитров А. К. 44
 Хманов (купец) 169
 Хмелевская Е. М. 199
 Холшевников Н. В. 149, 180
- Царькова Т. С. 94
 Цветков Н. Д. 184
 Цебрикова М. К. (псевд. — Артемьева, Николаев, Николаева) 84, 149, 180, 181
 Циттен (граф) 152
- Чернышевский Н. Г. 3, 4, 7, 20, 32, 56—58, 77, 79, 86, 87, 92, 93, 122, 123, 125, 126, 128, 130, 132, 143, 159, 185, 198, 202—204, 214
 Чехов А. П. 207
 Чепихин-Ветринский В. Е. (псевд. — Ветринский; наст. имя — В. Е. Чепихин) 144
 Чижов Ф. В. 12
 Чуковская М. Б. 201
 Чуковский К. И. (псевд.; наст. имя — Н. В. Корнейчуков) 85, 107, 124, 127, 130—132, 197, 199—202, 206, 211
- Шауман П. И. 41, 42
 Шашков С. С. (псевд. — С. Ставрин) 80—83
 Шевченко Т. Г. 58, 59, 64, 82
 Шевырев С. П. 102, 106
 Шекспир У. 141, 142
 Шелгунов Н. В. (псевд. — Н. Языков) 83, 84
 Шеллер А. К. (псевд. — А. Михайлов) 76, 77
 Шереметьев С. С. 149, 181
 Шерстобитов К. И. см. Жемчужников Ал-др М.
 Шибанов П. П. 138
 Шлейден М. Я. 18
 Шлоссер И.-Ф. 122
 Шмитановский В. Я. 149, 182, 183
 Штигиц А. А. 172
 Шульгин И. 47
- Щебальский П. К. 65
 Щеглов И. (псевд.; наст. имя — И. Л. Леонтьев) 77
 Щедрин Н. см. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Щепкин М. С. 12, 13, 186
 Щербина Н. Ф. 102
 Щукин Н. С. 149, 183
- Эйдельман Н. Я. 25
 Эльзон М. Д. 141
 Энгельс Ф. 146
- Юрьев С. А. 65
 Юрьевы 163
 Юшков Н. Ф. (псевд. — Н. Катин) 91, 92, 93
- Языков Н. см. Шелгунов Н. В.
 Языков Н. М. 12
 Яков (крестьянин) 168
 Якушкин П. И. 60, 64
 Янковский Ю. 15
- Incognito см. Зарин Е. Ф.
 N. см. Кублицкий М. Е.
 NN. см. Васильев П. П.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА

- «Балет» 54, 55, 87
 «В. Г. Белинский» 92
 «Блажен незлобивый поэт» 109—111, 114, 115, 117
 «В больнице» 54, 82, 86
 «В деревне» 87
 «В дороге» 86, 87
 «В полном разгаре страда деревенская...» 87
 «В Сардинии» 94
 «Великодушный поступок» 44
 «Влас» 54, 66
 «Внимая ужасам войны...» 54
 «Всевышней волею Зевеса...» 128
 «Вчерашний день, часу в шестом...» 143
 «Газетная» 143
 «Горы» 96
 «Дедушка» 66, 147
 «Деревенские новости» 82, 151
 «Дешевая поучка» 87
 «Дружеская переписка Москвы с Петербургом» 133—135
 «Еду ли ночью по улице темной...» 54
 «Железная дорога» 143
 «Женщина, каких много» 94
 «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» 39, 45, 47, 48, 51, 97
 «Забывтая деревня» 86, 87
 «Зеленый шум» 54, 82
 «Землетрясение» 95
 «И он их не чуждался в годы оны...» 104
 «Изгнанник» 49
 «Истинная мудрость» 54
 «Как один господин приобрел себе за бесенок дом в полтораста тысяч (?)» 105, 106
 «Калистрат» 87
 «Княгиня Трубецкая» 131
 «Кольбельная песня» 143
 «Кому на Руси жить хорошо» 66, 79—81, 87, 89, 90, 91, 137, 145, 146
 «Коробейники» 54, 55, 82, 203
 «Крестьянские дети» 82
 «Мечты и звуки» (сборник) 36, 48, 49, 54, 95
 «Мороз, Красный нос» 54, 55, 61, 204
 «На скользком море жизни бурной... (В альбом Марии Фермор)» 49
 «Надрывается сердце от муки...» 87
 «Начало поэмы» 94
 «Необходимое объяснение» (колл.) 187
 «Несчастные» 131
 «Ночь» («Я не сплю, не сплю — не спится...») 86 (?)
 «Ночь» («Ночь. Успели мы всем насладиться...») 86 (?)
 «О Муза! я у двери гроба!...» 141, 144
 «Огородник» 116
 «Он у нас осьмое чудо...» 54
 «Орина, мать солдатская» 87
 «Офелия» 49
 «Очерки литературной жизни» 104, 105
 «Первый шаг в Европу» 96
 «Песни о свободном слове» 130
 «Петербургские углы» 114
 «По поводу „Нелитературного объяснения“» (колл.) 185
 «Портреты» 97
 «Поэт и гражданин» 54, 92
 «Прекрасная партия» 104
 «Притча» 129
 «Провинциальный подьячий опять в Петербурге. Беда неминуемая и радость могучая» 49
 «Пропала книга!» 87
 «Псовая охота» 94
 «Размышления у парадного подъезда» 87, 106, 122—132
 «Родина» 54, 109, 114
 «Русские женщины» 209
 «Рыцарь» 49
 «Рыцарь на час» 87
 «Сват и жених» 87
 «Секрет» 54
 «Сознание» («Праздник жизни, молодости годы...») 54
 «Суд» 96
 «Сцены из лирической комедии „Медвежья охота“» 130
 «Тишина» 66, 128
 «Тонкий человек, его приключения и наблюдения» 104
 «Три страны света» 39, 47, 48, 54, 85, 95
 «Тройка» 13, 54, 87, 116
 «Тургеневу» («Мы вышли вместе... Набум...») 143
 «Феда и Володя» 44, 50
 «Филантроп» 54, 87
 «Черты из характеристики петербургского народонаселения» 107
 «14 июня 1854 года» 96
 «Чиновник» 107, 108
 «Что думает старуха, когда ей не спится» 87
 «Школьник» 54, 59, 87
 «Эй, Иван!» 87
 «Юность Ломоносова» 44
 «Я посетил твое кладбище...» 94

СО Д Е Р Ж А Н И Е

I. СТАТЬИ

Базанов В. Г. Некрасов и русское освободительное движение	3
Кошелев В. А. Из истории полемики вокруг первых статей некрасовского «Современника»	7
Генералова Н. П. Из истории «Современника» 1859—1863 гг. («Свисток» в борьбе с царской цензурой)	19
Бессонов Б. Л. Некрасов и Г. Ф. Венецкий (предание и факты)	33
Горелов А. А. Некрасов и Н. С. Лесков	53
Краснов Г. В. Некрасов и А. Л. Боровиковский (к изучению «некрасовской школы»)	69
Смирнов В. Б. Проблема искренности и народности некрасовской поэзии в интерпретации журнала «Дело»	75
Бушканец Е. Г. Казанские литераторы-демократы 1870—1880-х гг. и наследие Некрасова	85

II. СООБЩЕНИЯ, ЗАМЕТКИ

Царькова Т. С. Некрасовские строки в литературном контексте эпохи . .	94
Некрасов и газета «Петербургский листок»	98
Мостовская Н. Н. Об одной пародии у Герцена и Некрасова	101
«Чиновник» (дополнение к комментарию)	107
Громов В. А. Стихотворение «Блажен незлобивый поэт...» в литературно-общественной борьбе 1850-х гг. (Некрасов и Е. П. Ростопчина)	109
Мельгунов Б. В. Об адресатах двух писем Некрасова к «неустановленным лицам»	119
Бессонов Б. Л. «Размышления у парадного подъезда» в контексте июльских событий 1862 г. (арест Н. Г. Чернышевского)	122
Мельгунов Б. В. О «Размышлениях у парадного подъезда» (текстологические заметки)	124
Степанова Г. В. Некрасов и Добролюбов. Из творческой истории «Дружеской переписки Москвы с Петербургом» (дополнение к комментарию)	133
Ерофеев Ю. Н. Кому было адресовано письмо Некрасова о «красных книжках»?	136
Эльзон М. Д. Неизвестное четверостишие Некрасова	141
Алексеева О. Б. Об одном подражании Некрасову	145

III. ПУБЛИКАЦИИ

Незданные письма к Некрасову. Публикация О. Б. Алексеевой и Р. В. Заборовой	149
«Объяснение по нелитературному делу» А. А. Краевского (1846). Публикация Б. В. Мельгунова	185
Евгеньев-Максимов В. Е. Из воспоминаний о блокадном Ленинграде. Публикация Т. С. Царьковой	193
Письма Н. Ф. Бельчикова и В. Е. Евгеньева-Максимова. Публикация З. Ф. Бельчиковой и Л. А. Розановой	197
Указатель имен	217
Указатель произведений Н. А. Некрасова	223